DK1
.K69

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ

3

СОДЕРЖАНИЕ

Дневники Сазонова 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Якушевичем. — Дневник Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. — Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене. — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — Из записной книжки архивиста: Завещание Николая I. — Письмо Гоголя к Белинскому. — Бальзак в России. — Письма Гете и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Доклады С. Д. Сазонова	3—28
Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил *И. А. Блинов.*	29—74
Дневник А. А. Половцева	75—172
Бакунин перед австрийским судом. Сообщил *В. П. Полонский*	173—198
М. А. Бакунин по отчетам III отделения. *Б. Пушкин*	199—206
К биографии Н. П. Огарева. *В. П. Алексеев.*	207—217
Из материалов о П. А. Лавровс.	218—222
А. И. Герцен и цензура в 1890-х годах. *А. С. Николаев*	223—228
Прокламация Н. В. Шелгунова. С приложением 2 снимков. *Б. Козьмин*	229—239
„Причина пожаров".	240—242
Неизданные письма С. Л. Перовской. *Р. М. Кантор*	243—250
Из воспоминаний А. Г. Достоевской	251—290
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.	
Завещание Николая I сыну. *Вл. И. Пичета*	291—293
III отделение и Крымская война. *А. А. Сергеев*	293—294
К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. *Б. Козьмин*	294—298
К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских. *А. А. Сергеев*	298
К Каракозовскому процессу. *К. Виноградов*	299—301
Судьба одной пародии Достоевского. *Ю. Г. Оксман*	301—303
Бальзак в России. *М. П. Алексеев*	303
Письма В. Гёте. *В. Нечаева*	307
Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. С приложением 3 снимков. *Р. Кантор*	309
ВМЕСТО БИБЛИОГРАФИИ. Зарубежное издание писем быв. имп. Александры Федоровны. *А. А. Сергеев*	313
ПРИМЕЧАНИЯ к статьям: 1) Доклады С. Д. Сазонова; 2) Дневник А. А. Половцева; 3) Бакунин по отчетам III отделения	318

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

Том третий

1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4085. Главлит. № 6575. Москва. Напеч. 6.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ДОКЛАДЫ С. Д. САЗОНОВА

C.S.
Hoov.
10-3-79
19607

Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову.

1910—1912 г.г.

I.

На подлиннике пометка синим карандашом рукою Николая II:

«Я считаю результат этих бесед весьма удовлетворительным».
Царское Село. 4-го ноября 1910 [2]).

Приемлю смелость повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества краткое изложение содержания моих бесед с императором Вильгельмом и германскими государственными деятелями во время свидания вашего величества с германским императором в Потсдаме в минувшем октябре.

Сазонов.

С.-Петербург. 4-го ноября 1910 года.

Когда я имел честь беседовать с императором Вильгельмом в Потсдаме, его величество затронул несколько политических вопросов первостепенной важности.

Наиболее интересною частью моих бесед с императором был обмен мыслей по вопросам о панисламизме и о развитии германских морских сил. По первому из них я постарался обратить внимание его величества на опасное с точки зрения интересов России развитие панисламистской пропаганды, идущей из Константинополя и захватывающей постепенно все страны, в которых имеется мусульманское население. Пока, сказал я императору, пропаганда эта оставалась исключительно на религиозной почве, т.-е. служила проявлением лишь ду-

---

[1]) Публикуемые ниже всеподданнейшие доклады быв. министра иностранных дел С. Д. Сазонова взяты из «Секретного архива министра», хранящегося во II Отделении Госархива Р. С. Ф. С. Р.

В настоящем номере печатаются три доклада Сазонова за 1910—1912 г.г. с приложениями. Доклад о переговорах с французским председателем Совета министров Пуанкаре, которые велись в Петрограде в августе 1912 г., не печатается, так как он уже опубликован в «Материалах по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г.г.» изд. Н.К.И.Д. 1922 г., стр. 255.

[2]) Дата поставлена рукою С. Д. Сазонова.

ховной идеи халифата, мы могли относиться к ней без особой тревоги, ввиду вероисповедной свободы, предоставляемой нашим законодательством мусульманским подданным государя императора; но с тех пор, как пропаганда панисламизма приняла характер политический, не лишенный революционной окраски, отношение наше к ней должно было измениться. Я считаю долгом вполне откровенно высказать его величеству, что выступление его в роли покровителя мусульман не может не быть истолковано последними, как поощрение к дальнейшей агитации, и внушает нам поэтому не мало беспокойства. Появление нового халифата—«Берлинского»—заметил я, не может не беспокоить России, насчитывающей свыше 20 миллионов мусульманских подданных. Рассмеявшись этому замечанию, император ответил мне, что «Берлинский» халифат не существует и потому не представляет ни для кого опасности. Его величество добавил, что он говорил по этому поводу с государем императором, при чем дал его величеству самые успокоительные заверения относительно роли Германии в наблюдаемом в наше время панисламистском движении. Заверения эти он готов повторить и мне и просит меня отнестись к ним с полным доверием.

Затем разговор наш коснулся еще нескольких политических вопросов, в том числе опасной для общественного мира и для неприкосновенности монархического принципа деятельности масонских лож, и перешел вскоре к морским вооружениям Англии и Германии. По этому поводу император выказал не мало раздражения против английского правительства, обвиняя его в тайных замыслах против Германии, по отношению к которой оно будто бы не прочь действовать так же предательски, как оно поступило некогда с Нидерландами и, в начале XIX столетия, с Данией, разрушив посредством внезапного нападения ее флот.—Вот этой опасности,—сказал император,—я старался избегнуть всеми силами, и мне кажется, что созданный мною флот настолько могуществен, что его не может постигнуть участь датского флота. Отсюда, — добавил его величество, — и гнев англичан на меня и на мое правительство.—Заслуживает внимания сделанное императором Вильгельмом в заключение нашей беседы замечание, что он никогда не допустит, чтобы то взаимоотношение морских сил Германии и Англии, которое установлено германским законом о судостроении, потерпело малейшее изменение к невыгоде Германии. Если,—сказал император,—по завершении нашей строительной программы в 1912 году, Англия будет продолжать увеличивать свои морские силы, то и нам придется сделать то же, и я уверяю вас, что мы от Англии не отстанем.

При первом моем разговоре с германским статс-секретарем по иностранным делам, г. фон Кидерлен-Вехтер коснулся наших отношений к Австро-Венгрии, спросив меня, в каком они в настоящую минуту положении. Я ответил, что, отправляясь в Берлин, я не имел в виду обсуждать этот вопрос, но что, раз он его затрагивает, я могу сказать ему лишь следующее. При возобновлении нормальных дипломатических отношений с Австриею минувшей зимой, мы установили ту общую почву, на которую нам обоим надлежало стать для сохранения мира на Балканском полуострове. Австрийское правительство, хотя

и отказалось придать нашему принципиальному заявлению предложенную нами широкую гласность, тем не менее приняло формулированные нами основные начала балканской политики, что было подтверждено графом Эренталем в недавней его речи при собрании делегаций. По моему мнению, пока Австрия не сойдет с означенной почвы, ничто не будет угрожать европейскому миру. Если бы однако, сказал я, интересы последнего потребовали тем не менее более доверчивых сношений между Россией и Австро-Венгрией, и если бы, ввиду недавнего прошлого, это не оказалось возможным, то русское правительство не отказалось бы договориться с Веной при посредстве германских государственных людей, на долю которых выпала бы в таком случае роль связующего нас звена. Г. фон Кидерлен-Вехтер ответил, что Германия не откажется от подобной роли и что Россия может вполне рассчитывать на ее искреннее и бескорыстное содействие в деле охранения мира, нужного всем в одинаковой мере.

При свидании моем на следующий день с германским канцлером, г. фон Бетманн-Гольвег коснулся того же вопроса, при чем он не ограничился сделанными мне статс-секретарем по иностранным делам заявлениями, а по собственному почину сказал, что, если бы Австро-Венгрия не осталась верна высказанным графом Эренталем принципам и обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной к тому никаким договором и не склонной к подобной политике в силу собственных своих интересов. Я сказал канцлеру, что придаю большое значение сделанному им мне заявлению, о котором доведу безотлагательно до высочайшего сведения государя императора, на что канцлер ответил, что последнее вполне отвечает его намерениям и что он будет весьма признателен мне за это.

Во время Потсдамского свидания был также затронут персидский вопрос, хотя и в общих лишь чертах и только по отношению к русской сфере влияния. Руководители германской политики вновь подтвердили при этом, что Германия не преследует в Персии никаких политических целей и готова не домогаться для себя в нашей зоне каких-либо концессий территориального характера и что она стремится лишь к обеспечению германским произведениям свободного доступа на персидские рынки. Со своей стороны, я подтвердил, что мы не намерены отступать от провозглашенного англо-русским соглашением 1907 года принципа открытых дверей и стеснять в чем-либо германскую торговлю в Персии.

Что касается железно-дорожного вопроса, то я указал на невозможность в настоящее время, при существующих в Персии условиях, высказываться определенно на этот счет, ввиду трудности найти нужные для сего капиталы, разрешить неизбежный при этом вопрос о гарантиях и т. д. Но я добавил, что в случае постройки нами сети северных персидских железных дорог, мы готовы пойти навстречу германским пожеланиям и сомкнуть таковую с будущею Багдадскою дорогою в намеченном немцами пункте, а именно, в Ханекине, и притом с обязательством не устанавливать на Ханекин-Тегеранской линии

никаких стеснительных для германских товаров условий, как-то: дифференциальных тарифов, таможенных затруднений и т. п. Взамен этого мы желали бы, однако, чтобы Германия формально обязалась не строить никаких других линий от Багдадской магистрали по направлению к русской и персидской границам к северу от Ханекина и не поддерживать других лиц в подобных предприятиях, ввиду крайне вредного значения, которое таковые линии имели бы для нас не только с экономической, но и со стратегической точек зрения. На это условие руководителями германской политики было изъявлено полное согласие.

Вопрос о Багдадской железной дороге сам по себе не был прямо поставлен на очередь. Тем не менее я счел нужным установить, что в случае раздела этой линии на участки между заинтересованными державами, мы не могли бы остаться с пустыми руками и желали бы, в таком случае, получить в свое ведение участок Багдад—Ханекин. Это заявление мое также не встретило возражений.

В отношении турецких захватов в пограничной турецко-персидской полосе мне были даны самые положительные заверения, что Германия в этом деле не при чем и отнюдь не намерена поощрять турок или поддерживать их домогательства. В частности, относительно заявления, сделанного в прошлом году оттоманским министром иностранных дел нашему послу в Константинополе, что турецкие войска были, будто бы, двинуты в Урмию по просьбе германского правительства для защиты германской миссионерской школы в этой местности, г. фон Кидерлен-Вехтер самым решительным образом отрицал справедливость этого, прибавив, что к тому же в Урмии даже нет никакой германской школы.

Сазонов.

Приложение к докладу С. Д. Сазонова от 4 ноября 1910 г.[1]).

Германские предложения, изложенные в прилагаемых двух записках, врученных мне германским послом, графом Пурталесом, вскоре по возвращении моем из Потсдама, после свидания государя императора с императором Вильгельмом, были доложены мною его величеству и затем отклонены мною устно при свидании с графом Пурталесом 28-го ноября 1910 года.

С. Сазонов.

1-го декабря 1910 г.

Le Gouvernement Impérial d'Allemagne, qui a reçu de la part du Gouvernement Imperial et Royal d'Autriche-Hongrie les assurances les plus nettes que celui-ci n'a pas l'intention de suivre, en Orient, une politique expansive, déclare qu'il n'a pris aucun engagement et n'a non plus l'intention de soutenir une pareille politique, qui pourrait être suivie par l'Autriche-Hongrie.

Le Gouvernement Impérial de Russie déclare qu'il ne s'est pas engagé et qu'il n'a pas l'intention d'appuyer une politique hostile à l'Allemagne que pourrait suivre l'Angleterre.

Les deux Gouvernements sont d'accord dans le désir de maintenir, sur les Balcans, autant que possible le statu quo et de contribuer de leur mieux à son maintien. Si, malgré leurs efforts pour lesquels ils tâcheront de gagner leurs alliés réciproques, un conflit devait surgir sur les Balcans, les deux Gouvernements feront leur possible pour localiser le conflit et se mettront, après entente préalable entre eux, en relations avec leurs alliés réciproques pour aviser aux mesures à prendre pour empêcher une conflagration générale.

Les deux Gouvernements sont d'accord dans l'idée que pour le maintien du statu quo et de la tranquilité sur les Balcans est nécessaire d'un côté, le developpement pacifique des États balcaniques libérés par la Russie et, d'autre part, le soutien, par les Puissances, d'un gouvernement stable et solide en Turquie assez fort pour garantir l'ordre à l'intérieur et sur ses frontières. Aucun des deux Gouvernements favorisera une politique aggressive ni de la part de la Turquie ni de la part des États balcaniques.

---

[1]) Подлинник написан рукою С. Д. Сазонова. Заглавие принадлежит редакции.

Vu l'intérêt commun qu'ont les deux Gouvernements à voir maintenue l'intégrité de la Perse et le rétablissement de l'ordre dans ce pays, ils s'engagent à ne pas favoriser des intentions de conquête sur ce pays de la part d'aucune Puissance et notamment de la Turquie.

Перевод.

Получив от императорского и королевского правительства Австро-Венгрии вполне определенные заверения в том, что оно не намерено проводить на Ближнем Востоке политики экспансии, императорское правительство Германии заявляет, что оно не принимало на себя никаких обязательств и не намерено поддерживать подобную политику, в случае, если бы Австро-Венгрия таковой придерживалась.

Императорское Российское правительство заявляет, что оно не принимало на себя никаких обязательств и не имеет намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике, в случае, если бы таковой придерживалась Англия.

Оба правительства находятся в полном согласии, желая, насколько возможно, сохранить statu quo на Балканах и способствовать, по мере сил, его поддержанию. Если бы, несмотря на их усилия, к которым каждое из них постарается привлечь и своих союзников, на Балканах возник конфликт, оба правительства сделают все возможное для локализации конфликта и, по предварительном между собой соглашении, войдут в сношения со своими союзниками в целях выработки мер к предотвращению всеобщего пожара.

Оба правительства согласны с тем, что для поддержания statu quo и спокойствия на Балканах необходимо, с одной стороны, мирное развитие освобожденных Россией балканских государств, с другой—оказание державами поддержки устойчивому и прочному правительству в Турции, достаточно сильному для того, чтобы обеспечить порядок внутри страны и на границах ее. Ни одно из правительств не будет поощрять агрессивной политики ни со стороны Турции, ни со стороны балканских государств.

Ввиду того, что оба государства заинтересованы в сохранении неприкосновенности Персии и в восстановлении порядка в этой стране, они обязуются не поощрять завоевательных стремлений в этой стране со стороны какой бы то ни было державы и особенно со стороны Турции.

Les Gouvernements Russe et Allemand, partant du principe de l'égalité de traitement pour le commerce de toutes les nations en Perse;

considérant, d'une part, que la Russie possède dans ce pays des intérêts spéciaux et que, d'autre part, l' Allemagne n'y poursuit que des buts commerciaux;

se sont mis d'accord sur points suivants:

Article I.

Le Gouvernement Imperial d'Allemagne déclare qu'il n'a pas l'intention de rechercher pour lui-même ou d'appuyer en faveur de ressortis-

sants allemands ou de sujets étrangers,—au nord d'une ligne partant de Kasri-Chirin, passant par Isfahan, Iezd et Khakh—et aboutissant à la frontière afghane à la latitude de Ghazik,—de concessions de chemins de fer, de routes, de navigation et de télégraphes.

Article II.

De son côté, le Gouvernement Russe, ayant en vue d'obtenir du Gouvernement Persan une concession pour la création d'un réseau de voies ferrées dans le nord de la Perse s'engage à demander, entre autres, une concession pour la construction d'une voie qui doit partir de Téhéran et aboutir à Khanékine pour raccorder sur la frontière turco-persane ledit réseau à la ligne Sadidjé-Khanékine, dès que cet embranchement du chemin de fer Koniah-Bagdad aura été achevé. Une fois cette concession obtenue, les travaux de construction de ladite ligne devront être commencés dans deux ans au plus tard après l'achèvement de l'embranchement Sadidjé-Khanékine et terminés dans le courant de quatre années. Le Gouvernement Russe se réserve de fixer en son temps le tracé définitif de la ligne en question, tout en tenant compte des desiderata du Gouvernement Allemand à ce sujet. Les deux Gouvernements faciliteront le trafic international sur la ligne Khanékine-Téhéran ainsi que sur celle de Khanékine à Bagdad en évitant toutes mèsures qui pourraient l'entraver telles que l'établissement de droits de transit ou l'application d'un traitement différentiel. Si au bout de deux années à partir du moment ou l'embranchement Sadidjé-Khanékine du chemin de fer Koniah-Bagdad aura été achevé il n'est pas procédé à la construction de la ligne Khanékine-Téhéran, le Gouvernement Russe avisera le Gouvernement Allemand qu'il renonce à la concession se rapportant à cette dernière ligne. Le Gouvernement Allemand sera libre dans ce cas de rechercher de son côté cette concession.

Article III.

Reconnaissant l'importance générale qu'aurait pour le commerce international la réalisation du chemin de fer de Bagdad, le Gouvernement Russe s'engage à ne pas prendre de mesures visant à en entraver la construction ou à empêcher la participation de capitaux étrangers à cette entreprise, à condition, bien entendu, que cela n'entraîne pour la Russie aucun sacrifice de nature pécuniaire ou économique.

Article IV.

Le Gouvernement Russe se réserve le droit de confier l'exécution du projet de la ligne de chemin de fer reliant son réseau en Perse à la ligne Sadidjé-Khanékine à un groupe financier étranger à son choix, au lieu de la faire construire lui-même.

Article V.

Indépendamment de la manière dont la construction de la ligne en question sera effectuée, le Gouvernement Russe se réserve le droit à toute participation aux travaux qu'il pourrait désirer ainsi que celui d'entrer en possession dudit chemin de fer au prix des frais réels encourus par le constructeur. Les Hautes Parties Contractantes s'engagent en outre à se faire participer mutuellement à tous les privilèges de tarifs ou d'autre nature que l'une d'elles pourrait obtenir à l'égard de cette ligne.

Dans tous les cas les autres stipulations du présent arrangement resteront en vigueur.

— St. Pétersbourg. le 6/19 Août 1911.

Перевод.

Правительства России и Германии, исходя из принципа равного режима торговли для всех наций в Персии;

принимая во внимание, с одной стороны, что у России имеются в этой стране специальные интересы, и что, с другой стороны, Германия преследует там только коммерческие цели,

пришли к соглашению по следующим пунктам:

Статья I.

Императорское правительство Германии заявляет, что оно не имеет намерения добиваться концессий железнодорожных, шоссейных, водных или телеграфных или поддерживать в этом направлении притязания германских или иностранных подданных,—в районе к северу от линии, идущей от Казри-Ширина, проходящей через Исфаган, Иезед и Ках и достигающей афганской границы на широте Гезика.

Статья II.

С своей стороны, российское правительство, имея ввиду получить от персидского правительства концессию на сооружения сети железных дорог в северной Персии, обязуется ходатайствовать, между прочим, о предоставлении концессии на постройку пути, который должен пройти от Тегерана до Ханекина, в целях соединения на турецко-персидской границе вышепоименованной сети с линией Садиджэ-Ханекин, как только эта ветвь железной дороги Кониа-Багдад будет готова. Как эта концессия будет получена, работы по сооружению вышепоименованной линии должны быть начаты не долее, как через два года по окончании ветки Садиджэ-Ханекин и окончены в течение четырех лет. Российское правительство сохраняет за собой право окончательно установить в свое время путь, по которому пройдет вышесказанная линия, принимая, однако, во внимание пожелания германского правительства в этом вопросе.

Оба правительства будут облегчать условия международного товарного движения по линиям Ханекин-Тегеран и Ханекин-Багдад, избегая всех мер, которые могли бы его затруднять, как установления транзитных пошлин или применения дифференциального режима. Если через два года после того, как будет окончена постройка ветки Садиджэ-Ханекин железной дороги Конна-Багдад, не будет приступлено к сооружению линии Ханекин-Тегеран, российское правительство поставит в известность германское правительство о том, что оно отказывается от концессии на последнюю линию. В таком случае германское правительство будет в праве, с своей стороны, добиваться этой концессии.

Статья III.

Признавая важное значение вообще для международной торговли сооружения Багдадской железной дороги, российское правительство обязуется не принимать никаких мер, имеющих целью затруднить ее постройку или препятствовать иностранным капиталам принимать участие в этом предприятии, при условии, конечно, чтобы это не было сопряжено для России с какими-либо денежными или экономическими жертвами.

Статья IV.

Российское правительство сохраняет за собой право поручить выполнение проекта железно-дорожной линии, соединяющей его сеть в Персии с линией Садиджэ-Ханекин группе иностранных финансистов по своему выбору, вместо того, чтобы лично строить ее самому.

Статья V.

Независимо от того, каким способом будет осуществляться постройка вышесказанной железной дороги, российское правительство сохраняет за собой право на участие в работах в той мере, в какой оно этого пожелает, а также и на то, чтобы стать владельцем этой железной дороги по оплате действительных расходов, произведенных строителем. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются сверх того добиваться предоставления друг другу всех тарифных и всяких других преимуществ, которые одна из них могла бы получить на этой линии.

Во всяком случае другие условия этого соглашения останутся в силе.

С.-Петербург. 6/19 августа 1911.

II [1]).

Приемлю смелость представить у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение отчет о моих объяснениях по текущим политическим вопросам с императором германским и имперским канцлером во время только что состоявшегося свидания вашего императорского величества с императором Вильгельмом на рейде Балтийского Порта.

Сазонов.

С.-Петербург, 25 июня 1912 года.

В моих беседах с императором германским и с имперским канцлером, во время их пребывания на рейде Балтийского Порта, были затронуты главные стоящие на очереди политические вопросы, при чем я вынес из этих объяснений вполне благоприятные впечатления о настроении и намерениях высших руководителей политики Германии.

Подчеркнув свое искреннее желание содействовать укреплению традиционных добрых отношений между обоими соседними империями, император и канцлер настаивали на значении таких отношений как для процветания обеих стран, так и для обеспечения мира в Европе.

При этом г. фон Бетман-Гольльвег самым положительным образом заявил мне, что, признавая пользу, которую принесли, с точки зрения поддержания мира, существующие международные сочетания, Германия нисколько не стремится внести в них какие-либо изменения в смысле отторжения какой-либо державы от той группы, к которой она примкнула в силу исторически сложившихся обстоятельств. Германия, по словам канцлера, стремится лишь к тому, чтобы узы, связывающие державы с одними государствами, не препятствовали поддержанию хороших отношений и с другими, входящими в состав иных международных групп. Но, допуская, что существующие сочетания, уже испытанные на деле, вполне соответствуют требованиям настоящего времени и потому не вызывают необходимости в изменениях, г. фон Бетман-Гольльвег считает желательным избегать всего, что, подчеркивая внешним образом нынешнее распределение великих европейских держав по разным группам, могло бы быть истолковано, как отказ наперед от всякой возможности перегруппи-

[1]) На подлиннике имеется условная собственноручная отметка-знак Николая Романова, свидетельствующая о том, что эти документы были представлены ему лично на просмотр.

ровки, даже если бы в будущем новые обстоятельства потребовали пересмотра нынешних соотношений.

Император и его канцлер оба неоднократно указывали, что в настоящую минуту мир необходим Германии для закрепления счастливых результатов, достигнутых за последние десятилетия быстрым развитием ее промышленности и общим подъемом ее экономического благосостояния.

По этому поводу я сказал канцлеру, что, не сомневаясь в миролюбии германского правительства, я желал бы знать, готово ли оно также воздействовать в этом смысле и там, где оно может, дабы не быть вовлеченным в международные столкновения вопреки своему миролюбию. В частности я спросил своего собеседника, намерен ли берлинский кабинет использовать свое влияние в Вене в видах удержания Австрии, в случае, если бы она оказалась склонной к поступательному движению на балканский полуостров.

Г. фон Бетман-Гольльвег, не колеблясь, ответил мне утвердительно и сказал, что в этом отношении он может положительно подтвердить заверения, данные мне в Потсдаме. С своей стороны, он выразил надежду, что и мы будем попрежнему умерять нетерпеливые вожделения малых славянских государств, продолжая преподавать советы благоразумия, особенно в Софии.

Относительно итало-турецкой войны [1]), вопреки обнаруженным в Париже и Лондоне опасениям, с германской стороны нам не было сделано никаких предложений касательно способов прекращения этой войны. Ограничившись указанием на вред, причиняемый войною германской торговле, и на опасности, связанные с затяжным характером итало-турецкого столкновения, канцлер выразил мне удовольствие по поводу сделанной императорским правительством попытки примирить враждующих при содействии всех остальных европейских великих держав и сказал мне, что новый почин с нашей стороны в этом направлении встретит сочувствие Германии.

Не могу, тем не менее, не отметить, что из объяснений по этому вопросу я вынес впечатление, что если германское правительство при случае и не откажется участвовать в общем выступлении держав в видах прекращения означенной войны, в Берлине все же предпочли бы, чтобы мир был достигнут путем непосредственных переговоров между воюющими без постороннего вмешательства.

В связи с этим предметом, я обратил внимание имперского канцлера на неизбежность для держав в свое время высказаться по вопросу о занятых ныне Италией островах Архипелага, предоставить которые своей судьбе по возвращении их Турции, очевидно, невозможно. При этом я указал, что этот вопрос имеет, несомненно, обще-европейское значение, и что по этому Германии на этот раз нельзя будет уклониться от совместного с другими державами его

---

[1]) 1911—1912 г. из-за Триполитании. Договор о мире подписан 18 октября 1912 года в Лозанне.

обсуждения, подобно тому, как она до сих пор уклоняется от участия в разрешении Критского вопроса. Г. фон Бетман-Гольльвег против этого ничего не возразил.

Мною был также затронут вопрос об англо-германских отношениях и о сделанных за последнее время с обеих сторон попытках улучшить таковые. Отозвавшись с большой похвалою о лорде Холдене, канцлер отметил, что отношения между названными государствами в настоящее время стали менее натянутыми, но сознался, что в этой области остается сделать еще многое для достижения более осязательных результатов.

По поводу китайского займа выяснилось некоторое различие в понимании этого вопроса германскими правящими кругами и нами. Различие это, естественно, вытекает из различия исходных точек, определяющих наше отношение к рассматриваемому предмету. Видя в Китае прежде всего обширный рынок для сбыта своих товаров, Германия, очевидно, заинтересована в поддержании покупной способности этого рынка и опасается возможного распадения Китая с вероятными последствиями такого оборота дела. В зависимости от этого в Берлине желают скорейшего осуществления крупного займа, который позволил бы Китаю выйти из нынешних затруднений.

Напротив, Россия, в качестве государства сопредельного, притом с недостаточно защищенной, длинною границей, как известно, не может желать усиления своего соседа, а потому могла бы спокойно отнестись к крушению предположенного китайского займа и даже к упомянутому распадению нынешнего Китая. Это было мною подробно разъяснено императору Вильгельму и г-ну фон Бетман-Гольльвег.

Заговорив о Китае, император Вильгельм стал было развивать мне свое мнение о желательности для России содействовать усилению Китая с тем, чтобы, освободив его этим путем от японского влияния, создать из него впоследствии оплот против возможных недружелюбных замыслов Японии против нас. Но я указал его величеству на опасность для нас итти по этому направлению, ибо ничто не обеспечивало бы нас, что возрожденный и сильный Китай обратится именно против Японии, а не наоборот, вместе с последней против России.

Что касается проливов, Багдадской железной дороги и Персии, то ни один из этих вопросов затронут не был. Между нами также не было заключено, ни даже подготовлено, никакого особого соглашения по какому-либо отдельному предмету.

Таким образом, укрепив наши добрые отношения с берлинским кабинетом, состоявшееся в Балтийском Порте свидание вместе с тем ничего не изменило в наших отношениях к другим державам и не могло подать ни малейшего основания к ревнивому беспокойству ни в Париже, ни в Лондоне.

III [1])

1912. IX [2]).

Последовав с высочайшего соизволения вашего императорского величества приглашению английского короля, я отправился 5 сего сентября в замок Бальморалъ, куда одновременно со мною прибыл статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдвард Грей.

Почитаю своим долгом прежде всего доложить вашему императорскому величеству о том необыкновенно радушном приеме, который королю Георгу V угодно было оказать в моем лице представителю русского правительства. В самый день моего приезда, в беседе, продолжавшейся свыше часа, его величество коснулся всех вопросов, затрагивающих политические интересы России и Англии и составивших затем предмет моих переговоров с сэром Э. Греем.

При этом король в столь же решительных выражениях, как и его министр, настаивал на своем искреннем расположении к России и твердом желании поддерживать между нею и Англиею самые близкие отношения, основанные на взаимном доверии и понимании обоюдных интересов.

Не переставая высказываться в том же смысле за все время моего пребывания в Бальморале, его величество еще раз подтвердил мне эти чувства при прощании со мною в день отъезда. При этом он поручил мне передать вашему императорскому величеству, вместе со своим сердечным приветом, уверения в его готовности всеми силами действовать в полном согласии с вами, государь, где этого потребуют интересы России и Англии.

Для характеристики вообще встреченного мною в Англии настроения к России я должен упомянуть, что одновременно со мною в Бальморале в течение нескольких дней гостил и лидер оппозиции, г. Бонар Ло, которому я, между прочим, выразил удовлетворение по поводу речи, произнесенной им в палате минувшей весной и где, от имени оппозиции, он одобрял политику сэра Э. Грея в смысле более тесного сближения с Россией. Бонар Ло, в присутствии Грея, подтвердил мне означенные слова и даже заявил, что это единственный вопрос, по которому между консерваторами и либералами в Англии нет никакого разногласия.

Пользуясь этою благоприятною обстановкою, я счел полезным в одной из моих бесед с Греем, между прочим, осведомиться о том,

---

[1]) На подлинном условная пометка - знак. Н. Романова.

[2]) Дата поставлена карандашом.

чего мы могли бы ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией, и мне представляются весьма знаменательными слова, которые мне довелось услышать по этому поводу как от ответственного руководителя английской внешней политики, так затем и из уст самого короля Георга.

Вашему императорскому величеству известно, что во время своего пребывания минувшим летом в С.-Петербурге, г. Пуанкаре высказал мне пожелание выяснить, насколько мы можем рассчитывать на помощь английского флота в случае такой войны.

Доверительно посвятив Грея в сущность нашего морского соглашения с Францией и указав на то, что, в силу заключенного договора, французский флот будет стремиться обеспечить наши интересы на южном театре войны, препятствуя австрийскому флоту прорваться в Черное море,—я спросил статс-секретаря, не может ли Англия, в свою очередь, оказать нам одинаковую услугу на севере, оттянув германские эскадры от нашего побережья в Балтийском море.

Грей не колеблясь заявил, что, если бы наступили предусматриваемые мною обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. В подлежащих ведомствах уже обсуждался вопрос о военных действиях в Балтийском море, но при этом выяснилось, что если английскому флоту и не трудно было бы проникнуть в Балтийское море, то его нахождение там было бы сопряжено с значительной опасностью, так как ввиду возможности для Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт, он мог бы оказаться запертым, как в мышеловке. Поэтому Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море.

По этому поводу Грей, по собственному почину, подтвердил мне то, что я уже знал от Пуанкаре, а именно существование между Францией и Великобританией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше путем высадки войска на материке.

Коснувшись того же вопроса в одном из разговоров со мною, король высказался еще более решительно, чем его министр, и с видимым раздражением упомянув о стремлении Германии сравняться с Великобританией в отношении морских сил, его величество воскликнул, что, в случае столкновения, последнее должно будет иметь роковые последствия не только для германского военного флота, но и для немецкой морской торговли, ибо англичане пустят ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется им в руки.(«We shall sink every single German merchant ship we chall get hold of»).

Последние слова, повидимому, отражают в себе не только личные чувства его величества, но и господствующее в Англии настроение по отношению к Германии. По этому поводу не могу не упомянуть, что как раз во время моего пребывания в Бальморале, получено было известие о неожиданной смерти недавно назначенного в Лондон германского посла, барона Маршаль фон Биберштейн. Покойный был

слишком крупной личностью и его назначение в Лондон вызвало в свое время слишком много толков, чтобы его кончина не произвела в Англии большого впечатления. При этом, однако, следует заметить, что возлагавшимся в Германии на его миссию надеждам в смысле сближения с Англией и привлечения последней на сторону тройственного союза едва ли суждено было оправдаться. Он пока успел только приступить к новой деятельности, но первые шаги его по отзывам всех, с кем мне пришлось об этом говорить, были, повидимому, не особенно удачными. Его слишком настойчивые заверения об отсутствии у Германии враждебных замыслов против Англии и о том, что флот строится Германией не для борьбы с Великобританией,—вместо того, чтобы вносить успокоение, только раздражали англичан. Прожив долго на Востоке, барон Маршаль за короткое свое пребывание в Лондоне еще не успел приспособиться к новым условиям деятельности. Но главная причина его неудачи в Англии заключается в том, что в настоящее время едва ли возможно найти необходимую почву для сближения между обоими соперничающими государствами.

Из отдельных вопросов, составивших предмет ежедневных продолжительных моих совещаний с Греем, первое место принадлежит персидским делам, как входящим в ту политическую область, где интересы России и Англии наиболее непосредственно соприкасаются.

Я обратил внимание статс-секретаря на крайнюю неудовлетворительность положения вещей в Персии и на неустойчивость внутреннего порядка, при чем и то и другое должно быть приписано отсутствию всякой личной власти без которой страна, стоящая на уровне развития современной Персии, не может обойтись. Я высказал мнение, что ближайшей задачей России и Англии является именно создание такой власти. Грей в принципе согласился со мной, но повторил мне уже неоднократно сделанные им заявления о неприемлемости для Англии осуществления этой задачи путем восстановления на престоле Мохамеда-Али. Ввиду такого непримиримого отношения великобританского правительства к бывшему шаху, я предложил во всяком случае не настаивать на возвращении в Персию оказавшегося слабым Наср-уд-Мулька, который, повидимому, сам желал бы уклониться от непосильного ему бремени правления,—а поручить регентство другому лицу, например, бывшему министру иностранных дел Саад-уд-Довле, в свое время показавшему себя человеком с твердой волей и решительным. Грей сначала было возразил, что названный персидский сановник известен своим лихоимством, но затем он примкнул к выраженной мною мысли о назначении Саад-уд-Довле регентом.

Я указал моему собеседнику, что каковы бы ни были личные качества правителя, он не будет в состоянии ничего сделать, если будет лишен материальных средств, безусловно необходимых для выполнения поставленной ему задачи водворения порядка в стране. Серьезная преобразовательная работа требует не мало денег, а потому небольшие частичные авансы являются недостаточными и ну-

жно облегчить Персии заключение крупного займа в 5 или 6 миллионов фунтов стерлингов.

Не возражая против приведенных мною доводов, Грей высказался за то, чтобы русское и великобританское правительства, не принимая на себя каких-либо обязательств по обеспечению займа, оказали банкам, которые согласны ссудить Персию деньгами, возможную дипломатическую поддержку. Предвидя, однако, что банки, может быть, не решатся выдать крупные суммы, пока порядок в Персии не будет до известной степени восстановлен, Грей считал бы полезным, чтобы оба правительства дали нужные для образования жандармерии деньги, которые затем были бы им возвращены из последующего займа.

По поводу трансперсидской железной дороги Грей сказал мне, что, хотя в Англии еще довольно широко распространено убеждение в необходимости сохранения за Индией как бы «островного» положения, сам он не верит в возможность оставить вполне неприкосновенным нынешнюю ее недоступность и признает неизбежность со временем согласиться на смычку индийской железно-дорожной сети с европейской.

Я разъяснил Грею, что русское правительство вполне предоставляет великобританскому решить, когда, по его мнению, наступит удобный момент для подобного соединения, но считает неотложным достигнуть теперь же соглашения относительно получения Россиею и Англией от персидского правительства концессии на всю трансперсидскую линию, с тем, чтобы каждое из названных государств воспользовалось в пределах своей зоны полученной концессией по собственному усмотрению. Таким образом можно было бы приступить к постройке северного участка от нашей границы до Тегерана независимо от того, когда будет строиться южный участок в английской зоне.

Грей вполне согласился на такую постановку вопроса, и это позволило мне войти в более подробное обсуждение его как с бывшим тут же, в Бальморале, лордом Ревельсток, так и впоследствии, в Париже, с Пуанкаре и французскими финансистами.

Итоги этих переговоров сводятся к тому, что так называемая «Socité d' Études» в скором времени пошлет в Персию делегацию, которая, при поддержке императорской и великобританской миссии в Тегеране, должна будет добиться от шахского правительства как разрешения на производство технических изысканий, так и преимущественного права на постройку намеченной трансперсидской дороги.

Ввиду желательности вместе с тем поручить делегации изыскать в Персии новые источники доходов для обеспечения будущего займа,—а эта задача могла бы оказаться не под силу для лиц, призванных исследовать техническую сторону железно-дорожного предприятия,—то, по моему настоянию, решено было отправить двойную делегацию в составе шести лиц: трех специалистов железно-дорожного и трех специалистов банкового дела, при чем в каждую из этих

двух половин делегации должны войти по одному русскому, по одному французу и по одному англичанину.

Французское правительство, с своей стороны, вполне одобрило это предположение и согласилось с моим взглядом, что само ходатайство о концессии должно исходить от «Société d'Études», а не от миссий, роль которых ограничивается поддержкой означенного ходатайства.

В связи с вопросом о железно-дорожном строительстве в Персии, Грей коснулся положения английской торговли в южной части этой страны и назвал его крайне печальным. Для обеспечения доступа английским товарам на персидские рынки он считает желательным развитие местной жандармерии под руководством шведских офицеров. Если бы, однако, пришлось убедиться,—как есть уже на то основание,—в непригодности для этой цели шведов, то для Англии не останется иного выхода, как организация местных военных отрядов под руководством английских офицеров для ограждения от грабежей торговых путей, как в британской, так и в нейтральной зонах,—на что английскому правительству, в таком случае, может быть, придется испросить наше согласие.

Я ответил, что представляю себе высказаться по этому поводу, когда этот вопрос будет поставлен на очередь в определенной форме. Относительно же нейтральной зоны я сказал, что рано или поздно мы, вероятно, окажемся вынуждены заняться пересмотром нашего взаимного к ней отношения в смысле сведения ее на нет, так как при нынешнем положении доступ в нее открыт всем и она не защищена от посягательств третьих сторон. Конечно, для всякой такой сделки нам необходимо будет озаботиться получением признания ее Персией, ибо без него она не имела бы практического значения.

Грей выразил и на это свое принципиальное согласие. При этом он подал мысль о возможности раз навсегда исключить нежелательные нам обоим посягательства Германии на нейтральную зону путем получения от персидского правительства опциона на постройку железно-дорожной линии—Россией для участка Тегеран-Исфагань и совместно Россией и Англией—для участка Исфагань-Мохаммера. Само собою разумеется, что получение преимущественного права на постройку этих линий не обязывало бы ни то, ни другое государство непременно осуществить это предприятие, но имело бы в виду лишь устранение Германии из нейтральной зоны, где после подобной сделки не оставалось бы никакой сколько-нибудь заманчивой для немцев концессии.—Я ответил, что если бы получение от Персии такого опциона оказалось возможным,—в чем я не совсем уверен,—то я готов был бы преподать нашему посланнику в Тегеране указания добиваться его всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Из менее важных вопросов, касающихся Персии, нами была затронута дорожная концессия Линча, при чем Грей, по моему настоянию, согласился телеграфировать великобританскому представителю в Тегеране не поддерживать ходатайства Линча установить на дороге Тегеран-Мохаммера автомобильное движение.

В связи с персидскими делами я говорил и об Афганистане не только с Греем, но и со статс-секретарем по делам Индии, лордом Кру, в замке которого я счел полезным остановиться несколько часов по дороге из Бальморалля в Лондон с целью объясниться с ним по вопросам, касающимся Средней Азии. Я обратил внимание обоих министров на неблагоприятное положение, создавшееся на нашей границе с Афганистаном, благодаря отказу эмира допустить выговоренные англо-русским соглашением 1907 г. непосредственные сношения между русскими и афганскими пограничными властями. Я указал на вытекающие отсюда неудобства для местного населения, состоящего в русском подданстве, а также на вред для сельского хозяйства вследствие невозможности при таких условиях сколько-нибудь успешно поставить вопрос орошения, имеющий в этих местностях первостепенное значение, а также борьбы с бичом наших средне-азиатских владений, саранчею; наконец, я отметил опасность, одинаково серьезную для Англии, как и для России, и вытекающую из того, что почти недоступный Афганистан является одним из очагов панисламической пропаганды.

Английские министры оба отвечали мне, что они вполне сознают справедливость наших жалоб, и обещали приложить старания, чтобы путем сношений с эмиром достигнуть улучшения положения, но при этом они не скрыли от меня, что, несмотря на выплачиваемые ему ежегодно деньги, эмир Абибула плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы только не обострять положения, ввиду невозможности принятия ею против Афганистана принудительных мер.

Я указал Грею на значение состоявшегося между пароходной компанией Линча и обществом Багдадской железной дороги соглашения, которое, несомненно, будет способствовать ускорению постройки названной дороги. Сэр Эдвард Грей признался мне, что он с досадой осведомился об этом соглашении, вполне понимая его вредность с точки зрения английских интересов, но, по его словам, великобританское правительство, к сожалению, лишено возможности помешать осуществлению придуманной г. Гвинером комбинации.

Относительно Тибета Грей дал мне заверение, что Англия не имеет никаких видов на эту страну и не стремится к изменению существующих между нами договоров касательно ее. Но сославшись на сообщенную нам в свое время ноту, с которой он обратился минувшим летом к Китаю, Грей подтвердил мне, что Англия не считает возможным допустить проникновения в Тибет значительных китайских вооруженных сил, а потому, если бы Китай попытался, несмотря на сделанные ему предостережения, все же послать свои войска в Тибет, Англии пришлось бы отправить военную экспедицию в долину Чумби, чтобы помешать этому. Лондонский кабинет не примет, однако, подобного решения, предварительно не предупредив нас об нем.

По этому поводу Грей упомянул о нашей деятельности в Монголии и постарался провести параллель между нею и положением Англии в Тибете. Я отказался признать сходство между этими двумя во-

просами, указав на то, что относительно Тибета Англия связана по отношению к нам известными соглашениями, тогда как мы не имеем никаких подобных обязательств по отношению к Англии касательно Монголии, где к тому же у англичан нет ни политических, ни даже экономических интересов.

Сэр Эдвард Грей, повидимому, проникся этими доводами и не возражал против них. Я же, с своей стороны, счел полезным, для поддержания установившихся между нами и Англией дружественных отношений, доверительно ознакомить его в самых общих чертах и лишь для личного осведомления о характере возложенного на д. с. с. Коростовца поручения.

Грей, а также сэр Артур Никольсон, которого я видел при проезде через Лондон, оба повторили мне уже сказанное ими нашему поверенному в делах, а именно, что заключение Китаем займа у Ллойд-Банка крайне неодобрительно встречено великобританским правительством, которое не преминуло открыто заявить как в Пекине, так и в самой Англии о своем отрицательном отношении к этой сделке. Бо́льшего правительство, к сожалению, сделать не могло, не располагая, как французское правительство, какими-либо средствами воздействия на английских финансистов.

Вместе с тем сэр Эдвард Грей высказал мнение, что ввиду опасности заключения Китаем займов помимо шестерного консорциума, если последний будет настаивать на поставленных им условиях контроля,—желательно некоторое смягчение этих условий, которые, по его убеждению, являются чересчур стеснительными.

Из тех объяснений, которые я впоследствии имел по тому же предмету в Париже с Пуанкаре и с представителями французских банков, я мог убедиться, что французы, наоборот, дорожа сохранением шестерного консорциума, вместе с тем настаивают на установлении строгого контроля и не склонны отступить от поставленных в этом отношении Китаю условий.

Положение дел на Балканском полуострове, бывшее уже с некоторых пор весьма неудовлетворительным, еще более обострилось во время моего пребывания за границей и, сообразно с этим, связанные с ним вопросы выступили на первый план и заняли главное место в моих переговорах с государственными людьми как в Англии, так затем во Франции и в Германии.

Всем было ясно, что события на Балканах—если только им дать возможность свободно разрастись,—грозят таким оборотом, который неминуемо вовлечет и великие державы в крайне опасные осложнения. Одинаково ясно было и то, что предотвратить надвигающуюся опасность можно только под условием дружного и быстрого воздействия со стороны всех великих держав.

В этом отношении мой приезд в главные европейские столицы в столь серьезную минуту оказался весьма своевременным, ибо личный обмен мнений с руководителями внешней политики Англии, Франции и Германии облегчил и ускорил переговоры, направленные к объединению всех держав и согласованию их действий.

В бытность мою еще в Бальморале последовало известное вашему императорскому величеству первое предложение г-на Пуанкаре, заключавшее в себе четыре пункта, к принятию которых по мысли автора проекта, Россия, Франция и Англия должны были привлечь Австрию и Германию. Третий из означенных пунктов, упоминавший о возможности понудительных действий против Турции, не встретил сочувствия С.-Джемского кабинета, опасавшегося даже намека на подобную возможность.

Тем временем нашему послу в Париже удалось, по моему поручению, разъяснить г. Пуанкаре, что ключ положения в Вене, так как если Австрия на примкнет к остальным державам с целью мирного улажения смуты, а предпримет какие-либо единоличные действия, то все выступления других держав будут обречены на неуспех, и мы сами можем быть вынуждены отступить от политики невмешательства, которой мы искренне желали бы придерживаться. Ввиду этого французское правительство выступило с новым предложением, чтобы державы поручили России и Австрии, как наиболее заинтересованным в спокойствии на Балканах, сделать от их имени в балканских столицах заявления, долженствовавшие остановить открытие военных действий. Это предложение, как известно, было принято всеми с той лишь поправкою, внесенной по желанию Англии, что в Константинополе соответствующее заявление должно быть сделано представителями всех пяти великих держав совместно.

С своей стороны, еще до получения ответа из Вены, я воспользовался свиданием с австрийским послом при моем обратном проезде через Лондон, чтобы просить его обратить внимание своего правительства на значение, которое мы придаем сотрудничеству Австрии с другими державами в настоящую тревожную минуту. При этом я дал понять графу Менсдорфу, что невмешательство России в балканскую смуту обусловлено таким же отношением к последней со стороны Австро-Венгрии.

Что же касается предложения Пуанкаре о совместных выступлениях России и Австрии от имени остальных держав, то я счел возможным отнестись к нему сочувственно, так как, связывая до известной степени свободу действий Австрии, оно вместе с тем дает повод к более оживленному обмену мнений между нами и венским кабинетом, без того, чтобы почин к этому исходил от нас.

За трехдневное мое пребывание в Париже балканские дела продолжали служить главной заботой европейских кабинетов и заняли большую часть моих переговоров с Пуанкаре.

После совещания со мною, французский министр иностранных дел выработал формулу заявления в балканских столицах и приложил старания, чтобы возможно скорее получить на нее согласие всех держав.

Принимая в Лондоне, Париже и Берлине представителей Порты и балканских государств, я неустанно давал им настойчивые советы благоразумия. В Париже Пуанкаре и я раз даже совместно приняли болгарского, сербского и греческого посланников, чтобы придать нашим увещаниям больше силы.

Оттоманскому послу в Лондоне, Тевфику паше, я указывал на желательность для Порты скорее заключить мир с Италией, ввиду имеющейся надежды, что это несколько охладит пыл остальных противников Турции и может предотвратить открытие ими военных действий. Действительно, влияние итальянско-турецкой войны в смысле поощрения балканских народов к разрешению наболевших споров вооруженною силою стало теперь для всех несомненным, и мне пришлось выслушивать сожаления, что державы в свое время недостаточно внимательно отнеслись к приглашению России общими усилиями положить конец войне из-за Триполитании, прежде чем разгорится пожар на Балканах.

Вызванные изложенными обстоятельствами последовательные переговоры мои в Англии, Париже и Берлине позволили мне составить себе, на основании личных впечатлений, довольно яркое представление о различном отношении трех великих держав к балканским вопросам.

Все действия Англии ныне подчинены одной главной заботе: не навлекать на себя недовольства мусульманского мира, ввиду необходимости для обеспечения своего владычества в Индии, опираться там на магометанскую часть населения. Отсюда ее кажущееся равнодушие к судьбе подвластных Турции христиан, противоречащее прежнему ее отношению к последним; отсюда ее нерешительная политика в Персии и в Средней Азии.

Помимо сего, Англией руководит желание ничем не ослаблять нынешнего оттоманского правительства, в котором видную роль играет ее сторонник Киамиль паша, из опасения, как бы не вернулись к власти младотурки с Феридом пашею, считающимся приверженцем Германии.

Эти соображения объясняют, почему, при всем желании содействовать вместе с другими державами успокоению на Балканах, Англия тем не менее часто тормозила общее дело, колеблясь согласиться на ту или иную меру из опасения перед впечатлением, которое таковая произведет в Константинополе.

Принимая во внимание вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что нельзя было бы рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию.

Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям.

Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных в них держав, то-есть России и Австрии, а это в свою очередь может втянуть в войну и Францию. Именно такое опасение побудило г. Пуанкаре доверительно и вполне дружески напомнить нам минувшим летом, что поводом к осуществлению обязательств по отношению к нам Франции может, по букве союзного договора, служить только нападение на нас Германии.

Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть равнодушно на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки.

Вот почему французское правительство с таким напряжением стремится к мирному разрешению возникших столкновений и взяло на себя почин целого ряда предложений, направленных к этой цели.

Что касается Германии, то, как мне удалось выяснить в Берлине, сама по себе война между балканскими государствами мало ее волнует, но она, по примеру Франции, боится быть втянутой в европейскую войну в силу своих союзнических обязательств, а потому готова сделать все возможное для локализации балканской войны, если последнюю нельзя уже предотвратить. С этой точки зрения, предложение Пуанкаре поручить России и Австрии быть глашатаями воли Европы в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах встречено весьма сочувственно в Берлине, тем более, что там, повидимому, теперь сомневаются в склонности венского кабинета прислушиваться к советам северной союзницы, а потому предпочитают не подвергать испытанию своего влияния в Вене из опасения не найти там прежнего покорного отклика.

Такое положение вещей, мне кажется, до известной степени объясняется тем, что Австрия не прочь подчеркивать свою независимость от Германии, пользуясь необходимостью для последней цепко держаться своего союза с нею из страха остаться совершенно изолированной среди других великих держав.

Во всяком случае, в Берлине мне неоднократно повторяли, что там заранее готовы одобрить все меры, по которым последовало бы соглашение между Россией и Австрией.

Те же оттенки, которые существуют в отношении трех указанных держав к общему положению на Балканах, заметны и во взглядах их на отдельные вопросы, связанные с Ближним Востоком.

Так, прежде всего относительно Крита, в то время как Англия, заботясь, главным образом, о защите верховных прав султана, предлагает занять остров сильным (шеститысячным) отрядом войск держав-покровительниц,—Франция, как и мы, не желала бы прибегать к столь крутым мерам и предпочла бы изыскать способ вновь водворить на Крите верховного комиссара.

В вопросе о будущей судьбе занятых Италией островов Эгейского моря Англия и Франция сходятся в том, что обе не допускают возможности сохранения этих островов в руках Италии, так как подобный исход грозил бы нарушением политического равновесия в восточной части Средиземного моря. Но при этом Франция готова обсудить способы решения этого вопроса в смысле дарования упомянутым островам особого управления наподобие установленного для Самоса; Англия же, хотя и сознает невозможность предоставления христианского населения островов на произвол турок, однако, желая щадить самолюбие последних, не торопится приступить к рассмотрению этого вопроса.

Несмотря на краткость моего пребывания в Париже, во время которого к тому же главное внимание было обращено на Ближний Восток,—мне все-таки удалось выяснить путем переговоров как с государственными людьми, так и с финансовыми деятелями несколько довольно существенных для нас подробностей по разным вопросам, из коих некоторые, затронутые мною и в Англии, уже отмечены в настоящем всеподданнейшем докладе.

Из дел, ближе касающихся нас и Франции, предметом означенных переговоров послужили прежде всего анатолийские железные дороги, в продолжение и развитие того, что было сказано по этому поводу минувшим летом. Удостоверившись из слов одного из главных предпринимателей, графа Витали, что ветка от магистрали к северу до Трапезунда, по всей вероятности, будет осуществлена еще весьма не скоро, ввиду технических трудностей ее сооружения и сомнительной ее доходности,—я счел возможным обещать Пуанкаре взять на себя защиту в совете министров предложения примирить разногласия между нами и французами в том смысле, чтобы конечным пунктом предполагающейся дороги был намечен Пекеридж, как на то намекал со своей стороны и бывший министр иностранных дел Ассим-бей.

Относительно багдадской железной дороги я узнал, что директор Deutsche Bank, г. Гвинер предлагал французским банкам вернуть ему остающиеся по сие время в их портфелях пай третьего выпуска, с тем, чтобы эти банки обязались реализировать целиком четвертый и пятый выпуски, но французское правительство оказало воздействие на банки и заставило их отказаться от этого предложения, клонившегося к тому, чтобы со временем добиться котировки багдадских акций на парижской бирже.

На письме нашего посла в Мадриде, в котором барон Будберг передает содержание своего разговора с королем Альфонсом XIII, высказавшим пожелание, чтобы Испания примкнула в державам тройственного согласия, вашему императорскому величеству благоугодно было начертать: «К этому следует отнестись серьезно». Во исполнение сих высочайших указаний я воспользовался свиданием с г. Пуанкаре, чтобы доверительно поставить его в известность об упомянутом шаге короля и осведомиться о взглядах французского правительства на этот предмет.

Пуанкаре сказал мне, что поднятый ныне испанским королем вопрос не новый, и что впервые о нем зашла речь еще в 1909 году, после чего король вновь вернулся к нему в последний свой приезд в Париж. Эти поступы принимались с французской стороны к сведению, но до сих пор не вызвали определенного ответа. Теперь, после сосредоточения своих морских сил в Средиземном море, Франция должна подумать об обеспечении себе тыла и свободы сообщений со своим атлантическим побережьем, а потому мысль о заключении союза с Испанией вполне отвечает французским интересам, тем более, что при таком условии, в случае войны с Германией, не представлялось бы необходимым оставлять лишние войска для охраны Пиренейской границы. Тем не менее парижский кабинет считает предпочтительным пока еще отло-

жить сношения по означенному вопросу до завершения нынешних переговоров с Испанией относительно Марокко.

С своей стороны, я заметил Пуанкаре, что, вполне сочувствуя соглашению Франции с Испанией и через это сближению последней с державами тройственного согласия, я вместе с тем нахожу совершенно достаточным, если формально Испания свяжет себя союзом с одной только Францией во избежание возбуждения подозрительности Германии и постоянного ее страха перед коалициями, будто бы направленными против нее.

Заканчивая свой всеподданнейший отчет о моем пребывании во Франции, я должен упомянуть о радушном приеме, оказанном мне в Рамбулье президентом республики, г. Фальер, который просил меня засвидетельствовать перед вашим императорским величеством его чувства глубочайшего уважения и искренней преданности.

В Берлине, где я остановился на один день, мои свидания с имперским канцлером и со статс-секретарем по иностранным делам были почти всецело посвящены обсуждению балканского кризиса, при чем взгляды германского правительства на этот вопрос уже изложены мною выше. В дополнение к сказанному о почерпнутых мною в Берлине впечатлениях приемлю в долг всеподданнейше доложить, что г. фон Бетман-Гольвег и г. фон Кидерлен-Вехтер оба с сожалением упомянули мне о впечатлении, произведенном в Германии недавним посещением его императорским высочеством великим князем Николаем Николаевичем пограничных французских крепостей, а также предпринятой на предыдущей неделе частичной мобилизацией в варшавском военном округе.

Разъяснив им вполне мирный характер последней, я в свою очередь указал на неблагоприятное впечатление, которое произвело в России создание нового немецкого корпуса в Аленштейне близ нашей границы.

Взаимные сетования эти были, впрочем, облечены в вполне дружественную форму, и я считаю себя в праве высказать убеждение, что, несмотря на постоянно повторяющиеся подобные случаи обоюдного неудовольствия, наши отношения с Германией продолжают сохранять по существу тот оттенок искреннего расположения, который вашему императорскому величеству благоугодно было закрепить личным свиданием с императором Вильгельмом в июле сего года.

Сазонов.

Переписка
В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем.

Сухомлинов Янушкевичу.

30 янв. 1915.
Шепетовка.

Осмотрел в подробности подольскую дорогу, она очень хороша и для воинских передвижений вполне готова. Надо дать ей выход на линию в Буковину и в Галицию. Общество этой дороги и просит оказать им содействие для окончательных изысканий. Прилагаю записку по этому делу—не откажите передать генералу Ронжину для соответствующих распоряжений.

Спешу домой к докладу его величеству, поэтому не могу заехать теперь к Вам, но из Петрограда сообщу Вам день моего приезда.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Не удивляйтесь чудному почерку,—пишу на ходу.

Янушкевич Сухомлинову.

5 февраля 1915.

Вернулись из Седлеца, где было вчера совещание с Н. И. (Ивановым), Н. В. (Рузским) и П. Ад. (Плеве). Выяснили весь ужас катастрофы с X армией и указали Н. И. на очередную опасность в Млавском направлении.

Позорное поведение Епанчина 56, 57 и 73 див., а кажется и лично Герингросса—тяжкий камень.

О доблести Еп.(анчина) и его частей, особенно резервных, может рассказать много интересного шт.-ротм. Соловьев при упр. гос. кон(нозаводством) князе Щербатове,—очевидец.

Несомненно, многим обязаны работе контр-разведчика, о котором я Вам докладывал при Вашем проезде.

Потери громадные, резервисты прямо шли «продавать винтовки за 7 р.». Если русские богатыри стали дорожить так рублем, то остается одно, т.-к. ведь добить же немцев надо,—придется им тоже обещать деньги за немецкую винтовку. Авось, отсутствие долга пополнится низкой корыстью. Знамение времени. Видно, герои Альфтана и дру-

гие—уже светлое исключение. Тралящие генералы кончили свою миссию и дали много ценного для будущего.

Вел. кн. ожидает Ваш приезд в любой день. Сегодня был морской министр. Он прождал нас сутки и уезжает сегодня вечером. Я боялся отнять у Вас время и потому Вас и решился предупредить.

Надеюсь, здоровье глубокоуважаемой Екатерины Викторовны хорошо.

Члены Военного Совета могут доложить Вам свои впечатления и осветить Совету положение снабжения с полной точностью.

Прошу не гневаться за назойливость в просьбах глубоко Вас уважающего и неизменно Вам благодарного

П. Янушкевича.

Сухомлинов Янушкевичу.

7 февраля 1915 г.

В среду утром, 11 числа собираюсь явиться к Вам и в тот же день выеду обратно.

Слава богу дела, повидимому, выправляются, и публика успокаивается. Удивительно много здесь людей панического фасона, признающих одни только сплошные удачи,—а чуть что не совсем благоприятное—готово, полное отчаяние и растерянность.

Принц (Ольденбургский) совсем невменяем, и по Калуге можете судить, как он распоряжается: мыслимое ли дело выбрасывать запасные батальоны и заполнять казармы турками? Я ему в этом отказал,—так он меня потребовал к себе и целый час поучал и добивался согласия.

С деньгами он поступает немилосердно, и могу себе представить, что это будет с отчетностью после войны.

Пустили козла в огород.

Сейчас супруга Ваша заседает в комитете под председательством моей, виноват «моего начальства». Слава богу, они обе чувствуют себя хорошо.

Храни Вас господь. Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

С. А. Ронжин передал, что Вы будете у нас в среду. Будем ждать. С ужасом узнал, что Коз(елл)—Покл(евский) оправдался и едет продолжать свое гнусное дело измены России. Неужели это упрямство С. Д. (Сазонова)? Ведь и Пустошкин это утверждает, а теперь и Веселкин, ех-товарищ по лицею этого Козла в огороде.

XX к(орпус), очевидно, погиб, хотя и в бою. III Сиб. вышел цел по единицам, но сильно потрепанный. XXVI—хуже. От XX—кое-что из обозов и артиллерии. Новое испытание. А. Кайгородов уже постыдно забил тревогу. Облили его холодной водой. Епанчин отчислен и предан суду.

О других расследуется. Злой рок тяготеет над С.-З. фронтом. Переменили все верха, а дело не лучше. Как ни указывали фронту на опасность флангов, а они все свое.

Больно и обидно. Стягивали все, что в силах: к Гродне—Оранам, Белостоку—Ломже. Они перекачивают уже 5-й по счету корпус с зап. границы. Авось французы тронутся в путь серьезно.

Прошу передать мой почтительный привет Екатерине Викторовне. Не ее ли поезд-прачешную отдал Епанчин немцам? Прошу не гневаться на искренно преданного и глубоко уважающего Вас

П. Янушкевича.

Сухомлинов Янушкевичу.

15 февраля 1915.

Настроение стало совсем другое, как только немцы спотыкнулись,—такой уже это Петров град, чтобы легко реагировать на + и на —.

О Поклевском я говорил с мин. ин. дел,—он и слышать не хочет никаких доводов, говорит, что если уберут Козла, то и он уйдет.

Государю я все это доложил, и его величество прочитал показание Пустошкина.

Совершенно непонятное отстаивание этого господина, которого якобы и вел. кн. Сергей Мих. защищает, зная его по лицею.

Поговаривают о «визите» (царя в армию) около 20—25; может быть, тогда вопрос этот разрешится у Вас в ставке.

Вывоз хлеба обсуждался в совете министров и в газетах появились уже разъяснения этого дела, которое оказалось не таким, каким его изображали.

Подготовляю высылку остальных автомобилей бронированных,—беда только с замерзшим портом в Архангельске, где во льдах сидят два парохода с этим грузом, а ледокол испортился, другой же не пришел еще.

Будьте же здоровы и богом хранимы.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Жена моя шлет Вам дружеский привет.

Янушкевич Сухомлинову.

Конечно, сомнений не может быть, что Вы не могли не послать телеграмму о несчастном раненом.

Не знаю, как Вам низко поклониться за бронированные автомобили. Очень желательно снабдить теперь в 1 очередь гв. кавалерию (Олита), работающую в тыл немцам. В. кн. Андр. Влад., а теперь и посланный мною ген. Кендзеровский подтверждают, что дух войск X армии, кроме второочередных дивизий, выше похвалы. Исключение

в хорошую сторону 64 пех. див. Жданко (из XXVI корпуса), что же касается 57, 53, 56 и 73, то все они «паничные».

Обидно, что не удалось захватить Прасныш до сдачи наших. Расход патронов под Прасныш громадный. Но он не дал успеха. А... [1]) нам хуже, чем в январе. Жутко от этого. На фронте Бзуры есть батареи со 100 патр. на орудие...

Тимченко-Рубан артил. дела не знает, и ему трудно помочь, тоже неудачно действует в Нью-Йорке Голсевский, и Юсупов передает, что положение гр. Игнатьева и ген. Ермолова в ставках союзных главноком. ненормальны. Их никуда не пускают. Ермолова винят в болтливости и незнании русской армии, а гр. Игнатьев чем-то вооружил против себя. Может быть, при случае, соблаговолите лично это осторожно проверить у Ю. (Юсупова).

Если это верно, то тогда понятно, что у нас никак не наладится дело заказов и покупок у союзников.

Нужны сверхчеловеческие усилия, чтобы обеспечить работу войск патронами и винтовками. При столь изменившейся обстановке не признали ли бы Вы возможным заменить отжившего век свой Ермолова более молодым? Я бы позволил себе доложить о полк. Энкеле. Он и сейчас работает хорошо, дает много. Он владеет англ., франц. нем. и шведск. языками, не без средств, энергичный. Уверен, что если можно было винить его в чем-либо до войны, то теперь при нынешней политич. комб. он будет вне упреков. Не осудите за назойливость.

Мой почтительный привет глубокоуважаемой Екатерине Викторовне. Благодарю за сердечное ко мне отношение и прошу верить глубокой и искренней признательности преданного Вам

И. Янушкевича.

Сухомлинов Янушкевичу.

20 февраля 1915.
Петроград.

Ваши соображения относительно Ермол. (Ермолова) и гр. Игнат. (Игнатьева) вполне разделяю, а также награждение Семен. (Семенова) и назначение Энкеля. М. А. Беляеву я это передал.

Вчера удалось, наконец, видеть в. кн. Серг. Мих. Он поправляется, свободно уже ходит и усердно занялся тем, что без него было предпринято по делу снабжения. Два часа мы с ним разбирались в этих задачах, которые вызвала война. К сожалению, он почему-то предубежден против приехавших французов и говорит, что они ничего не сделают, ни в чем не помогут. Выходит, что единственно кто всемогущ—это Шнейдер Крезо и Путиловский завод. Для последнего он имел в виду забрать все станки на других заводах и затронул таким образом интересы морского ведомства,—поэтому мне пришлось опять писать великому князю по повелению его величества.

---

[1]) Слово не разобрано; по смыслу: «посылают» или «доставляют». *Прим. ред.*

Стараюсь все эти трения устранить,—но с тенденциями Главн. арт. управления справиться трудно, т.-к. приходится считаться не с этим учреждением, а с вел. кн. Серг. Мих.

Очень деятельный и энергичный капитан I-го ранга Шрейбер, при содействии И. К. Григоровича, привлечен к нашим работам, и, думаю, он будет очень полезен. Хотя и с небольшим оттенком ревности, но в. кн. Серг. Мих. признает замечательную осведомленность и работоспособность его.

Словом, все, что только можно,—изо всех сил постараемся сделать.

О Маник. (Маниковском) вы правы: действительно, репутация преувеличенная.

В предстоящей поездке едва ли мне придется участвовать: такая масса неотложного дела.

Жена моя просит передать вам ее самый сердечный привет, она, бедняга, сильно переутомилась и теперь часто приходится обращаться к врачам.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш

В. Сухомлинов.

Янушкевич Сухомлинову.

Простите за краткость. Глубоко признателен за доверие и согласие по воен. агентуре. Мя—в (Мясоедов) арестован в Ковне. Перевезен по настоянию Руз. (Рузского) в Алекс. цитадель Варшавы. Четверг Родзянко, сегодня По [1]), вчера Маклаков (мин. вн. д.)—все время ушло на разговоры и дела с ними; поезд из Питера опоздал, а потому тороплюсь передать письмо ф-рю (фельдъегерю). Напишу подробно завтра.

Почтительно целую ручки Екатерине Викторовне. Сердечно Вам за все признательный покорный слуга

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

У нас гостит По. Едет сегодня в Львов и Галицию вообще. Вернется 2 марта. Сейчас, с переводом IX армии на левый фланг на Карпаты на левом берегу Вислы осталась лишь IV армия. Но первый натиск на V помогла отразить, а появление Лечицкого левее Брусилова облегчает задачу ближайшего укрепления.

Жаль уложил Сиверс напрасно $^3/_4$ 15 и 2 корпусов.

Сейчас самая тревога—патроны. Их нет. Добророльский дал Вам легкомысленную справку и теперь кается в опрометчивости. По 2—3 раза в день фронты просят патронов, а их нет. Жутко на душе.

А тут стал получать, чего раньше не было, анонимные упреки, что взялся за дело не по уму, что уложил 22 корпус и что неужели жажда власти и наград выше чувства порядочности и сознания долга?

---

[1]) По—французский генерал.

Вам лучше кого-либо известно, что я себя Мольтке не считал; на место не просился, и я уже пробовал уйти, дабы дать возможность взять более подходящего. Благо родины для меня выше личных благ. От в. кн. вижу только доброжелательство и отношение не по заслугам и вижу, что он мне не поможет уйти. Самое лучшее и справедливое, чтобы успокоить людей, было бы уволить меня от службы. Тогда общественное мнение было бы удовлетворено и совесть моя была бы чиста. Никогда и никому я не позволю себе сделать упрека и даю слово, что буду всем твердить одно: «уволили по негодности». Если семью не обидят пенсией, как уволенного за проступок, то, может быть, я найду еще себе службу и все как-нибудь уладится. Я не хочу подводить великого князя под упреки, что он во-время не прогнал меня. Не хочу вредить ему и делу. Никогда бесчестного на службе не делал и, если мне так повезло, то краснеть не приходится. Своей карьерой последних 6—7 лет обязан исключительно Вашему ко мне доброжелательному отношению и не по заслугам оценке. Не хочу злоупотреблять и Вашим доверием. Визит (царя) близок. Может быть, можно решить вопрос до того, чтобы я мог быстро исчезнуть. Знаю, что вел. кн. ко мне бесконечно добр и его мое бегство удивит и огорчит, но ведь идет дело об успехе исторической войны и не мне же быть причиной плохого ее течения. Я не убегаю с поста, так как прошу увольнения в отставку, но зато совесть моя будет спокойна, что ради себя и своих я не цеплялся за дело не по плечу.

Простите, не сердитесь. Почтительный поклон и сердечное пожелание выздоровления глубокопочитаемой Екатерине Викторовне от искренно Вас уважающего и глубоко Вам признательного

И. Янушкевича.

Сухомлинов Янушкевичу.

24 февр. 1915.

Восьмой месяц ожесточенной кампании дает себя знать истощением запасов во всех армиях, а у нас в особенности—снарядов.

Решительно все возможные только меры принимаются и вел. кн. Сергей Мих., теперь стоящий во главе этого дела, может убедиться, что постоянные заказы за границей не способствовали развитию у нас частной промышленности, а на одних казенных заводах далеко не уедешь, в особенности, если еще и средства на это надо было добывать чисто боевым способом,—в штыки и с риском потерять служебную позицию.

При назначении нового министра торговли и промышленности, не знакомого с этим делом, у меня явилась мысль просить, чтобы в мое распоряжение отдали Литвинова-Фалинского, человека энергичного, который очень нам помогает своею полною осведомленностью где, что и как можно сделать.

Сейчас он управляет отделом промышленности в своем министерстве и не может отдавать нам все свое время,—вот почему я буду про-

сить дать мне его целиком. Этим порядком я могу очень помочь вел. кн. Сергею Мих., если он того пожелает.

Ваше «начальство» (жена Н. Н. Янушкевича) едет к Вам, что меня очень радует. Мое же «начальство», кажется, расстроила свои силы наподобие нашего снарядного голода и боюсь, чтобы она в один непрекрасный день не свалилась совсем.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

26 февр. 1915.

Позвольте не похвалить Вас за некоторые строки в Вашем последнем письме.

Как Вам могло в голову прийти писать об отставке и пр. непозволительных вещах? Вы, хороший мой, сами себе цену не знаете,—но зато знают ее, начиная от государя императора, верховного главнокомандующего, и все остальные простые смертные, которые имели возможность близко узнать Вас.

Жаль, что не увижу Вас лично в предстоящий «визит», а то на эту тему позволил бы себе поговорить с Вами основательно.

Я Вас очень понимаю, и Ваше настроение мне весьма знакомо,—потому, что я сам испытываю. Время исключительно тяжелое; как и мне, Вам приходится работать сверх сил, сознавая ответственность высокого положения,—а последнее создает всегда зависть, затем врагов, и самые ничтожные из них начинают клеветать, писать анонимы, и пр. гадость сыплется на наши головы.

Все это надо перетерпеть во имя того дела государственной важности, которое выпало на нашу долю. Я свой век и свою службу кончаю, а Вам предстоит впереди широкий путь и блестящая работа на радость обожаемому державному нашему вождю и на преуспеяние доблестной нашей армии, поэтому будьте так добры, постыдитесь немножко тому, что Вы мне писали о себе, и давайте на этом помиримся.

Жена моя шлет Вам самый искренний привет.

Храни же Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

28 февр. 1915.

Съездил в Москву, по повелению его величества, уговаривать генерала Сандецкого, чтобы он свирепствовал с большим разбором.

Как Вы знаете, за невозможно грубое обращение с подчиненными его пришлось убрать из Казани, а теперь он восстановил против себя почти всю Москву. Человек он честный, твердый и приносит большую пользу, но фасон такой обидный для многих, а часто от усердия не мало

несправедливых решений в отношении раненых, что в результате целый ворох жалоб и прямо государю и государыне. В последнем повинен Н. Гучков через великую княгиню Елисавету Федоровну.

Вообще, пономните мое слово, г. г. Гучковы после войны наделают нам не мало хлопот: все собирают какие-то материалы для «выступлений».

Приехал сюда Покотилло и говорит, что разные «союзы» начинают у него распоряжаться на-Дону без его даже ведома. В армии они своими отрядами, конечно, оказывают помощь, но в глубоком тылу не признают часто властей, и атаман поэтому забил тревогу, опасаясь тех последствий, с которыми мы знакомы после Маньчжурской кампании.

Сегодня мы уже вступаем в март месяц, который должен нам дать 890.500 снарядов, а апрель уже 1.300.000, в мае рассчитываем на 1.660.000; опасаться приходится только за доставку исправную угля на заводы.

В Варшаве, в мою поездку, я наткнулся на завод Лиль-Попа, который должен был три дня стоять без работы, благодаря недостатку топлива. Обидно, что Домбровские копи в руках немцев—картина изменилась бы.

Жена шлет Вам сердечный привет, а я дружески жму Вашу руку.

В. Сухомлинов.

Сухомлинов Янушкевичу.

1 марта 1915.

Только что получил прилагаемое письмо, которое меня поразило заявлением «не знаю причины».

До сих пор до меня доходили сведения о Химце самые хорошие,— чему я радовался, зная его, как отличного кавалерийского генерала, каких у нас немного.

Ужасно обидно, в особенности, если это несправедливо, как он пишет.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Приложение I.

26 февр. 1915.
Гост. Рица.
Белосток.

Ваше высокопревосходительство

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович.

Несмотря на телеграммы и просьбу командира 1-го кавалерийского корпуса генерала Орановского, доложившего командующему 1-ой армией, что конный отряд генерала Химеца, по его наблюдению,

работает очень хорошо, и что он просит оставить генерала Химеца начальником 4-ой отдельной кавалерийской бригады,—24-го февраля с. г. последовало распоряжение об отчислении меня в резерв Двинского воен. округа с назначением заведующим сборным пунктом больных лошадей в г. Белостоке, а генерал Толпыго назначен на мое место, начальником 4-ой отдельной кавал. бригады.

Не зная причины такого распоряжения и не чувствуя за собой какой-либо вины, я приписываю все случившееся той клевете и наветам, кои создались с начала войны вокруг меня и передавались из уст в уста. Но большего оскорбления, чем теперь, я получить не мог. Теперь мне, побывавшему в стольких боях и под сильнейшим огнем, остается терпеливо ждать конца войны, чтобы немедленно подать в отставку, что я, конечно, и сделаю, а пока считаю своим долгом службы доложить обо всем этом Вашему высокопревосходительству.

Примите уверение в совершенном почтении и глубоком уважении Вашего покорного слуги

В. Химеца.

Приложение 2. 14 февраля 1915.

Глубокопочитаемый

Владимир Александрович.

Вы знаете мою всегдашнюю готовность исполнить каждое Ваше желание и по отношению к Кондратовичу тоже конечно. Он уже обращался ко мне раньше; на мой запрос тогда в ставку, ответили, что до окончания расследования назначить его не могут. Лично его не знаю, не знал также, при каких обстоятельствах случилось с ним то, за что его отчислили. На всякий случай я тогда же старался собрать о нем сторонние сведения. К сожалению, они оказались не в его пользу и имя его на нашем фронте вообще популярностью не пользуется.

При последнем свидании с ним я ему посоветовал обратиться к Иванову, который, как он сказал, знает его лично, и устроиться там, на южном фронте, будет много удобнее.

Вероятно, Кондратович так и сделал, потому что я слышал вчера, что он назначен в распоряжение к Николаю Иудовичу (Иванову). Такой исход для него, мне кажется, самый лучший.

Результатов расследования о Кондратовиче я не знаю, но если он не так виноват, как предполагали, то хорошо, что хоть отчасти его восстановили.

Душевно Вам преданный

И. Рузский.

Сердечно признателен за пожелание, но, откровенно сказать, утомился я изрядно, ведь уже 7 лет—ни одного дня отдыха и покоя душевного.

Янушкевич Сухомлинову.

Визит (царя) состоялся. Все хорошо, спокойно. Маршрут еще не решен. Завтра приезд С. Д. Сазонова. В. к. доложил г. и. (государю императору) о необходимости «убрать» г. Мышл. (Мышлаевского). Принципиальное согласие последовало. Будьте милостивы срочно протелеграфировать 2—3 фамилии для представления подходящего заместителя: не готового на распри с Юденичем и могущего влиять на наместника. Прошу на случай, если спросят.

Маршрут не выработан. Куда поедет государь, еще не известно. Очень хочет ближе к шрапнели. Вы изволили запросить (о Георгии) про поездку под Саракамыш.

В. кн. поручил добыть точную справку, как получили или возложили на себя Георгия 4 ст. императоры Александр I, Николай I и Александр II. Может быть, найдете возможным помочь мне в этом и приказать таковую справку добыть и переслать. Буду глубоко признателен.

Почтительно целую ручку Екатерине Викторовне и прошу верить глубокой преданности и признательности

И. Янушкевича.

В числе перелюстр(ованных) получил и одно из писем, адресованных болеющим душою о России на мое имя, с упреком за X армию.

Сухомлинов Янушкевичу.

2 марта 1915.

Невероятно трудный вопрос личного состава крупных должностей, о котором приходится думать заблаговременно.

Получив Ваше письмо о Мышл. (Мышлаевском) и порадовавшись, что решено удалить вредную занозу из Кавказского многострадального тыла, я решил предложить Вам мои мысли по этому поводу. Приходится теперь уже наметить для Кавказа и Царства Польского будущих наместников. Это две такие крупные фигуры, что кандидаты должны быть вне конкурса, и я другого решения не вижу, как назначение особ императорской фамилии. Вел. князь Сергей Михайлович поправляется и для Кавказа он очень подходит. Поэтому, на всякий случай, вместо Мышл. (Мышлаевского) следовало бы назначить человека, ему подходящего. Мне кажется третье условие к тем двум, которые Вы указали.

Я Вам телеграфировал сегодня четыре фамилии, из них Вольский, Ирман и Гаитенов знакомы с Кавказом, в особенности первый; что же в отношении Покотилло, то не знаю, пожелает ли его граф Воронцов.

Что же касается Царства Польского, то если бы только согласился великий князь Николай Николаевич—это было бы бесспорно лучшим решением.

Справку о «Георгии» прилагаю.

Храни Вас господь

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

4 марта 1915.

Злополучный наш Петроград в последнее время переполнен массою таких слухов и сплетень, что и уши вянут.

В этот столично-провинциальный огонь подлили масла мясоедовским арестом. Какие на этом фоне вышивают узоры, нет возможности передать.

На всякий случай посылаю Вам справку, составленную главным военным прокурором, касающуюся инцидента с А. И. Гучковым. По ней выходит, что если своевременно негодяя этого не разъяснили, то виноват А. И. Гучков.

С. А. Ронжин приехал вчера и обедал у меня.

От него я узнал, что о дальнейшем направлении поездки ничего определенного еще не было решено до его отъезда.

Собираюсь жену мою отправить недели на две, на три в Крым, а то она совсем утомилась и может свалиться окончательно.

Будьте же здоровы. Сердечно Ваш

В. Сухомлинов.

Янушкевич Сухомлинову.

Приехал Гулькевич с ножницами (для резания проволочных заграждений). Г. и. (государь император) и верховный изъявили согласие посмотреть на работу перед всенощной. О результате сейчас не смогу доложить. М-ий (Мышлаевский) подает сам прошение об отставке [телегр. В. Д. (Воронцов Дашков)] и на должность гл. нач. округа с подчин. Ю-чу (Юденичу) и без замещ. должности помощника назначен Вольский. По делу Мяс. (Мясоедова) привлечено и сидят 15 и еще ожидается [до 50 всего]. Из сидящих $^1/_2$ жиды. Н. В. (Рузский) захворал и лежит 3-й день. Еще незадача.

Мы уже предлагали сократить мясное дов. (ольствие). Обидна неудача в Дарданеллах: сразу 3 броненосца, хотя и старого типа, это большая потеря. Важна их артиллерия. Что-то сделают еще наши? Шевеление Болгарии может вызвать историю в Константинопол.

Если бы пал Перемышль, развязались бы у нас руки и можно было размять их на западе.

Как-то мало веры в наш Черн. флот, а он точно нарочно на положении «не тронь меня».

Вел. (Вельяминова) выкурить нельзя. Его сильно опекают. Был у меня истеричный Пуришкевич. Едва его успокоил. Об отъезде ни слова пока.

Эти дни трудно писать. Не хватает времени. Был член Думы егермейстер Балашов и поймал меня в 11 ч. вечера, остался до $1^3/_4$ ночи. А я стал какой-то, очевидно, рамольный и дольше $3^1/_2$ уже не могу работать, чувствую, что путаются мысли.

Травят анонимами, и вижу, что источник один, и лишь немного меняется внешность. Перестал их читать. Но все же не всегда сразу разберешь, в чем дело. Мотив один,—пора очистить место для более достойного.

Был тут Джунковский. Не откажите переговорить с ним и М. А. Бел. (Беляевым) об Э. (Эрандакове.) Что-то есть.

Почтительно и сердечно благодарю Екатерину Викторовну за ее внимание. Прошу принять уверения глубокого уважения и сердечной благодарности.

И. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

Вчера его величество послал гр. В. Д. (гр. Воронцову-Дашкову) телеграмму об увольнении М. (Мышлаевского) в *отставку. Гл. Нач. округа* с подчинением Юд-чу (Юденичу) предуказан Вольский, с правом возложения на него *временно* обязанностей помощн. по военной части, если В. Д. (Воронцов-Дашков) признает нужным. Прошло это гладко. Визит до 7-го. Литв.-Фал. (Литвинов-Фалинский) был. Много говорили. Послан рескрипт И. Л. Гор. (Горемыкину) с мыслью учредить должность 3 тов. м-ра торговли по делам обороны. Думаю, что это даст maximum результатов, если пройдет на это Л.Ф.(Литвинов-Фалинский). Г. (Горемыкин) одобрил в общем идею рескрипта.

Получил отчаянное письмо В. И. Покот. (Покотилло). Просится *воевать*.

Химца отчислили во фронте. Обвинили в плохой работе. У него все время был брат моей жены за оф. генер. шт. и ни разу о нем не отзывался плохо. Я докладывал его величеству и верховному. Оба тоже удивлены этим решением. Когда фронт спросил, отчислить ли его в резерв или дать ему иное назначение и настойчиво стал просить Толпыгу, то я, полагая, что В. А. Химцу все же будет легче иметь дело, а не сложа руки болтаться в Вильне, предложил заменить им Толпыгу. Если же ему обидно ведать лошадьми, то можно снять. Я же при случае буду предлагать его ю.-з. фронту. Должен сказать, что С.-В. фронт как-то выдохся, в чем паралич, не знаю. Боюсь, что Н. В. (Рузский) устал, болен, а другие его плохо вывозят.

Сердечно желаю бедной Екатерине Викторовне набраться сил и отдохнуть в Крыму.

Покорно прошу передать супруге мой почтительнейший поклон и верить глубокому уважению и преданности

искренно благодарного за все *И. Янушкевича.*

В. к. (великий князь) говорил не раз мне и при мне другим, что его заветная мечта после войны получить право не возвращаться ни к какой должности и проживать $^3/_4$ года в Першине—Тульской губернии.

С. М. (Сергей Михайлович), вероятно, охотно примет Кавказ.

Для В. (Воронцова-Дашкова), значит, пока надо искать другой выход.

Сухомлинов Янушкевичу.

6 марта 1915.

Относительно «выдыхания» Вы, повидимому,—правы, ибо Н. В. Р-ий (Рузский) мне пишет: «откровенно сказать, утомился изрядно, ведь уже 7 месяцев ни одного дня отдыха и покоя душевного».

Химца мне очень жаль и я думаю, что справедливо будет дать ему назначение на Ю.-З. фронте.

Решение о Мышл. (Мышлаевском) будет принято решительно всеми слоями общества с большим сочувствием. Зарекомендовал он себя отчаянно скверно; то, что я сегодня слышал от кн. Абашидзе, приехавшего с Кавказа, приводит меня к убеждению, что при увольнении ему нельзя сохранить и мундира.

Литв.-Фал. (Литвинов-Фалинский) очень доволен своим пребыванием в ставке и укатил уже в Харьков.

В совете министров пришли в ужас от задачи доставить 15 т. голов скота ежедневно. Действительно, эта задача невыполнимая, и придется уменьшить норму, которая и без этого не выдерживается в войсках, в районе военных действий.

Вообще, вопрос снабжения наших армий становится все труднее и труднее. Меры принимаются решительные, но надо немного и сжаться в потреблении.

Посылаю Вам проект какого-то «предпринимателя»,—который едва ли заслуживает внимания, ибо фуража не найдется. Вот почему я и настаиваю на развитии автомобильного дела в армии и посылаю Вам достаточно обильно всякие самодвижущиеся экипажи.

Очень хотелось бы устроить Э. (Эрандакова) на какое-нибудь штатное место в 3—4 тыс. руб., а то он не будет иметь права на пенсию, когда придется уходить.

Жена моя тронута Вашим вниманием и просит передать Вам ее сердечный привет, а я дружески жму Вашу руку.

В. Сухомлинов.

Морской министр мне сообщил сейчас, что Мемель взят.

Сухомлинов Янушкевичу.

8 марта 1915.

Как только я узнал о взятии Мемеля, просил вел. кн. Серг. Мих. послать туда кого-нибудь, чтобы поискали, нет ли там станков для на-

ших заводов. Город портовый и мастерские там, наверное, имеются. Из снарядного голода мы начинаем выходить, бог даст, наладится дело с углем и лишние станки будут нам очень полезны.

«Кайзер» пойдет, наверное, выбивать нас из Мемеля, поэтому забрать станки надо бы немедленно.

Чувствуется, что Перемышль в агонии, дай бог ему отойти в лучший мир поскорее.

Очень просится Сандецкий на войну, я сказал ему, что напишу Вам.

Никак не могут покончить в Москве и Питере с немецкими обществами электрического освещения. А между тем в Киеве с этим делом справились великолепно и ликвидировали немчуру. И. Л. Горемыкин почему-то все откладывает рассмотрение в совете министров.

Было бы очень хорошо, если бы от имени великого князя из ставки ему было сообщено, что желательно скорее порешить с этим. Пишу Вам об этом по совету И. Г. Щегловитова.

За время волокиты канцелярской немцы московские стали уже швейцарцами и стараются побольше денег перевести из кассы общества, чтобы меньше досталось русским.

Хорошо делаете, что анонимы не читаете, я давно так поступаю; специалист по этой части знаменитый кн. Андрон. (Андроников).

Храни же Вас господь

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Визит (царя) удачный. Перемышль снял камень. Легче дышать. Суета еще больше. Был Шидловский. Принят вел. кн. под свое покровительство. Воспрял. Ножницы Г-ча (Гулькевича) удостоились одобрения его величества, который лично изволил смотреть их. Спешу закончить. Г. повелел представить Вел. (Вельяминова) к очередной награде для императрицы М. Ф. К пасхе кн. Е. (Енгалычева) и Ф.-дер-Ф. (Фан-дер Флит) будут генерал-адъютантами. Но это еще большой секрет, и я это только Вам докладываю.

Кондратовича, ради бога, не берите. Я докладывал и по этому поводу буду писать официально.

Целую ручки глубокоуважаемой Екатерины Викторовны.

Вероятно, она уедет на пасху. Сердечно желаю поправиться. Извиняюсь за краткость. Прошу не гневаться. Фельдъегерь ждет у вагона.

Глубоко Вам признательный *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

Кипим: Карпаты, Плоцк—Гродно, Бзура—Равка, Дарданеллы. В Босфор вытягиваем корпус Истомина с Кавказа (Булыга, Бакретов—георг. кав.—пластуны и III стрелк.)+ополчение, 53-й казачий полк.

Мя-ва (Мясоедова), вероятно, вздернем в Варшаве. Ликвидируем и других. Вчера были здесь Щеглов. (Щегловитов) и Барк. Обошлось благополучно. Сообщили, что едут Родзянко (?!) и Маклаков.

Будем ждать Ваш визит 20—25. В. кн. опасался за г. и. (государя императора) и хотел перенести ставку на 2—3 дня в Гомель [из-за аэропланов немецк.].

За Коз.-Покл. (Козелл-Поклевского) не откажите дать отпор Саз-ву (Сазонову) в виде награды Семенову. Этим он подбодрится, и К. П. (Козелл-Поклевский) будет осторожнее измену творить.

Глубоко тронут, что вспомнили Троцкого. О нем поступил запрос.

Почтительно целую ручки глубокоуважаемой Екатерине Викторовне. Неизменно и искренно Вам преданный и благодарный

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

Надеюсь, путешествие глубокоуважаемой Екатерины Викторовны совершается благополучно. Жалоб пока нет. Наша стратегия теперь замерла, и мы не можем ничего предпринять, ибо немощны материально Лишь бы отбить; обидно, что вместо возможности к ежемесячному вливанию 1440 рот должны удовлетвориться 350. Гнусности немцев пошли дальше: выпускают бомбы с рвотными газами. Готовят нам гадость из-за Карпат, а Рум. (Румыния) все танцует на месте и только и слышим «ей ухнем» и дальше ни с места.

Прилагаю ходатайство о награждении П. А. П. (Плеве) брил. и А. Н. (орденом Александра Невского) с мечами за августовские операции.

Был здесь А. А. П., рассказывал про Кавказ и Мыш. (Мышлаевского), мало утешительного.

Глубоко признателен за награждение ген. Карачана и, по свойственной человеку ненасытности, решаюсь еще раз бить челом за полк. Троцкого-Сенютовича, получившего 5 ран во главе Ширванского полка в ивангородских боях. Если признаете возможным назначить его дир. Владик. корпуса,—высокопорядочный, безупречно нравственный и ретивый работник. Как офицер ген. штаба вел занятия в училище в Вильне. Извиняюсь за назойливость. Не обессудьте Вам глубоко признательного за все и почтительно преданного

Н. Янушкевича.

Янушкевич Сухомлинову.

Жду ваших приказаний по поводу условий снабжения патронами. Из-за них приходится отчасти уходить, так как нет средств поддержать достаточно сильный огонь. Вопрос, как изволите видеть, приобретает положительно грозный характер. Все драконовские меры для уменьшения и регулирования расхода приняты и значительно сокращают его, но и только. Военные агенты Англии и Франции свидетельствуют,

что и в их армиях по полученным сведениям расход превзошел предположения. Ведь в р. я. (русско-японскую) войну дрались недели две, а прозябали 2—3 месяца, а теперь есть части, находящиеся в *непрерывном* бою уже 85 дней. Это уже не бой, а титаническая борьба на смерть. Лишний арт. патрон сберегает десяток раненых и убитых, удерживает добровольцев пленных (а есть уже и такие). Бога ради, простите за назойливость, но по долгу совести должен Вам все представить, как оно есть в действительности. Если бы теперь могли сразу «хлынуть» новообранцы и прибыть в армию лишних 12 парков, то сразу инициатива была вырвана у немцев. А сейчас это недостижимо, и на сердце прямо тяжко. Мне так по ночам и чудится чей-то голос: «*продал, прозевал, проспал*».

Аш-га (Ашеберга) вызвали и спросили помимо меня. Можно будет сократить зловредность. Завтра съезжаемся в Брест с И. (Ивановым) и Р. (Рузским) для переговоров об отходе, так как оба уже неделю ежедневно требуют этого и слагают ответственность. Больно отдавать политое русскою кровью.

Почтительно целую ручку глубокоуважаемой Екатерине Викторовне и докладываю, что с фельдъегерем посылаю два сокольских знамени, которые могут дополнить выставку трофеев.

Прошу верить моему глубокому уважению и искренней преданности всегда Вам благодарного

Н. Янушкевича.

P. S. За Карачана и Троцк.-Сенютовича очень благодарю.

Янушкевич Сухомлинову.

Масса жалоб, пасквилей и т. д. на то, что немцы (Ренненк., Шейдеман, Сиверс, Эбергард и т. д.)—изменники и что немцам дают ход, а равно и настроение по письмам военной цензуры убедили, что назначение П. А. П. (Плеве) при некоторой крупице его режима и настойчивости проводить операции даже с жертвами, побудили в. к. (великого князя) отказаться от первоначальной мысли о П. А. (Плеве) и остановиться на человеке с русской фамилией.

Из таковых А. (Алексеев) лучший и более подходящий, чтобы быстро освоиться и взять в руки. Про Г-ча (Гулевича) ходят слухи, что он не à la hauteur.

Дело М-ва (Мясоедова) будет, вероятно, ликвидировано окончательно в отношении его самого сегодня или завтра. Это необходимо, ввиду полной доказательности его позорной измены, для успокоения общ. мнения до праздников. Остальные пройдут группами, по мере их выяснения. Полевой суд разберет их виновность сам. О. М. (Мясоедове) нет ни малейшего сомнения. Ки. А. (Андроников) отлично бы мог быть ему парным компаньоном. Оба друг друга достойны. Мне обидно (простите, бога ради) за Вас, что эти два явных негодяя когда-то пользовались Вашим доверием и за спиной творили пакости. Желаю бед-

ной Екатерине Викторовне скорее оправиться. Если разрешаете, то скажу: «будьте осторожны и с Э.» (Эрандаковым). Не гневайтесь. Я Вам многим, многим обязан, и мне тяжело, что из-за дряни возникают ими же, вероятно, сочиненные слухи вокруг Вас. Очевидность с М. (Мясоедов.) А. (Андроникова) обязывают меня доложить Вам это. Поверьте, ни что другое. Не далеко в свое время ушел ныне блаженной памяти М-ский (Мышлаевский). Еще раз прошу не гневаться и верить сердечной преданности и благодарности.

П. Янушкевич.

Сухомлиов Янушкевичу.

10 марта 1915.

В Петрограде создалась атмосфера совершенно невозможная: дрязги, сплетни, клевета приняли прямо невероятные размеры.

Сейчас на очереди Мясоедов, которого кумушки давно уже повесили вместе с графиней Клейнмихель и Драчевским. В ставке арестован Ю. Н. Данилов и его отправляют в варш. цитадель. У меня на квартире был обыск, и я подал в отставку, не бываю поэтому ни на каких заседаниях, и т. п. вздор.

Вся эта бездельническая чепуха покрылась сейчас «Перемышлем», с которым я Вас, дорогой мой, поздравляю от всего сердца.

Ликование громадное и теперь толки исключительно о том, как это случилось,—кто герои и, в конце-концов, начнут из зависти промывать и их косточки.

У нас зима в полном разгаре, снегу так много, что двигаться нельзя и мороз 10—15°.

Сегодня я напутствовал Кавказскую автомобильную роту, которая прекрасно и мощно сформирована.

Только что видел Шидловского, который мне подробно доложил все свои дела. Спасибо Вам, что Вы его поддержали, а то вел. кн. Александр Михайлович решил его слопать без остатка.

Супруга Ваша поручила мне передать Вам ее «почтительнейший поклон»,—а моя—очень, очень Вам кланяется и шлет привет.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Прилагаю интересную записку из Львова.

Сухомлинов Янушкевичу.

12 марта 1915.

Самым вредным злаком в нашем питерском болоте надо признать кн. Андрон. (Андроникова), который специализировался на клевете и шантаже.

Благодаря этому господину, по городу распущены самые невероятные слухи по Мясоед. делу—Ренненкампфа, гр. Витте.

Последнего он несколько месяцев тому назад шантажировал какими-то 200 т., которые тот получил, о чем Андр. узнал от Коковцева,— а на-днях у гроба Витте читал псалтирь.

У министра внутрен. дел имеется достаточно материала, чтобы его выслать, а это имело бы очень хорошие последствия для других болтунов.

Гучков вместе с Поливановым, повидимому, пытаются использовать Мясоедова в свою пользу. Следы первого я усматриваю по одной неосторожной телеграмме Бонч-Бруевича, а второй, в доме адмирала Авелана, разделывал военного министра и генер. штаб, наводя критику совсем не по сезону.

Знаю, что на все это нельзя обращать внимание, но на нервы не наложишь такой повязки, которая их успокоила бы, в особенности, когда начинают при этом лягать копытом и мою бедную Екатерину.

О высылке кн. Андрон. (Андроникова) я говорил Макл. (Маклакову); оказывается, он давно сам об этом думал—негодяй этот у себя на квартире завел контору печатания всякого рода записок, якобы обличительных,—вошел в дружбу с Распутиным и орудуют вместе... Ну, и болото!

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Получил Ваше письмо от 12.

Глубоко возмущен грязной личностью мерзавца А. (Андроникова). Чем его скорее повесят на одной осине с Мяс. (Мясоедовым), тем будет для всех лучше. Я всегда удивлялся, как мог он находиться по очереди при всех сильных мира и как его не могут раскусить. Первый раз увидел его около А. Ф. Р. (Редигера?) еще в 1906 году. Веревка по нем давно плачет. С М. (Мясоедовым) будет покончено решительно и быстро.

Пришла сейчас телеграмма от Н. В. Рузского об его увольнении по болезни. Он лежит, страдает, переутомился.

Во время пребывания здесь государя верховный, помня просьбу Н. В. (Рузского) еще при осмотре 4 Сиб. корпуса 8/I, просил наметить заместителя. Выбор пал на Алекс. (Алексеева). Поэтому, когда я принес телегр. Р. (Рузского) и доложил его просьбу, то через минуту уже писал под диктовку телеграммы о совершившемся с высочайшего одобрения факте. Кого возьмет Иванов—не знаю, сохранит ли А-в (Алексеев) Гулевича—тоже. Получены уведомления о назначении на пасху Енгал. (Енгалычева) и Ф.-дер-Ф. (Фан-дер-Флита) генерал-адъютантами.

Заключение о Секр. (Секретове) дано благоприятное «как за особое отличие». Но боюсь, что теперь полетят ходатайства франтов-зауряд. Помогите, дабы это не случилось.

О Пол. (Поливанове), Гучк. (Гучкове) и К-о ничего здесь не слышно. Никаких связей нет с ними и П. (Поливанов) бывал тут с А. П. О. (Алекс. Петрович. Ольденбургским).

У нас льет дождь. Чуется грозный удар немцев на Варшаву. Слухи о переброске 3—5 корпусов упорные. Что-то бог даст сделать! А-в (Алексеев) уверен быстро восстановить численность С.-З. ф. (Северо-западного фронта), без чего маневра нет.

Очень обидно, что задевают Екатерину Викторовну в то время, как она отдалась вся делу добра и, очевидно, не может заметить, где мерзости возникают. С Вашей бодростью духа, даст бог, пройдет незаметно.

Прошу передать мой почтительный и сердечный привет.

Генерала Селиванова, вероятно, постиг легкий удар от пережитых в последние дни волнений и решения его армию расформировать, а ему создать другую.

Низко кланяюсь. Дай бог всего лучшего. Искренно Вам признательный и глубоко уважающий *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

Письмо Ваше получил и возвращаю письмо Рауша. К награждению мундиром действительной службы г. Благовещенского препятствий не будет. Оставлять же его на службе нежелательно, как и Артамонова.

О Р. (Ренненкампфе) много говорил с гр. Фр. (гр. Фредериксом) и, кажется, он теперь вполне его оценил. Докладывал. Возмущены. Съездили отлично. Впечатление громадное. Настроение удивительное. Сошло гладко. Видели весь 3 кавк. корпус. Были везде, конечно, на коротке. Г. и. (государь император) изволил сказать, что вполне доволен поездкой. Дай бог и дальше так; жаль, что Вас не было. Наверно, было бы интересно и Вам, хотя Вы знаете край.

Сердечно желаю глубокоуважаемой Екатерине Викторовне быстро отдохнуть, окрепнуть и вновь взяться за свое большое хорошее дело.

То, о чем я Вам доложил, как полученное мною в анонимах, докатилось до Вас в виде сплетни устной. Предвидя это, я и позволил себе Вас предупредить тотчас же, так как быть заподозренным в закулисной мерзости не хотел и предпочитаю этому резко порвать со всем, лишь бы не быть под гнетом подозрения.

Дай бог и Вам отдохнуть за эти дни и прошу верить моему глубокому уважению и благодарности за все. *Н. Янушкевич.*

Против увольнения Санд. (Сандецкого) препят. нет. Что же делать—бедовый человек, хотя преданный делу.

Сухомлинов Янушкевичу.

15 марта 1915.

Генерал Сандецкий очень просится на войну. Государь сказал мне, чтобы я Вам написал об этом.

Перемен у вас много, дай бог, чтобы Алекс. (Алексеев) справился. Человека этого я очень уважаю и высоко ставлю,—но в полководческих способностях его не уверен, и в этом отношении, мне кажется, Плеве был бы выше. Ну, да Вам виднее, как лучше, лишь бы побороть немецких негодяев. Последних у нас много в Петрограде и не немцев.

Вы представить себе не можете, какую клевету и сплетни развели они здесь на Мясоедовской почве; хорошо было бы выслать парочку, другую таких господ [и во главе кн. Анд. (Андроникова)], чтобы успокоить взбаломученное море, вернее,—болото.

Подумайте только, как приятно и легко работать в такой атмосфере!

Вы боретесь с врагами внешними,—на мою долю приходится враг внутренний, неопрятный, подпольный. А что предстоит при демобилизации, когда под предводительством Родзянки выступит думская армия? Ведь и теперь уже что они себе позволяют и всюду суют свой нос. Среди них есть очень порядочные люди,—но и много же нехороших.

Сейчас у нас больной вопрос—угольный, ужасно неприятный тем, что начинают заявлять шрапнельные заводы о приостановке работ.

В мою поездку еще в Варшаву я наткнулся на заводе Лиль-Поп-Рау на остановку работ по той же причине. Тогда Рузский приказал пропустить несколько поездов и дело пошло. Теперь все в руках Рухлова и надо с этим справиться. Как только Домбровские копи будут в наших руках,—острота сильно ослабится.

Какая-то задержка произошла с назначением Литвинова-Фалинского, он мне передал по телефону, что его увольняют. Ничего не понимаю.

Жена моя, бедняжка, очень, очень Вам кланяется... 31-го марта думаю ее отправить на солнце.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград.
17 марта 1915.

Государь император повелел мне переслать Вам прилагаемое письмо. Прилагаю Вам и полученное мною из Харькова.

Оба эти документа свидетельствуют о том, что ненависть к немцам может быть использована агитаторами для такого рода выступлений в войсках, с которыми придется очень считаться.

Прилагаю и вырезку об А. И. Гучкове, который настойчиво добивается популярности в войсках и читает лекции о войне; а в деле Мяс. (Мясоедова) пытается прославиться героем.

Опасный человек. Еще одно приложение—письмо ко мне Орлова, который горит желанием воевать, а не сидеть в тылу.

У нас все морозы и весна не желает нас знать. Говорят, и у Вас не тепло, но не 9° же холода?

Храни Вас господь.

В. Сухомлинов.

Янушкевич Сухомлинову.

Письмо Ваше получил. Спешу Вам доложить, что о Санд. (Сандецком) верховный приказал доложить Вам для доклада его величеству, что, «высоко ценя работу генерала С. (Сандецкого) в Москве на пользу армии, он сейчас не предвидит возможности предоставить ему должность, соответствующую по высокому служебному положению, и будет иметь в виду указание его величества».

Вчера в ночь совершился суд над изменником. Подробности мне не известны еще. Через день—два выпустим объявление от штаба верховного для публики. Его признали виновным, и полевой суд приговорил к смертной казни. Теперь постепенно, по мере выяснения их виновности, из рук гражданской прокуратуры перейдут и остальные главнейшие виновники этого кошмарного для армии и русского общества дела. Я считаю, что следствие, веденное гражданскими властями, лишь по определении ими безусловной виновности арестованных, переходящее в руки полевого суда, являясь гарантией отсутствия произвола и «уничтожения опасных лиц», избавляет в то же время от ушатов грязи, которая неминуемо потекла бы на многих лиц, имевших несчастие верить хотя минуту этому негодяю. Ведь Моргулиусы, Керенские и К° не остановились бы ни перед чем, чтобы загрязнить побольше лиц, причастных к правительственной власти. О всех последующих определенных шпионах будет дополнительно докладываться его величеству и тогда назначаться новый полевой суд. Простите за это письмо. Вылилось наболевшее. Надеюсь, все вздохнут свободнее теперь, что кара постигла виновного.

Мой почтительный привет глубокоуважаемой Екатерине Викторовне от глубоко Вам за все признательного и уважающего

Н. Янушкевича.

Очередь, надеюсь, за Ренненкампф. и К°.

Янушкевич Сухомлинову.

Говорят, что следует ожидать визит (царя). Значит вы, вероятно, прибудете вместе. Жду Макаренко. Хочет около 12—15 прибыть И. Г. Щегл. (Щегловитов). Кажется, будет на-днях и А. В. Кр. (Кривошеин).

Сейчас узел событий на Карпатах. Надо успеть предупредить. Очень опасаюсь, что и там есть свой Мясоедов. Так это чувствуется, что волосы дыбом становятся. Неужели Русь так опустилась? Впрочем, бог даст, справимся и с изменниками, хотя роль даже заглазного палача и не особенно приятна, но тут не до того.

Не откажите передать мое письмо глубокоуважаемой Екатерине Викторовне с искренними ей пожеланиями окрепнуть поскорее. Артамонов оскандалился в Перемышле. Надо его гнать оттуда.

Вероятно, потерял голову и начал мнить себя не Артамоновым, а Кусманеком.

Прошу верить моему глубокому уважению и искренней за все благодарности. *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

Очень Вам благодарен за выраженное доверие, но не доложить Вам я не мог.

Его величество повелел мне предоставить непосредственно с 1-й из сводок справку для ее величества о 21 Сиб. полку.

Поэтому извиняюсь, что не получите, быть может, сводки.

Вообще, много людей плачут по веревке. Вся М. (Мясоедова) история взбаломутила море грязи. Одной переписки оказалось до 50 пуд. Я не видел ее, но слышал. Теперь очередь за женой М. (Мясоедова), которая, говорят, старается доказать свою непричастность и легальность.

Искренно желаю глубокоуважаемой Екатерине Викторовне отдохнуть. У меня лично праздник. С разрешения велик. князя приехала семья и проведет целых три дня. Даже и мечтать не смел. Только встретил их дождик.

Искренно вам преданный и глубоко за все признательный

Н. Янушкевич.

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград.
20 марта 1915.

Христос воскресе!

Я и жена моя шлем Вам, дорогой Николай Николаевич, в этот светлый праздник, горячие пожелания во всем полнейшего успеха. Мы понимаем, что Вы переживаете и что перенесли за 8 месяцев, а Вы знаете, что мы испытывали в петроградском болоте, где, кроме зависти, клеветы и отсутствия патриотизма, кажется, ничего нет.

Но бог милостив, «господь не выдаст, свинья не съест», как говорит народная поговорка. 31-го марта надеюсь отправить Екатерину Викторовну в Ялту, ей необходимо отдохнуть на солнышке, а у нас здесь погода ужасная и будет, наверное, еще хуже, когда совсем «размокропогодится».

Только что мне подали Ваше письмо, и я узнал, что заслуженная кара состоялась. Что это за негодяй, можно судить по его письмам, которые он мне писал—шантажные,—когда я его уволил. Но хороши же и Гучков с Поливан. (Поливановым), которые не пожелали дать никаких данных при следствии, чтобы выяснить этого гуся своевременно.

Мои друзья, конечно, напрягают все усилия, чтобы укорять меня, зачем я его взял,—точно я его выдумал и он только у меня служил.

Относительно Э. (Эрандакова) я говорил с Беляевым и Джунковским; мы не считаем его нехорошим, вредным человеком, но он просто не обширного ума человек. Вижу я его редко, только на коротких докладах в 5—10 мин. времени.

Что касается Ренненк. (Ренненкампфа), то у генерала Баранова он начинает выясняться довольно рельефно и окружавшие его прямо мародеры какие-то.

Хорош и гр. Шувал. (Шувалов).

Будьте же здоровы и храни Вас господь

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

О Сандецк. (Сандецком) государю доложу.

Относительно Плеве я так и догадывался сам.

Янушкевич Сухомлинову.

Воистину воскресе! глубокопочитаемый Владимир Александрович.

Глубоко признателен вашему высокопревосходительству за письмо. Очень рад, если с Э. (Эрандаковым) все благополучно. Я считал своим долгом привлечь Ваше внимание на всякий случай.

История с М. (Мясоедовым), видимо, сильно разрастется. Но теперь уже ускорять не будем. Дело суда. М. (Мясоедов) держал себя сначала нахально и, видимо, не верил исходу, а когда узнал, то упал в обморок.

Спешу доложить Вам, что я получил 2 письма из Варшавы и Петрограда, где сообщают мне новость, «что Вы оставили свой пост, и я Ваш заместитель!!!» Считаю своим долгом Вам это доложить, ибо я к этим слухам совершенно не причастен. Наш разговор никому не передавал и не передам, и опасаюсь, что это делается с целью восстановить Вас против меня. Как и недавно, повторю одно. Буду глубоко признателен, если меня уволят от службы, но лишь бы не связывали мое имя с интригой против Вас или с эгоистическими целями сохранить не по плечу место нач. штаба. В жизни своей «ни к чему не подбирался», и если все же всю жизнь сыпались на меня милости, то совесть моя совершенно чиста. Простите, что опять надоедаю Вам собою, но, видимо, того хочет судьба.

Вообще за вторую половину истекшего периода повылезли из щелей разные гады и все стараются испортить отношения. Уж не от немцев ли сие? Они на все идут. Вероятно, мое начальство (жена) опять меня посетит, так как получила приглашение.

Почтительно целую ручки Екатерине Викторовне и прошу вас верить моему глубокому уважению и искренней признательности.

Н. Янушкевич.

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград.
22 марта 1915.

Плюньте трижды на анонимы, как я это делаю совершенно равнодушно. С тех пор, как я попал на крупную должность, зависть всяких «мошек, таракашек» изливается на меня постоянными анонимами,

которыми меня здорово обстреляли, и теперь я к этому способу травли привык. Знайте одно, что меня с Вами никто поссорить не может, а тем более люди недостойные, прибегающие к анонимам. Главная фабрика этой мерзости у кн. Андр. (Андроникова), и верно Вы говорите, что шея его давно просится под петлю.

Что же касается «немцев», то против меня они со всем своим удовольствием поведут какие угодно подкопы.

На-днях мне говорили, что банковый делец, некий немец Шпан, успевший перекраситься в российского гражданина, усиленно распространяет слухи, что меня увольняют, что государь меня больше с докладами не принимает, и генерал Шувалов пришел даже спросить меня, правда ли это?

На что только эти негодяи не способны!

Интересную вещь сообщил мне корресп. «Times» Вильтон. Он ехал в Варшаву и в вагоне-ресторане с ним заговорил один наш офицер и удивил его своей беззастенчивой руганью русского военного министра. Поступить так мог только пруссак, по мнению Вильтона; оказался же это—полк. Мясоедов. Я думаю, что наша русская поговорка «мертвые срама не имут» относиться к нему не может.

Будьте же здоровы и спокойны, дорогой Николай Николаевич, я Вас хорошо знаю и Вашу громадную способность оказать услугу нашей дорогой Родине. Знает это отлично и наш обожаемый государь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Жена моя шлет Вам самый сердечный привет. Через неделю она уедет и я после того попрошу разрешения на один день съездить к вам и к Алексееву.

Сухомлинов Янушкевичу.

26 марта 1915.
Петроград.

С высочайшего соизволения я предполагаю в среду 1-го апреля выехать к Вам в ставку и в четверг двинуться обратно.

Благоугодно ли будет его императорскому высочеству соизволить на сие?

Так как турецкий флот свободно гуляет по Черному морю, хотя и потерял в последнюю прогулку близ Одессы один хороший корабль, то «начальство» мое направляю в Кисловодск, вместо Ялты, где в гост. «Россия» турецкий снаряд пробил помещение, обычно занимаемое семьей гр. Фредерикса.

Посылаю к Вам с докладом главного военного прокурора по делу Рен. (Ренненкампфа), ибо он все жалуется, будто я торможу производство следствия, а он стремится на войну.

Мои друзья вешают на мне всех собак—по поводу Мяс. (Мясоедова), а такие негодяи, как кн. Андроников, стараются вылить побольше грязи и на жену мою. Вот уж поистине мерзавцы.

Меня со всех сторон спрашивают, какую миссию получил генер. Палицын от штаб. верх. гл-ющего, но я отвечаю неведением.

Слава богу, становится у нас теплее, а то мы потеряли уже надежду выбраться из зимы.

Будьте же здоровы и богом хранимы.

Сердечно Ваш

В. Сухомлинов.

Супруге Вашей прошу передать привет от Сухомлиновых.

Янушкевич Сухомлинову.

Спешу доложить Вам, что велик. князь ожидает Вас.

На наш флот надежда плохая. Помогают мины, но не флот. Конечно, спокойнее Екатерине Викторовне пережить эти дни на сев. Кавказе. Был Горемыкин. Был сегодня Савримович с ножницами. Буду ждать А. С. Макаренко. Был Джунковский. По слухам С.-З. фронт захватил еще более широкую организацию шпионов. Ну, и времена!

Мы побыли до 23-го и уехали и уже теперь на месте.

Переброска 3 корпуса на юг, даст бог, поможет нам усилить нажим на швабов. Я их теперь так ненавижу, как никогда. По-моему, страдания Макухи и Панасюка, т.-е. живых свидетелей тысяч жертв этих извергов, требуют жестокого и беспощадного возмездия этим извергам.

В общем тихо, вопросов особых нет.

Покорно прошу верить моему глубокому уважению и неизменной признательности за все. *Н. Янушкевич.*

Сухомлинов Янушкевичу.

9 апреля 1915.

Прилагаю Вам при сем два документа, свидетельствующие, как нуждаются у нас немцы: каналья пишет даже по-немецки русскому генералу, во время войны с Германией.

По миновании надобности, будьте добры верните мне произведение сих немцев.

Государь едет в армию, а мне разрешено съездить в Кисловодск.

Храни Вас господь

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

6 апреля 1915.
Петроград.

Вместе с этим письмом прибудут к Вам и члены совещения под вашим председательством.

Кн. Шаховскому сегодня я подробно объяснил, как исполняются, какими заводами наши заказы снарядов. Он обещал понажать на неисправных.

Чистая беда с нашими господами гл. артил. управления: с пеной у рта отстаивают Шнейдера-Крезо и добились заказа этой К° снарядов. Ничего, конечно, г.г. французы не доставляют; но лучше всего, что передали наши заказы в Испанию, Норвегию и Италию, как мне передает из Парижа гр. Игнатьев, а кн. Шаховской сообщил мне,— что ухитрились где-то и у нас заказать. Это уже прямо № выходит, а я «из себя выхожу».

В четверг собираюсь отправиться в Ростов, Таганрог и Кисловодск.

Мое же начальство телеграфирует, что в Кисловодске холод и дождь, а потому она перебирается в Крым.

В среду 15-го буду обратно в Петроград.

Прибыли японцы. Жду с нетерпением американских ружей.

Будьте же здоровы и богом хранимы.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград.
9 апр. 1915.

Барон Рауш ходатайствует о Благовещенском, но без ведома великого князя не нахожу возможным ничего предпринимать по этому делу.

Прочтите его письмо и сообщите мне о решении верховного главнокомандующего.

С высочайшего соизволения сегодня еду в Ростов, Таганрог и Кисловодск, где повидаю Н. В. Рузского.

Мое начальство, к сожалению, оттуда уже переезжает в Ялту;— оказалось и холодно и сыро на Кавказе.

Дружески жму Вашу руку. *В. Сухомлинов.*

Очередная петроградского болота сплетня: меня убирают, Вы на мое место, чтобы очистить дорогу Раушу.

Можете себе представить, какая благодарная канва для всяких узоров и вышиваний языком.

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград.
15 апреля 1915.

С рекомендацией Извольского ко мне явился очень симпатичный уполномоченный.

Он умоляет меня разрешить ему послать в газету прилагаемую корреспонденцию.

Без Вашего ведома я ему разрешения не дал.

Просмотрите, пожалуйста, то, что он изложил: по его словам, это те вопросы, которые французскую публику интересуют и главное для него,—что он сообщает с моего ведома.

Что найдете лишним—вычеркните, а, может быть, признаете нужным что-либо прибавить, с нашей стороны желательное, а то и просто скажете: не печатать ничего.

Очень жалею, что не пришлось попасть в Галицию, где, повидимому, все было великолепно.

Из моей поездки: последние мобилизационные наряды выполнены с большим излишком во многих местах, а вместе с тем полевые работы не окончены. Поэтому я указал, напр., харьковскому губернатору, что многих людей можно отпустить на неделю домой, и таких у него оказалось до 10 т. человек. То же самое в Ростове и Таганроге.

На юге огромное количество лазаретов пустует, а на севере они переполнены.

Что делается с казармами—ума помрачение.

Вообще обилие «сверх-начальников» временных,—система опасная;—«постоянным» расхлебывать кашу их по окончании войны будет нелегко. Стараюсь выгребать и против течения их фантазий, но артиллерийская и санитарные волны—мертвой зыби подобны.

Жена моя в Ялте и просит меня приехать хоть на один день. При нашей отвратительной погоде и атмосфере петроградской—с удовольствием исполнил бы ее желание, при первой к тому возможности,—не знаю только, удастся ли.

Будьте же здоровы и богом хранимы. *В. Сухомлинов.*

Сейчас получил от Вас литературу Епанчина по примеру Ренненкампфа. Мое мнение—его надо уволить со службы.

Янушкевич Сухомлинову.

17/IV.

Сейчас получил Ваше письмо. Спешу вернуть письмо посла Извольского и заметку Anet. Редакция выгравирована по указанию верховного и, таким образом, не может вызвать нареканий. Итак, Вам не удалось повидать Вашу супругу, а я думал, что Вы туда проедете.

Примите мой низкий привет. *Н. Янушкевич.*

Сухомлинов Янушкевичу.

19 апр. 1915.

Единственное ведомство, с которым, по известным Вам причинам, справиться нельзя,—собирается принять меры «post-factum». Слава богу, что по независящим от г. а. у. (главного артиллер. управления) причинам несчастие приключилось в одну, быть может, лишь десятую

того, что могло бы быть. Если это злоумышление, то недостаточно умелое или для нас со снисхождением.

Беда ужасная со «сверхначальниками»,—получаются такие трения, а у «Сумбур паши» такие Кочергинские.... (?), что мы просто не знаем, как нам быть, чтобы дело не страдало. Представьте себе, что г. Кочергин приложил к телеграмме штамп принца и потребовал своего зачисления в генеральный штаб. Можете себе вообразить возмущение нашего милого Михаила Алексеевича (Беляева), который готов был, кажется, кусаться.

Командующие войсками в округах распределяют пленных; принц с этим не считается и, по никому неизвестным соображениям, старается водворить их в помещения, до чердаков уже переполненные людьми.

Был у меня капитан Михайлов (бывший думский секретарь), говорит, что им были довольны в XII армии, а затем, по проискам А. И. Гучкова, ему приходится уходить.

Гучков всегда воевал против Михайлова и с этой точки зрения Михайлов заслуживает внимания. Если он будет просить у Вас аудиенции, не откажите ему в этом.

Дошел до меня слух, что лихую пулеметную роту полк. Добржанского предполагают разбить по-взводно. Ради бога, не дайте погубить этим мое детище, я высылаю взводы бронированных автомобилей, которые и можно направить куда надо, а рота Добржанского должна быть в одних руках и в этом виде она заслужила репутацию отважной и боеспособной части, потому не целесообразно было бы ее расстраивать.

Радуюсь, что «муромцы» начали хорошо работать. По нашим сведениям, Горшков здорово накрутил немцам и будут его помнить.

Будьте же здоровы и богом хранимы. Сердечно Ваш

В. Сухомлинов.

Жена в Ялте и чувствует себя хорошо, порывается вернуться, но я ее удерживаю.

Сухомлинов Янушкевичу.

22 апр. 1915.

Вы мне прислали на расправу записку генерала Епанчина, но он числится в резерве Двинского в. округа, поэтому я для него «чиновник постороннего ведомства». Тем не менее имею к нему касательство вот по какому случаю. Г. Еп. (Епанчин) явился в Петроград в штатском платье и побывал в «бюро клеветы и шантажа» кн. Андроникова, где фабриковались записки ген. Рен. (Ренненкампфа). Результатом этого было появление кн. Андроникова у начальника главного штаба с известною Вам запиской и ходатайством за Епанчина. Вот по этому поводу я и приказал Михневичу формальным порядком снять показание с князя, откуда у него эта записка и что он за поверенный в делах «бюро». Что окажется, я передам министру внутр. дел; а думаю, что Еп. (Епанчин) подлежит увольнению без мундира.

По сведениям Михневича, записка распространена по городу, а для петроградского болота какая это пища для сплетен и толков! Не стыдно ли нашим генералам давать для этого пищу? Что же касается кн. Андр. (Андроникова), то лучше всего было бы его выслать из столицы на время военных действий, ибо у него контора какая-то, в которую обращаются все недовольные из действующей армии и там фабрикуются сплетни, клевета и записки.

Если верховный главн-щий не будет ничего иметь против, я просил бы разрешения прибыть на несколько часов в ставку по разным делам, не раньше будущей недели.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Очень Вам признателен за Ваше письмо. Взрыв поверг меня в уныние. Назревают вновь серьезные события у Горлицы и на Дунайце. Неприятна история в Риго-Шавельском районе, куда переброшен уже Барбет. Надеюсь, он быстро восстановит спокойствие. Верх. Главнок. предлагает командировать генерала Сандецкого на роль Ольховского, но на театр войны, только во избежание стычек в Москве.

Если Вы и г. А. (ген. Алексеев) согласны, то благоволите испросить соизволение. *Бога ради*, не сердитесь и будьте настороже. Михайлов заподозрен контр-разведкой, и о нем уже начато дело. Это—большой проходимец и он старается Вас обмануть, прикидываясь жертвой Гучкова. В этом деле последний не при чем. Горячо любя Вас и болея душой за пережитое Вами с Мяс. (Мясоедовым), усердно прошу Вас: будьте милостивы, закройте дверь М-ву (Михайлову). Наживете себе и Екатерине Викторовне неприятные минуты, а нервы-то ведь нельзя менять—старые. Простите и верьте, Ваше высокопревосходительство, что только искреннее желание Вам добра побуждает меня на это. Такому барину важно, чтобы видели и знали, что Вы его принимаете, а враги à la Андрон. (Андроников) всегда подстерегут.

Еще раз прошу не сердиться и верить, что только желание Вам добра побуждает меня на это. Гучкова бы повесил с наслаждением. Стоит того. Екатерине Викторовне нужно отдохнуть месяца полтора, а то опять расхворается. Беда, когда «начальство» любимо и непокорно. Без Иванова А-в (Алексеев) ведет дело спокойно без кликушества. Слава богу, у Дильмана хорошая удача.

Еще раз прошу не гневаться на глубоко Вам преданного и признательного *Н. Янушкевича.*

Янушкевич Сухомлинову.

27 апреля.

Буду ждать Вас в среду. На всякий случай предупреждаю, что, может быть, проездом в Петроград в этот день будет на ставке супруга великого князя.

Вопрос о патронах фатальный. Великий князь просит, чтобы Вы приказали проверить, приняты ли меры на случай пожаров на заводах. Немцы начали со всех сторон пакостить. Взрывают уже кое-где мосты, склады. Все это за деньги, вероятно, проделывают жиды. Больше некому.

Вопрос патронов и ружей скажу—кровавый.

Есть еще один беспокоющий верх. главн.—это глухой ропот солдат, что «из деревни пишут, что бабы балуют с пленными». Мысль эта многих гнетет, а других возмущает. Нельзя ли свести на-нет размещение по деревням одиночками?

Не буду утруждать Вас массой вопросов. До скорого свидания. Как здоровье глубокоуважаемой Екатерины Викторовны. Не едете к ней? Мы ждем посещения (царя) к 5/V.

Глубоко Вам за все признательный и уважающий.

Н. Янушкевич.

Сухомлинов Янушкевичу.

6 мая, Петроград, 1915.

Кажется, можно будет наладить у нас на заводах еще более интенсивную подачу снарядов, независимо от того, что делается распоряжением вел. кн. Сергея Михайловича.

Дело в том, что теперь уже видно, до чего ненадежны заказы в Англии и во Франции. Первая сама не имеет артиллерийского снабжения в должной мере и заказывает в Америке, а вторая работает сверх сил на себя.

Поэтому я опять обратился к Литвинову-Фалинскому по секрету, может быть, что-нибудь и сделаем. Пока это только между нами,—а то «верховный артиллерист» может устроить какой-нибудь камуфлет.

Будьте же здоровы и богом хранимы.

Жена моя шлет Вам привет,—она поправилась и запряглась уже опять в работу.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

7 мая, 1915.

Мои однополчане прислали мне совершенно конфиденциально прилагаемую пометку.

О том, что Люце, Полторацкий и Главацкий для полка не желательны,—слухи до меня доходили.

Что касается Молоствова, то он молодец, но, насколько их мечты осуществимы, очень трудно сказать, куда же деть двух полковников старше его?

Будьте же здоровы и помоги Вам господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Надеюсь, что с отъездом С. М. (Сергея Михайловича) дело артиллерийское пойдет уже другим темпом. Думаю, что Ваши руки развязаны, и Вы можете двинуть вопрос гигантскими шагами.

Очень желательна помощь С. Д. Сазонова, дабы он лично переговорил с бар. Мотоно и через Мал.-Мал. (Малевич-Малевского) в Токио воздействовать на япон. в. мин. (японское военное министерство). Это—совет нашего японца в ставке. Он все повторяет то же самое, и я думаю, что надо это иметь в виду.

Из переписки с Китченером и Жоффром и из доклада генер. бар. Каульбарса выяснилось, что наши агенты в Париже и Лондоне не пользуются авторитетом, и многое из-за этого не клеится. Генералу Каульбарсу удалось добыть много ценного материала, что засвидетельствовал в. кн. А. М. (Александр Михайлович). Сам генерал К. (Каульбарс) просил дать ему дивизию или корпус, но верховный главнокомандующий считает это неудобным и нежелательным. Зная же энергию его и безусловную честность, полагает крайне желательным командировать его в Англию и Францию для непосредственных разговоров с Китченером и Жоффром, по действительному выполнению всяких заказов, снабдив его полномочиями по заключению всяких условий по покупке ружей, патронов и т. д. В этом духе вел. кн. послал телеграмму государю. Если бар. К. (Каульбарс) получит точный список наших заграничных потребностей, то, конечно, легко будет его направлять в смысле нажатия на союзников, которые без кнута не идут. Дай бог Вам успеха сделать быстро в России то, чего мы не могли получить за 8—10 месяцев при средостении.

Мой почтительный привет Екатерине Викторовне.

Прошу верить глубокому уважению и преданности всегда благодарного *Н. Янушкевича.*

Сухомлинов Янушкевичу.

9 мая 1915 г.

Какой ужас с пожаром поезда со снарядами сегодня ночью в Гатчине!

Оказывается, что еще на станции Петроград уже загоралось при отправке, а в Гатчине снова.

Очень похоже на то, что это злой умысел, хотя теперь, с отоплением дровами такая масса искр вокруг вагонов, что немудрено загореться и без умысла.

Главное артиллерийское управление меня изводит до того, что я готов выгнать десяток, другой этих господ, для которых интересы армии—пустой, непонятный для них звук.

Телеграмма верховного главнокомандующего о снарядах легла у меня на сердце, и я без ведома артиллеристов попытался поговорить с заводами, и в результате прилагаю при сем данные, которые просмотрите и, если найдете, что делать это надо, то доложите его импе-

раторскому высочеству. Хорошо было бы доложить и государю, тогда я, не мешая великому кн. Сергею Михайловичу, двину дело без артиллерийских тормозов.

Мне нужна будет только в утвердительном случае телеграмма, что крайний недостаток снарядов вынудил верховного гл-щего доложить его величеству о необходимости сверх мер, принятых вел. кн. Сергеем Мих., предписать военному министру изыскать еще средства изготовления артиллер. патронов.

Сейчас я узнал о таком факте: 9 сентября 1914 года я собирал заводчиков и просил их приняться за изготовление снарядов. «Русское О-во для изготовления снарядов и военных припасов» предложило свои услуги, и 25 окт. 1914 года за № 56158 Гл. Арт. Упр. ответило им: «...заказ не может быть принят за отсутствием надобности в шрапнели!!!».

Заказ этот затем дан им 12 янв. 1915 года, когда я пошел уже на них войной. Вот это сотрудники, жаль, что они не работают на германскую армию. В Смысловском я разочаровался окончательно.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

9 мая.

Записку при письме получил. Постараюсь добраться до полка для рассортировки. Относительно Л.-Ф. (Литвинова-Фалинского) и Орлова получил предложение помочь делу снабжения, и ждем результатов этого обещания, в смысле более подробных предложений. Вчера вечером подписан договор с Италией.

Дай бог в добрый час. Может быть, и Румыния потянется теперь легче. Р.-Д. (Радко-Дмитриев) замещен Лешем и едет лечиться на Кавказ. Трудно разобрать пока, кто виноват в эпопее, т.-е. Р.-Д. (Радко-Дмитриев) или Вл. Др. (Драгомиров).

Г. (государь) продлил свое пребывание. Был Смысловский, сделал ему очную ставку с англич. и япон. Должен был признаться, что не совсем верно ориентировал. То, что сообщалось Виккерсу или Лой Джорджу, считалось уже объявленным Китченеру.

Интересное сообщение приехавшего Ланглуа.

Потребность в патронах все возрастает, и уже кричат криком о ружейных.

Прошу передать мой почтительный привет Екатерине Викторовне и искреннюю признательность за добрую память.

Глубоко Вам признательный и почтительно преданный.

Н. Янушкевич.

Сухомлинов Янушкевичу.

11 мая 1915.

Получил телеграмму и сейчас же стал нажимать все кнопки. Среди них есть и колючие, старающиеся доказать, что ничего из этого не выйдет, что это только эксплоатация казенного сундука и т. д.

Странно только, что эти мотивы отсутствуют при заказах заграничных, по инициативе с Литейного проспекта. Но Родзянко проявляет большую энергию и, не стесняясь, высказывает вел. кн. Сергею Мих. такие истины, что даже страшно становится.

Сегодня едем в Гатчину: Маклаков, Рухлов, Щегловитов и я. Следствие началось непосредственно за взрывом, имеется и теперь уже кое-какой материал для суждения о причинах, но едва ли точно можно будет установить истинного виновника.

Наконец, Италия разрешилась от бремени, очередь за Румынией. Я говорил Сазонову, что скупиться не стоит, германцы не стеснялись и обещали итальянцам куски Австрии, почему же нам не брать с них примера? За счет «Франца» можно обещать Румынам хоть Буда-Пешт.

Из армии доходят сюда слухи, что Иванов потерял голову. По-моему, этого случиться не могло, так как у него ее не было, вспомните Киев в апреле минувшего года.

Жена моя принялась опять энергично за работу, боюсь, чтобы не подорвала окончательно свое здоровье. Она просит передать Вам сердечный привет и, если что нужно, сообщить ей.

Дружески жму Вашу руку. *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Ваше предложение, встреченное очень сочувственно, совпало с таким же обращением Родзянки лично к верховному. Все было совместно доложено его величеству и получило санкцию.

Фонды г. а. у. (главного артилл. управл.) пали на 40—60%, и это, вероятно, почувствуется очень резко.

Китченер начинает давать более определенные обещания. Октябрьский отказ г. а. у. (главного артиллерийского управления) есть акт, достойный возмездия суда. Просто волосы дыбом. Прибыл Сандецкий. Едет наводить порядок к Никитину и потом навестить пленных.

У врагов идет новая перегруппировка, но для нас ли или для итальянцев—сказать пока трудно.

Г. (?) кажется, уезжает завтра. С патронами в Гатчино ужас. Надо быть везде на-чеку. Им это теперь очень на-руку. Не рассчитываю на военную помощь Италии (реальную для нас), но зато уменьшается пропуск продуктов к разбойникам.

Думаю, что Румыния дала бы более ощутительную помощь как военную, так и общую.

Радко-Д. (Радко-Дмитриев) уехал на месяц в отпуск. Думаю, что еще принесет пользу. Он просится тоже.

Мой почтительный привет глубокоуважаемой Екатерине Викторовне. Глубоко Вам преданный и благодарный

Н. Янушкевич.

P. S. Позвольте бить челом о приеме в артилл. училище кадета Красовского из Ташкент. корпуса, отличенного геогр. крестом за

участие в подавлении саперного бунта. Нехватило у него баллов. Всеми силами стремится в артиллерию. Буду глубоко признателен за разрешение.

Сухомлинов Янушкевичу.

14 мая 1915.

Получил телеграмму великого князя верх. гл-щего, и сегодня у меня первое заседание нашего нового совещания. Девизом будет: «Меньше слов, больше дела и энергии». В наших действиях не должно быть ничего такого, что мешало бы осуществлению мер, принятых вел. кн. Серг. Мих.

Мы же должны создать «сверхмеры», к каковым, напр., я считаю привлечение железнодорожных мастерских, их много, и надеюсь, что им по силам будут и дистанционные трубки.

Что с Ивановым кончится так, я давно это предчувствовал и никогда не мог понять, как это великий князь Николай Николаевич заблуждался в его оценке.

Со всех сторон доходят известия, что Мемельский герой генерал Потапов ведет себя прямо постыдно в Митаве; это же сумасшедший человек, и я понять не могу, как он туда попал в ответственной роли.

Его надо убрать как можно скорее, а то он натворит Вам чудес, а у Вас их и так довольно.

О гл. арт. упр. у нас с вами никогда не было разницы во мнении, и вы хорошо знаете, что всегда мне мешало привести их в христианскую веру. Положение это не изменилось во время войны, благодаря тому, что Маниковский оказался не во главе дела и властною рукою был аннулирован. Шесть лет я всеподданнейше докладывал об этом неблагополучии в военном ведомстве, но без всяких последствий.

В субботу буду с докладом и, может быть, получу твердые указания.

Храни Вас господь и помоги Вам в тяжелом Вашем деле.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

16 мая 1915.

Все, что только в моих силах, делаю, чтобы справиться с артиллерийским снабжением. Но должен Вам сказать, что сложившаяся обстановка до того тяжела, и такая масса палок в колеса попадает со всех сторон, что на одно занятие по вытаскиванию их даром уходят силы и расстраиваются нервы.

Прилагаю при сем доклад, который прошу Вас просмотреть.

Дело в том, что какой-то Авсеенко усиленно предлагает заказ 1.000 автомоб. в Америке; нами же испытаны английские, оправдавшие себя в армии. Но так как он пугает нас, что будет добиваться этого заказа через «ставку», как он говорит, то я и признал за благо познакомить и Вас с этим делом.

По миновании надобности верните мне доклад.

Стали поступать предложения на трубки и снаряды благодаря распространившемуся слуху, что заявления принимаются и выслушиваются. Может быть, не все будет приемлемо, но хоть часть пригодна, и то хорошо.

Вчера в Сенате отстаивал новое наше положение о военно-медицинской Академии и выиграл сражение. Можете себе представить, что против военного ведомства подали голоса два сенатора в военных мундирах: Чарторийский и Рыдзевский. Его величество высказался, что их следовало бы переименовать в тайные советники.

Будьте же здоровы.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Жена просит передать Вам ее душевный привет.

Янушкевич Сухомлинову.

17 мая.

Сию минуту получил Ваше письмо и потребовал к аппарату Н. И. И. (Иванова).

Требует только: 40 парков в месяц и 7 милл. руж. патронов в день. Я его попросту облаял, так как это возмутительно. Ведь он же лучше других знает, исполнимо ли это! Тогда он потребовал немедленного прибытия для совещания.

Вот мы экстренно и выезжаем. Вчера здесь был в. кн. С. М. (Сергей Михайлович), из его разговора верховный вынес впечатление что ген. инсп. сознает, что г. а. у. (главное артиллерийское управление) работало не как следует и теперь пойдет навстречу всячески Вашей комиссии. Дай-то бог! Родзянко так много шумит, пусть же он теперь сам поработает, а участие его снимет у них возможность потом критиковать сверхмеры, т.-е. реквизицию заводов.

Почтительно целую ручку Екатерине Викторовне и прошу верить моей неизменной признательности и глубокому уважению.

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

21 мая.

Свершился факт очищения Перемышля. Брусилов ссылается на недостаток патронов,—эту bête noire Вашу и мою. Иванов, исходя из 40 выстрелов в день из винтовки, считая по 5 т. винтовок в дивизии, требует 8 милл. руж. патронов в день и 40 парков легких патронов в месяц. Если сравнить с колоссальным расходом французов в последней операции в Шампании (100 т. в сутки, 10 дней, сверх 50 т. по всему фронту ежедневно), то язык прилипает к гортани.

Л.-Фал. (Литвинов-Фалинский) сообщил о полной возможности поднять производительность Пут. (Путиловского) завода в отношении орудий с 100 до 180 в месяц с ощущением результатов через 2 недели!?!! Если бы так пошло с ружьями и патронами, то это было бы спасением.

По просьбе Родзянко генер. Лагиш телегр. во Францию о порохе, а по моей—об ударных трубках для гранат.

Французы дали ответ: 100 тонн пороху в два приема немедленно и 200 т. ударных своих трубок немедленно и по 200 т. в месяц.

Ответ в. кн. С. М. (Сергея Михайловича) такой: не понимаю отказа французов мне и согласия Родзянко. Порох безусловно нужен нам, а не Р. (Родзянко), а трубки не годятся! Но это не дист. (дистанционная), а удар. Французы же работают; приспособить их к нашему очку не трудно и легче, чем установить производство 200 т. в месяц. Поэтому я настоял на этом заказе. Англичанам же я отказываю все, что они предлагают дать после 1 ноября, ибо это есть 1 января 1916, но скрытое обещанием.

Угодно ли Вам разделить мой взгляд. Из всех армий вопль: дайте патроны. Доброр. (Добророльский) назначен на дивизию. Драгомиров, говорят, будирует в Петрограде.

Как здоровье Екатерины Викторовны. Не откажите передать мой почтительный привет.

Прошу верить глубокому уважению и преданности неизменно признательного *Н. Янушкевича.*

Сухомлинов Янушкевичу.

22 мая 1915 г.

Полковник Эрандаков доложит Вам то, что предполагается предпринять относительно Румынии.

К сожалению, с мин. иностр. дел невозможно говорить об этом, благодаря его пристрастного отношения к Покл.-Козелл.

Поэтому его величество целиком поручает обсудить и решить это дело верховному гл-щему.

Выслушайте, пожалуйста, полк. Эранд. (Эрандакова) и кн. Долгорукова и доложите все, что предполагается сделать, его императорскому высочеству.

Затем в ставку собирается господин Вергун, галицийский деятель, оказавшийся порядочным негодяем, и Вы хорошо сделаете, если попросту выставите его. М. А. Суворин, как сотрудник «Нов. Врем». («Нового Времени») изругал его основательно. Г.же Скугаревский, кажется, очень его поощряет на славянских обедах, на которых едят плохие обеды и говорят скверные речи.

Ужасно обидно с Перемышлем; ну, да ничего не поделаешь, не суждено, значит, его удержать было.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

23 мая 1915 г.

За десятимесячную кровопролитнейшую борьбу, какую свет еще не испытывал, немудрено дойти до голода боевых припасов, и в особенности нам, с нашей нищенски развитой промышленностью.

Наступил голод и в «людях», какой был запас этого боевого материала, Вы сами знаете, и в этом отношении никакие «Варяги» помочь нам не могут.

С полным отчаянием я Вам телеграфировал о Маниковском, отлично сознавая, что и в Кронштадте он нужен. Но ввиду того, что последний о бок с Петроградом, глаз и рука Маниковского будут и там, если понадобится. Приходится прибегать к таким мерам по безлюдью.

Мы здесь работаем в таком ограниченном составе, что если хоть кто-нибудь выбудет из нашего канцелярского строя, едва ли мы в силах будем выгребать.

С Ивановским масштабом требований мы хорошо знакомы, но сумма всего того, что необходимо на фронты, такова, что волосы становятся дыбом, у кого они имеются на голове.

Говорят: «Иванов потерял голову». Не мог он потерять того, чего у него никогда не было.

Может быть, французы что-нибудь и сделают, но на англичан трудно надеяться, ведь сами же они заказывают в Америке! В Англии надежда на одного Виккерса, которому заказы и даны, и, кажется, кое-что на-днях начнет поступать; но и то «кажется».

Удачно у нас с автомобилями, которые исправно катятся к нам через Владивосток и для XIII армии автомоб. рота уже почти совсем готова.

Работаем с промышленниками, и бог даст, результаты будут недурные, в особенности с переменой в гл. арт. упр. Воображаю, как рассердится вел. кн. Сергей Мих. Сейчас он в Севастополе.

Жена опять немного стала уставать, и я уговариваю ее проехать на юг, а то у нас все еще холодно. Она благодарит Вас за память и шлет привет.

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

23 мая.

Глубоко признателен за данные, сообщенные через п. Э-ва (Эрандакова). У меня уже были несколько схожие данные о доброжелательстве П-ку (?) и что он мечтает о «ленте». Все это доложено. Обещано в. к. (великим князем) оказать самую энергичную поддержку. Но своевременно ли будет это пожалование? Оно может быть гарантировано, как угодно. Не лучше ли пока «вензелевой» и затем ленту. По отправке письма повидаю Д. (?) и переговорю с ним.

Ю.-З. (Юго-Западный фронт) удручает. На-днях возвращается Н. В. Р-ий (Рузский), пишет, что поправился. Невольно думаю о нем. Хочет проехать через ставку. Достигнув небывалого погрома на Ю.-З. ф., немцы, очевидно, бросятся теперь на С.-З. (северо-запад), но вопрос где: на В-ву или Ригу? Принимаем меры вернуть кое-что чрезмерно обособленному А-ву (Алексееву). Шутка ли сказать: перебросили с 26/IV до 18 дивизий, ведь это до 200 батал., и в результате 0. Пред-

лагал им образовать маневр. группу Плеве, нет давай и давай помощь срочно. Требовали пускать в дело целыми корпусами, а они доходили до затычек полками. Полные корпуса и дивизии таяли, как снег. Канин хочет вывести в море «Севастополь», но при нашей мизерной защите подводными это опасно. Почему не развивают производство подв. (подводных), не понимаю. Эти подводные у нас все «пуделяют», а адмиралы трепещут перед германскими, действительно, действующими нагло с девизом «либо пан—либо пропал». Простите за глав. артилл. телегр. Хотел дать Вам оружие в совещании. Усилится ли выпуск парков, как надеялся Маниковский? Ожидаем совета о заместителе по Кронштадту.

Прошу передать почтительный привет Екатерине Викторовне и верить моему глубокому уважению и искренней преданности и признательности. *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

25 мая.

Благодарю вас за письмо. Думаю, что с 5 милл. произошло недоразумение. Китченер предложил готовые патроны, но червь сомнения побудил меня через Вильямса потребовать подтверждения. Без трубок, зарядов и гильз я бы не стал навязывать в. к. С. М. (великому князю Сергею Михайловичу), потребовал, чтобы порох, предложенный французами (100 тысяч), был передан г. а. у. (главному артиллерийскому управлению). Конечно, все идет на одну и ту же оборону, но если французы высылают его по просьбе Родзянко, т.-е. в счет мероприятия Вашего совещания, то менять назначение считаю неудобным. Дай бог, чтобы Маниковский внес t^0 кипения в г. а. у., где все было на—0^0. При достаточном числе артилл. патронов отпадет сразу на $^1/_3$ нужда в ружейных. Есть данные, что немцы хотят перехватить наши американские заказы для себя. Нельзя ли тогда направить все через Владивосток? Это будет куда спокойнее и лучше на 1—2 недели позже, но наверняка. Теперь надо браться за все способы и средства. Несомненно, что немцы ставят же на карту все. Кто выдержит лишь последний выстрел до катастрофы?

Сердечно желаю Екатерине Викторовне поправиться и окрепнуть.

Алек-в (Алексеев) переводит в район Минска—Риги П. А. Плеве, а Чурина под Ломжу и Смирнову передает армию Чурина. В Ригу до пополнения переводятся расстроенные 63 пех. и 12 и 13 Сиб. див. Это успокоит публику и охладит кайзера.

Прошу принять мой почтительный привет и чувства глубокой признательности. *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

27 мая.

Положение не улучшается. Причина та же. Надо терпеть до улучшения. Вчера на участке одного из полков немцы выпустили 3 т. тяжелых снарядов!! Снесли все. А у нас было выпущено едва 100.

Знаю, что тяжело Вам это читать, но долгом считаю Вас ориентировать. Но есть и хорошее знамение: появилось искреннее и глубокое озлобление против немцев и жажда мести. Дай бог, чтобы сохранилась и росла к моменту улучшения с патронами. Дело автомобилей (Авсеенко)—очевидное мошенничество, и он получит должное, если сунется на ставку. Очень важно подвинуть Сазонова на соглашение с Румынией, на подкуп Болгарии (Барк знает и сочувствует) и на установление тесной связи с Америкой и поддержание ее неудовольствия против Германии. Будьте милостивы поддержать. Америка в случае войны обещает деньги, ружья (1 милл.) и припасы, а в будущем допускает $^1/_2$ милл. армию. Надо использовать положение наиболее благоприятствуемой державы. Я надеюсь, что Мак Кормик нам поможет в этом.

Мой почтительный привет Екатерине Викторовне. Покорно прошу верить моему глубокому уважению и преданности всегда признательного *Н. Янушкевича.*

P. S. Великий князь вполне согласен сохранить за Маниковским la haute main над Кронштадтом.

Янушкевич Сухомлинову.

Так как Епанчину было предложено подать в отставку, и он подал (по сообщению фронта), то я и считаю его уже выбывшим из армии. Вот почему решился Вас тревожить. Конечно, хорошо было бы фабрику закрыть и фабриканта удалить в Холмогоры. Рапполо сидит, и мы ничего не можем добиться. Очевидно неудача у Радко-Дмитриева охладила итальянцев.

Едем на «душевную пытку» к Ив. (Иванову) сегодня. Вернемся завтра вечером. Ив. уже готов очистить все «для нового наступления», забывая, что это все полито уже ручьями русской крови.

Немцы, конечно, торжествуют. Огорчен, что М. (Мышлаевскому) оказана милость с мундиром. Не стоит этого. А Еп. (Епанчина) усердно прошу лишить мундира действительной службы, если не мундира вообще, что и решил раньше в. кн. Только по настоянию Алекс. (Алексеева) верх. (верховный) разрешил хлопотать о мундире вообще.

Будем ждать Ваш приезд. Рука у Вас легкая. Бог даст принесете лавровую ветку.

Мой низкий поклон глубокоуважаемой Екатерине Викторовне от искренно Вам преданного и благодарного

Н. Янушкевича.

Янушкевич Сухомлинову.

Был Родзянко с Путиловым и Литв.-Фал. (Литвиновым-Фалинским). Результат Вы знаете из телеграммы к Вам великого князя. Думаю, что это удовлетворит Вас и поможет делу. В. к. С. М. (вели-

кий князь Сергей Михайлович) уезжает. Хочет побыть на ст. Б. (Барановичи) для свидания с в. к. (великим князем).

Его величество вполне одобрил идею. М. В. Р. (Родзянко) показал мне копии прямо возмутительных документов г. а. у. (главного артиллерийского управления). Просто волосы дыбом становятся. Что же это? Измена, панама, идиотизм? Трудно сказать.

Его величество уезжает подробно ориентированный в деятельности г. а. у. Решение твердое Вам помочь.

В III армии в связи с Беис. (?)—мясоедовщина. Плохи дела и господина Иванова. Просто ужас берет! Да что же это за изменники, для которых ничего святого нет? Рубль для них—все, Россия—пустой звук.

Прошу передать мой нижайший поклон Екатерине Викторовне и верить моему глубокому уважению и признательности.

И. Янушкевич.

P. S. Поступило ходатайство о назначении ген. Чурина в военный совет. Принципиальное согласие есть, о чем и считаю долгом доложить. Государь изволил подтвердить необходимость уменьшить дачу мяса и заменить эту часть каким-либо дополнительным отпуском.

Сухомлинов Янушкевичу.

31 мая 1915.

На Ваше благоусмотрение повергаю прилагаемую записку.

Среди запасных и ополченцев действительно можно использовать обширный материал для рабочих дружин, правильно организованных, и тыл у нас непосредственно за войсками значительно может улучшиться. Проклятые немцы прямо виртуозы в этом отношении.

Если бы эта мысль пришлась Вам по сердцу, то для Юго-Зап. фронта я могу рекомендовать одного инженерного генерала, а для Сев.-Зап.—Вы, конечно, тоже найдете подходящего.

Мне кажется только, что этим дружинам надо дать больше автомобилей, что и будет возможно, так как из Америки очень исправно их доставляют, и мы можем щедро давать их в армию.

Особое совещание принялось энергично за работу, и с Маниковским дело должно пойти совсем другим темпом. Но времени поглощает оно страшно много и треплет нервы ужасно: можете себе представить, как громит все и вся один Родзянко, не стесняясь решительно ничем.

Он все забывает, что это не Дума и что действия правительства и отдельных его членов разделывать под орех в особом совещании нет смысла. И без того тяжелую работу он этим усложняет сильно. Дал бы бог только мне силы выгрести против всех этих течений, с которыми я все время борюсь, но могу и крякнуть.

Жена шлет Вам душевный привет.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Две неожиданные поездки в Холм и Седлец лишили возможности писать Вам. Сделаю позже. Предложение гр. Фредерикса будет осуществлено при первой возможности. Подробности доложу.

Ваш покорный слуга *Н. Янушкевич.*

Янушкевич Сухомлинову.

Был огорчен, что Вы не приехали. Все обошлось хорошо, хотя порадовать ничем не могли. Слава богу Р. (Родзянко) больше нет. Его заменил Литвинов. Шейдеман просится на корпус. Вероятно, дадут 5.

Великий князь «будет очень рад, если Вы проедете всюду, куда пожелаете и признаете нужным».

Простите за торопливость письма. Вчера и сегодня не дают минуты передохнуть.

Низко кланяюсь Екатерине Викторовне и прошу не гневаться на глубоко Вам преданного и неизменно за все признательного

Н. Янушкевича.

Мотоциклетная рота по докладу Орановского—как вы пожелали (во II армии).

Сухомлинов Янушкевичу.

Петроград,
6 июня 1915 г.

В Шостке, оказывается, завод (пороховой) можно дублировать, правда, на это нужно израсходовать десяток миллионов рублей, но кто же теперь их считает?

Целый ряд немедленных улучшений, кроме того, даст около 100 пуд. в день+. Подумайте только, для этого надо было военному министру лично скакать в Черниговскую губернию! Хороши сотрудники! Шостка была, конечно, удивлена приездом моим, и говорили старожилы, что это второй приезд министра, первый был Аракчеев.

С образованием моего «особого совещания» и назначением Маниковского все воспрянуло, и работа закипела; дай бог управиться со всей этой мобилизацией нашей промышленности.

Относительно генерала Сандецкого и объединения подготовки ратников и новобранцев Ваше предположение вполне разделяю, прошу распорядиться, как признаете нужным. «Трубки» действительно нашлись, положим, не первой молодости, но на безрыбьи и рак за рыбу сходит.

Вообще г. а. у. (главное артиллерийское управление), как было болотом под «высоким покровительством», так и по сейчас таковым оста-

лось. Решили с Ман-м (Маниковским) не стесняться и круто взяли с ним руль направо на борт. Говорят, кое-кто в ярости, и можем ожидать всяких воздействий, но пойдем, подняв забрало. Со Смысловским решили расстаться, это—дельный человек, но не нашего лагеря, притом сам просится в строй.

«Визит» немного отложен.

Жена моя благодарит за внимание и шлет привет.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Заказ Китченеру дан, так как политическая обстановка и призрак забастовки и пр. не дают право игнорировать это, хотя и мало выгодное, заграничное предложение, но обеспеченное ручательством Китченера: помочь в срок. Надо,по-моему, использовать предложение французов об ударных трубках и шнейдерах. Лучше что-нибудь, чем ничто. Нам было обещано на май 31 парк, получили 21. Говорят, что нашлись 1.400 т. 12″ трубок. Так ли это? Обещанные с ними 3 парка еще не получены. Армии III и VIII растаяли. В корпусах из трех дивизий по 5 т. штыков!!! Кадры тают, а пополнения, получающие винтовки в дни боя, наперебой сдаются! Просто волосы дыбом. Приходится отходить. Повально делают это шаг за шагом: каждая пядь русской земли отзывается больно внутри России, надо быть осторожным. Вот пришли просьбы винтовок из запасн. баталионов. Ведь немцы из последнего напрягают силы. Но будь проклятые снаряды, отбросили бы их сразу. Когда батарея, вопреки приказу, все выпускает—успех.

Не разрешите ли для объединения вопросов подготовки ратников и новобранцев собрать из России (а мы из фронта) в Минск представителей запасн. и ополч. бригад (по 2—1 на округ), дабы под председ. Сандецкого вновь все обсудить и преподать к общему обязательному руководству.

Как съездили в Шостку? Будет улучшение с порохом?

Как здоровье глубокоуважаемой Екатерины Викторовны? Мой почтительный поклон.

Прошу не гневаться за возвращение к больному вопросу, но нет сил удержаться.

Глубоко Вас почитающий и искренно благодарный за все

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

Брусилов совсем сдал: 5-го отдал приказ, что отходит на последнюю Львовскую позицию, где нужно не только задержать окончательно противника, но и разбить его, а сейчас получен его приказ очистить Львов. Послали кислую телеграмму Ив. (Иванову). Ответ: «в 12 корпусе—7 дивиз. в составе 12 т. штыков! Нет винтовок и 150 т.,

стоит без ружей. Некомплект патронов артил. возрос в Ю.-З. ф. до 550 т.».

Теперь, очевидно, остается расколоть Ю.-З. ф. на группу Люблинскую и Проскуровскую. Первая отойдет к Алексееву, и он, даст бог, ее устроит.

См. (Смысловского) пустим инсп. арт. в один из новых корпусов. Баранов сообщил, что дело Р. (Ренненкампфа) закончил. Сообщника Р. из Варшавы убрали. Тоже гусь.

Отовсюду кричат и грозят гидрой революции. Этого еще не доставало. С Румынией тянут, Швецией пугают. Час от часу не легче.

Ждем от вас манны небесной. Главное — нельзя ли купить винтовок?

Как здоровье глубокоуважаемой Екатерины Викторовны?

Говорят, что визит 11-го. Тут все готово. Приукрасились.

Прошу верить глубокому уважению и преданности искренно вам признательного *Н. Янушкевича.*

Сухомлинов Янушкевичу.

10 июня 1915.

Принц Ольденбургский просил меня доставлять ему сведения о результатах применения масок против удушливых газов. Так как у меня об этом нет никаких данных, то, может быть, Вы найдете возможным распорядиться присылкой его и. высочеству этих сведений.

Вчера английский посол говорил мне, что немцы пустили еще в употребление газы, которые ослепляют людей. Это же один ужас, и народ прав, признавая в Вильгельме антихриста!

У нас стал шевелиться и внутренний враг, съехались «думцы», прибыл А. И. Гучков, и начинается вороний слет. Каркание их нехорошее, осуждают все и вся; как благородные свидетели на театре войны, порицания невежественные их принимаются без проверки,— и в результате петиции и резолюции в смысле перемены по всем направлениям. В сущности собралась неофициально, явочным порядком, Гос. Дума и желает властвовать.

Можете себе представить, какие надо ожидать последствия!

Храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Сухомлинов Янушкевичу.

12 июня 1915.

Вот я более уже и не военный министр, государь отпустил меня со свойственной ему добротой, написал мне ласковое, собственноручное письмо (не могу назвать его, как полагается, рескриптом, очень

оно уже душевное), и я буду счастлив, если с моим уходом дела наши вообще в России пойдут лучше, может быть, я приносил несчастие, и моя рука, как я думал, не была такою легкою.

Храни же Вас господь и помоги Вам во всем.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Жена очень, очень Вам кланяется, дела у нее теперь много, ищем квартиру и ликвидируем склад, вместе со всеми теми поездами, вагонами, лазаретами, которыми теперь уже ведать нет возможности.

Сухомлинов Янушкевичу.

16 июня 1915.

То, что происходит сейчас в военном ведомстве, не поддается описанию, какой-то погром озверелый.

Не говоря уже о том, что заниматься личными счетами, мстить за что-то мелким чинам в такое время, когда все силы надо отдать на борьбу с врагом, может только негодяй, не обладающий ни каплей патриотизма.

В Берлине ликуют, и подобный развал центральных управлений в самый разгар войны, по-моему,—преступление, равносильное измене.

Г. Гучков ведет свою линию настойчиво, и мы будем скоро свидетелями крупнейшей катастрофы, искусно подготовляемой этим заядлым авантюристом.

Людьми он пользуется, как таранами, оставаясь в тени сам и направляя доверчивых господ для достижения известных целей, им предначертанных.

В настоящее время заваривается уже каша, расхлебывать которую будет очень и очень трудно.

Сделавшись сторонним наблюдателем, я вижу, что за ужас нам предстоит.

Уезжаю в деревню, постараюсь вообще стушеваться и не мозолить никому глаз своим обликом.

Жена моя просит Вам передать ее душевный привет, занята передачей всего обширного дела ее склада в Зимний Дворец.

Будьте же здоровы и храни Вас господь.

Сердечно Ваш *В. Сухомлинов.*

Янушкевич Сухомлинову.

Получил Ваше письмо. Результаты в общем хорошие, но есть отдельные сетования, что маски немного малы, узки и поэтому не достаточно прикрывают лицо. Они нужны в количестве 3-х комплектов, так как при некультурности нашего солдата, после 1 раза $^1/_2$ пропадает. Теперь крайне важно скорее получить ядовитые газы, так как

среди нижних чинов: 1) жажда мести и 2) ропот, что нас не жалеют, а немца жалеют. Желательно это скорее прекратить. Слухи доходят, что г. а. у. (главное артиллерийское управление) не принимает предложений Обух. (Обуховского) завода и что он работает на $^1/_2$, а так же, что завод Рудзкого и другие не насыщены. Это, конечно, очень нервирует, ибо с позиции идут уже не с шопотом, а с криком: «нет снарядов, нет винтовок, нечем драться, измена». То же и пишут. Слухи же о голоде заводов дают основание для этого ужасного, дьявольски пущенного немцами крика «измена». Но Вам виднее, и я докладываю лишь то, что случайно доходит до меня.

На-днях вынужден был осадить Маник. (Маниковского) за его более чем безтактное письмо. Смысловскому предоставлен 7 Сибирский.

Сегодня приезжает государь. Говорят на 2—3 дня. Брусилов и Ломновский совсем крякнули.

Здесь же теплится надежда, что с переходом III армии к А. (Алексееву) упростится управление Ю.-З. фронта, и Бр. (Брусилова) приберут к рукам. Вот и все пока новости, в общем нерадостные. Енгал. (Енгалычев) очень заторопился эвакуировать Варшаву. Приходится охладить. Ему сказали планомерно и заблаговременно подготовить, а он через час вывозить начал.

Прошу передать мой почтительный привет Екатерине Викторовне и верить совершенному уважению и неизменной признательности.

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

Вероятно, Вы съедетесь с государем в Севастополе. От его величества и окружающих подробно узнаете о результатах поездки, которой е. в. изволил остаться доволен.

Удалось ли Вам хорошо устроить Екатерину Викторовну. Хулиганы все еще «живы» и могут появиться везде во время сладкого сна мореплавателей.

Какой ужас, взрыв на Охт. (Охтенском) заводе! Просто беда! И так едва-едва дышали, а теперь именно перед началом новой операции, вернее серьезных боев—эта ужасная катастрофа, несомненно, немецкого производства. Мало их повесить. Всюду проникают эти негодяи.

Ильи Муромцы начали серьезную работу. Надо теперь их пустить во-всю. Верховный на их стороне. Переданы в распоряжение фронта.

Почтительно целую ручку Екатерины Викторовны и прошу верить неизменно глубокому уважению и сердечной преданности.

Н. Янушкевич.

Янушкевич Сухомлинову.

Простите. Виноват без злого умысла. Пожурите и простите. Что же мне было делать? Вчера приехал Э. (Эрандаков) и, между прочим, передал мне копию одного из этих перлюстрованных анонимов.

Следовательно, не только моя переписка читается, но и, очевидно, комментируется, и я счастлив, что узнал об этом и написал Вам в разное время, так что не могу нести нравственной кары. Никогда никакой антислужебной переписки не вел, а за анонимы, мне написанные, нравственно ответа нести не могу. Но именно теперь, узнав от Э., что моя переписка под надзором Джунковского, считаю милостью судьбы, что до этого Вам написал свое письмо.

Ценю себя свыше заслуг, ибо Ваша доброта, милости государя, приучили считать, что я что-то точно сделать могу. Но я никогда не допускал в самых тайниках души, что мои личные интересы могут конкурировать с служебными. Раз моя личная самооценка подтвердилась оценкой анонимного «доброжелателя», я не имел права не доложить Вам и верховному, чтобы меня убрали. Вам со стороны виднее, приношу ли я хоть каплю пользы. Ведь милости, похвалы, ласка ослепляют человека, и во-время одуматься и самому доложить, это—обязанность всякого, считающего себя верным слугой государя. Не сделать это—это подводить Вас и доверяющего мне верховного. Если Вы не согласны с «доброжелателем», то я с благодарностью буду стремиться служить попрежнему, по мере сил. Я бы только не хотел быть обвиненным в самообольщении до потери чувства долга. Еще раз решаюсь просить у Вас прощения. Службы, ответа я не боюсь, и буду счастлив отдать всего себя, если хоть крупицу пользы способен принести родине. За высокое и более чем незаслуженное доверие почтительно благодарю. Когда богу угодно, чтобы я, не подведя никого, довел свою миссию до конца, то останется, вероятно, не человек дела, а его тень, никому ненужная.

Глубокопочитаемой и добрейшей Екатерине Викторовне почтительно целую ручку, а Ваше Высокопревосходительство прошу ne pas garder rancune глубоко Вам за все признательному

Н. Янушкевичу.

Сообщил Ив. Блинов.

Дневник А. А. Половцева.

А. А. Половцев—автор публикуемого нами дневника—играл довольно заметную роль в бюрократическом мире в последние десятилетия. Начал свою карьеру Половцев в первом департаменте сената, был обер-секретарем, обер-прокурором, с 1873 г. сенатором и с 1883 г.—государственным секретарем. В 1892 г. Половцев был назначен членом государственного совета. В 1880—81 г.г. он участвовал в ревизии Киевской и Черниговской губерний. Половцев был членом-учредителем так называемого «императорского русского Исторического Общества» и последние годы—председателем его. В качестве председателя о-ва принимал участие в редактировании «Сборника» и «Русского Биографического Словаря», имевших определенную резко-выраженную монархическую окраску.

С юных лет Половцев вел дневник. Первые записки его относятся к 1837 г. Последний дневник, имеющийся в нашем распоряжении, датирован 1908 г. (Умер он в 1909 г.). К сожалению, не все дневники Половцева сохранились. В Госархиве РСФСР находится свыше 70 тетрадей, но из них большое количество представляет собой лишь черновые наброски, предварительные заметки и неоконченные записи за тот или другой год. Но за некоторые годы дневники имеются целиком.

Не приходится ждать от А. А. Половцева каких-либо откровений. В политических вопросах он был подчас младенчески наивен. В своих дневниках он проходил мимо весьма крупных политических событий, повидимому, совершенно не учитывая их значения. Тем не менее записки его представляют значительный интерес. Все слышанное и виденное Половцев довольно аккуратно собирал и записывал. Встречи с С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткиным, В. К. Плеве, К. П. Победоносцевым, Романовыми, беседы с ними, слухи и сплетни о них и других представителях бюрократического Олимпа—все это нашло в той или другой мере свое отражение в дневниках.

В данный момент записки Половцева приобретают особую ценность в связи с опубликованием части дневника А. Н. Куропаткина и записок С. Ю. Витте. Та же эпоха, те же события, те же лица, и дневник Половцева значительно дополняет и подчас исправляет мемуары этих современников.

В настоящем томе «Красного Архива» мы печатаем дневник за 900-ые годы. В следующем томе «Красного Архива» мы дадим дневники А. А. Половцева за 1905—08 г.г.

Ред.

1901 г.

Февраль.

17. Суббота. Возвращаемся из Монтекарло, где провели три месяца в лечении у некоего химика Брица, врага медиков и медицины, признающего единственным средством сохранения и восстановления здоровья исключительно согласный с законами природы образ жизни и в особенности питания. Строгий режим без всяких лекарств уничтожает во мне всякие следы мучительной подагры, меня угнетающей.

Накануне нэшего приезда был ранен на просительском своем приеме министр народного просвещения Боголепов. Убийца—какой-то студент, исключенный из университета и по жребию высланный на преступление берлинским анархистским кружком. Боголепов—ничтожная личность, добрый, честный школьный учитель, без малейших сколько-нибудь государственных взглядов, рутинный поклонник тех порядков, или скорее беспорядков, кои установлены необдуманными мероприятиями упрямого гр. Толстого и его вдохновителя, ловкого проходимца Каткова.

В Петербурге грустно, тускло, грязно. Разумеется, только и разговоров, что государь и его семейство. О государе вечные сетования о том, что он плохо окружен, о царском семействе,—что в нем ежедневно умножаются скандалы. Напр., у в. к. Алексея Александровича был домашний спектакль, в котором главное участие принимала содержимая им французская актриса, которая ужинала за общим с приглашенными столом, разыгрывая роль хозяйки, покрытой бриллиантами. Здесь же ужинали государь, великая княгиня Мария Павловна, Влад(имир) Ал(ександрович) и другие ве(ликие) князья.

18. Воскресенье. Заезжаю к Витте, который чрезвычайно занят ходом в госуд(арственном) совете финляндского дела. Витте стал во главу оппозиции Куропаткину относительно некоторых предположений по отбыванию финляндцами воинской повинности и особливо отбыванию среди русских войск. Он представил госуд(арственному) совету свое мнение, написанное в сильных выражениях. По совету Палена он представил государю это свое мнение. Когда вслед за тем он явился для всеподданейшего доклада, то произошел приблизительно такой разговор:

Государь. Я читал вашу записку; она очень интересна, но зачем вы не представили мне ее прежде?

Витте. Ваше величество неоднократно меня упрекали в том, что я говорю вам о делах, меня не касающихся. Я и не счел возможным представлять вам эту записку, а по лежавшей на мне обязанности внес свое мнение в госуд(арственный) совет.

Г(осударь). Но это дело так важно. К тому же в вашей записке помещено многое, что может возбудить излишние в совете прения.

Витте. Если вам угодно, то я могу изменить редакцию своего мнения, исключив все то, что вы желаете. Что же касается прений в совете, то позвольте, государь, вас уверить, что чем искреннее и смелее будут высказаны мнения членами совета, тем это будет лучше. Финляндцы увидят, что вы передали вопрос на рассмотрение учреждения, серьезно рассматривающего передаваемые ему вопросы, а не безмолвных кукол. При разногласии всегда будет от вашего величества зависеть—принять то или другое.

Впечатление Витте было такое, что государь колеблется, и если в госуд(арственном) совете состоится большинство голосов, противное предложениям Куропаткина, то весьма возможно, что государь согласится с большинством. К этому надо присовокупить, что императрица Мария Федоровна под влиянием, с одной стороны, Копенгагена, а с другой—председателя Общества Красного Креста, Кремера—финляндского уроженца—страстно отстаивает Финляндию от натиска русской бюрократии, в чем Витте убедился из продолжительного с ней разговора.

Приехав домой, нахожу в гостиной моей жены Куропаткина. Толкуем немножко о Финляндии и очень много о Китае. По счастью, он утверждал, что там военные действия окончательно прекращены. На долго ли только?

19. Понедельник. Завтракаем у в(еликого) к(нязя) Михаила Николаевича вчетвером с его адъютантом и гофмейстером. После завтрака в. к. ведет меня в свой кабинет и предлагает председательствование в д-те гражданских дел госуд(арственного) совета. Я отказываюсь категорически и энергически на том основании, что никогда не занимался серьезно судебными делами, а почти всю долголетнюю службу посвятил судебно-административным и законодательным делам. Именно теперь гражд(анскому) департаменту предстоит рассмотрение важных представлений министра юстиции, и при существовании многочисленного класса опытных юристов, сформировавшихся сороколетним применением судебных уставов, с моей стороны было бы недобросовестно принимать на себя подобные обязанности. К этому присовокупляю, что все мои предшественники, прослужившие на посту государственного секретаря столь продолжительное, как я, время [Сперанский, Корф, Сольский, Урусов], были назначены председателями д-та законов, и что я готов принять председательствование во всяком д-те, кроме того, для коего не считаю себя пригодным. В(еликий) к(нязь) утверждает, что он виноват, если я не был назначен председателем департамента законов.

После того в. к. спрашивает мое мнение о том, когда правильнее праздновать столетний юбилей госуд(арственного) совета: в нынешнем

или в 1910 году. Я отвечаю, что не допускаю никаких об этом сомнений. Важно то, что император Александр тотчас по вступлении на престол не счел возможным царствовать, не имея совета, который с первого дня существования был назвав государственным. Чрез девять лет последовало организование совета в формальном делопроизводственном отношении, но это был факт второстепенный.—Да, наконец, и это все неважно, а важно то, что вы, председатель совета, год тому назад докладывали об этом государю; государь приказал спросить представителя науки, биографа А. И. Шильдера, который подкрепил Ваше мнение. Согласно сему последовало высочайшее повеление, сделавшееся известным всей России, и теперь вы же пойдете уговаривать государя взять назад его повеление. Это значило бы подрывать доверие к правильности и непоколебимости высочайших повелений и притом в таком деле, в коем неизменность даже и спорного в некотором отношении распоряжения не представляет никакого неудобства.

Пустое заседание общего собрания совета. За время моего отсутствия число членов очень умножилось и притом умножилось самыми ничтожными и бесполезными лицами. До сих пор в члены назначались или: а) ветераны, ничем незапятнанные, или б) люди, своими познаниями и опытностью могущие принести пользу законодательному обсуждению; теперь назначаются по разным просьбам и происках люди, ни к той ни к другой категории не принадлежащие.

20. Вторник. Заезжаю к Победоносцеву, который все также хнычет, всем недоволен, на все жалуется и никакого пособия, улучшения, исхода не видит и предложить не имеет, политически бездарная, многотомная и многотомительная библиотека.

21. Среда. Обычный, еженедельный завтрак с Бобринским, Боткиным, Котовым—главными деятелями нашего рисовального училища, которое на Парижской всемирной выставке получило наивысшие награды. Является Плеве с написанным по его распоряжению очерком истории госуд(арственного) совета.

22. Четверг. Утром заходят Балашов и Юсупов; оба весьма богатые и от души преданные монархическому началу и его в отечестве нашем представители, но оба скорбят и грустят о том, как ведутся правительственные дела.

Вечером у Сольского. Обсуждаем параграфы, долженствующие подать повод к прениям в совещании, назначенном для рассмотрения новой редакции учреждения госуд(арственного) совета по случаю столетнего его юбилея. Несмотря на мои доводы в пользу оставления неприкосновенным параграфа о предоставлении совету права возбуждения законодательных вопросов, вытекающих из рассмотрения подведомых совету дел, Сольский требует для обсуждения этого параграфа всех министров, т.-е. уничтожения этого параграфа.

23. Пятница. В 10 час. утра в Зимнем дворце у государя. В приемной комнате, где я дожидаюсь, нахожу дежурного флигель-адъютанта в.к. Георгия Михайловича, который, говоря о трудностях своей службы, указывает на множество подаваемых дежурному ф.-ад(ъютанту) просьб крестьянами, требующими земли. По всем таким просьбам

дежурный ф(лигель)-ад(ъютант) составляет извлечение для государя и пускается в пространные словесные с просителем объяснения. Я тщетно стараюсь ему доказать, что первое напрасно обременяет удрученного и без того лишними бумагами, а второе подает всякому просителю несбывающиеся надежды, а вместе с тем естественно умножает число просителей.

В кабинете у государя приблизительно такой разговор: я спрашиваю о здоровьи и получаю в ответ, что никогда так хорошо себя не чувствовал. Относительно тифа, столь часто появляющегося в Крыму, государь приписывает это тамошней дурной воде. Восхищается крымской жизнью и сетует на петербургскую суету. Перехожу к Историческому Обществу. Заявляю, что его деятельность постоянно слабеет. Из основателей остался я один. Старые ученые, усердно трудившиеся, как Грот, Бычков, сошли в могилу; новым сотрудникам я не могу доставить тех поощрений, кои их предшественники находили: покойный государь выражал участие к трудам их, и таким образом, я представлял на годичное собрание четыре или пять томов, тогда как в нынешнем году я представляю лишь один том, напечатанный Штендманом, и том словаря, напечатанный лично мною, вот и все.

— Если бы в. в. на предстоящем общем собрании выразили желание, чтобы томы, печатаемые Шильдером и Дубровиным, были окончены в годичный срок, то производительность будущего года была бы обеспечена.

Государь обещает это сделать. Говоря о предполагаемых на общем собрании чтениях, упоминаю имя Пыпина и говорю, что он в прежнее время был либералом, но что с годами это прошло; а кто же в молодости не был либералом? Ведь сам Победоносцев писал статьи Герцену в «Колокол».

Государь. Вполголоса: Да, я это слышал.

Я. Он сам мне это говорил. Он написал памфлет на гр. Панина,

Продолжая говорить о трудах Общества, рассказываю, что я оканчиваю печатанием том дипломатической переписки между русским и французским правительствами с 1814 по 1830 год, после того как император Александр восстановил законный порядок во Франции, изнемогавшей от революционных ужасов и военной тирании кровожадного Бонапарта.

Государь выражает удивление по поводу такой оценки Наполеона и ставит ему в большую заслугу издание «Codex Napoléon». Я утверждаю, что этот кодекс, коего главное значение заключается в ограничении права завещать, имел целью раздробление собственности так, чтобы уничтожить всякую имущественно независимую личность, что и привело к нынешнему табунному социалистическому строю теперешней Франции.—Ваше величество сделали противное, установив в России облегчения для учреждения заповедных имений.

Государь в подтверждение правильности моего взгляда вспоминает о майоратах Петра Великого. Я выражаю опасение, чтобы при составлении у нас гражданского кодекса не восторжествовали наполеоновские взгляды.

Завожу речь о словаре, коего мною отпечатан четвертый том (Ф. Х. Ц.). Государь говорит, что он всегда возит с собой мой словарь «для справок». В виду медленности, сопровождающей подобное издание, предлагаю государю присылать ему отдельные оттиски биографий наиболее выдающихся лиц, в особенности таких, кои, принадлежа к XIX столетию, не вошли еще в историческую литературу и потому не могут быть ему известны. Он принимает это предложение с благодарностью.

Говоря о новых членах Исторического Общества, я называю министра иностранных дел гр. Ламздорфа и спрашиваю государя, желает ли он предложить кого-либо. Государь называет Шумигорского. Я отвечаю, что немедленно передам это приказание совету Общества, который по уставу предлагает членов общему собранию.

Затем заявляю о предположении по случаю двухсотлетнего юбилея Петербурга устроить выставку портретов деятелей XVIII ст(олетия). Г(осударь) одобряет эту мысль. Я продолжаю говорить об этом и сообщаю предположение об устройстве этой выставки в нашем рисовальном училище, при чем упоминаю о том, в какой степени мы стеснены помещением и как желательно нам получить место, выходящее на Фонтанку и столь давно нам обещанное; при этом показываю эскиз предполагаемого здания, которое послужило бы украшением города и памятником царствования имп(ератора) Николая II, точно так же, как нынешний музей и училище служат памятниками царствований имп(ераторов) А(лександра) III и А(лександра) II. Государь оставляет рисунок у себя. В заключение разговор коснулся празднования советского юбилея. Я повторил сказанное мною в. кн. Михаилу Николаевичу, прибавив, что, по моему мнению, для русского народа, высказанная царем воля должна быть так же тверда и непоколебима, как веление божье, и потому я не считал бы возможным возвращаться к вопросу, который государь назвал «сомнительным».

В 3 часа заседание совета Исторического Общества: Дубровин, Шильдер, Сергеевич, Штендман.

24. Суббота. Прочитал сообщенное Плеве «Введение» к приготовляемому по поводу столетнего юбилея госуд(арственного) совета альбому. Записка эта, почему-то окрещенная введением, представляет исторический очерк совета с целью доказать, что во все царствования все хорошее сделано было советом, а императоры были пустые люди, в особенности Ал(ександр) II, который будто бы довел Россию до ужасного положения, из которого ее вывел мудрый и во всех отношениях выдающийся государь Ал(ександр) III, по следам которого так успешно идет Николай II. Пошлее и подлее трудно придумать, и вполне достойно господина Плеве.

26. Понедельник. Совещание у в. кн. Михаила Николаевича относительно учреждения государственного совета вновь издаваемого по случаю юбилея. Вся работа представляется чисто кодификационною, за исключением двух параграфов: а) опредоставлении госуд(арственному) совету, если он при рассмотрении законодательного дела признает то необходимым, возбуждать новый законодательный

вопрос и поручать изготовление нового законопроекта либо подлежащему министру, либо подготовительной комиссии, в среде совета образованной,—разумеется, все это делается с особого на каждый раз высоч(айшего) разрешения, б) об образовании в совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений.

По первому вопросу я тщетно стараюсь доказать, что никакого особенного права тут не предоставляется совету, который и теперь зачастую дает министрам поручения, которые они принимают, зная, что в противном случае дело путем разногласия будет доведено до высоч(айшего) сведения. Сольский и Муравьев настаивают на том, что это—новое, даруемое совету право и что установить его нельзя без обсуждения вопроса при участии всех министров. С ними соглашаются, кроме меня, все члены совещания. Фриш предлагает исключить этот параграф, что и принимается совещанием.

По второму вопросу серьезных прений не происходит, и после небольшой оппозиции Победоносцева, требующего опущения упоминания о лицах, находящихся на службе по выборным и сословным учреждениям (составляющим предмет ненависти всякого канцеляриста) параграф принимается, по выражению Победоносцева, обезвреженным.

27. Вторник. Объявлена женитьба сына принца Александра Петровича Ольденбургского с государевой сестрой Ольгой, которая, не желая выходить замуж за иностранца, так сказать, сама выбрала себе жениха, о котором говорят, что он никогда детей иметь не будет.

Март.

1. Четверг. В 9 ч. вечера у государя в Зимнем дворце, в малахитовой гостиной годичное собрание исторического Общества. По правую руку от государя сидит в. к. Владимир Александрович, по левую я, в качестве председателя. Начинается с того, что я читаю отчет о деятельности Общества, потом профессор дерптского университета Филиппов читает свою статью об Артемье Волынском, как кабинет-министре,—интересно, но вяло. За ним Пыпин—о литературных трудах Екатерины II, тоже много лишнего, и недостаточно пропорции в целом, Шильдер—анекдотический рассказ о поездке в 1824 г. в. к. Николая Павловича и в. к. Александры Федоровны в Берлин; ехали туда морем три недели, а возвратились через Варшаву на колесах, потратив на то шесть недель. Свежо предание, а верится с трудом. Избираются вновь в члены Ламздорф и Шумигорский. По окончании заседания ко мне подходит в. к. Николай Михайлович и говорит:

— Je vous remercie.

Я.—Pourquoi?

В. к.—Pour l'élection de Шумигорский.

Я.—C'est le désir de S(a) M(ajesté).

В. к.—C'est mon intrigue.

Я.—Alors vous êtes un intriguant.

В. к.—Il faut toujours intriguer, quand cela réussit.

За несколько дней пред тем, государь возвратил мне рисунок, мною у него оставленный, с проектом нового здания рисовального училища на Фонтанке. Возвращая это, он писал: «возвращаю вам одобренный мною проект здания». Я счел нужным поблагодарить его. Он сказал мне: «теперь никто вам препятствий делать не будет». Я отвечал, что записку его буду хранить и не стану показывать.

2. Пятница. Заседание соединенных департаментов. Рассматривается представление Ермолова о предоставлении съездам золотопромышленников облагать денежными сборами золотопромышленников. Представление Ермолова, как большинство его представлений, ему возвращается.

3. Суббота. Приезжает ко мне с визитом гр. Ламздорф. Человек безупречной честности, скромного трудолюбия, но блестящей бездарности и посредственности. Вспоминая взгляд на него покойного Лобанова, забавно видеть в нем министра, хотя, конечно, приятно думать, что не существует более графа Муравьева, заботившегося исключительно об удовлетворении своего тщеславия и самолюбия, не отступая в этих заботах ни пред какими средствами. Ему обязаны мы всякими международными неудачами и в особенности несчастиями китайской войны и маньчжурских осложнений.

4. Воскресенье. Демонстрация на Казанской площади. Уже в течение нескольких дней пред сим в целом городе ходили слухи о предстоящем сборище студентов с целью выразить свое неудовольствие о принятых в отношении их правительством мерах и в особенности о зачислении в солдаты тех из них, кои признаваемы были виновными. Полиция, знавшая о том, дала заговорщикам собраться, а затем, окружив их с помощью казаков, сильно избила их нагайками и целые толпы арестовала, так что с трудом нашла для них помещение не только в тюрьмах, но и полковых манежах. Сильно ушибленных и раненых оказалось довольно значительное число с обеих сторон. Среди бесконечных об этом событии толках крупное место занял князь Леонид Вяземский—член госуд(арственного) совета. Он очутился среди бушевавшей толпы, сначала в Казанском соборе, а потом на предсоборной площади и, по его словам, «обращался к полицейским агентам и самому градоначальнику с увещаниями о бесчеловечном с студентами и студентками обращении».

5. Понедельник. Общее собрание госуд(арственного) совета. Вяземский собирает около себя слушателей и с жаром повествует о своих подвигах. Рядом с этим рассказывают, что он с Казанской площади поехал к министру внут(ренних) дел, который его не принял, оттуда к м(инистру) ю(стиции) Муравьеву, а потом к военному министру и мин(истру) финансов, желая заручиться их содействием на случай могущих возникнуть для него неприятностей. После заседания совета в. к. Мих(аил) Ник(олаевич) заезжает с визитом к жене моей. Разговаривая о Вяземском, я сказал в(еликому) князю:

— Я очень опасаюсь, чтобы не последовало какой-нибудь меры, обидной для достоинства госуд(арственного) совета в лице одного из его членов. Мне кажется, наилучшее было бы сделать ему негласно замечание, а затем приказать уехать за границу впредь до разрешения вернуться.

6. Вторник. У нас завтракает шведский ученый Мартин, директор Стокгольмского музея и большой знаток древностей. Он ездил в Москву, чтобы видеть подарки, сделанные шведскими королями русским царям и великим князьям. По шведским спискам таких подарков должно бы быть 400, но он нашел в московской Оружейной палате только половину.

9. Пятница. Накануне вечером стреляли в Победоносцева. Он вернулся домой и сел заниматься в своем кабинете, расположенном в нижнем этаже обер-прокурорского и в прежнее время Нарышкинского дома. Когда он встал с кресла, чтобы пройти в соседнюю комнату, то с улицы последовали три выстрела, но ни одна из трех пуль его не тронула. Стрелявший был тотчас арестован. Он заявил, что на него пал жребий убить Поб(едоносцева), как ярого ретрограда. Уже несколько дней сряду он его караулил и, прозевав его приезд, стрелял в окно. При нем нашли всего три копейки остававшихся ему на прокормление денег.

10. Суббота. Заходит к нам в. к. Владимир Ал(ександрович) и жалуется (как командующий петербургским военным округом) на то, что полиция, вызывая войска, не оставляет их под командою воинских начальников, а сама распоряжается действиями войск, что противно воинскому уставу. Очень опустился, осунулся, состарился бедный в. князь, видно, не легко ему командование Марии Павловны.

11. Воскресенье. Во время верховой езды в своем манеже встречаю там Куропаткина. Между нами уговорено, что я буду ему всегда высказывать и мою собственную и слышанную от других заслуживающую сколько-нибудь внимания критику. На этот раз я упрекаю его в том, что хотя он и военный министр, но что он больше военный, чем министр, тогда как в его положении он мог бы принести большую пользу отечеству, если бы в сношениях с государем становился чаще на общегосударственную, а не специально военную точку зрения. На это он мне отвечает, что, вступив в исполнение своих теперешних обязанностей, он прежде всего занялся выработкою программы для ведения военного дела. Ныне, когда программа эта выработана, он стал изучать общегосударственные (дела?), читая о сем книги, но это идет медленно, а между тем постоянно встречаются вопросы, по которым приходится спорить и сталкиваться с другими министрами. В особенности тяжел Витте, который подносит прямо государю доклады, утверждение коих дает ему право вторжения в области некасающихся до него дел; так напр.: 1) не переговорив с ним, Куропаткиным, он, Витте, поднес государю высоч(айшее) повеление о сдаче в солдаты неповинующихся студентов; 2) таким же порядком он объявил высоч(айшее) повеление, чтобы никакой заказ по морскому и военному ведомствам не делался заграницей, а между тем есть такие нужные

для армии предметы, коих в России не существует вовсе, напр., свинец; когда на это было указано Витте, то он испросил новое повеление о том, чтобы в мин(истерстве) финансов образовать комиссию, которая рассматривала бы все заказы военного и морского министерств, т.-е. брала по ним взятки; 3) еще вопрос, породивший горячие споры, был—допущение в азиатские наши владения иностранцев для образования компаний и учреждения фабрик и заводов.

По этому вопросу, говорит Куропаткин, я долго думал, изучал и пришел к заключению о невозможности допускать устройства промышленных компаний в Средней Азии.

После такого категорического и своеобразного заявления, я не счел возможным продолжать разговор на эту тему.

В этот же день у в. к. Михаила Николаевича происходит заседание лиц, назначенных государем для обсуждения того, что делать с Вяземским. Под председательством в. к. Мих(аила) Ник(олаевича) принимают участие в этом совещании: в(еликие) князья Владимир и Алексей, председатели д-в госуд(арственного) совета Сольский и Чихачев. Решают: сделать ему выговор и приказать выехать из Петербурга. Обсуждая последствия такого решения, кто-то из членов говорит, что, конечно, Вяземский после этого будет просить отставки, но в. к. Алексей А(лександрович) возражает, что подобный негодяй, конечно, того не сделает.

12. Понедельник. Общее собрание госуд(арственного) совета с самыми ничтожными делами. Заезжаю к Победоносцеву, коего застаю в некотором волнении от своего приключения. Жена его в особенности озабочена сообщением М. Ю. Муравьева, что стрелявший заявил, что у них решено убить Победоносцева, и что ему следует поэтому ожидать новых покушений, которых полиция по недостаточности своего устройства и состава не может предотвратить. Я успокаиваю ее, говоря, что любимая мечта Муравьева—заместить Сипягина и потому нельзя относиться серьезно к его словам.

13. Вторник. Захожу к прусскому генералу Вердеру, столь долго бывш(ему) в Петербурге и в качестве военного агента, и в должности германского посла, а теперь наезжающего от времени до времени, чтобы посетить старых знакомых, и останавливающегося в таких случаях по приглашению государя в Зимнем дворце. Он собирался уезжать, когда его захватила подагра, и он уже несколько недель лежит недвижим, принимая целый день многочисленных посетителей и посетительниц.

14. Среда. Витте передает, что идет речь о назначении министром нар(одного) просвещения генерала Ванновского в особенности по тому соображению, что такое назначение будет приятно студентам и произведет некоторое умиротворение. Когда один из Михайловичей (я подозреваю, Александр) говорил с В(итте) в этом тоне, то он отвечал, что если преследуется такая цель, то проще взять Ковалевского, но что если хотеть серьезного кандидата, то он указал бы на Ливена, теперешнего управляющего дворянским банком. Ливен действительно по характеру и трудолюбию—выходящий из ряду человек.

15. Четверг. Навещаю двух больных: Фриша и Дурново. Оба жалуются на климат, страдают горлом и заботятся об одном: как бы подольше поплавать, подкрепляя свое благоденствие на столь много выдерживающем течении всяких служебных выгод, удел чиновничьего класса составляющих.

Обедают у нас: в. к. Владимир Александрович (пользующийся некоторой свободой вследствие отсутствия супруги), княгиня А. С. Салтыкова, княгиня Куракина, австр(ийский) посол Эренталь, Юсупов, Сабуров, Родзянко. Конечно, только и разговоров, что о Вяземском.

17. Суббота. Заседание в д-е законов. Рассматривается представление Ермолова о постановке госуд(арственных) межевых знаков на землях, отводимых крестьянам в Сибири. Я заявляю, что принимаю это предложение, как меру, идущую по пути, начертанному в прошлом году с(бщи)м с(обранием) гос(ударственного) сов(ета) пути перехода к полному праву собственности. Ермолов отвечает, что он так и понимает свое представление. Я прошу все это поставить во главу журнала заседания.

19. Понедельник. В общем собрании в. к. Мих(аил) Ник(олаевич) читает высочайшее повеление о сделании Вяземскому высочайшего строгого выговора, объявленного приказом военного министра за вмешательство в действия полиции при прекращении беспорядков на улице.

После заседания в. к. приглашает меня к себе в кабинет и говорит следующее:

— Представьте себе, что в городе говорят, что вы меня подвинтили против Вяземского, тогда как помните, что вы меня склоняли к умеренному взысканию.

— Меня это нисколько не удивляет. Мы живем в таком мире лжи, сплетен, клеветы.

В. К. А что вы находите: правильно ли я поступил, прочитав выс(очайшее) пов(еление) о Вяземском, сидя на кресле, а не стоя.

Я. Действительно, чтение высоч(айшего) пов(еления) происходит стоя, но если бы вы встали, то все присутствующие члены также должны бы были встать, а это придало бы заседанию особую торжественность, нисколько на этот раз нежелательную. По моему мнению, лучше было бы, если (бы) это было прочитано госуд(арственным) секретарем в обыкновенном порядке, что я ему, впрочем, и высказывал.

В это время вошел В(ладимир) А(лександрович) и, услыхав, что мы говорим о деле Вяземского и о неудовольствии в среде самого совета за то, что приказом по армии оштрафован один из членов, в. к. стал высказывать справедливую в себе мысль, что на подобное неудовольствие обращать внимания не должно. Отсюда перешел к слухам о назначении Ванновского; государь категорически (высказывал) в. князю свое о том намерение, но в. к. всячески старался убедить его этого не делать. Главный его довод был тот, что Ванновский в бытность военным министром восстановил против себя всех лиц, ему подвластных.

Уж на что, сказал в. к., мой начальник штаба (Бобриков) такой лисий хвост, что к каждому умеет подделаться, а и тот с Ванновским не мог справиться.

Еду поздравлять княгиню Дарью Петровну Оболенскую и застаю целый ряд родственников во всех степенях и поколениях. По близости захожу оттуда к Победоносцеву, который на вопрос мой о происходящих у государя министерских совещаниях рисует их так: выезжаем мы отсюда по десятичасовому поезду, за несколько минут до одиннадцати приезжаем в Александровский дворец; у государя в это время идут доклады: а) министра финансов, б) министра внутр(енних) дел, г) министра путей сообщения. Приходится подождать полчаса, да и больше. Начинаются прения. Иные, как напр., Ермолов, болтают без умолку. Государь начинает скучать. Пробьет час—час завтрака; он начинает посматривать на часы и минут через десять или пятнадцать объявляет, что обсуждаемый вопрос будет обсуждаться в следующую пятницу. Раскланиваются и расходятся. Силы, энергии, душевного жара нет. Жалуется еще Победоносцев на большую расточительность молодого государя; говорит, что уже к сентябрю прошлого года министерство двора израсходовало всю сумму (12 мил.), ассигнованную ему по годичному бюджету, и затем продолжало жить на счет госуд(арственного) казначейства, требуя от м(инистра) ф(инансов) деньги, по установленному Воронцовым порядку без всякого предварительного с ним сношения.

20. Вторник. Немногочисленный но грандиозный вечер у Юсуповых. Обильный и роскошный в 12 ч. ужин, а вслед затем разыгранные на домашнем театре французскими актрисами сцены.

21. Среда. Совет рисовального училища. Осматриваем сделанные нами во Франции значительные приобретения для музея. Особенно выдается коллекция старинных французских стекол, купленная у некоего Бабоно. В большом зале выставили рисунки декоративного, орнаментного характера, купленные у Бёрделе. Думаю, что второй такой коллекции не существует.

Вечером раут у армянского гранда Абамелек-Лазарева.

23. Пятница. Обедаю у в. к. Михаила Николаевича с Паленом и Винстером. Разговор сосредоточивается исключительно на назначениях Ванновского министром народного просвещения, а Черткова варшавским генерал-губернатором; первому 79, а второму 73. Город уверяет, что адмирал Гейден, которому за 90 лет, обиделся тем, что его обошли. Я знал обоих в Киеве, где двадцать лет тому назад производил ревизию. Ванновский добрый, трудолюбивый, ни в чем не выдающийся человек, Чертков крайне ограниченного ума, напыщенного тщеславия и далеко не добрый, а напротив—склонный к жестокости человек. От обоих назначений нельзя ожидать ничего прочно хорошего.

После обеда Пален высказывает ту мысль, что членам госуд(арственного) совета желательно было бы знать, в чем именно заключается вина Вяземского. В. к. настаивает на том, что вина определена словами: вмешательство в действия полиции. Пален находит это не-

достаточным и настаивает на том, что желательно знать, можно ли подавать Вяземскому руку. В. к. с возрастающим жаром отвечает:

— Это лгун, я имею тому доказательства.

24. Суббота. Ничтожное заседание д-та законов.

25. Воскресенье. Приезжает Ковалевский, товарищ министра финансов (по части промышленности и торговли). Цель его посещения— убедить меня поддерживать в гос(ударственном) сов(ете) представленный им проект, им же составленный, о художественно-промышленном образовании и в особенности отстоять это дело от притязаний м(инистерст)ва нар(одного) просвещения, которое желает получить его в свое заведывание. В этом отношении обещаю полное мое содействие, но во всем остальном считаю необходимым изучить проект, прежде чем высказывать мнение. Ковалевский пространно говорит о трудностях, испытываемых русскою промышленностью, сообщает о поданной по сему предмету Витте государю записке, сетует на взяточничество петербург(ского) градоначальника Клейгельса, который был весьма близок к увольнению и закрепил свое положение студенческими беспорядками.

Вечером оканчиваю чтение книги Шванебаха, добросовестно, беспристрастно излагающей финансовые мероприятия Вышнеградского и Витте, приведшие нас к сегоднешнему тяжелому положению.

30. Пятница. Заезжаю к Куропаткину потолковать о современных делах. К(уропаткин) заявляет между прочим, что наши действия на Востоке уже теперь стоят нам более 800 милл. р., и что еще далеко окончание этого нескончаемого расхода. Оттуда заезжаю к в. к. Владимиру Александровичу, который, говорят, что получил письмо из Москвы от брата Сергея, желающего покинуть генерал-губернаторский пост, но что он, Владимир, уговаривает брата остаться.

31. Суббота. Заутреня в Зимнем дворце. Ванновский, говоря о своем назначении министром нар(одного) просвещения, говорит, что это самое бедное по бюджету министерство, и что бюджет этот необходимо увеличить. Нахожу, что такой отзыв по меньшей мере странен и односторонен, являясь, так сказать, начальным для деятельности нового министра. Ванновский утверждает, что более часа отказывался принять предложенное ему государем место и называл трех лиц, на коих предпочтительнее пред ним могли быть возложены эти министерские обязанности.

Назначены три новых члена госуд(арственного) совета: Марков— председатель общего с(обрания) кассационных дел, человек способный, хороший юрист, но довольно бесхарактерный и изленившийся, Яновский—попечитель кавказского учебного округа, человек весьма почтенный, но уже достигший дряхлой старости, Арсеньев—воспитатель великих князей Сергея и Павла, а потом директор морского кадетского корпуса—человек, не заслуживающий ни в каком отношении никакого уважения; стыдно и в. к. Сергею добиваться таких унижающих совет назначений, стыдно и в. к. председателю Михаилу Николаевичу мириться с такими назначениями.

Апрель.

1. Воскресенье. Оказывается, что Ванновский назначен министром по настоянию Сипягина, который по этому предмету написал государю специальное письмо, а вслед затем, когда у государя было совещание, то Сипягин вернулся домой в ужасе от высказанных Ванновским взглядов. И подобные глупцы распоряжаются судьбами отечества.

Близкий к Сипягину человек стал на-днях, говоря о студенческих делах, высказывать мысль, что строй образования и группировка образовывающихся (находится?) в тесной связи с общим строем, общей группировкой всего русского общества, перевернутого реформами 60 годов (sic). Сипягин просил этого человека не продолжать такого разговора, так как он не любит общих вопросов, а считает достаточным разрешение частных, по мере их возникновения.

3. Вторник. Жду сына Петра, служащего в гродненском гусарском полку и намеревающегося поступить в академию генерального штаба к в(оенному) м(инистру) Куропаткину, который делает ему некоторого рода допрос и поощряет его намерение. Заходим к жене Куропаткина. Незлая и неглупая женщина, но в своей бесцеремонности и презрении к формам общежития достигшая исполинских размеров.

7. Суббота. Заезжает провести вечер мой старинный приятель граф Протасов-Бахметев—главноуправляющий учреждениями императрицы Марии. Все те же с моей стороны обвинения ему в том, что он чувствителен лишь к высочайшим улыбкам и связанным с ними всякого рода протекциям в ущерб делу, справедливости и пользам отечества. Он отвечает по обыкновению, что таким родился, таким воспитался и без придворной атмосферы жить не может, а если его прогонят, то другой на этом месте будет допускать злоупотребления гораздо более крупного калибра.

8. Воскресенье. Шидловский приходит прочитать финансовую записку, им против управления Витте написанную. Высказываю ему свой взгляд, что факты верны, изложены правдиво, но не имеют значения без практических выводов и указания желательной политики, а такое заключение (быть может ему и непосильное) повело бы слишком далеко и, разумеется, никаких результатов не достигло бы.

9. Понедельник. Заседание о(бщего) собрания госуд(арственного) совета. Подле меня сидит не могущий мне простить свою отставку из киевских генерал-губернаторов и потому заклятый враг мой Чертков. Он испускает столь сильный диабетический запах, что Польше вероятно, недолго придется переносить выходки его чванливого управления.

Рихтер спрашивает меня, помню ли я обстоятельства разбора нами вдвоем бумаг Лорис-Меликова и были ли в этих бумагах письма Александра III. Я отвечаю, что разбор помню, но что писем Александра III

не было. Рихтер прибавляет, что если такие и были, то, конечно, император Александр III их сжег, и потому ходатайство сыновей Лорис-Меликова о возвращении им этих писем удовлетворить невозможно.

Из совета Пален заходит ко мне и передает сообщение Витте о желании его устроить тройственный политический союз между Россиею, Германиею и Франциею.

Рассказывает еще Пален, что обедал у Сольского с Чертковым, который рассказывал свой прием у государя; выдающаяся черта этого приема заключалась в том, что Чертков просил государя освободить его от вмешательства в дела польского управления министров!

14. Суббота. Заседание д(епартамен)та законов: а) поземельное устройство горнозаводского населения на казенных уральских заводах: Ермолову удается провести некоторые благоразумные смягчения в применении бессмертных принципов 1861 г.; б) по требованию императрицы Марии Федоровны назначают пенсии из госуд(арственного) казначейства сестрам милосердия Красного Креста. Я тщетно пытаюсь настаивать на мысли, что установленное сводом законов служение государству и служение своим душевным идеалам ничего общего не имеют, и что, вознаграждая последнее податными рублями, мы можем зайти очень далеко. Мне отвечают мои коллеги молчанием, и остается лишь просить, чтобы в журнале было оговорено, что настоящее мероприятие имеет характер исключительный и прецедентом для других случаев не может быть принято.

15. Воскресенье. Свадьба сына Куракиных на молодой графине Толстой. Толпа приглашенных очень значительна.

17. Вторник. Победоносцев рассказывает, что в числе разных комиссий, коих он состоит членом, ему приходится измышлять средства обезвредить полусумасшедшего в. к. Николая Константиновича—старшего сына Константина Николаевича. Он наделал бесчисленные пошлости и преступления в Ташкенте, где даже из назначенных к надзору за ним лиц некоторые просто были по его распоряжению убиты. В последнее время, несмотря на существование законной жены и взрослых детей, он взял четырнадцатилетнюю девочку, с которой его яко бы обвенчал пьяный поп, обведя венчавшихся три раза около обеденного стола. Теперь Н(иколай) К(онстантинович) приехал в Тверь и продолжает там бесчинствовать. В Петербурге рассуждают о том, что с ним делать, и никак ничего придумать не могут.

18. Среда. Товарищ министра путей сообщения Мясоедов-Иванов критикует систему Витте строить более или менее параллельные дороги, с меньшей в совокупности провозоспособностью, чем большие дороги с ветвями, по тем же местностям проведенные. Выдача на железнодорожных станциях ссуд под хлеб привлекает множество грузов, не находящих ни временной защиты от непогоды, ни возможности движения. Факты эти в бо́льших еще размерах повторяются на границах Австрии и Пруссии, не могущих справляться с этими повременными хлебными наводнениями.

21. Суббота. На-днях должен разыграться неприятный для Витте процесс. Некий Таль—племянник камер-фрау императрицы, Флото-

вой и потому в(ысочайше) покровительствуемый, получил весьма обширные права на устройство железной дороги, заведение лесного хозяйства, доменных печей около Верхотурья, пароходства и т. д. Он должен был составить компанию и для этого собрать капитал в 18.000.000 р. Таль явился к Витте и предъявил квитанцию одного лондонского банкирского дома о внесении этому дому 18 мил. руб. По закону следовало потребовать внесения этой суммы в петербургский государственный банк, но в вид Флотовского покровительства Витте удовольствовался представленною ему распиской и выдал свидетельство о том, что Талевское общество состоялось. Таль поехал в Париж, получил от русского консульства удостоверение о том, что общество законно состоялось и выпустил акции, не имевшие никакой ценности и достигшие биржевыми маневрами более половины своей номинальной стоимости. Конечно, в один прекрасный день все это рухнуло, и теперь обманутые Талем люди собираются предъявить к министру финансов процесс о неправильном утверждении вовсе несуществующего общества. Я забыл сказать, что спрошенный о 18 мил. лондонский банкир отвечал, что деньги эти пролежали у него один день и вслед затем были обратно взяты Талем.

30. Понедельник. В о(бщем) собрании госуд(арственного) совета читается выс(очайшая) резолюция по такому делу: забайкальский генерал-губернатор представил о том, что по существующему для бурятов порядку они не могут быть подвергаемы своим начальством телесному наказанию, тогда как находящиеся в той же местности русские переселенцы подвергаются телесному наказанию по приговорам своих волостных судов. Такая аномалия вызвала при прениях в совете заявление о том, что желательно видеть и в России уничтожение телесного для крестьян наказания. Заявление это было помещено в соображениях высказанного советом мнения, а не в резолютивной его части. Мнение возвращено от государя с его отметкою против такого платонического взгляда: «это будет тогда, когда я этого захочу». Еще одно доказательство, до какой степени Сипягин и т. п. людишки стращают государя тем, что совет стремится ограничить его власть!.. Не знаешь, чего подобные инсинуации более заслуживают: презрения или смеха.

Май.

1. Вторник. Годичный обед в новом клубе. Я провозглашаю тост за основателя, не словами, а постоянным посещением клуба доказывающего свое к нему сочувствие, в. к. Владимира Александровича.

4. Пятница. Лежу в постели, мучимый подагрою. Заезжает прибывший накануне из Германии в. к. Михаил Николаевич и убедительно уговаривает приехать в гос(ударственный) совет на празднование столетнего юбилея. Разговаривая об этом празднестве и слыша от в(еликого) к(нязя), что он намерен встретить государя в сенях в сопровождении председателей д(епартамент)в, я настаиваю на том, что государя должны встретить все члены Совета, в. к. утверждает, что государю

приятнее будет более в приеме простоты; я настаиваю на противном, В. к. уезжает поколебленный и вслед затем изменяет церемониал, им проектированный.

5. Суббота. Врач мой—доктор Павлов, рассказывает ужасы о несчастных незаконных детях, будто бы призреваемых воспитательным домом, а в действительности остающихся живыми лишь в размере 14%, вследствие ужасных мероприятий, в отношении их принимаемых. Опекунский совет состоит из огромного числа оказавшихся ни на что непригодными старцев, кои окольными путями нашли доступ к императрице Марии Федоровне. В конце царствования императора Николая опекунов было вдесятеро меньше, но они были или вельможи или независимые люди, безвозмездно принимавшие на себя попечение о том или другом благотворительном заведении.

Заходит ко мне замечательный по даровитости Алексей Оболенский, ныне товарищ Сипягина, а прежде его сотоварищ и с детства приятель. Сокрушается о бездарности С(ипяги)на, отсутствии в нем государственных знаний, сколько-нибудь просвещенных взглядов, заменяемых исключительно подобострастием, доведенным до виртуозности, и все это под личиной усердия к царю. Вообще самодержавие сделалось в последнее время девизом для всяких искателей собственного благополучия.

Одним из рельефнейших представителей такого сорта людей является петербургский градоначальник Клейгельс. Уже в бытность варшавским обер-полицеймейстером он составил себе взятками порядочное состояние; по переходе в Петербург он начал грабить самым беззастенчивым манером. В последние годы он купил шесть имений, из коих за последнее заплатил 600 (?) рублей. По поводу растраты одним из его любимых чиновников, растраты части принадлежавших градоначальству хозяйственных сумм, прокурор окружного суда произвел следствие, при чем оказались беспримерные злоупотребления самого Клейгельса. Имения его управляются полицейскими чиновниками, продолжающими получать свое казенное содержание; в одном из имений оказался даже пароход, числящийся по спискам в составе речной петерб(ургской) полиции; арестанты не получают следующих им кормовых денег, кои Кл(ейгельс) кладет в свой карман. Все это представлено министру юстиции Муравьеву, который опасается дать ход делу, чтобы не потерять место, так как Клейгельс находится под покровительством Сипягина и заведующего охраной Гессе.

6. Воскресенье. Страдая подагрой, не еду на прием в Царском Селе по случаю дня рождения государя.

7. Понедельник. Хромая и опираясь на палку, отправляюсь на торжество. Члены госуд(арственного) совета ожидают в сенях приезда государя. В 1 ч. приезжает государь из Царского Села, сопровождаемый своим братом и дядей Сергеем Александровичем. Пожав руку каждому из стоявших на пути его членов совета, государь поднимается по большой лестнице и входит в кабинет в(еликого) князя, где ожидает, пока члены совета занимают места свои в церкви, где по прибытии государя отслуживается молебен. После молебна члены совета занимают

места свои в зале общего собрания, куда входит и государь, занимая председательское кресло. Прежде всего он читает указ о назначении членом совета в. к. Михаила Александровича, потом государственный секретарь Плеве читает грамоту госуд(арственному) совету. Во время этого чтения все члены совета стоят, а государь один сидит, что выходит несколько странно. После этого чтения в. к. Михаил Николаевич обращается с речью к государю, который, по выслушании этой речи, безмолвно удаляется, провожаемый до сеней советом. Все это холодно, бездушно, натянуто, чувствуется отсутствие многого, очень многого.

После отъезда государя, в одной из смежных с присутственной зал подают шампанское и провозглашаются тосты, сопровождаемые криками ура. Разъезжаясь домой, старики посматривают друг на друга с вопросительными знаками во взглядах.

14. Понедельник. День пятидесятилетия моей службы. По обычаю, в г(осударственном) совете установившемуся, в этих случаях канцелярия рассылает всем членам повестки с уведомлением, что такой-то будет принимать в такой-то день и в такие-то часы. Я заявил, что никаких повесток не желаю, а что буду сидеть дома и принимать всякого из сотоварищей, кто меня видеть пожелает. В 11 ч. явился ко мне Плеве с статс-секретарями и произнес речь. Я отвечал ему, выставляя заслуги руководимой им государственной канцелярии. Вслед затем меня посетили все члены совета: в. к. Михаил Николаевич весьма любезно приехал для этого из своей стрельнинской дачи и просидел более часа. Уходя, он меня горячо благодарил за мою службу, на что я отвечал, что я только исполнял свой долг. На выраженную им надежду, что я еще долго буду с пользой трудиться в совете, я отвечал глубоким поклоном и столь же глубоким молчанием.

От государя я получил рескрипт.

15. Вторник. В с(бщем) собрании гос(ударственного) совета слушается дело о воинской повинности в Финляндии. Ни прений, ни речей нет в виду многоглаголия, сопровождавшего заседания соединенных департаментов. По каждому вопросу собираются лишь голоса, при чем мнения более снисходительные в отношении финляндцев получают значительное большинство голосов. В итоге побежденным остается Куропаткин и победителем почитается Витте, усердно ему противоречивший.

16. Среда. Еду в Петергоф благодарить государя за полученный от него рескрипт. Прием происходит на ферме. Представляющихся весьма значительное число. Меня принимает в кабинете стоя. При входе застаю его посреди комнаты. Подойдя, говорю ему следующее:

— Я пришел благодарить в(аше) в(еличество) за те милостивые слова, коими вам угодно было меня удостоить и коих я поистине не заслуживаю.

Г(осударь) (внимательно выслушал то, что я говорю, и ничего не ответил).—А какие у вас вчера в совете большинства по финляндскому делу?

Я (не имея возможности говорить серьезно вследствие огромной ожидавшей моего выхода толпы).—Действительно, большинство вчет-

веро многочисленнее меньшинства, но самые цифры не имеют значения, так как они составляют лишь последствие многочисленных в последнее время назначений в члены совета.

Молчание.

Г(осударь). — А вот видите, ваш словарь постоянно у меня на столе.

Я. «Да я, государь, в этом никакого сомнения не имею после того, что вы мне это сказали. Вот все собираюсь вам присылать отдельные биографии замечательных людей нынешнего столетия по мере их изготовления, но опасаюсь, что при ваших огромных занятиях листки эти придут к вам невпопад.

Г(осударь). «Пришлите мне их после 15 июня, когда я перестану получать журналы госуд(арственного) совета и комитета министров.

Молчание.

Г(осударь). «Я еще у вас в долгу. Я не возвратил вам биографии в. к. Константина Николаевича.

Я. «Я понял, что она вам не понравилась.

Г(осударь). «Нет, все, что в ней сказано, совершенно справедливо.

Я. «Да ведь для меня важно, чтобы вы знали правду, а если мною вам сказанное не попадет в руки публики, так это неважно. Я не разговаривал покойному государю, что, идя к нему я себя спрашиваю, неужели я, как и другие, буду ему льстить и рядить истину, и потому хоть иногда и тяжело бывало, а все-таки говорил ему всю правду, не обинуясь; вот и с вами то же самое».

Из Петергофа возвращаюсь по железной дороге вместе с Муравьевым—министром юстиции. Он рассказывает ужасы про Клейгельса и его грабежи и утверждает, что Сипягин обещал ему, Муравьеву, убрать Клейгельса не позже первых дней июня (вероятно, с почетом и повышением).

Муравьев рассказывает еще, что обсуждается предположение о посылке в разные части России временных гражданских генерал-губернаторов, которые, подобно ревизующим сенаторам, изучали (бы) на местах необходимые исправления в устройстве и ходе провинциальной и народной жизни, но при этом были (бы) вооружены властью и авторитетом, необходимыми для исполнения возложенного на них поручения.

Июнь.

6. Среда. Заседание совета училища. Присутствует вновь избранный нами член Всеволожский, бывший директор театров, высказывающий мне свое удовольствие о происходящих в театральном ведомстве после его ухода неурядицах. Преемник Всеволожского Волконский вышел в отставку, вследствие такой характерной истории. Танцовщица Кшесинская, бывшая любовница нынешнего императора до вступления его на престол и находящаяся ныне в связи с в. к. Сергеем Михайловичем, отказалась от ношения в какой-то роли какого-то костюма,

и явилась не в этой форме, которая была ей предписана директором театров Волконским, который за этот поступок и наложил на нее пятидесятирублевый штраф. Кшесинская письмом, непосредственно к государю обращенным, просила его сложить с нее этот штраф. Государь приказал министру двора барону Фредериксу исполнить эту просьбу; и когда Фредерикс возразил, что в таком случае положение всякого директора театров сделается невозможным, то государь ему сказал:

— Я этого желаю и не желаю, чтобы со мною об этом больше разговаривали.

Волконский подал просьбу об увольнении от должности, и на его место назначен полковник Теляковский, ничтожный человек, который будет безмолвным слугой Кшесинской.

7. Четверг. В разговоре с Витте слышу от него горькие жалобы на Куропаткина за то, что он, выражая согласие на возвращение войск из Манчьжурии, всячески противодействует такому возвращению. Напротив, в занятой нашими войсками Китайской территории постоянно происходят экспедиции, т.-е. набеги с грабежом, усиливающие международное раздражение и могущие легко привести к возобновлению военных действий.

В высшем центральном петербургском правительстве никакой положительной, ясной твердости не существует, и министру финансов подчас приходится бороться с невероятными фантазиями на почве материальных, часто просто преступных отбросов; образчиком тому может служить, разбиравшееся на-днях в совещании всех министров под председательством Сольского, дело о постройке круговой около Петербурга железной дороги. Дорога должна стоить 190 милл. рублей; цель ее непонятна; добиваются концессии в. к. Сергей Михайлович, Кшесинская и Клейгельс. Совещание единогласно отбросило эту мошенническую проделку. Когда Витте докладывал государю об исходе совещания, то государь с удивлением спросил:

— Как, и Сипягин согласился со всеми?

Возглас этот объясняется тем, что, по мнению Сипягина, всякое желание государя подлежит беспрекословному исполнению, будучи выражением божественной благодати, от помазанника божия исходящей.

12. Вторник. Переехав на летнее жительство в Царское Село, захожу к Победоносцеву, который занимает в старом дворце комнаты, прежде отводимые министру двора, т.-е. Воронцову, а пред ним Адлербергу. Застаю его, как обыкновенно, пред столом, покрытым разными книгами, а еще более брошюрами. Через несколько минут разговор, конечно, переходит на обсуждение и осуждение теперешнего хода наших правительственных дел. Победоносцев, как всегда, начинает ходить из угла в угол, восклицая, вздыхая. Он читает теперь книгу Шильдера—Павел I. При чтении книги этой русское сердце содрогается, а между тем наступают времена, когда все рассказываемое Шильдером может повториться. Будучи врагом безрезультатного и безвыходного хныканья, не видящего средства ко спасению, я говорю Победоносцеву приблизительно следующее:

Несколько столетий Россия держалась на том, что около государя и на войне и в мире стояли люди с глубокими корнями в народе, с возможностью и решимостью говорить царю правду и притом не в условных парламентских речах или министерских докладах, а в ежедневном обмене мыслей и чувств, результатом коего было то поступательное на всех поприщах медленное, но твердое движение нашего родного края, которое создало великую, грозную, славную Россию.

В XVIII столетии, с умножением интересов, усложнением забот, расширением границ русских, должны были создаться и создались новые правительственные формы, но и в них не только сохранилось, но даже мудростью Екатерины II упрочилось влияние землевладельческого класса, как надежного политического фактора.

Настало освобождение крестьян, задержанное в царствование А(лександра) I военными бедствиями, а в царствование Н(иколая) I— нерешительностью императора, впечатленного, не имевшими ничего общего с русской жизнью—революционными событиями. Исполняя завет отца своего, А(лександр) II поспешил освободить крестьян и, обратясь к наиболее ревнительным исполнителям воли своей, был во многом увлечен ими далее того, что история и политическая мудрость того требовали; наиболее опасным в этом отношении увлечением было низвержение землевладельческого класса, при всех своих недостатках остававшегося хранителем в некоторой степени независимости, оберегателя иных, чем животные, интересов, сохранившего над низшим классом населения охранительное в правительственном смысле влияние.

К кому же перешло это влияние и в чем же оно выразилось? Оно перешло в руки людей чуждых земле и выразилось в стремлении к личной наживе, стремлении, чуждом всякого идеала. Пошел по русской земле лихой человек в лице писаря, старшины, ростовщика, чиновника, присланного из самых различных закоулков, безответственно теснящего и обижающего население, все под личиной усердия к царю.

Правительство утратило характер прозорливой устойчивости; во всем стала чувствоваться случайность, переменчивость, отсутствие твердо сознанных целей и ясно намеченных следования к ним путей.

События последних недель служат грустною, но неоспоримою к тому иллюстрацией.

В течение сорока лет правительство боролось с общественным мнением всех классов населения, отстаивая, быть может, черезчур широко установленную им систему классического образования. Ал(ександр) III, наложил руку на все реформы отца своего, но преклонился пред катково-толстовским творением. Студенческие беспорядки в начале нынешнего царствования были подавлены, но вдруг беспорядки эти приняли форму убиения министра нар(одного) просвещения и открытой с полицией уличной баталии. Последствием принявших такую форму беспорядков было назначение министром нар(одного) просвещения пехотного офицера, уже два года тому назад высказывавшегося за студентов и начавшего свое управление с того, что приказал заменить в гимназиях изучение латинского и греческого языков французским и немецким.

Быть может, это и прекрасно, но оно напоминает суждения Скалозуба, которые в грибоедовское время не имели никаких шансов обратиться в министерские распоряжения, заменяющие законодательство, сорок лет защищаемое правительством.

За студенческими беспорядками последовали стачки и сражения фабричных рабочих с полицией. За ними встанет крестьянская толпа с требованием земли, и не теперешняя милиция, на короткое время оторванная от этой самой земли, поднимет оружие для того, чтобы обуздывать эти самые ею разделяемые аппетиты. Здесь конец той России, которую мы знали, которую мы всею душой боготворили!

Что же делать? Где средства спасения?

Спасение одно: возвращение к мудрой политике Екатерины, насколько оно совместно с результатами протекших в 150 лет событий.

Умножать и усиливать класс землесобственников во всех видах. От табунного ковырянья земли, именуемого общинным владением, переходить к подворной и личной собственности. Вычеркнуть из законодательных соображений безземельное дворянство. Открыть широко всем сословиям права поземельной собственности и непременно связанное с ними радение о местных пользах и нуждах. Сферу чиновнической деятельности сузить, сделать ответственною в полном смысле, такою, какова она была при Петре I, повесившем князя Гагарина за взятки, при Екатерине, предавшей суду генерал-прокурора Глебова, при А(лександре) I, отдавшем под суд военного министра гр(афа) Татищева. Много, много можно было бы сказать, но уже этих двух мер достаточно было бы, чтобы высоко одаренный провидением русский богатырь мог встать на ноги и развернуть свою геройскую мощь, свои великие трудовые силы и вывести отечество на совсем иную дорогу, чем ту, коей оно сегодня следует.

17. Воскресенье. Крестины новорожденной великой княжны Анастасии Николаевны. Из Петербурга отходит поезд, наполненный гражданскими и военными чиновниками в наипараднейших мундирах. В Петергофе ожидают нас многочисленные кареты и коляски, доставляющие приехавших лиц в большой дворец. По церемониалу членам госуд(арственного) совета надлежало пройти прямо в церковь и с десяти часов ожидать начатия крестин, но я осторожно уселся с некоторыми из спутников в одной из зал, церкви предшествующих, памятуя сказанное мне однажды обер-камергером графом Рибопьером: Mon oncle, le Comte Litta, disait que lorsque l'on arrivait à la Cour une heure trop tard, c'était une heure trop tôt». В одиннадцать часов началась церемония сначала крестин и потом обедни. Служение это продолжалось два часа с половиной, в течение коих большинство присутствовавших удалялось для отдыха в соседние комнаты. Исключение делал дипломатический корпус, естественно находивший невежливым выходить из церкви, но зато с двумя дамами этого корпуса сделалось дурно. По окончании богослужения был дипломатический cercle, т.-е. принесение дипломатическим корпусом поздравлений императору, а затем торжественный и многолюдный завтрак. Мне пришлось сидеть за столом

возле импровизированного министра нар(одного) просвещения Ванновского, который рассказал мне, приблизительно, следующее:

— Ведь я не первый год живу на свете, так у меня свой определенный взгляд на важные вопросы. Поразмыслив о переменах, необходимых в народном образовании, я составил себе план, а затем собрал комиссию, которая его и одобрила. Сущность плана заключается в том, чтобы оставить весьма небольшое число гимназий с теперешнею программою классического образования; во всех же остальных гимназиях заменить латинский и греческий языки французским и немецким».

Я. А какие же будут требования для перехода в университет?

В(анновский). Для юридического факультета необходимо классическое образование, а для других факультетов нет.

Я. Но для юридических факультетов недостаточно четырех или пяти гимназий.

В(анновский). Во всех гимназиях будут устроены отделения с латинским языком, но преподавание это будет в ограниченном размере.

Я. Т.-е. вы хотите, чтобы гимназисты учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь. Если где-либо преподавание латинского будет сохранено, то необходимо его сохранить во всем нынешнем объеме.

В(анновский) с этим не согласился и докончил свое повествование тем, что все его предположения утверждены государем и с 1 сентября будут, в качестве временной меры, приведены в действие, а одновременно попечители учебных округов будут призваны высказать свое о них мнение, совокупно с мнением губернаторов, дворянских предводителей, некоторого числа родителей гимназических учеников. Все это будет рассмотрено госуд(арственным) советом в течение будущей зимы!!!

20. Среда. Посылая государю оттиски выдающихся биографий, помещаемых в печатаемые томы моего биографического словаря, пишу его величеству следующее:

«Представляемые при сем биографии четырех братьев Перовских относятся к малоизвестной эпохе царствования императора Николая, почему я и решаюсь представить их в совокупности, хотя, конечно, преимущественного внимания заслуживают Василий и Лев.

Возвышенность чувств Василия, его энергия, твердость, правдивость заслужили ему неизменное расположение государя, при котором он был сначала адъютантом, а впоследствии исполнителем тяжелых задач. Характерным образчиком этого человека может служить решительность его доложить возвратившемуся из Палермо государю всю правду о грустной истории карточной в его отсутствие игры у цесаревича.

Граф Лев Перовский, хотя и не представляет ничего в личности своей выдающегося, но тем не менее биография его, как министра внутрен(них) дел, не лишена интереса. Несмотря на протекшее с того времени шестидесятилетие, одни и те же вопросы продолжают заботить правительство; неурожаи, общественные запашки и т. п. продолжают являться выразителями крестьянского неустройства

Памятуя ваши милостивые слова относительно прочитанной вами когда-то на эту тему записки, я прошу у вас, государь, позволения высказать перед вами, укрепленное протекшими с того времени событиями, убеждение.

Если с точки зрения экономической необходимо введение твердой, а не мнимой, на теоретических мечтаниях основанной, собственности, то с точки зрения политической такое мероприятие едва ли не еще важнее.

В течение ряда славных для нашей истории столетий, правительство имело опору в крупной дворянской собственности. В 1861 г. эта собственность не только поколеблена, но направлена на ежедневно расширяющийся путь уничтожения. Факт этот крайне прискорбен, но неисправим. Бюрократические попытки на пользу дворянского класса не больше как фразы, не могущие достигнуть серьезного результата. Быть может, годами создастся надежный в государственном смысле преемственный класс землесобственников, но до этого весьма далеко, и во всяком случае ныне для этого ничего не творится. А между тем крестьянская масса, некогда ведомая дворянством, а теперь поставленная в несколько враждебное к нему отношение, живет, множится, движется под влиянием и руководительством всяких пестрых лихих людей, преследующих преимущественно свои личные, корыстные и в большей части случаев противоправительственные цели. Требуется перестать сплачивать эту темную, легковерную, подвижную толпу в одну густую массу, а, напротив, по возможности, расчленять, диференциализировать ее, выдвигая людей труда, бережливости, порядка, как опору правительственного хода дел, в противоположность ненадежным, падким на аграрную путаницу, буйным группам населения. Такова должна бы быть господствующая в упорядочении крестьянского населения идея, идея, к сожалению, далекая от симпатий социал-бюрократизма.

Еще раз простите, государь, но позвольте сказать вам от всей души всю правду, как я в течение десяти лет говорил ее покойному вашему родителю.

За студенческими беспорядками последовали беспорядки фабричные. Неминуемое возобновление их и нетрудное подавление не страшны, но не страшнее ли мысль, что за ними могут последовать беспорядки аграрные.

Мне самому не раз приходилось слышать от крестьян, что если их отцу или деду в 1861 г. наделено было столько-то земли, то ныне каждому из его сыновей или внуков правительство обязано дать участки таких же размеров.

Что произойдет, если подобное убеждение перейдет от слова к делу, как тому были попытки в XVII и XVIII столетиях. Кто явится надежным орудием репрессии. Прежнего 25-летнего службою оторванного от своей среды солдата не существует. Нынешний доблестный перед иноземным врагом воин, покидает семью свою лишь на короткое время и остается солидарным с ее интересами, особливо земельными. На чью сторону станет он в такого рода поземельном процессе? Одно

сомнение в душе его встанет угрозою тем великим благам, коими славные предки ваши рядом занесенных историей на свои скрижали подвигов одарили Россию!

Да отвратит мощная десница ваша, государь, эту темную тучу, надвигающуюся на отечество.

В(ашего) и(мператорского) в(еличества) верноподданный...»

Июль.

22. Воскресенье. Живя в царскосельском уединении, только отрывками узнаешь о том, что делается в руководящих судьбой отечества сферах. Принципиального, обдуманного, твердо направленного нет ни в чем. Все творится отрывочно, случайно, под влиянием момента, по проискам того или другого, по ходатайствам вылезающих из разных углов искателей счастья. Юный царь все более и более получает презрение к органам своей собственной власти и начинает верить в благотворную силу своего самодержавия, проявляя его спорадически, без предварительного обсуждения, без связи с общим ходом дел. Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на-днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то, похожее на павловское время.

Любопытным образчиком времени служит возлюбленный государев министр внутренних дел. Этот человек, лишенный и умственных способностей, и каких бы то ни было убеждений, и самого элементарного гражданского мужества, убедил государя, что с назначением его Сипягина (министром) в(нутренних) (дел) все переменится: земство сохранит одну вывеску, правительственная власть в лице своих чиновников проникнет всюду, иноверие исчезнет, иноплеменные части России внезапно обрусеют и т. п. Написав на эту тему множество проектов, Сипягин видит теперь сам невозможность их осуществить, и на-днях вследствие того получил от государя такой комплимент: «Вы много обещаете, да мало исполняете».

Назначению Сипягина много содействовал Витте, который и продолжает всячески его поддерживать и скрывать его бездарность. Между тем на самого Витте, среди имеющих к государю доступ разнообразных личностей, поднялось гонение. Во главе этого гонения ничтожный начальник охраны Гессе, сколько слышно честный, но ограниченный пехотный офицер, командовавший при Черевине батальоном, а теперь сделавшийся чем-то в роде министра внутренней политической оппозиции; за ним идут следом разные офицеры, писаки и подаватели записок, долженствующих пересоздать Россию и упрочить их собственное благоденствие. Отсюда идет критика виттевского финансового управления, управления, действительно, заслуживающего критики, но не на те темы, кои доступны пониманию вышереченной мелкоты. Обвиняют Витте в пристрастии к иностранным капиталам, в покровительстве евреям, в допущении нерусских подданных устраивать промышленные предприятия России, что называется отдавать иностранцам русские богатства и т. п. Логическим выводом из этого является

необходимость отдавать эти богатства самим критикам, во главе коих являются некоторые черезчур размножившиеся великие князья, отрицающие обязательность для сего какого бы то ни было закона. Все это не остается без влияния на самого императора, что весьма естественно. Г(оспода) министры силятся доказать государю, что в них одних для него спасение. Государственный совет, по их заявлению,—сборище ярых либералов, стремящихся парламентскими формами ограничить власть императорскую; сенат—собрание отживших старцев, помешанных на законности, весьма часто непригодной для успешного хода дел в России; прежних при дворе «собраний знатных персон», открыто и смело разговаривающих, более не существует; пресса и во всех отношениях посредственна и держится м(инистерством) в(нутренних) д(ел) в страхе наказания. Чей же голос раздается около государя? Исключительно министерский; а между тем весьма понятно, что государю хочется слышать голос, проверить то, что жужжат министры в постоянном концерте самохваления. Он и обращается к втирающимся к нему ничтожествам, думая услышать независимый голос. Все это очень грустно и скажу более: опасно. Недостатки подобного режима чувствовались всеми сколько-нибудь выдающимися монархами, которые и старались помочь злу установлением правильных совещательных учреждений. Петр I учредил сенат, Екатерина II созвала сначала комиссию депутатов, а потом совет, Александр I обратил совет в государственный и установил комитет министров. А(лександр) II основал совет министров. Все это ныне отодвигается в сторону и, в ожидании лучшего, заменяется нашептыванием и забеганием.

26. Четверг. На-днях жена генерала Ванновского пригласила к себе гос(ударственного) контр(олера) Лобко и просила его доложить государю, что у нее решительно нет средств выехать из Петербурга в деревню, потому что она, по недостатку денег, заложила уже все свои ценные вещи. Лобко, как бывший директор канцелярии Ванновского, обязанный ему во многом своею карьерою, не мог отказать в такой просьбе, по докладе коей государь приказал передать ее министру финансов. Лобко из ученых офицеров генерального штаба, был преподавателем нынешнего государя и, вследствие такого сближения, доныне пользуется его расположением. Он человек не без способностей, обладающий сведениями, но сведениями односторонними и вследствие того могущий быть до известной степени опасным при обсуждении высших государственных дел. Встречаясь в госуд(арственном) совете с офицерами генерального штаба, я заметил, что они почти все отвечают одному типу. Получив в академии высшее военное образование, они вступают на действительную службу и привыкают смотреть свысока на рядовой военный материал, почитаемый ими столь несравненно низшим по умственному развитию. Этот взгляд они сохраняют впоследствии и переносят на всяких одиночно или сгруппированно встречаемых ими людей. В госуд(арственном) совете они выражают эту самонадеянность краткими, сжатыми речами, исключающими возможность непогрешимости. Обыкновенно речи эти или оставляются без внима-

ния, или получают сильный отпор и неодобрение. К числу таких людей принадлежит и Лобко, но, быть может, он более других способен к саморазвитию, самоусовершенствованию.

Скончался Островский—характерный тип мнимых государственных чиновников. Он находился на второстепенной должности в гос(ударственном) контроле, когда Абаза, будучи назначен госуд(арственным) контролером, взял его себе в товарищи. Находившийся в то время во власти Петр Шувалов уговаривал Абазу не вводить подобное пресмыкающееся ничтожество в тот круг людей, коим открывается возможно широкая в России политическая карьера; но Абаза не послушался Шувалова и впоследствии сильно в том раскаивался, Не будучи лишен канцелярских способностей, О(стровский) пролез гораздо далее, чем то общественная польза позволяла. С преемником Абазы Грейгом О(стровский) находился в дурных отношениях и потому не попал в госуд(арственный) контр(оль), а сделался членом государств(енного) совета. Грейг, предвидя свое назначение м(инистром) ф(инансов), говорил мне, что всячески будет проводить в преемники Сольского, вследствие хороших с ним отношений, основанных на том, что Сольские, муж и жена, были особенно любезны с женой Грейга—отставною танцовщицей, весьма хорошей женщиной, но не принятою в обществе.

При А(лександре) III Островский усиленно играл на ноте патриотизма, как будто патриотизм может быть частною собственностью и оружием личного повышения. Ему это удалось. Он попал после Игнатьева в м(инистры) г(осударственных) и(муществ) и земледелия, пробыл на этом посту долгие годы, не умея отличить ржи от овса, и не выходя из своего виц-мундира. Наконец, неспособность его сделалась слишком очевидной и потому его спустили... благодаря слабости в. к. Михаила Николаевича в председатели д(епартамента) законов!.. Председательствование его заключалось в том, что он пред обсуждением всякого дела излагал вкратце всем присутствующим известное содержание его...

29. Воскресенье. Третьего дня отпраздновали в Гатчине свадьбу великой княжны Ольги Александровны с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Великая княжна некрасивая, ее вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми, умными, прямо на вас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского. При родовитости своей и значительности денежного состояния, унаследованного от в(еликой) княгини Екатерины Павловны, принц во всех отношениях посредственный, а во внешности своей ниже посредственного человек; несмотря на свои годы, он почти не имеет волос на голове и вообще производит впечатление хилого, далеко не дышащего здоровьем и никак не обещающего многочисленное потомство человека. Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чем едва ли не придется со временем пожалеть.

Брачная церемония должна была совершиться в Петергофе, но как рассказывают, уволившийся от заведывания театрами Волконский, при представлении императрице матери, на вопрос ее о причине отставки, рассказал ей свое столкновение с Кшесинской, а так как по петергофскому церемониалу в вечер свадьбы должен был иметь место балет на островках, то Мария Федоровна потребовала, чтобы свадьба праздновалась у нее в Гатчине.

Нас собрали в гатчинском дворце к $2^1/_2$ ч. Государственный совет, по обыкновению, стоял в церкви, вместе с дипломатическим корпусом, среди коего, мимоходом сказать, не доставало английского посла, уведомившего гр. Ламздорфа, что не может быть, вследствие траура по королеве Виктории. Церемония, по обыкновению, была весьма продолжительна и утомительна. Для отдохновения до наступления обеденного часа нам были отведены комнаты, когда-то занятые покойным Черевиным в нижнем этаже, окнами в сад. В 6 час. начался обед или, как сказано было в церемониале, парадный обед. Главный стол накрыт был в большом зале, расположенном в центре дворцового здания. Лепная орнаментация стен, потолка, бронзовые осветительные украшения, размеры комнаты, роскошный паркетный пол, все это, сохранившееся в целости от прошлого столетия, служили художественной для пиршества рамой. За столом сидели все члены императорского семейства с новобрачной четой в средине, имея против себя министра двора барона Фредерикса. Несколько оставшихся свободными мест были уделены старейшим по чину лицам, а именно Победоносцеву, мне, Рихтеру и барону Гюнэ. Мне довелось сидеть насупротив королевы греческой Ольги Константиновны, сидевшей по правую руку от императора. На столе, в центре перед новобрачными, был положен плотный ковер срезанных роз, а от него в обе стороны тянулся ряд ценных серебряных произведений прошлого столетия, среди коих выдающееся место занимали вещи, принадлежащие к столовому сервизу, купленному покойным государем Александром III от братьев Мятлевых. Сервиз этот был заказан императрицей Елизаветой Петровной знаменитому художнику Шермену и подарен фельдмаршалу Салтыкову, победителю Фридриха II при Кунигсдорфе; от Салтыкова сервиз по наследству достался Мятлевым. Все это я за столом рассказал императрице Марии Федоровне, повидимому, ничего такого не подозревавшей.

Кроме большого стола, было еще расставлено в том же и в соседних залах большое число круглых столов, за которыми сидели прочие приглашенные лица.

В 10 ч. мы уселись в поезд, который и доставил меня благополучно в Царское Село обратно.

Август.

3. Пятница. Скончался князь Николай Иванович Салтыков, человек во всех отношениях почтенный и добродетельный. В нем не было ничего выдающегося, он не отличался никакими особенно-

стями, но его семидесятилетняя жизнь протекла, неизменно внушая всем его знавшим полное уважение. Женат он был на княжне Анне Долгорукой, из того многочисленного семейства красавцев и красавиц, наделавших много шума своими самолюбивыми и тщеславными происками, нередко находившими высокое и высочайшее покровительство.

На-днях состоялись крестины в(еликого) к(нязя) Дмитрия Ал(ександровича), сына в(еликого) к(нязя) Александра Михайловича и государевой сестры Ксении Ал(ександровны). Согласно учреждению об императорской фамилии, изданному при Ал(ександре) III, и в составлении которого я участвовал, князь такой категории должен бы получить андреевскую ленту в день достижения совершеннолетия, но она возложена на него при крещении, как это уже и было сделано для его братьев-предшественников. Старшинство лиц царствующего дома считается по степени близости их к трону, но с этой точки зрения Александр Михайлович является предпоследним в лестнице старшинного понижения. Ни для кого из потомков великокняжеских внуков императорских сделано сего не было. Очевидно, все это происходит по настоянию Марии Федоровны, охраняющей свою собственную важность, в лице своего по дочери внука. Тут является совсем новое начало личного тщеславия и фаворитизма, не оставляющее места идеям Александра III, желавшего установить твердые для положения членов царского семейства правила, исключающие пищу для зависти, ненависти и всякой розни, и без того слишком в среде семейства сего обычной.

19. Воскресенье. Заезжает ко мне в Ц(арское) Село Витте и сообщает нелишенные интереса известия. Китайские усложнения обошлись нам доселе в один миллиард рублей; продолжать эту глупую затею невозможно; идя по этому пути, Россия идет к разорению—и финансовому и политическому. По соглашению с м(инистром) и(ностранных) д(ел) Ламздорфом, Витте подал государю записку, предлагая заключить с Китаем договор об очищении Маньчжурии в трехлетний срок. Призванный к обсуждению этого предположения Куропаткин восстал всеми силами против предположения окончить безрезультатно войну, стоившую таких жертв. Государь колебался, но после колебаний принял мнение Витте и Ламздорфа. Тогда они стали убеждать государя: во-первых, при посещении императора Вильгельма, условленном уже шесть месяцев тому назад, показать ему проект соглашения и, так сказать, заручиться его согласием; во-вторых, после посещения Вильгельма проехать во Францию для достижения соглашения по этому вопросу и с французским правительством. Оба эти свидания должны упрочить европейский мир и в частности России дать возможность залечить свои финансовые раны.

Говоря о положении наших внутренних дел, Витте повторил уже не раз слышанную мною от него мысль, что для успешности денежного хозяйства необходимо поднятие экономического уровня, а это возможно лишь прежде всего устроением крестьянской жизни, основанном на единичной собственности с отменой общинного владения,

от которого он вполне отказывается в противоположность тому, что думал и говорил восемь лет тому назад. Вторым существенным условием развития экономического он признает возможно большую постройку железных дорог. На эти темы он подал государю перед его отъездом записку, но в осуществлении своих предположений по сему предмету встречает сопротивление в Сипягине. На мое замечание, что ему еще не раз придется раскаиваться в участии, принятом им в назначении Сипягина, он отвечает, что, конечно, С(ипягин) неправ, но что он никогда ничего бесчестного не сделает, а что, конечно, гораздо хуже было бы, если бы на пост м(инистра) в(нутренних) д(ел) попал какой-нибудь гр. Игнатьев или Бобриков.

Гуляя в этот день по царскосельскому парку, проезжаю мимо Орловских ворот, на коих Екатериной начертано: «И Россия таких сынов имеет». Имеет она сынов таких и ныне, но не имеет державной руки, их выводить умеющей.

Сентябрь.

8. Суббота. С отъездом за границу их величеств наступило полное затишье. С появлением желтых листьев исчезают из Петербурга многочисленные петербургские чиновные потентаты. Из числа их военный министр Куропаткин уезжает сначала в Варшаву, а потом в Закаспийский край. Перед отъездом его захожу к нему и по его обычной просьбе высказать ему, в чем его обвиняют, говорю ему, что и я нахожусь в числе обвинителей за то, что он летом уехал из Петербурга рыболовствовать в Псковскую губернию и финляндскую окраину, не возвратясь к семейным торжествам царского семейства. Публика приписывает это тому, что он будто бы обиделся неполучением генерал-адъютантского аксельбанта, несмотря на напоминание, сделанное по сему предмету министром двора Фредериксом, напоминание, получившее в ответ: «может подождать». Поездка Сахарова, а не его, Куропаткина, на французские маневры в свите государя есть выражение некоторого неудовольствия, и имеет ту опасность, что созидает готового на должность военного министра кандидата. Разумеется, К(уропаткин) заявляет, что он рад бы удалиться от того омута сплетен, интриг и т. д., которыми сопровождается петербургская деятельность, тем более, что в случае войны ему, конечно, дадут командование одною из семи армий, которые, согласно его плану, будут выставлены Россией. Относительно своего плана действий, как военного министра, говорит, что его программа рассчитана на десять лет. В истекшие четыре года, благодаря государю, не было отстранений и уклонений, так что он имеет надежду осуществить сполна свои предположения. Во избежание могущих возникать недоразумений и противоречий со стороны его политических противников Куропаткин все серьезное в высших делах записывает, так, напр., показывает мне слова, сказанные ему Витте при начале китайской войны о необходимости послать как можно более войска с оговоркой: какая беда, что они совершат морскую прогулку.—Теперь же на К(уропаткина) сыплются обвинения за то,

что он послал не 50 т., а 150 т., придав войне преувеличенные размеры. Относительно недоброжелательства к нему Ванновского видит к тому причину в неудовольствии за то, что он, Кур(опаткин), не довольно быстро повышает сыновей Ванновского, не заслуживающих того.

14. Пятница. Один из ближайших к государю адъютантов, спрошенный своим приятелем о том, может ли он рассчитывать на высочайшую приязнь в случае, если бы его постигло какое-либо большое несчастье, отвечал: «нисколько. Я знаю, что для меня ничего бы сделано не было, и я исчез бы в забвении».

В доказательство своего мнения он привел то, что происходит при дворе в настоящую минуту. Адъютант граф Гейден (служащий, кажется, в походной канцелярии), женатый и имеющий четырех детей, влюбился в фрейлину Оленину. Это забавляет их величеств, и во всю прошлую осень в Крыму, играя в теннис, оказывалось покровительство и поощрение этому роману. При отъезде теперь в Данию и Францию в небольшое число лиц, составлявших походную свиту, включены и влюбленные. Гейден написал жене, что просит развода, желая жениться на Олениной; а если развод и женитьба состоятся, то Гейдена удалят со службы за произведенный при дворе скандал, и после сыгранного на увеселение величеств водевиля, занавес опустится.

Декабрь.

28. Пятница. Возвращаюсь из Монтекарло, где прожил в своем St. Roman, а когда наступили холода, то в гостинице три месяца. Покинув свой сад в полном блеске и наполненный цветами, приезжаю в Петербург, засыпанный снегом и переживающий сильные морозы. Трехдневный перезд в отличных вагонах нисколько не утомителен. Тотчас по приезде навещаю хворающую дочь мою—Оболенскую, только что переехавшую во вновь приобретенный ею на Сергиевской улице дом, где я когда-то бывал у прежнего владельца гр. Александра Никол(аевича) Толстого [об(ер) гофмаршала], а затем отправляюсь в новый клуб, где застаю в(еликого) к(нязя) Владимира Александровича, гр. П(авла) С(ергеевича) Строганова, Юсупова, Балашева, Сабурова, Дурново, гр. К(онстантина) И(вановича) Палена, Чихачева, Шидловского. Играю в вист, слушаю кое-какие сплетни и узнаю, что на другой день надо быть в совете в одиннадцать часов для бюджетного заседания.

29. Суббота. В 11 ч. в Мариинском дворце. Общее собрание в довольно полном составе. Витте произносит длинную речь, будто бы для представления объяснений к бюджету на 1902 г., в действительности же для восхваления своего десятилетнего управления министерством финансов. Он доказывает, что в это время перебор доходов против сметных предположений достиг огромной цифры 1.100.000.000 р., и что такие постоянно увеличивающиеся доходы служат доказательством увеличения материального благосостояния страны. При этом, однако, сознает, что некоторые части России и в особенности центральные губ(ернии)—сердце России—находятся в ухудшающемся положении.

Гос(ударственный) контролер приводит несколько цифр, в доказательство того, что крупная кассовая наличность, упоминаемая Витте, и на которой он основывает блистательность финансового нашего положения, есть результат сделанного прошлой весной во Франции займа. Председатель д(епартамен)та экономии Сольский, не желая ни возражать Витте, ни компрометироваться выражением сочувствия или одобрения, осторожно молчит в противность традициям совета, требующим, чтобы о каждом серьезном из д(епартамен)та в общее собрание вносимом деле, председатель д(епартамен)та высказывал свое, в подкрепление заключения д(епартамен)та мнение. Впечатление всего этого заседания жалкое, грустное.

В 2 $^1/_2$ часа в Зимнем дворце принесение поздравлений новобрачным в(еликой) княгине Ольге Александровне и ее супругу Петру Александровичу Ольденбургскому.

Поздравляемая чета стоит посреди концертного зала и сначала принимает дипломатический корпус, потом дам (числом не менее 200), потом духовенство, потом госуд(арственный) совет, сенат, почетных опекунов, статс-секретарей, военных и т. д.

Возвращаюсь домой почти в 5 часов. Такие собрания, конечно, тягостны и скучноваты, но при нашем суровом климате, затрудняющем частые встречи с ближним иначе как в своей или в его квартире, имеет известную пользу расширение возможности встречаться без заранее определенных побуждений и притом на нейтральный почве. Тут при случайно завязывающемся разговоре является возможность обменяться мыслями по вопросам, часто не лишенным интереса, и даже прийти к заключениям и результатам.

Вечером посылаю государю следующую записку:

«Прошу извинения у в(ашего) и(мператорского) в(еличества) в том, что беспокою вас нижеследующей просьбой:

Окончив во Франции печатание тома дипломатической переписки за 1814, 1815, 1816 гг., я счел необходимым написать предисловие к той части издания, которая появится в Париже, одновременно с выпуском в свет соответствующего тома «сборника».

Предисловие это я не считаю себя в праве отпечатать, не получив вашего, государь, разрешения, а потому прося снисхождения в(ашего) в(еличества) к неприглядному корректурному листку, при сем прилагаемому, буду ожидать для окончательного отпечатания приказаний или указаний в(ашего) и(мператорского) в(еличества).

Ст.-секретарь *Половцев*».

30. Воскресенье. Делаю визиты, заезжаю к Витте; разговор о делах совета. Любопытный рассказ Витте такого содержания:

На-днях получаю от Е(лизаветы) А(лексеевны) Нарышкиной приглашение приехать к ней. Она сообщает мне, что императрица Мария Федоровна поручила ей передать мне, что она желает, чтобы моя дочь была представлена ко двору и обещает, что она будет приглашаема на придворные балы, но что, так как я, Витте, испрашивая у покойного государя разрешение жениться, обязался никогда не просить о пред-

ставлении ко двору жены моей, то императрица желает, чтобы дочь моя была представлена мною и явилась ко двору в моем сопровождении. Я ничего не ответил, но, приехав вслед затем в Гатчину для урока наследнику (Витте уже два года преподает в(еликому) к(нязю) науку о финансах), я написал императрице следующее: «в(аше) и(мператорское) в(еличество), позвольте мне беспокоить вас просьбой принять меня на несколько минут; я ни о чем просить вас не намерен и ни сегодня, ни впоследствии, никогда ни о чем просить вас не буду». Будучи вслед затем принят, я сказал императрице, что пришел выяснить недоразумение, заключающееся в том, что, спрашивая у покойного государя дозволение жениться, я никогда никому никакого обещания не давал относительно непредставления ко двору жены моей. Императрица на это ответила, что она поручала Вышнеградскому, сидевшему на том же кресле, на котором я сидел, передать мне, что разрешение жениться дается мне под условием, чтобы я никогда не испрашивал разрешения представить жену мою. Я отвечал, что Вышнеградский никогда ничего подобного мне не говорил, да он не мог не знать, что я ни ему, ни кому бы то ни было другому ничего подобного говорить не дозволил бы. Императрица настаивала на том, что разговор этот имел место в той же, как и теперь, комнате, и что В(ышнеградский) сидел на стуле, мною в эту минуту занимаемом. Я ответил, что очень сожалею, что мне приходится упоминать о человеке уже умершем, но что я могу также сослаться на человека, находящегося в живых. Этот человек—председатель комитета министров—Дурново. Он представлял государю А(лександру) III справку о моей жене, быв тогда министром в(нутренних) д(ел) и шефом жандармов. Государь, получив его донесение, сказал, что я (Витте) исполняю долг честного человека (sic), и что он разрешает мне женитьбу. При этом никаких условий мне поставлено не было.—Неужели в(аше) в(еличество) думаете, что моя дочь могла бы принять и представление и приглашения с тем, что ее мать ни к представлению, ни к приглашениям допущена не будет. Если бы она это сделала, то я бы отрекся от нее. Вот все, что я имел доложить в(ашему) в(еличест)ву.—После чего я встал и вышел из комнаты.

Заехав в этот день к старикам Бобринским, слышу характерный рассказ о Сипягине.

На отделку дома, в который он переехал (у Цепного моста, д. кн. В. П. Кочубея, а впоследствии шефа жандармов), Сипягину было ассигновано 100 т. р. В действительности Сипягиным было израсходовано более 400 т. Госуд. контролер Лобко отказался признать правильным такое перерасходование, и дело дошло до государя, который стал выговаривать о том Сипягину. На это Сипягин заявил, что «его подвел директор д(епартамен)та общих дел Трепов», произведя эти расходы без ведома Сипягина, и в наказание за подобные действия Трепов из директоров д(епартамен)та смещен на губернаторскую должность. Будучи близко знаком с графиней Еленой Шуваловой, Трепов заявил ей, что он ни единого рубля не израсходовал без письменного разрешения Сипягина, и что у него хранятся письма и записки его в числе 71, но что Сипягин производил самые безумные и неограниченные расходы.

1902 г.

Январь.

1. Вторник. Выход в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица шествует во главе с императором, а царствующая с уродливым сиамским принцем. Сияние на лице первой, нахмуренное неудовольствие, довольно, впрочем, естественное, на лице второй. Сольский празднует пятидесятилетний юбилей и получает графский титул. Он и неустанно интригующая жена его ликуют. Ванновский, претендовавший на такое же отличие, но не получивший его, как говорят, потому, что его сыновья негодяи, ходит, как в воду опущенный. После обедни и принятия дипломатического корпуса, дамы целуют руки императриц, так что итог проведенного дамами на этой службе времени (с 11 до 3 часов) составляет четыре часа, в течение коих высочайшие особы получают плотный завтрак, а дамы чашку шоколада с пирожком.

Накануне умер Э(ммануил) Д(митриевич) Нарышкин, сын знаменитой Марии Антоновны Нарышкиной, любовницы императора Александра I, которая разошлась с ним, влюбившись в Гагарина, настоящего отца Эммануила Дмитриевича. Последний был одним из последних представителей русского барства. Благородный, честный, твердый, упрямый, пожертвовавший миллионы на общественную пользу, он оставляет по себе ничем не запятнанную память, что после 90-летней жизни и по преимуществу жизни великосветской и придворной весьма редко.

2. Среда. Был у моей дочери Бобринской. Встречаю там Витте, который горько жалуется на московского генерал-губернатора в(еликого к(нязя) Сергея Александровича. Не имея серьезной подготовки к исполнению своих обязанностей, под влиянием окружающих его лиц и в особенности обер-полицеймейстера Трепова [тоже чуждого всяким государственным познаниям офицера] в(еликий) к(нязь) вбил себе в голову, что для водворения в фабричном мире тишины и спокойствия необходимо дать рабочим все то, на что их подговаривают социалистические учители. Не входя в существо социалистических учений, С(ергей) А(лександрович) думает, что проведение принципа, что реформы должны итти сверху, а не снизу, достаточно для разрешения столь сложных и жгучих вопросов, как дарование восьмичасового дня, установление заработной платы правительственной властью, участие рабочих в выгодах фабричных предприятий. По его распоряжению агенты тайной полиции устраивают сходки, на которых избранные для

сего профессора читают на эти темы лекции и обнадеживают и без того сильное в рабочем классе брожение. Все это он в интимных с племянником своим разговорах успел провести в его взгляды, так что опасность серьезных усложнений каждый день усиливается влиянием самого правительства.

5. Суббота. Алексей Оболенский рассказывает прием, оказанный ему императрицей Марией Федоровной при представлении по случаю увольнения от должности товарища министра внутр(енних) дел. Она стала упрекать ему его отставку, главным образом в виду того, что он мог бы представлять государю дела в настоящем их виде, тогда как Сипягин по чрезвычайной ограниченности ума своего не в состоянии того делать. Оболенский тщетно доказывал ей, что по положению своему—товарища—он доступа к государю не имел. Представление это происходило в Петергофе и в заключение его императрица сказала Оболенскому: Allez, allez chez mon fils et dites lui toute la vérité. Оболенский пошел от императрицы на представление к государю и тщетно три раза пробовал объяснить ему причины своего ухода. Государь всякий раз перебивал его, на том основании, что все это он уже знает от Сипягина, и заводил речь о другом.

Не так привязывают к себе государи сердца честных людей.

Кстати о Сипягине. На-днях он, обедая в яхт-клубе, до того напился пьян, что валялся на полу и, стоя на коленях, крестился и говорил: ей-богу, я не виноват в издержках по дому...

В pendant к доказательству об удачном выборе нынешних министров вспоминаю рассказ Сталя (лондонского посла). Один из сослуживцев министра иностр(анных) дел Муравьева, найдя его в раздумьи, получил такой ответ относительно причины его задумчивости: «размышляю о том, чем мог бы я рассмешить государя на завтрашнем докладе».

7. Понедельник. Продолжительное заседание в гос(ударственном) совете. Соединенные департаменты под председательством графа Палена рассматривают новый проект уголовного уложения. В этот день обсуждается глава о преступлениях против веры. Вместо Победоносцева [негодующего на оказываемое ему пренебрежение] является его товарищ Саблер, который в пространной речи настаивает на беспристрастии синода и отвращении его к насильственным полицейским мерам в сфере религиозных верований; но затем при обсуждении каждой статьи утверждает, что синод не может допустить вторжения враждебных ему элементов в сферу его деятельности и требует каторги, испр(авительного) дома и т. п. за всякое проявление в какой бы то ни было форме твердого религиозного убеждения, не патентованного синодом.

На-днях в числе членов финансового комитета представляюсь наследнику Михаилу Александровичу. Вежлив, любезен, приветлив, в мундире и андреевской ленте, усаживает нас и выслушивает кое-какие не совсем удачные заявления Сольского и Витте. При прощании остается в комнате, покуда мы выходим. Уезжая, передаю все эти замечания состоящему при нем полковнику Дашкову, виновнику

такого доселе непривычного в(еликим) князьям поведения. Дашков отвечает: «Это новое издание».

9. Среда. Торжество раздачи наград ученикам в нашем рисовальном училище. Члены совета: моя жена—председательница, я—ее товарищ, Е(лизавета) А(лексеевна) Нарышкина, гр. Павел Сергеевич Строганов, кн. А(лександр) С(ергеевич) Долгорукий, И(ван) А(лександрович) Всеволожский (директор Эрмитажа), гр. Бобринский (зять мой), предс(едатель) технич(еского) общ(ества) генерал Петров, академик М(ихаил) П(етрович) Боткин, а также приглашенные лица: министр финансов, председатель д(епартамен)та гос(ударственной) экономии Чихачев, председатель общ. поощрения художеств Нечаев-Мальцев, много художников, фабрикантов и т. п., равным образом все наши ученики собираются в зале, где служится молебен с провозглашением вечной памяти основателю училища барону Штиглицу, а затем многолетия служащим и учащимся в училище. По окончании молебна переходят в советский зал, где, во-первых, я произношу речь, затем председатель технического общества генерал Петров произносит приветствие училищу. После него общество поощрения художеств чрез своего председателя Нечаева-Мальцева представляет адрес, выражающий сочувствие к деятельности сродственного учреждения. В заключение директор Котов читает отчет о деятельности училища, а почетная председательница — жена моя — раздает награды, присужденные лучшим ученикам.

13. Воскресенье. Город занят большим скандалом. Уже много лет в(еликий) к(нязь) Павел Александрович состоит в связи с женой адъютанта в(еликого) к(нязя) Владимира Александровича—Пистолькорса. Бесцеремонность влюбленных достигла крайних пределов. Путешествия и прогулки вдвоем, обхождение с последнерожденным сыном, носящим фамилию Пистолькорса, и т. п. все это принималось публикой как выражение совершившегося факта. Нынче летом г-жа Пистолькорс объявила, что в. к. решился на ней жениться и что для сего ею немедленно получен будет развод. В. князь не решался просить об этом государя.

В день принесения поздравлений в. к. Ольге Александровне г-жа Пистолькорс явилась с громадным на груди бриллиантовым бантом, которого история была такова: императрица Александра Федоровна завещала его своему внуку в. к. Алексею Александровичу, который подарил его своей возлюбленной Зине Богарне; от нее по духовному завещанию украшение это досталось сыну Алексея Александровича графу Белевскому. Находя предмет этот слишком для себя дорогим, (он) пожелал продать его и начал с того, что предложил его государю, который отказался от покупки, несмотря на то, что вещь эта нравилась императрице Александре Федоровне. В. к. Павел Александрович, скопивший большое состояние во время своего малолетства, купил эти бриллианты и подарил их г-же Пистолькорс, с которой состоит в связи уже много лет. Госпожа Пистолькорс [ур(ожденная) Карнович], имеющая от в. к. обещание на ней жениться, полагая, вероятно, что близок час, когда она сделается членом императорского семейства,

возложила на себя этот роскошный бриллиантовый бант в день принесения поздравлений в. к. Ольге Александровне. На все семейство и в особенности на женскую его часть появление банта произвело удручающее впечатление. Дано было приказание вычеркнуть супругов Пистолькорс из списка приглашаемых на придворные балы, а в. к. Владимиру Александровичу сказано, чтобы уволил из адъютантов столь постыдную личность. Словом, то, что всем известно было уже давно, озарилось бриллиантовым светом, соделывающим невозможным продолжение подобного беспорядка. В. к. Павел Ал. объявил, что он женится на г-же Пистолькорс во чтобы то ни стало, бросив, если нужно, все и уехав из России. На семейном совете решено приказать синоду не допускать развода, о чем Победоносцев и получил от государя собственноручную записку. После того как весь город наполнился шумом по поводу этой истории, чета Пистолькорсов получила приглашение на придворный бал, но имела благоразумие не появляться.

Почти одновременно произошел другой крупный скандал другого рода: в воскресенье 13 января в газете «Россия» появился фельетон, где под видом провинциального рассказа изображались характеры императоров Николая Павловича, Александра Николаевича, Александра Александровича и ныне царствующего Николая Александровича. Злее пасквиля я не видал. Статья была написана некиим Амфитеатровым. Приглашаемый к завтраку после обедни, им отслуженной, Янышев рассказал об этом государю, побуждаемый к тому, как слышно, враждой к Амфитеатрову—отцу журналиста—священнику Архангельского собора в Москве. Государь тотчас же послал за Сипягиным, который ничего не подозревал. Решено было выслать Амфитеатрова в Нерчинск, а редактора газеты Сазонова—во Псков. Издание газеты приостановилось, статья сделалась известной всем, не обратившим на нее никакого внимания. В народе стали говорить о том, как газетчик царя обругал. Словом, Сипягин распорядился вполне соответственно ограниченности своих умственных способностей.

16. Среда. В гос(ударственном) совете слушается проект уголовного положения. В статье о посягательстве на членов императорской фамилии устанавливается для такого преступления смертная казнь. Член гражданского департамента Гончаров имеет мужество сказать, что нельзя приравнивать в этом случае членов императорской фамилии к императору и наследнику престола, а также наказывать за покушение столь же строго, как совершение преступления. Его заявление не вызывает ничего иного, как гробовое молчание, и возражение со стороны госуд(арственного) секр(етаря) Плеве на ту тему, что все члены императорской фамилии столь дороги сердцу государя и священны русскому народу, что в этом случае нельзя отделять их от государя. Закон этот, давно существующий, Плеве не считает опасным уже потому, что не было примера покушения на членов императорского дома.

Возмущенный наглою подлостью отвечающего г. Плеве, я выступаю на защиту Гончарова и говорю, что обнародованное 5 апреля 1797 г. учр(еждение) об императорской фамилии, было написано в 1788 г. Павлом Петровичем при отъезде его на войну со Швецией; что в то

время у П(авла) П(етровича) было лишь два сына и этим ограничивалась импер(аторская) фамилия; что я участвовал в 1886 г. в составлении нового учреждения об императорской фамилии, и что в то время категорически заявлено было предположение (мое) о выделе потомкам императоров в пятом поколении майоратов из удельных земель, так чтобы эти светлейшие князья почти выходили из царского семейства. Неужели такая статья закона должна бы распространяться и на них? Таганцев, поддерживая мое мнение, настаивает на необходимости назначить различные наказания за покушение и за совершение преступления. Председатель гр(аф) Пален заявляет, что для обсуждения этого вопроса будет им созвано специальное совещание.

17. Четверг. В д(епартамен)те экономии слушается дело, внесенное Дурново из совещания о воспособлении дворянства, дело об учреждении дворянских касс самопомощи. Опасаясь, что предположения совещания будут отвергнуты гос(ударственным) советом, Дурново вносит дело с резолюцией государя, повелевающего совету иметь в виду «необходимость выдачи из гос(ударственного) казначейства каждой кассе самопомощи суммы, равной той, которая будет вноситься каждою из таких касс». При этом говорится, что всякое экстраординарное пособие будет назначаться самим государем.

Приступая к обсуждению этого дела, председатель Сольский, по обыкновению, ставит вопрос о том, не имеет ли кто-либо из членов желания высказать общие по этому делу соображения. Я говорю, что необходимо определить пределы, в коих дело это подлежит рассмотрению; что, по моему мнению, высоч(айшая) резолюция, состоявшаяся по докладу Дурново, определительно выражает высоч(айшую) волю, чтобы такие кассы существовали и чтобы им отпускались определенные средства из госуд(арственного) казначейства; что, таким образом, и факт их существования, и указание средств, для существования их потребных, уже не подлежат ни сомнению, ни обсуждению совета, который может обсуждать лишь порядок выдачи и возврата ссуд, т.-е., так сказать, внутренний делопроизводственный порядок этого учреждения. Дурново начинает оправдываться в том, что он внушил такую резолюцию. Сольский заявляет, что он по праву председателя признает, что дело подлежит полному, без всякого ограничительного стеснения, рассмотрению, прибавляя, что государь ему сказал, что так надо понимать эту резолюцию.

Я отвечаю, что я считаю долгом подчиниться такому заявлению председателя.

Возбужденный мною инцидент, повидимому, остается безрезультатным, но в действительности он имеет ту выгоду, что гг. министры, которые забегают к государю и испрашивают специальные высочайшие повеления, чтобы защититься силою от свободного в совете высказывания взглядов, будут знать, что если гос(ударственный) совет имеет ныне гос(ударственных) секретарей и председателей, забывающих свой долг, то еще и в среде членов могут находиться люди, готовые выступить на защиту свободы высказывания мнений, в том виде, как она предоставлена совету самим его учреждением.

Бал у графа Орлова-Давыдова в его доме на Сергиевской улице. Присутствуют император и императрица, а также вся императорская фамилия. Государь разговаривает со мною о назначении общего собрания нашего Исторического Общества, о последних его трудах, в особенности о последнем томе, печатаемом в Париже и включающем дипломатическую переписку русского и французского правительств после возвращения Бурбонов. Обещаю прислать ему том с отметкой заслуживающих внимания страниц.

18. Пятница. В соед(иненных) д(епартамента)х рассматривается дело о церковно-приходских школах, по представлению Победоносцева, который, благодаря личному своему влиянию, создал себе обособленное от всего остального управления клерикальное министерство нар(одного) просвещения, а теперь требует законодательного утверждения своей затеи. При рассмотрении каждого отдельного параграфа члены совета стараются ослабить эту беззастенчивую замкнутость, но я ставлю корнем вопрос о необходимости объединения дела начального в России просвещения, а не усиления ведомственной розни, подрывающей в населении доверие к правительственным, в сфере народного просвещения, мероприятиям. Не находя поддержки в представителе м(инистерст)ва нар. просвещения—товарище министра—упрекаю его в том и получаю такой ответ: «Да помилуйте, о чем нам хлопотать, ведь Победоносцев для нас работает. Много ли ему жить? Посмотрите на него. Чрез года два-три умрет, а тогда, конечно, все дело передадут нам».

21. Понедельник. В $2^1/_2$ часа заседание финансового комитета на квартире у нового графа, которого кто-то прозвал графом Скользким. Впервые присутствует наследник, в. к. Михаил Александрович, весьма скромный и любезно себя ведущий. Обсуждается лишь одно дело, да и то довольно пустое: о выдаче дополнительного вознаграждения за выкупленную правительством сеть юго-западных железных дорог. Витте ходатайствует о том для восстановления хороших отношений с берлинской и амстердамской биржами ввиду предстоящего нам железнодорожного займа. Я соглашаюсь, но считаю необходимым включить в журнале соображения и другого свойства, а именно упомянуть, что происходившее в комитете министров разномыслие не исключает возможности разрешения дела судом не в пользу министерства финансов, что должно подкрепить желание окончить дело миром. Государственный контролер настаивает на том, чтобы министр юстиции дал заключение в пользу м(инистерст)ва финансов, и что остается сожалеть о том, что дело рассматривается не в сенате, потому что тогда дело было бы предрешено. Я возражаю, что министр юстиции не имеет голоса судьи, что по нашим законам он лишь организатор правосудия и наблюдатель за действиями его органов. Тернер поддерживает Витте на том основании, что если строго законная справедливость не на стороне акционеров, то «équité» несомненно в их пользу. Сабуров пробует заявить желание, чтобы предполагаемая выдача ($2^1/_2$ мил.) была отнесена на 12 мил. фонд, ассигнуемый на чрезвычайные

расходы. При голосовании в. к. Константин Константинович категорически заявляет, что с мнением Витте не согласен, потому что могли быть акционеры, дешево купившие акции и теперь выигрывающие от дарования неожиданного вознаграждения. Я ему замечаю, что между человеческою и божескою справедливостью великая разница и что принятие высказываемого им принципа сделает затруднительным, если не невозможным, рассмотрение какого бы то ни было дела. Как все ограниченные люди, он не приводит аргументов, но упирается в своем мнении. Наследник весьма мило говорит, что он затрудняется дать какое-либо мнение.

Заезжаю к хворающему Муравьеву, который сообщает об устрашающих сведениях, получаемых им со всех концов России от лиц прокурорского надзора.

Вечером у дочери Анны. Превосходно играет польский скрипач Барцевич.

26. Пятница. Узнаю о м(инистре) ю(стиции) Муравьеве следующее: прокурор петерб. окр. суда, благороднейший и честнейшей человек, произвел дознание о злоупотреблениях градоначальника Клейгельса и пришел к заключению, что он и ближайшие к нему подчиненные подлежали бы ссылке на поселение. Муравьев собрал у себя: товарища министра, директора д(епартамен)та м(инистерства) ю(стиции), прокурора суд. палаты и прокурора окр. суда. По выслушании мнения Лопухина, Муравьев предложил присутствующим высказать свое мнение. Все высказались за предание суду, но прокурор суд. палаты, прибавил, что Клейгельс пользуется таким доверием государя, что подвергнуть его ответственности будет иметь последствием увольнение Муравьева от обязанностей министра юстиции. Тогда Муравьев, приняв задумчивый вид, сказал: «Увольнение мое теперь, в то время, как я вношу в гос. совет предположения мои о переустройстве судебной части, нанесло бы великий вред судебному делу. Нечего делать, надо прекратить дело о злоупотреблениях Клейгельса».

26. Суббота. [Со слов Витте]. После обычного еженедельного доклада в пятницу 18 января государь пригласил Витте притти в тот же день в $2^1/_2$ ч. Явясь в назначенное время, Витте застал в Зимнем дворце министров внутренних дел Сипягина и госуд. имуществ—Ермолова. В присутствии их государь объявил Витте, что решился назначить комиссию, для исследования нужд сельско-хозяйственной промышленности, под председательством Витте. «Я назначил вас председателем потому, что если вы этого не сделаете, то никто этого не сделает». При этом государь передал Витте собственноручно написанные четыре пункта, которые с ничтожным впоследствии редакц(ионным) изменением и поставлены в основу существования комиссии, а именно:

1) Для выяснения нужд сельско-хозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с нею отраслей народного труда, образовать особое совещание под председательством министра финансов из министров: земледелия и госуд. имуществ, внутренних дел и других лиц, по избранию его императорского величества.

2) Предоставить председателю особого совещания право приглашать к участию в его занятиях, с правом совещательного голоса, всех тех лиц, мнение коих оказывалось бы полезным выслушать в совещании.

3) Предоставить совещанию, для ближайшей разработки вопросов, подлежащих его суждению, образовать подготовительные комиссии в составе и на основаниях, имеющих быть установленными сим совещанием.

4) Предоставить председателю особого совещания заключения сего совещания представлять на благоусмотрение его императорского величества для дальнейшего направления их, согласно высочайшим е. и. в. указаниям.

29. Вторник. Витте был у государя для представления списка членов и, между прочим, назвал меня, на что государь выразил свое одобрительное согласие. В четверг Витте снова был у государя и имел с ним относительно комиссии приблизительно следующий разговор:

— Получив от вашего величества повеление председательствовать в этой комиссии, я не стану, как это обыкновенно в таких случаях бывает, ссылаться на мое здоровье, на множество занятий, на трудности принятия на себя нового дела, но должен остановить внимание ваше на том, как я мало имею надежды на достижение успеха, и если я равнодушен к обвинениям, которые посыплются на меня за такую безрезультатность со стороны публики, то не могу быть равнодушным к тому, что в. в. обо мне подумаете. Какие меры могут быть направлены на пользу сельско-хозяйственной промышленности в тесном смысле: прежде всего, конечно, является мысль о материальной, денежной помощи; может быть оказана помощь сложением некоторых казенных сборов, но возможно ли уменьшение бюджетных сил при постоянно увеличивающихся требованиях военного и морского ведомств? Вам известно, что после сведения росписи назначена комиссия под председательством в. к. Мих(аила) Ник(олаевича) о перевооружении, и на первом заседании этой комиссии мне заявлена необходимость ассигнования 120 миллионов. Если бы вашему величеству угодно было объявить манифестом, что военные силы России сокращаются на $^1/_3$ или $^1/_4$, то, конечно, тогда нашлись бы на все деньги. Но по положению мирной войны, знаменуемой постоянно усиливающимися в Европе вооружениями, едва ли такая мера была бы признана удобоисполнимою.

Другое облегчительное для сельско-хозяйственной промышленности средство могло бы заключаться в понижении тарифных ставок, но это значило бы наносить удар другим отраслям промышленности; это было бы похоже на то, если бы, имея двух сыновей, сечь одного, чтобы доставить удовольствие другому. Конечно, сельско-хозяйственной промышленности принесло бы пользу распространение просвещения среди его деятелей, но это входит в задачи министерства народного просвещения и, конечно, не может подлежать ведению комиссии. Сельско-хозяйственная промышленность составляет занятие $^9/_{10}$ русского населения,

первое условие ее усовершенствования заключается в коренном изменении положения этих $^{9}/_{10}$ населения. Им должна быть дана несравненно большая, чем теперь, свобода и независимость действий. На крестьян законодательство наше смотрит, как на малолетних, требующих постоянной и усиленной опеки. При таком порядке не может процветать энергичный, успешный труд. Не может он процветать, когда крестьянин не знает, чем и на каком праве он владеет, какие его гражданские права, личные, имущественные. Это вопрос, требующий прежде всего разрешения для желающих улучшить русское сельское хозяйство. Но ведь он не будет подлежать рассмотрению совещания, потому что на днях назначена комиссия о пересмотре положения 19 февраля 1861 г. (?) под председательством министра внутр(енних) дел.

Г(осударь).—Это отдельное дело, порученное Сипягину.

Витте.—Но как же возможно, государь, чтобы, созывая совещание из избранных вами лиц, преимущественно взятых из среды высших сановников, и поручая им коллегиально обсуждать выделенный для них вопрос об улучшении сельского хозяйства, одновременно были предоставлены бюрократическому изучению и разрешению коренные, гораздо более важные вопросы. Эти вопросы могут получить надлежащее разрешение только в том случае, если вы сами станете во главу этого дела, окружив себя людьми, для того избранными. Если бы дед ваш, император Александр II не поступил так в деле освобождения крестьян, то мы бы до сих пор сохранили крепостное состояние. Единоличное бюрократическое решение подобных дел невозможно. В настоящее время рассматривается в совете дело о введении земских учреждений в Западном крае. Значительное большинство отвергает предположения м-ра в. д. Если вашему величеству угодно принять мнение меньшинства, то это не представит никаких неудобств, потому что проект так написан, что можно завтра ввести выборное земство и передать ему права, даваемые ныне проектируемому земству, но в вопросе крестьянском нельзя будет не считаться с таким большинством.

Выслушав все это, государь сказал Витте:

— Приходите ко мне завтра и повторите все это в моем присутствии Сипягину.

На другой день свидание это произошло. Сипягин очень горячо отстаивал права председательствуемой им комиссии, и в устранение этого возникшего между [доселе] друзьями [разногласия] условлено, что все вопросы, выходящие из сферы улучшения сельского хозяйства, будут во всей полноте обсуждаться в совещании, и воспоследовавшие заключения будут представляться государю, получая от него дальнейшее направление.

Февраль.

2. Суббота. Первое заседание «совещания». Собираются в 9 часов вечера в здании министерства финансов, в зале совета (с Мойки). За большим столом под портретом государя усаживаются члены в таком порядке:

Заседание началось с заявления председателя о том, что необходимо прежде всего установить программу занятий с перечислением вопросов, подлежащих обсуждению совещания. Предметы эти, по мнению председателя, распадаются на две категории, а именно: вопросы, касающиеся исключительно сельского хозяйства и могущие быть разрешенными властью совещания, и вопросы, в коих улучшение сельского хозяйства стоит в зависимости от изменения порядков государственного управления и законодательства. По этой второй категории совещанию принадлежит право полнейшего во всех отношениях обсуждения, но с тем, чтобы могущие последовать прения и заключения вносились в протокол и подносились через председателя на высочайшее усмотрение для дальнейшего, по высочайшему указанию, направления.

Сипягин заявляет, что он вполне согласен с Витте и что, конечно, вопросы, имеющие отношение к предметам ведомства председательствуемой им комиссии о пересмотре положения 19 февраля 1861 г., по рассмотрению их «совещанием», будут передаваемы в его комиссию, которая и будет принимать их во внимание (sic).

Сабуров и *Тернер* начинают говорить о том, что, конечно, первым основанием нашего совещания должно быть дарование крестьянскому населению прав личных и имущественных.

Витте останавливает их, потому что теперь подлежит рассмотрению только вопрос о программе.

Куломзин что-то объясняет о потребностях северной части России, к которой он принадлежит, как помещик костромской губернии.

Ермолов [чувствуя, что он, как министр земледелия, сильно задет учреждением совещания] произносит длинную речь о том, какими свойствами отличаются те или другие вопросы сельского хозяйства, разделяет их на экономические и технические: утверждает, что последние сделали большие успехи [конечно, благодаря ему], а что экономические зависят от общих условий государственного и административного строя. Все это он произносит взволнованный, пыхтя, и, очевидно, под влиянием собранного им совета главнейших чиновников его министерства, до глубокой ночи обдумывавшего средства защититься от надвинувшейся тучи.

Ковалевский, по вызову Витте, излагает свои мысли о программе, составление которой и возлагается на него.

Я прошу установить, что выработка программы с разделением на категории предметов, имеющих подлежать обсуждению «совещания», не должна созидать между этими категориями перегородок, немогущих раздаваться, когда при дальнейших суждениях явится необходимость обсуждения предметов, непредвиденных или не вполне предвиденных программою.

На заявление Витте, что это само собою разумеется, я отвечаю, что прошу мою оговорку внести в журнал.

После единогласного принятия присутствующими необходимости программы председатель переходит ко второму вопросу: о порядке и ходе занятий. Он предлагает поручить заведывающему делопроизводством «совещания» [директору его канцелярии Шипову] по каждому вопросу собирать все материалы, имеющиеся в различных министерствах; затем составлять монографии со включением в них всего, что члены совещания пожелают с своей стороны представить; самое же обсуждение производить при участии вызванных для сего лиц, обладающих техническими по каждому вопросу сведениями.

Предложение это, конечно, принимается без возражений.

Тогда председатель предлагает третий вопрос: о посылке на места исследований; но за поздним временем обсуждение третьего вопроса отклоняется до следующего заседания.

5. февраля. В 3 ч. в Зимнем дворце у государя. По выходе из его кабинета ташкентского генерал-губернатора Иванова, вхожу туда я, и между государем и мною происходит приблизительно следующий разговор.

Я [усевшись на стуле по другую сторону рабочего стола] докладываю о том, что̀ Историческим Обществом сделано за истекший 1901 г., упоминаю о том, что предполагается сделать в 1902 г., перечисляю долженствующих быть переизбранными членов совета и в заключение говорю, что совет предлагает к избранию в члены Общества Платонова и Чечулина, из коих первый работает, для словаря, а второй уже напечатал два тома на буквы И и К.

Государь.—Я тоже имею предложить кандидата, московского профессора Павлова.

Я.—Слушаюсь. Угодно вашему величеству, чтобы я передал это желание ваше совету, который и внесет его в список предлагаемых советом общему собранию кандидатов?

Государь.—Нет, уж дайте мне его предложить.

Я.—Слушаюсь. Но позвольте мне, государь, по этому случаю высказать перед вами положение нашего Общества. Оно основано 36 лет тому назад покойным государем с мыслью положить конец тем недостойным нападкам, коим и в отечественной, и в заграничной прессе подвергалась наша история, правительство России, заслуги ваших предков. Цель эта Обществом достигнута. Отпечатанные доселе 112 томов, наполненные неподлежащими сомнению в авторитетности их документами, рассеяли клевету, сделали ее невозможною. Никакой серьезный исторический труд сделался невозможным без нашего сборника. Тома эти печатались благодаря интересу, который принимал в них покойный государь. Он ласково принимал наших ученых сочленов, словом, а подчас и делом помогал им. Теперь я не смею утруждать вас и делаю, что могу, но средства мои очень ограничены. Они заключаются почти исключительно в том, что в члены Общества поступают лишь на пользу Общества потрудившиеся лица. Если на будущее время будет отступлено от этого, то я не знаю, как пойдет дальше печатание нашего сборника. Позвольте мне ввиду сего переговорить с графом Шереметевым с тем, чтобы он снесся с Павловым и получил его согласие на принятие на себя труда в московском архиве М. И. Д., где у нас постоянно идут работы.

Государь изъявляет на то согласие и удовольствие, что дело будет мною таким образом устроено.

Я заявляю, что представляю том словаря на букву П, и прошу государя обратить внимание на биографию Пестеля, который был душой заговора 14 декабря, и с именем коего я поэтому связал всю историю этого заговора. По истечении скоро ста лет я не вижу необходимости ничего скрывать, а, напротив, настало время высказать всю истину. Декабристы не были разбойниками и не составляют, в этом смысле, пятна на русском дворянстве; то были заблудившиеся, увлекавшиеся молодые люди, которых пребывание в революционной Европе окончательно сбило с толку. Император А(лександр) I, когда ему говорили о существовании заговора, отвечал: «как же я буду их наказывать, когда я сам имел такие же убеждения». Меня, пожалуй, станут обвинять в революционерстве за то, что я дал столько места биографии Пестеля, но ведь словарь мой не содержит имена одних добродетельных людей; в нем будет и биография Пугачева.

Покончив с Историч(еским) Обществом, напоминаю о рисовальном своем училище, которое не может добиться получения обещанного ему 25 лет тому назад центрального здания Соляного городка, выходящего на Фонтанку. Предлагаю поручить м-ру финансов созвать совещание из представителей различных ведомств, в Соляном городке владеющих помещениями, и доложить государю о результатах такого совещания. Государь поручает мне передать Витте, чтобы доложил о том государю.

Затем благодарю государя за выраженное им мне доверие, назначением меня членом совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. Он молчит и, очевидно, не желает говорить об этом предмете.

Тогда прошу позволения выяснить следующее обстоятельство: прошлою весной в. к. Михаил Николаевич предлагал мне быть назначенным председателем гражд(анского) д(епартамен)та, но я не счел возможным принять этот пост, потому что никогда не служил в судах, образованных по закону 1864 г., а следовательно, не мог и принимать на себя обязанностей, при исполнении коих мне пришлось бы теперь председательствовать при рассмотрении обширных проектов, внесенных в гос(ударственный) совет министром юстиции Муравьевым. Впоследствии мне сообщено было, что предложение поста председателя гражд. д-та сделано было с вашего, государь, согласия, и что ваше величество были недовольны моим отказом.

Государь.—Ничего я об этом не знал и никакого против вас неудовольствия не имел.

Я.—Но подумайте, государь, что я слышал это от в. к. Мих(аила) Ник(олаевича). Он в полном смысле perfect gentleman, и ему можно вполне верить. Сообщение это было сделано мне гос(ударственным) секретарем Плеве. Я очень счастлив тому, что вы изволили мне сказать, и могу лишь повторить то, что заявлял вам три года тому назад в Петергофе. Всякое дело, которое вы признали бы нужным мне поручить, я всегда приму.

На этом расстаемся.

9. Суббота. Заседание сельско-хозяйственного совещания.

Председатель Витте.—Сегодня подлежит обсуждению вопрос о порядке собрания на местах сведений, кои представятся нам необходимыми. Министр внут(ренних) дел имеет сделать по этому предмету предложение.

Сипягин.—Я полагал бы назначить в каждой губернии совещание под председательством губернатора из вице-губ(ернатора), председателя казенной палаты, губ(ернского) предводителя двор(янства), председателя губ(ернской) земской управы. Такое совещание будет в состоянии ответить на все поставленные ему вопросы о сельском хозяйстве.

Председатель.—Имеет ли кто-либо из членов сказать что-либо по сему предмету? (Молчание).

Я.—Я нахожу, что предлагаемая м. в. д. мера, конечно, имеет свои выгодные стороны. Таким порядком создается губ(ернская) коллегия, которая будет в состоянии представлять в центр всякие могущие потребоваться сведения не только для нашей комиссии, но и для всякой другой комиссии, напр., для комиссии, состоящей под председательством м(инистра) в(нутренних) д(ел), и такое единообразие действий, в сфере двух различных министерств, было бы редким в этом отношении фактом. Но мне кажется, что по скромности задачи, подлежащей нашей комиссии, задачи, не имеющей ничего государственного, политического, а исключительно земледелие, нам следовало бы поближе подойти к земле и ее возделывателям и, согласно этому,

искать не в губернском городе, а в уезде людей, могущих дать нам ответы. Мне бы казалось, что прежде всего надлежало бы обратиться к уездному предводителю и лицам по его указаниям, предпочтительно землевладельцам.

Сипягин восстает против моего предложения, в особенности против права касаться того, каким способом собирания сведений он будет действовать в своей комиссии.

Витте поддерживает Сипягина против меня.

Сенатор *Калачов* выступает энергичным защитником моей мысли и настаивает на необходимости организовать уездные комиссии, составленные под председательством уездных предводителей, из членов уездной земской управы с приглашением для дачи объяснений не только землевладельцев, но и крестьян.

К нему присоединяется большинство членов, из коих Тернер доходит до того, что полагает излишним сохранить губернскую коллегию.

Витте опровергает это слишком смелое предположение, но, видя, что его приятелю Сипягину приходится не по силам тяжело, утверждает, что при рассмотрении существа того, что будет требоваться от местных людей, выяснится то, к кому следует обращаться, переходит к этому, разъясняет, что местным людям будет послана программа занятий, больше ничего, а в заключение лишь вскользь упоминает, что будут устроены уездные комиссии, ответы коих чрез губ. совещания будут доходит до нас.

Спрошенный им почему-то Плеве говорит, что уездные комиссии дадут лишь «увеличение разговорного материала» (sic), а затем предлагает предоставить соглашению Витте и Сипягина требование сведений, от кого они захотят, в губерниях, где не существует выборных учреждений.

В заключение Витте объявляет, что таким образом должен почесться решенным вопрос о том, что требование сведений будет делаться рассылкою программы, а также решено, что будут устроены и губернские, и уездные комитеты для представления совещанию сведений.

Таким внезапным со стороны председателя заявлением оканчивается прение по этим вопросам, и Сипягин остается выгороженным от начавшейся, нелегкой для него, критики его проекта губернской коллегии.

14. Четверг. Заседание общего собрания Исторического Общества в Зимнем дворце в малахитовой гостиной, под председательством государя (см. «Прав(ительственный) Вестник» № 39). Чувствуется равнодушие юного монарха, совершающего обряд, навязанный ему уважением к памяти своего отца. Сколько-нибудь живого, теплого, человеческого все меньше и меньше. Не такие характеры могут успешно водить людские массы. Да хранит провидение от бед отечество наше.

21. Четверг. В Москве 19 февраля в. к. Сергей Александрович разрешил рабочим праздновать день освобождения крестьян, не только дозволил им толпами с музыкой проходить по городу и у памятника А(лександра) II служить панихиду, но сам участвовал в этом шествии.

По этому поводу, придя в новый клуб и застав там в. к. Владимира Александровича, говорю ему следующее:

— А в Москве генерал-губернатор экзерцирует толпу, приучая ее к массовым уличным демонстрациям? Для рабочих устроены клубы, в которых они собираются для обсуждения средств достижения своих целей. Всем этим руководит некий Зубатов. А кто этот Зубатов, спросите здесь стоящего Ивана Николаевича (Дурново удаляется к окну и смотрит на Неву, чтобы выйти из неприятного положения.) Я скажу вам, кто этот Зубатов: это полицейский агент, оказавшийся агентом социалистов, а теперь попавший снова в милость в. к. и уверивший его, что единственное средство сохранить (спокойствие) среди рабочих заключается в удовлетворении их требований, реформами сверху, не ожидая насильственного движения снизу. В чем именно заключаются требования, этого никто не разбирает.

В. к., смущенный таким неожиданным заявлением, предлагает приняться за вист. После обеда, воспользовавшись отсутствием свидетелей, продолжаю:

«В(аше) в(ысочество), те отношения, которые вы установили со мною в течение сорока лет, обязывают меня говорить с вами так откровенно, как никто этого не сделает. События надвигаются грозно. Неудовольствие, неуважение к правителям растет и выражается в неслыханных формах. Известно ли вам, что запрошенный по поводу последних университетских буйств в Киеве Драгомиров отвечал, что он не решился дать войскам приказание стрелять, потому что офицеры заявили, что, вероятно, солдаты их не послушают, и что, во всяком случае, они—офицеры на следующий после такого приказания день не выведут более войск из казарм!.. Знаете ли вы, ваше высочество, что уличной толпой предводительствовали переодетые унтер-офицеры местных войск с красными знаменами в руках!.. Вскоре то же самое повторится в П(етер)б(урге). В. к. Павел Александрович уехал за границу. Кому вы поручили в его отсутствие командование гвардейским корпусом?»

В(ладимир) А(лександрович).—Дивизионному генералу Евреинову.

Я.—Не знаю его, но желаю, чтобы он был на высоте, требуемой этим политическом постом. Все петербургские скандалы известны в малейших провинциальных закоулках, да еще в преувеличенном виде. От мала до велика всякий громко твердит, что так продолжаться не может, и что конец нынешнему правительству близок. В эту минуту в клубе человек двадцать членов, из коих ни один не скажет вам того, что я говорю, но кои поголовно во взаимных разговорах все повторяют то, что я вам высказываю. Государь, при наилучших пожеланиях, не имеет никаких твердых взглядов. Среди окружающих его лиц нет ни одного, понимающего серьезность положения и имеющего ясное понятие, что надо делать. Сипягин, коему он доверяется, человек крайне ограниченный, самолюбивый, тщеславный и необразованный. Положение с каждым днем делается более и более не только серьезным, но грозным.

22. Пятница. Спектакль в Эрмитаже. Сначала глупенький водевиль «Les deux timides»,—потом «Моцарт и Сальери»—пушкинский текст, переложенный на музыку Римским-Корсаковым. Поет Шеляпов (Шаляпин?)—замечательный по объему голоса и таланту артист, вышедший из сапожных подмастерьев, а потом архиерейских певчих. Кончается представление пантомимою уж черезчур наивной. После спектакля ужин в музейных залах. Обе императрицы ужинают в зале итальянской школы. Каждая председательствует за круглым столом. Мне приходится сидеть за столом императрицы Марии Федоровны, возле которой сидят по правую сторону: эмир бухарский, только что получивший владимирскую ленту и генерал-адъютантские аксельбанты, графиня Строганова, я и графиня Кутузова; по левую же: граф Пален, графиня Воронцова, Рихтер, графиня Пален. Тотчас после ужина начались танцы в эрмитажном павильоне, откуда я, после продолжительного разговора с весьма милой и нравственно порядочной Е. А. Нарышкиной, уезжаю домой в конце второго часа.

23. Суббота. Вечернее заседание «совещания» для обсуждения журнала, т.-е. вышеупомянутых здесь замечаний Герарда и Чихачева, которые настаивают на том, что невозможно заранее распределить вопросы на сельско-хозяйственные и общегосударственные. Я предлагаю включить в журнал, что в каждом данном случае «совещание» разрешает сомнение о том, в которую из двух категорий должен быть включен подлежащий обсуждению вопрос. Этим дополнением журнала все присутствующие удовлетворяются.

25. Понедельник. Вечером. После обеда у Куракиных еду к Чихачеву, где вместе с Герардом и Семеновым обсуждаем проект журнала «совещания», в коем устанавливается принципиальное различие между вопросами сельско-хозяйственными и общегосударственными, изъемля последние из сферы практического обсуждения их «совещанием», а с предоставлением сему последнему высказывать пред государем свои взгляды на эту категорию вопросов. Такое теоретически установленное различие может дать председателю право изъять из обсуждений «совещания» любой сколько-нибудь важный вопрос.

27. Среда. Захожу к в. к. Михаилу Николаевичу, которого застаю весьма опустившимся, грустным. Как всегда, всего более его занимают его семейные дела или, правильнее, разнообразные выходки детей. Собирается уехать в Канн, погостить две недели у дочери, а потом перебраться в Баден-Баден, где его beau-frere празднует юбилей своего царствования. На все, что творится в Петербурге, не вникая вглубь, смотрит с сожалением и равнодушием, вытекающим из убеждения, что помочь ничем нельзя, а в сущности всегда так было, а потому, вероятно, всегда так и будет. Не вхожу с ним ни в какие серьезные разговоры.

28. Четверг. В 2 ч. в Аничковом дворце у в. к. наследника заседание финансового комитета, который обыкновенно собирается у председателя Сольского, на этот раз отсутствующего вследствие отъезда к принцу и принцессе Ольденбургским, находящимся в воронежском имении, где принц выдерживает операцию. Комитет финансов,

представлявший прежде интимное собрание небольшого числа избранных государем лиц, могущих по положению и компетентности своей высказывать ему правду о проектируемых министром финансов мероприятиях, ныне обращается все более и более в многочисленное сборище чиновников, безмолвствующих пред всесильным Витте. На этот раз речь идет о займе в 187 миллионов, именуемом реализацией вознаграждения от Китая за причиненные нам последними смутами убытки. Такую форму министр финансов находит предпочтительной пред выпуском обыкновенных железнодорожных облигаций вследствие теперешнего насыщения облигациями германского рынка. Я настаиваю на том, что выставляемые министром финансов препятствия имеют характер временный и что железнодорожные облигации всегда будут охотно разбираться в Германии, по теперешним условиям европейского рынка, а этот факт я считаю весьма важным, потому что не вижу впереди возможности строить железные дороги на превышения доходов над расходами и при столь тяжелых условиях русской производительности, при столь затруднительных средствах помочь, железнодорожное строительство представляется мощным и доступным к тому средством, уже доказавшим в последние тридцать лет, в какой степени оно влияет на умножение народных и государственных доходов. Никто мне не возражает, но г(осударственный) контролер Лобко замечает, что я выхожу из пределов обсуждаемого дела. Я считаю нужным оговориться, что, состоя двадцатый год членом финансового комитета, я привык обсуждать вопросы не в тесных рамках сегодняшнего дня, а думать и о завтрашнем дне.

Молодой хозяин дома очень внимательно и с любопытством слушает прения о предметах, доселе совершенно для него новых. Он крайне предупредителен к присутствующим, так что, когда понадобилась для подписания журнала чернильница, то он сам принес ее из соседней комнаты. Уходя, я говорю ему, что пришлю для прочтения вновь напечатанный мной в Париже том дипломатической между Россией и Францией переписки, отметив, как я сделал это для государя, те страницы, кои заслуживают его внимания, но с просьбой непременно прочитать эти страницы. Он отвечает: «Обещаю вам прочитать. Можете после меня проэкзаменовать».

Март.

3. Воскресенье. Во втором часу дня на Невском проспекте, около Публичной Библиотеки и Гостиного двора бунтует толпа рабочих, предводительствуемых учащеюся молодежью с красными знаменами. Жандармы, казаки, полиция с нагайками окружают толпу и арестовывают главных бунтовщиков, как слышно, в числе 124 человек.

4. Понедельник. Приезжает к жене моей княгиня Юсупова, по поручению императрицы Александры Федоровны, просить о том, чтобы отдана была зала нашего Штиглицкого рисовального училища, для помещения устраиваемой под покровительством императрицы выставки произведений Фаберже, а также старинных эмалей и табакерок на

пользу школ Патриотического Общества. Одновременно сначала телефонирует и потом приезжает кн(язь) Владимир Орлов с таким же поручением. Жена моя отвечает, что она состоит только почетною попечительницей, а что училище управляется советом, который должен к этому предмету сделать подлежащее постановление. Ввиду близкого отъезда императрицы Марии Федоровны в Данию требуется немедленный ответ и немедленное открытие выставки, поэтому ответ жены моей принимается за отказ с выражением некоторого неудовольствия и недоумения.

6. Среда. В соединенных д(епартамента)х продолжается рассмотрение нового уголовного положения. Обсуждая статью об оскорблении в печати, Сабуров и я предлагаем наказывать журналистов не только тюрьмой, но еще и денежным штрафом. Предложение встречает большое сопротивление, но в конце концов принимается. Разномыслие лишь в том, что большинство ограничивает взыскание суммой 3-х тыс. рублей, тогда как Сабуров предлагает штраф исчислять сообразно числу экземпляров, редакцией газеты выпущенных. Проф. Таганцев ссылается на примеры Бельгии и Франции, где штраф не превышает 3.000 франков. Я настаиваю на том, что в западных государствах боятся прессы, вследствие влияния ее на избирателей в представительные собрания, а что мы, не имея пред собой этого страха, должны ограждать русских граждан от тирании журнального слова.

8. Пятница. Опять жаркая битва в совете. На этот раз с Ковалевским, отстаивающим свой сильно раздутый проект художественно-промышленного образования. Отбросив много высокопарных измышлений, проект принимается в существе, но лишь в виде опыта на пять лет. Обед у германского посла Альвенслебена.

9. Суббота. Получив приглашение к $3^1/_2$ в дом Дервиза на Английской набережной на открытие вышеупомянутой выставки, отправляемся туда и застаем там все царское семейство в полном сборе. Жена моя, дав за вход одну тысячу рублей, удостаивается выражения благодарности императрицы Александры Федоровны. Кроме интересных безделушек изобретательного Фаберже, заслуживают внимания: табакерки Дурново, миниатюры Куракина, герцога Лейхтенбергского, табакерки Юсупова.

10. Воскресенье. В 10 часов осматриваю выставку старинных русских портретов в Академии Наук; нахожу весьма мало нового. Я хотел сделать такого рода историческую выставку на будущий год, по случаю празднования двухсотлетия существования Петербурга. Мысль моя была одобрена государем, но ее предвосхитил в. к. Константин Константинович и, изуродовав ее, обратил на пользу какого-то благотворительного учреждения.

11. Понедельник. После общего собрания в гражданском д(епартамен)те сенатское разногласие о том, обязан ли город Муром содержать церковь, построенную Иоанном Грозным. Заявляю о необходимости распределить исторические памятники на имеющие лишь местное или общегосударственное значение и сообразно тому возложить издержки на их содержание на местные средства или госуд(арственное) казначейство.

12. Вторник. Вечером совещание у Чихачева: Герард, Тернер, Семенов, я, обсуждаем программу, выработанную Ковалевским для занятий «особого совещания». Я вспоминаю слова Репетилова: «О чем бишь нечто? Обо всем».

Утром разговор с Витте. Вот что он говорит приблизительно о нашем совещании: конечно, все дело в вопросе об организации жизни и собственности крестьян. Надо ли отправляться от мысли, что они люди и должны быть правоспособны, так, чтобы их трудовая деятельность, основанная на твердом праве собственности, могла развиваться и усиливаться, сообразно развитию индивидуальности каждого из них, или в жизни их, в управлении ими должно быть сохранено стадное начало и сильная опека. Я разделяю первое мнение, Сипягин—второе. Он убедил государя в необходимости сохранить неприкосновенною общину и стадное начало. Итти напрямик против этого невозможно, но государь убежден в необходимости уничтожения круговой поруки, и вот я вношу в гос. совет проект об уничтожении круговой поруки, последствием чего должно неминуемо быть уничтожение общины и стадного управления.

13. Среда. В гос. совете проект уголовного уложения. Вместе с Паленом настаиваем на усилении наказания за конокрадство.

Подписан указ о назначении членом гос. совета А(лександра) Оболенского—моего зятя. Он человек умный, получивший хорошее образование, служивший сначала в сенате, потом на должности губернского предводителя дворянства в Пензенской губернии, где у него значительное имение, затем был обер-прокурором 1-го департамента сената, при назначении Имеретинского варшавским ген.-губ. он принял должность его помощника по гражданской части. Не поладив с Имеретинским, он вернулся в сенат в качестве сенатора. Человек он весьма спокойный, с определенными твердыми взглядами, выработанными по многим вопросам многолетним опытом.

14. Четверг. Приезжает гр. Воронцов. Просит быть у него вечером для участия в обсуждении «программы», составленной Ковалевским для занятий «особого совещания». В госуд. совете Ермолов показывает мне письмо, написанное им Витте, об этой же программе; письмо резко выставляет, что программа не затрагивает вопросов финансовой политики, удручающей сельское население, а останавливается главным образом на технических сторонах земледелия, давно разработанных Ермоловым, не могущим привести свои предположения в действие за отказом Витте в деньгах. Вечером у Воронцова: кн. Виктор Кочубей [управляющий уделами], хитрый, сдержанный, но, без сомнения, умный и могущий быть полезным человек. Гр. М. П. Толстой, бывший адъютант Воронцова, прямой, честный, нравственно твердый, с грубыми формами, с ограниченной степенью образованности, долго проживший в деревне и потому призванный в сельско-хозяйственное совещание. Кн. А. С. Долгорукий, обер-гофмаршал, мечтающий о том, чтобы попасть в члены гос. совета, и полагающий что «совещание» представляет к тому средство, сам хозяин дома Воронцов, в котором молчаливость заменяет глубокомыслие, а редкое самомнение—сколько-нибудь серь-

езные убеждения. Говорят много, но ничего сколько-нибудь нового, живого, дальновидного; теряются в мелочах и подробностях. Ни в словах, ни в мыслях нет рисунка, а следовательно, нет и творения.

15. Пятница. Продолжительное и утомительное заседание в департаменте наук и промышленности под бездарным председательством адмирала Чихачева. Речь идет о трудовых артелях. Силюсь освободить их от канцелярских обременительных формальностей и произвожу разногласие о порядке утверждения их уставов.

В новом клубе сенсационное избрание в члены Витте.

16. Суббота. В д-те законов представление Сипягина о том, чтобы в присоединенной по Берлинскому трактату части Румынии ввести сословное крестьянское управление со всеми его уродствами, в том числе и волостным судом. Доказываю нелепость подобного предположения и произвожу опять разногласие, на этот раз подавляющее для министра внутренних дел.

18. Понедельник. После общего собрания в гражданском департаменте польские дела при участии находящегося в П(етербурге) варшавского ген.-губ. Черткова, который от времени до времени произносит несколько весьма отрывочных фраз, но, к удивлению моему, по главному делу всецело присоединяется к заявленному моему мнению.

20. Среда. Продолжается под председательством Палена рассмотрение нового уголовного уложения. По его предложению и настоянию, усиливается наказание за браконьерство тем, что устанавливается несуществовавшее доселе правило об отнятии оружия у браконьера.

21. Четверг. После заседания в д(епартамен)те экономии еду к Витте, чтобы выяснить положение и ход дела в «сельско-хозяйственном совещании». Застаю его над чтением бумаг, полученных из Москвы, где происходит следующее: обер-полицеймейстер Трепов, строевой кавалерийский офицер, лишенный всяких государственных экономических сведений, поддался влиянию некоего Зубатова, социалиста, анархиста, который, отсидев в тюрьме, теперь прикидывается приверженцем правительства. Эти два человека убедили немудрого генерал-губернатора в. к. Сергея Александровича, что для обеспечения мирного в рабочем населении настроения необходимо, чтобы реформы шли сверху, а не требовались снизу. Какие именно реформы, это остается невыясненным; но для выяснения их Треповым разрешено устройство между рабочими союзов, советов, клубов, в коих рабочие обсуждают свои притязания, выбирают своих представителей, а представители эти, под защитой Трепова, предъявляют требования самого небывалого свойства владельцам фабрик. В случае отказа фабрикантов, на их фабриках устраиваются стачки, сопровождавшиеся уже на двух значительных фабриках разграблением и уничтожением машин. Московские фабриканты и заводовладельцы написали адрес государю и прислали его Витте для доставления по принадлежности. Одновременно Витте получил донесение главного в Москве фабричного инспектора, подтверждающего вполне все вышесказанное и иллюстрирующего картинку водворенной в Москве анархии множеством фактов невероятного свойства.

Говоря о «совещании», Витте с раздражением отзывается о министре земледелия Ермолове, который в заявлении ему настаивает на рассмотрении вопросов, вытекающих из финансовой политики самого Витте, как, напр., таможенный тариф, железнодорожные, дифференциальные тарифы, винная монополия и т. п. Разумеется, до этих вопросов он касаться не допустит; с другой стороны, Сипягин не допустит говорить ни об единой статье крестьянского положения 19 февраля 1861 г. Что же остается делать «совещанию».

22. Пятница. В д-те наук и торговли, под печальным до смеха председательством Чихачева, рассматривается проект об обязательном для польских горных заводов устройстве пенсионных касс для рабочих. Ни единой цифры, а исключительно канцелярские рассуждения.

В клубе Витте сообщает о своем всепод(даннейшем) докладе относительно Москвы. Он сказал, между прочим, что главари французских социалистов Millerand и Jaurés не решились бы делать то, что делает Трепов. «Если в(аше) в(еличество) сомневаетесь в правильности моего взгляда, то я вам ручаюсь, что его разделят поголовно все члены всякого совещания, которое вам угодно было бы созвать, то же самое скажут все члены комитета министров, все члены госуд. совета, все сенаторы». В ответ на это государь приказал оставить у него московский адрес.

23. Суббота. Утром в д-те законов дело об устройстве землепользования в Забайкальской области. Вечером пресловутое совещание. Рассматривается программа занятий. Начинается с того, что министр земледелия Ермолов горько сетует на то, что оставлено без упоминания и внимания его письмо к Витте, главная сущность коего заключается в том, что, согласно возложенной на совещание задачи, надо прежде всего выяснить нужды сельско-хозяйственной промышленности и, произведя таковой диагноз, приступить к определению средств для удовлетворения таких нужд. Витте отвечает ему очень заносчиво, утверждая, что после всего вошедшего в программу не знает, о каких еще нуждах может быть речь, а что, впрочем, всякий член может делать какие-угодно заявления, но в более определенной форме. Ермолов удовлетворяется тем, что в вопросах, обращенных к земствам, упомянуто будет о праве спрошенных на местах лиц—указывать на какие-угодно нужды. Затем без особенных инцидентов просматривают часть параграфов программы, определяя, подлежит ли каждый из них отсылке в провинцию, или должен быть обсуждаем на основании имеющихся в Петербурге материалов с призывом в случае надобности местных деятелей.

25. Понедельник. В 2 часа еще заседание совещания. Просматривается остальная часть программы, при чем Сипягин постоянно заявляет, что тот или иной вопрос не подлежат обсуждению совещания. Из совещания захожу к в. к. Владимиру Александровичу, которому послал для прочтения записку о московских происшествиях, созданных бессмысленными распоряжениями Трепова и в. к. Сергея Александровича. Владимир Александрович с большой похвалой отзывается о Трепове по прежней службе его в конногвардейском полку. Я тщетно

силюсь доказать ему, что служба в строю не дает сведений и опыта, необходимых для руководительства интересами и отношениями различных классов населения. То же самое утверждал я, можно сказать, и о великом князе С(ергее) А(лександровиче): он из московского генерал-губернаторства сделал отдельное от России великое княжество или даже эмирство. Первому д-ту сената воспрещено отменять его распоряжения, его креатура министр юстиции Муравьев через обер-прокурора останавливает ход жалоб на московского генерал-губернатора. Можно судить, какое неудовольствие все это возбуждает в населении, и чего следует ожидать в будущем.

Вечером у меня на дому совещание об организовании управления со введением крестьянского положения в возвращенном от Румынии Измаильском уезде. По недостатку каких бы то ни было сведений о положении на месте трудно что-либо изобрести в противоположность предлагаемой Сипягиным нелепости.

27. Среда. В совете продолжительное заседание об уголовном уложении. В 8 час. большой обед у нас. Быть может, чрез десятки лет изменится и это, а потому для любопытства того, кто прочитает эти строки, помещаю здесь реестр угощения: Potages: Consommé Cambridge. Crême de laitues. Petits pâtés (Xeres 1830 et Champagne). Turbot. Sauces Mousseline et Bercy (Château Chinons 1857). Selle de Présalé Nivernaise (Pichon Longueville 1874). Poulardes froides Lambertye (Johannisberg 1857). Aspasie de foie gras à l'impériale (Chateau Lafitte 1870). Punch à la Romaine. Rôti; Faisans. Salade (Musigny 1893). Petits pois de Clamard au beurre. Soufflés chauds aux pommes. Glace Marquise. Fondus au Chester (Porto 1854). Dessert: vins de Hongrie et Pédro Ximenès).

Для увеселения обедавших вечером поет цыганский хор.

29. Пятница. Принц Альтенбургский рассказывает в клубе, что из полтавского имения (Карловка), принадлежащего его жене и ее братьям, получены тревожные известия о том, что крестьяне соседних местностей взбунтовались, насильно захватывают земли помещиков и, придя в Карловку, разграбили усадьбу, всякие хозяйственные учреждения и наносят «громадные убытки». Карловка—имение, принадлежавшее графине Разумовской и купленное у нее за пожизненную ренту великой княгинею Еленой Павловной, которая всячески облагодетельствовала тамошнее население. Точно так же действовала и великая княгиня Екатерина Михайловна и ее дети, теперешние владельцы.

30. Суббота. В госуд. совете рассматривается представление «совещания о дворянстве», посвященное на этот раз предположениям об усовершенствовании дворянских учреждений. Представителем «совещания» является глубокомудрый Иван Николаевич Дурново, председатель совещания, думающий снискать дворянскую популярность хлопотами о денежных дворянству подачках. На этот раз предлагается обратить в пользу дворянских обществ выморочные имущества личных дворян, а также обложить личных дворян сбором в пользу потомственного дворянства. По обоим вопросам я говорю энергически против Дурново, заявляя, что я желаю, чтобы вотчинное дворянство

сохранило принадлежащую ему роль руководящего меньшею братьею сословия, но что почитаю вредящим престижу и достоинству дворянства получение денежных подачек из источников, ему непринадлежащих. Дурново восклицает, что я говорю только о высших идеалах и принципах, забывая, что без денег ничего нельзя сделать. Сипягин, напротив, высказывается вполне согласно моим мнениям, выражая определительно мысль о необходимости отделить личное дворянство от потомственного. Во втором вопросе при голосовании я остаюсь почти один с Сипягиным против значительного числа членов соединенного присутствия. По этому поводу Сипягин говорит мне:—Nous mourrons, mais nous ne céderons pas.

В 8½ ч. в сельско-хозяйственном совещании выслушиваем заявления вызванных из разных концов России выдающихся по вопросу о мелком кредите деятелей. Заявления их в итоге сводятся к тому, что, доколе крестьяне не получат иного имущественного и личного положения, доколе они не будут иметь твердого права собственности, до тех пор не может быть серьезной речи об открытии им кредита в настоящем смысле.

Апрель.

1. Понедельник. После общего собрания в соединенных д-х редактирование статей угол. уложения, касающихся наказаний за кражу золота в тех местностях, где на него сохранена горная подать. Никто из присутствующих не имеет ясного понятия, как происходит добыча золота.

2. Вторник. Сижу после завтрака в обычной еженедельной беседе с своими училищными сотрудниками Боткиным, Котовым, Бобринским, как вдруг входит служитель с докладом, что приехавший в Мариинский дворец на заседание комитета министров Сипягин был ранен выстрелами из пистолета. Поспешаю в Мариинский дворец, где нахожу членов комитета, разгуливающих по залам.

Узнаю следующее: за несколько минут до начатия заседания явился на подъезд комитета молодой человек в адъютантском мундире и спросил швейцара: «Здесь ли м. в. д(ел)?» На ответ, что еще не приехал, но не замедлит прибыть, он отвечал, что подождет, так как должен передать Сипягину в руки письмо от в. к. Сергея Александровича. Когда Сипягин взошел в подъезд, то мнимый адъютант левой рукой подал ему конверт, а одновременно выстрелил в него из револьвера. Пуля попала в шею; вторым выстрелом он попал в живот; третьею ранил лакея, снимавшего шубу с Сипягина; четвертая и пятая пули влетели в потолок, так как в это время швейцар бросился на убийцу и изменил тем направление револьвера. Сипягин упал без чувств. Прибывшие члены комитета застали его на диване, а убийцу—стоящим невдалеке от своей жертвы.

Когда Ванновский [мне то рассказывавший] спросил его: «Кто вы?» он отвечал: «Я—Степан Балмашов». На вопрос же: «Зачем вы это сделали?» отвечал: «Я убил его потому, что считал его препятствием к распространению просвещения в России».

Сипягина перенесли в находящуюся неподалеку от Мариинского дворца Максимилиановскую лечебницу, где он спустя час времени и скончался от внутреннего излияния крови в печени. Председатель комитета министров Дурново поехал доложить обо всем государю и передать ему желание Сипягина его видеть. Что говорил при этом мудрый и доблестный муж сей, неизвестно (я лично уверен, что он не уговаривал, а отговаривал государя ехать), но государь послал дежурного флигель-адъютанта гр. Шереметева к умиравшему и приказал доложить себе, когда Сипягин придет в сознание, но вскоре вслед затем получено известие о его смерти.

На допросе убийцы установлено, что он из дворян, студент киевского университета, за участие в беспорядках был два года тому назад сослан на Кавказ солдатом; отец его за прикосновенность к убийству императора А(лександра) II был сослан в отдаленные местности, где и отбыл двадцатилетнее наказание.

3. Среда. Еду на панихиду в дом, построенный князем Виктором Павловичем Кочубеем, вполне удовлетворявший этого вельможного государственного человека, но оказавшийся недостаточным для чиновничьего тщеславия одного из его преемников. Комнаты набиты всякого рода официальным людом, присутствуют их величества. Мне приходится стоять в столовой комнате, раскрашенной на подобие московских теремов, в которой должен был в этот самый день происходить обед с участием государя. После обеда должен был петь выписанный из Москвы хор цыган.

4. Четверг. Отпевание тела Сипягина в его домовой церкви. Народу массы, их величества и все высочества. Между всеми присутствующими упорно держится слух, что министром внутр(енних) дел будет назначен Бобриков. Подхожу к Горемыкину (бывшему м. в. д.) и спрашиваю его:

— Sera-ce pour longtemps?

Ответ: «Pour 6 ou 8 mois».

Я.—«Après quoi il volera en l'air et toute la difference sera qu'il volera en l'air seul ou avec nous».

Горемыкин.—«Dans tous les cas il volera, mais pas en l'air».

Заезжаю к Палену сообщить ему это грустное известие. Он приходит от этого в ужас. Относительно Сипягина Пален сообщает, что, вернувшись со всеподданнейшего доклада в прошлую пятницу, он призвал директора д-та полиции Зволянского и приказал ему составить для государя список членов госуд(арственного) совета, делающих оппозицию мероприятиям правительства!..

Пален показывает мне полученную из Курляндской губ. бумагу, адресованную полицией деревенскому пастору такого содержания: «Государь император высочайше повелеть соизволил: воспретить лютеранские домашние молитвенные собрания». Всякие комментарии к столь безумной выходке излишни.

В 5 часов у в. к. Владимира Ал(ександровича). Рассказывает свое свидание накануне с государем, коему он заявил мысль о том, чтобы выделить из министерства внутр(енних) дел министерство поли-

ции. Государь выразил одобрение такой мысли, особенно в виду трудности находить людей для управления такими бесчисленными и важными делами. При этом государь заявил, что он колеблется для назначения министром внутр(енних) дел между Бобриковым и Плеве.

Относительно своей поездки в Москву В(ладимир) А(лександрович) рассказывает, что спросил своего брата об устроенных под его покровительством союзах фабричных рабочих и т. д. Сергей Александрович отвечал, что надо спросить Трепова. Трепов, явившись к в. к., стал ему доказывать, что находящееся в Москве 150-тысячное рабочее население угнетается заводовладельцами хуже, чем в прежнее время крепостные люди помещиками; что неудовольствие этих рабочих угрожало общественному порядку и спокойствию, почему он, Трепов, счел для предотвращения подобных бедствий необходимым устроить эти союзы и клубы рабочих, отвечая, что при таком устройстве никаких беспорядков (не будет). Доказательством правильности своего мероприятия Трепов приводит (то), что его сначала хвалили анархические заграничные газеты, а теперь начали бранить. Владимир Александрович, истинно великокняжески, всему поверил и перешел на сторону брата своего. На вопрос мой: «Что же вам сказал Трепов о том, что он приказал закрыть 19 февраля фабрики и заводы, а владельцам приказал заплатить рабочим заработную плату сполна?» в. князь отвечал: «Об этом мне не говорили»

— А знаете ли, в. в., что по нашим законам распоряжение, самовластно и самовольно принятое Треповым, могло последовать по высочайше утвержденному мнению гос(ударственного) совета. Трепов же за свои действия подлежит преданию суду.

В(еликий) к(нязь) отвечал, что это другой вопрос.

5. Пятница. В «Прав(ительственном) Вестнике» напечатан указ о назначении Плеве министром внутр(енних) дел. При теперешних обстоятельствах это, конечно, наилучшее назначение. Плеве человек весьма умный, образованный, прошедший судебную, полицейскую, административную карьеру, участвовавший в занятиях и высших госуд(арственных) учреждений, и всяких комиссий, совещаний и т. п. До сих пор его отличало отсутствие самостоятельности, но надо надеяться, что он поймет необходимость изменить эту манеру и принять другую, без которой и порученное ему дело, и он сам пропадут. Накануне в 6 ч. вечера император еще колебался, кого назначить: Плеве или Бобрикова. Последнего поддерживал Гессе, начальник охраны, ничтожный человечек, которого покойный Черевин взял в командиры батальона, охрану составляющего. По смерти Черевина, Гессе воспретендовал занять влиятельное положение, благодаря тому, что каждый день приходит поутру к государю и под предлогом вопросов личной его безопасности, высказывает свои мысли о крупных государственных заботах. Мысли эти он получает от всяких случайных третьестепенных вдохновителей, а дожидась в приемной, старается завербовать министров, приехавших для доклада. Министр внутр(енних) дел Горемыкин был в полном подчинении у Гессе, Сипягин, напротив, ставил на первый

план свою личную важность, отказался подчиниться, и вот теперь Гессе надеялся снова получить м(инистра) в(нутренних) д(ел), ему подчиненного. В среду вечером Гессе сказал Святополк-Мирскому, что Бобриков назначен, но благодаря какому-либо влиянию или очнувшемуся благоразумию эта комбинация не состоялась, и этот дикий, грязный во всех отношениях унтер-офицер, на несчастье Финляндии—остался ее мучителем; вероятно ненадолго!

Завтракают у нас: Пален, Рихтер, гр. А. И. Мусин-Пушкин, начальник одесского военного округа. Рихтер, когда государь говорил с ним об убийстве Сипягина, сказал:

«Это протест против насилия и произвола. Необходимо установить понятия о праве».

За завтраком Р(ихтер) рассказывает, что приехавшая из Парижа графиня Rouve [р(ожденная) Анненкова] передает, что на станцию ее провожал один из преподавателей ее сына, еврей, сказавший ей:

— Vous arrivez à Pétersbourg à un moment fort interessant, car c'est dans dix jours que commencera la danse».

И действительно, в десятый день после этого разговора последовало убийство Сипягина.

Принц Альтенбургский в новом клубе передает мне, что видел в этот день в. к. Николая Михайловича, который приехал из Парижа, где виделся с Пирлингом [монах иезуит, занимается русскою историею], который сказал ему:

«C'est heureux que Vous alliez au Caucase et non à Pétersbourg, car il s'y passera des choses épouvantables. Берегите полковника (т.-е. государя)».

6. Суббота. В госуд(арственном) совете узнаю, что в Гельсингфорсе вспыхнуло восстание; что Плеве сохраняет еще на пять месяцев верховное заведывание финляндским статс-секретариатом, что до возвращения в. к. Михаила Николаевича не будет решаться вопрос о выборе государственного секретаря, но что если он, Плеве, будет спрошен, то предложит или Коковцова или Икскуля.

7. Воскресенье. Умер генерал Шильдер, директор императорской Публичной Библиотеки, а перед тем директор Николаевского инженерного училища. За последние годы он обратил на себя внимание историческими трудами, и в особенности, историей императора Александра I, характер коего он, впрочем, по моему мнению, не понимал, разделяя избитое убеждение посредственной толпы о том, что отличительная и господствующая черта этого характера была двуличие, тогда как множество других высоких сторон недюжинной личности этого, столько потрудившегося на пользу России государя остались для Шильдера незамеченными.

8. Понедельник. Умерла в глубокой старости камер-фрейлина Н. А. Бартенева. Их было четыре сестры, из коих две, и в особенности старшая, отлично пели и вследствие того попали при Николае I ко двору и в особенную милость императрицы Александры Федоровны. Младшая, ныне умершая, ни в каком отношении ничего выдающе-

гося не представляла и заслужила остроумное прозвище «придворной канарейки», незлобной, но и бессодержательно неумолкаемой.

Читаю присланную мне из сельско-хозяйственного совещания записку Суджанского предводителя Евреинова, замечательную по верности взглядов и смелости их выражения. По его мнению, следует прежде всего освободить крестьян от чиновничьей тирании и беспредельного опекунства, а до того бюрократические хлопоты об улучшении сельского хозяйства—пустая болтовня.

9. Вторник. Ванновский уволен от должности министра народного просвещения. Как он мне сам рассказывал, он представил выработанные под его председательством особою комиссиею, предположения о реформе школьного образования, в основе коих лежало значительное уменьшение классического преподавания. Основания такой реформы были одобрены государем год тому назад. Когда Ванновский доложил, что намерен вносить свой проект в гос(ударственный) совет, то государь сказал:

— Вы встретите там значительное сопротивление.

— Мне это не важно, — отвечал Ванновский, — если ваше величество не изменили вашего мнения.

— Я слышал много критики за последнее время и признаюсь вам, я колеблюсь.

— В таком случае,—ответил Ванновский,—я просил бы вас меня уволить и назначить другое лицо министром нар(одного) просвещения.

10. Среда. Рождение в. к. Владимира Александровича. Вследствие невыносимых отношений с великою княгиней Марией Павловной мы перестали ездить к ней, но, к удивлению моему, я сохранил еще прежние дружеские к в. к. отношения. Сегодня пишу ему такую записку:

«В(аше) и(мператорское) в(ысочество). Четвертое десятилетие продолжающиеся с моей стороны пожелания и поздравления не могут представить вам ничего нового. Вы слишком хорошо знаете и меня и мои глубоко искренние чувства приязни к вам, чувства эти останутся навсегда неизменными, но события, среди коих мы живем, меняются быстро и грозно. Да хранит вас провидение от надвигающихся на нас бедствий, вот о чем просит его сегодня ваш преданнейший и покорнейший слуга».

В 2 часа у в. к. Алексея Александровича, в его дворце, когда-то принадлежавшем Андрею Ивановичу Сабурову (бывшему директору театров), докладываю в. князю обстоятельства, касающиеся уступки нашему рисовальному училищу центральной части фасада Соляного городка, выходящей на Фонтанку против Летнего сада. Великий князь назначен председателем совещания для обсуждения и разрешения этого вопроса.

В. к. показывает мне замечательную коллекцию табакерок, им в последние годы собранную.

11. Четверг. Захожу к Куропаткину. Предо мною у него был приехавший из Порт-Артура адмирал Алексеев. На вопрос мой о том, что же говорит Алексеев, Куропаткин отвечает: опасается, что наша

чрезмерная уступчивость может вызвать новые требования и вовлечет нас в новые осложнения.

Я переменяю разговор, потому что не могу хладнокровно слушать этих воинственных безрассудных, опасных для бедной России мечтаний. Куропаткин все тот же умный, честный, специально образованный, но лишенный государственного понимания дел и событий, а еще более лишенный такта человек.

12. Пятница. Прочитав в «Правительственном Вестнике» указ об увольнении Ванновского от обязанностей министра народного просвещения, еду навестить его. Застаю восьмидесятилетнего старца очень расстроенным. Рассказывает, что после свидания с государем, свидания, на котором он просил увольнения, так как государь сказал ему, что колеблется в правильности проектированных Ванновским мер, он не имел более случая видеть государя, покуда 5 апреля не получил от него письмо, начатое 25 марта и оконченное 5 апреля. В письме этом государь говорил, что, обдумав все происшедшее, он полагает, что им следует расстаться. В рескрипте, по этому случаю данном, говорится, что Ванновский увольняется по просьбе, вследствие расстроенного здоровья.

— Никогда я этого не говорил и не заслужил, чтобы со мною поступили так обидно. Я не добивался этого поста, а напротив энергически от него отказывался. Дело школы я действительно горячо принял к сердцу и думаю, что она начинала освобождаться от прежней сухости и мертвенности, начинала оживляться, одушевляться. После такого обидного для меня поступка я буду сидеть дома и меня более не увидят ни в совете, ни в каком бы то ни было дворце.

Виновником всего Ванновский почитает все того же гнусного Вово Мещерского, который был введен Сипягиным к государю, начал писать ему письма, как в прежнее время его отцу и за несколько дней до получения увольнительного письма, хвастал, что Ванновский будет уволен вследствие разговора его, Мещерского, с государем.

В заключение этого разговора Ванновский показывает мне полученное им в этот день письмо от бывшего своего товарища Зенгера, такого содержания: «М. Г. Петр Семенович, получив сегодня высочайший указ о назначении меня управляющим министерством народного просвещения, спешу уведомить вас, что я вступил в управление министерством».

Заезжаю к Витте. Крайне мрачен.

— Что же можно сделать, когда за все время моего министерства уже приходится работать и с четвертым министром иностранных дел, и четвертым министром вн. дел. Плеве уехал в Троицко-Сергиевскую Лавру... говеть!! Оттуда поедет в Москву к в. к. Сергею Алекс(андровичу). Советовался с Витте, как поступить в отношении московских фабричных безобразий. Витте советовал убрать оттуда начальника охранного отделения, заклятого анархиста Зубатова, не сомневаясь, что без него пехотинец и кавалерист не будет знать, что делать. Плеве будет предлагать в госуд(арственные) секретари Коковцева, а бар. Икскуля (своего товарища) надеется провести в члены гос(ударствен-

ного) совета. Государь смотрит на Ванновского, как на косвенного виновника смерти Сипягина и потому так бесцеремонно с ним обошелся. Сипягин, а вместе с ним и после него Мещерский, убедили государя, что люди не имеют влияния на ход человеческих событий, что всем управляет бог, коего помазанником является царь; что царь не должен никого слушаться, ни с кем советоваться, а следовать исключительно божественному внушению, и если его распоряжения могут современным очевидцам не нравиться, то это не имеет никакого значения, потому что результат действий, касающихся народной жизни и истории, дает результаты и получает надлежащую оценку лишь в будущем, более или менее отдаленном. Согласно сему государь никого более не слушает и ни с кем не советуется.

Зенгер. Бывший офицер, научившийся латинскому языку до такой степени, что перевел на него «Евгения Онегина». Энтузиаст, броский, увлекающийся человек, чуждый понятиям об администрации, о порядках законодательных, служебных, готовый ежечасно бросить дело при серьезном столкновении. С ним будут большие сюрпризы.

Относительно смерти Сипягина Витте утверждал, что говорил государю так:

— Вы заблуждаетесь (sic), если думаете, что все это преходящее и может быть искоренено полицейскими строгостями. Правительство сошло с законного пути и подало населению пример беззакония. Всякого рода стеснительные для той или другой части населения мероприятия, кои невозможно было провести через госуд(арственный) совет, изданы комитетом министров под видом временных, и продолжают действовать, иные уже более двадцати лет. Правильного суда не существует. По всякому важному делу приговоры выражают лишь приказания мин(истра) юстиции. Сенат также никакого значения не имеет. Повсюду произвол чиновников, на который население отвечает насильственными действиями.

Относительно убийцы Сипягина обнаружены нити заговора в Париже, где производство обысков обнаружило переписку по сему предмету. Вместе с Балмашевым в Петербурге было еще два лица, из коих одного удалось отыскать в Саратове—месте жительства Б(алмашева). Он приехал туда из Петербурга 4 апреля, а, следовательно, уехал из Петербурга 1 апреля, накануне дня совершения преступления, когда все было окончательно приготовлено для исполнения заговора. Так как Б(алмашев) был за студенческие беспорядки сдан в солдаты, то Витте сознается, что хотя отбывание воинской повинности студентами, виновными в беспорядках, и было предложено им, но с оговоркой, чтобы пользоваться им лишь в крайних случаях, и во всяком случае было предпочтительно теперешним распоряжениям, в силу коих нынешнею зимой посажено в тюрьмы и разослано в отдаленные места 2.000 студентов.

В(итте) много говорит о своем представлении в гос(ударственный) совет относительно уничтожения круговой поруки, надеясь, что Плеве не окажет того сопротивления, которое высказывал Сипягин.

13. Суббота. У А. А. Сабурова. Застаю этого, в высшей степени, почтенного труженика и достойного во всех отношениях человека над чтением советских дел. Разговор о необходимости, по возможности, оттянуть разрешение всяких глупых представлений Сипягина так, чтобы дать время Плеве отступить от принятой им для начала роли поклонника этой тени. Конечно, мало вероятия, чтобы лицо, всегда вторившее своему начальству, хотя бы и самому разнообразному, могло внезапно сделаться независимым, но так как он от природы очень умен, то, быть может, здравый смысл, поддерживаемый большинством совета, в некоторых случаях восторжествует. Сабуров соглашается со мной, что для успешности рассмотрения дел в совете полезно было бы людям, деятельно участвующим в их рассмотрении, собираться предварительно и устанавливать взгляды до заседания. В д-те законов, к которому я принадлежу, такими людьми могут почесться Сабуров, Шамшин и, до известной степени, гр. Игнатьев 2-й. Что касается барона А. Икскуля, то он портит всякое дело своею назойливостью, своим самовосхвалением. У председателя Фриша одна лишь забота, чтобы не было разногласий, особливо неприятных министрам, власть имеющим.

14. Воскресенье. Пасхальное воскресенье—то, что привыкли именовать светлым праздником—наступает днем тусклым, грустным: чувствуется что-то неладное, неотрадное. Страницы «Правительственного Вестника» наполнены сотнями имен, обрадованных, то, что называют милостями, чиновников. По поводу одной из таких милостей в стенах Зимнего дворца распространяется крупный скандал. Несколько месяцев тому назад министр иностр(анных) дел Ламздорф просил о назначении церемониймейстером одного из секретарей своей канцелярии, некоего Савинского. Ламздорфу было в том отказано по настоянию гр. Гендрикова—обер-церемониймейстера. Гендриков утверждает что ему положительно известно, что Ламздорф состоит в предосудительно-интимных сношениях с Савинским, и что государь, вследствие этого, дал ему, Гендрикову, обещание, что такого назначения никогда не последует. В 7 ч. вечера в субботу Гендриков получил от министра двора уведомление, что Савинский назначен церемониймейстером. Гендриков немедленно отправил Фредериксу просьбу об увольнении его от должности обер-церемониймейстера. Все это со стороны Гендрикова было понятно, но ему следовало молчать, а вместо того он не стесняясь рассказывал эту грустную историю во всех подробностях, не исключая той, что Ламздорф в письме Фредериксу угрожал отставкою, если желание его не будет исполнено.

Куропаткин назначен, наконец, генерал-адъютантом. В субботу он имел доклад у государя; после доклада завтракал у императора и императрицы, а вернувшись домой неожиданно нашел уведомление о своем назначении.

Государственным секретарем на место Плеве назначен Коковцев, которого я в бытность свою госуд(арственным) секретарем перевел в госуд(арственную) канцелярию из тюремного управления, в коем он не имел более сил служить с глупым Галкиным-Врасским, напыщен-

ность коего составляет меньший из его недостатков. Коковцев человек умный, способный, трудолюбивый; ничего выдающегося в нем нет, но по теперешним обстоятельствам нельзя было желать лучшего назначения.

15. Понедельник. Заходит ко мне И. Н. Дурново [нынешний председатель комитета министров]. Рассказывает, что когда Сипягин был ранен, то он, Д(урново), подошел к нему и стал убеждать его, что раны неопасны, и что он выздоровеет, но Сипягин отвечал, что уверен в близости смерти и желает проститься с государем. Тогда Дурново телефонировал в Зимний дворец, что просит позволения приехать, и получил ответ, что государь примет его в $5^1/_2$ часов (т.-е. через четыре часа). Д(урново) телефонировал вновь, что едет для доклада о весьма важном деле. Прибыв во дворец, он нашел там товарища министра юстиции Манухина [министр был в отпуску], явившегося с тем же, как и Дурново, известием. Им обоим объявлено было, что государь завтракает; вследствие чего они дожидались двадцать минут. Выходя из столовой, государь получил от Гессе известие о происшедшем, так что сообщение Дурново не было для него ново. Он спросил, где находится раненый и на ответ Д(урново), что его перевозят в Максимилиановскую больницу, а оттуда, вероятно, в дом министра в(нутренних) д(ел), что у Цепного моста, поручил Дурново по прибытии его к месту нахождения раненого телефонировать ему, куда он должен ехать. По прибытии в больницу Д(урново) нашел Сипягина мертвым.

Чрез час после этого свидания государь послал за Плеве и сказал ему:

«Вы уже давно состояли кандидатом на пост министра внутр(енних) дел. Теперь я вас ближе узнал и решаюсь назначить вас».

При этом свидании г(осударь) поручил Плеве вызвать из Гельсингфорса Бобрикова, чтобы выразить ему неудовольствие за его действия в Финляндии, что по мнению Д(урново) и подало повод к слухам о назначении Б(обрикова) мин(истром) в(нутренних) д(ел).

Спрашивается, зачем же г(осударь) накануне похорон Сипягина говорил в. к. В(ладимиру) А(лександровичу), что колеблется в выборе между Плеве и Бобриковым?.. О, Византия!

18. Четверг. У Витте. Согласно просьбе его переговорив с Алексеем Оболенским относительно условий принятия им должности товарища министра, передаю Витте мой взгляд на то, что Оболенский ничуть не гонится за таким назначением, что я и нахожу естественным. Витте желает иметь безукоризненно-честного человека во главе столь обширного, как неокладные сборы, управления. Покончив с этим вопросом, Витте переходит к сетованиям относительно внутреннего нашего положения, утверждая, что необходимы, без потери времени, решительные меры. Я спрашиваю его, в чем такие меры, по его мнению, должны бы заключаться. Он отвечает:

«Государь должен бы немедленно издать указ, в коем было бы сказано, что усматривая, что законы не исполняются, он повелевает, чтобы законы на будущее время исполнялись. Согласно сему суды должны бы быть восстановлены в своей самостоятельности и перестать быть слугами министра юстиции; сенат д(олжен) б(ыть) восстановлен

в своей авторитетной власти; все временные административные мероприятия, последовавшие по постановлениям комитета министров, следовало бы передать на рассмотрение государственного совета, особая, из высших чинов составленная, комиссия должна бы пересмотреть списки сосланных и отменить ссылку для лиц, неправильно ей подвергшихся».

Таковы должны бы быть, по мнению Витте, нетерпящие отлагательства меры. Затем следовало бы разрешить вопросы: крестьянский, рабочий и народного просвещения.

—«Я враг по принципу, с детства мною усвоенному, враг всякого конституционализма, парламентаризма, всякого дарования политических прав народу».

Выслушав это, я отвечал, что сущность предлагаемых им к немедленному исполнению мер без сомнения заслуживает одобрения, но что форма указов и, вообще, правительственных манифестаций излишня. Довольно перейти с искренностью на путь законности, и первые же по этому пути шаги изменят настроение, без сомнения, ныне враждебное, всей страны. Но всего этого для успешной деятельности правительства недостаточно. Люди собираются в гражданские общества для того, чтобы обеспечить свою личность и главное орудие проявления ее—свое имущество. Всякое правительство, какие бы ни были его взгляды, должно из среды массы населения останавливаться на группах, по значению и устойчивости своим, представляющим наиболее надежную опору мирного порядка и гражданского успеха. В России, более чем в каком бы то ни было другом государстве, политическим фундаментом правительственного здания является сельское население, а прочен этот фундамент тогда, когда крестьянская толпа находится под влиянием не случайных авантюристов, а напротив, старших крестьянина братьев—крупных землевладельцев, представителей просвещения и, по возможности, бескорыстного труда. Вот этот порванный союз необходимо сколько возможно восстановить в той или иной форме. Вот на этом союзе надо воздвигнуть правительственный порядок, порядок, в коем чиновники являются исполнителями приказаний, а не каким-то особым привиллегированным (сословием). Этим людям, на земле сидящим и трудящимся, дана должна быть возможность и трудиться, и радеть о местных, общественных интересах. Иными словами, земские учреждения следует не угнетать и преследовать, как это делал Сипягин, а, напротив, позаботясь о хорошем их личном составе, дать всевозможную свободу в распоряжении местными хозяйственными, имущественными интересами. Ни о каком парламенте речи быть не может, но о связи центра с отдаленными от него местностями, о даровании возможности не одним чиновникам, а и вотчинным собственникам трудиться на пользу отечества и выступать на поприще такого служения, вот о чем следует позаботиться, вот чем надлежит удовлетворить справедливое притязание русского народа, вот чем быстро может и должно наступить иное настроение, чем то тревожное, смутное, отовсюду доносящееся, чуть не поголовное неудовольствие.

22. Понедельник. После заседания общего собрания, подхожу к Фришу и говорю ему, что мне кажется необходимо для рассмотрения представления Сипягина об учреждении «дворянского отдела» пригласить петербургского и московского губернских предводителей дворянства [Зиновьева и Трубецкого]. К этому присовокупляю, что имею основание думать, что они ожидают быть приглашенными. Такое сообщение приводит Фриша в затруднение, однако, он решается передать статс-секретарю поручение пригласить этих двух предводителей на заседание. Но чрез несколько минут он подходит ко мне и говорит, что находящийся в совете тов(арищ) мин(истра) Стишинский считает необходимым предварительно испросить согласие м(инистра) в(нутренних) д(ел) Плеве. С своей стороны Фриш заявляет, что по его мнению такое приглашение произведет усложнение. Я отвечаю ему, что по ст. 12 учр(ежден.) г(осударственного) с(овета) председатель д-та может приглашать кого угодно, а потому я не понимаю, при чем тут Стишинский, что же касается «усложнения», то я привык рассматривать дела с точки зрения правильности их разрешения, а не усложнения или упрощения.

Вечером получаю повестку, что доклад дела о «дворянском отделе» отложен.

23. Вторник. День рождения императрицы Александры Федоровны. По экстренному в 10 ч. поезду члены гос(ударственного сов(ета) в числе других приглашенных отправляются в Царское Село. Дожидаемся окончания обедни внизу до наступления времени принесения поздравлений их величествам. Такие собрания, вследствие затруднений, создаваемых климатом для общественных сходбищ, всегда имеют характер полу-политической полу-салонной биржи; здесь встречаешь людей, к которым не имеешь основания поехать нарочно, а с коими тем не менее есть повод обменяться мыслями, так, например, на этот раз разговариваю: 1) с Дашковым, так:

«Позвольте мне вмешаться не в мое дело. Я видел вашего молодого человека [в. к. наследника] в госуд(арственном) совете и в финансовом комитете. Он крайне мил, любезен, искренен, но, конечно, ему надо много учиться в практическом смысле. Как полезно было бы, если бы он стал ездить в 1 деп(артамент) сената во дни доклада наиболее важных дел, рассматриваемых при участии министров или их товарищей.

Д(ашков).—Это было бы прекрасно, но как это сделать. Я могу сказать об этом императрице Марии Федоровне, но она не решится говорить об этом государю.

Я.—Особенно теперь

Д(ашков).—Да.

Я.—В таком случае хотите я уговорю в. к. Владимира Ал(ександровича) сказать об этом государю, приняв в основание, что он сам 4 года присутствовал в сенате, а я, будучи обер-прокурором, готовил его к каждому заседанию.

Д(ашков).—Это было бы очень хорошо.

2) С Плеве:

Я.—Вы—умный человек и примете то, что я вам скажу, в истинном его смысле, не останавливаясь на отдельных словах. Скажите, как поступить с сипягинским представлением о дворянском отделе? Вы, конечно, разделяете мое мнение, что такого вздора утвердить нельзя, но я понимаю, что еще в течение некоторого времени вы должны быть осеняемы тенью Сипягина.

П(леве).—Об учреждении отдела всенародно объявлено рескриптом 1 января на имя И. Н. Дурново и потому нельзя оставить слова эти без всякого исполнения. Прежде всего я должен еще доложить об этом государю.

Я.—Мне кажется, что желательно бы оттянуть дело до осени.

П(леве).—Можно бы выставить необходимость приглашения к докладу нескольких предводителей, что в виду приближения конца сессии представляло бы затруднение.

Я.—Вполне с вами согласен.

После такого соглашения, Плеве начинает высказывать мне желание иметь мою поддержку. Я отвечаю ему, что, конечно, человек, подставляющий, как он лоб под пулю, чтобы поправить нагроможденные ошибки правительства, конечно, заслуживает поддержки от всякого благонамеренного и благомыслящего, что я готов его поддерживать, но не знаю, чем и когда могу быть ему полезен. Плеве отвечает:

«Вы крупная политическая личность. Вам ставится один упрек: вы обращаетесь с людьми как с лимонами, кои бросают, выжавши из них сок».

Я отвечаю, что, к сожалению, и «лимонов»-то не видал и не вижу. Плеве повторяет просьбу о поддержке с моей стороны, присовокупляя, что и он, в свою очередь, может быть мне полезен. Поддержку я ему обещаю, но о том, чтобы рассчитывать на его поддержку, умалчиваю: во-первых, потому, что она мне не нужна ни на что, а во-вторых, потому, что если бы и была нужна, то я бы на нее ни в каком случае не рассчитывал.

После поздравлений и завтрака за десятиприборными круглыми столами, императрица Мария Федоровна, что называется, fait cercle, т.-е. разговаривает с некоторыми из числа присутствующих; императрица А(лександра) Ф(едоровна) удостаивает этой чести лишь нескольких дам, а император ограничивается разговором с кн. Долгорукою [р. Шувалова, жена об(ер)-гофм(ейстера)] и гр. Гендриковой [р. Гагарина, жена об(ер)-цер(емониймейстера)].

В $2^1/_2$ ч.—поезд, возвращающий нас в Петербург.

24. Среда. Заседание сельско-хозяйственного совещания. Продолжительные разговоры об устройстве мелкого кредита для крестьян.

25. Четверг. В соединенных д-х заседание, долженствующее сделаться достопамятным, об уничтожении круговой поруки при взыскании платежей с крестьян. Представление Витте принимается единогласно, так как единственного, но упорного противника этой меры—Сипягина, по счастью для России, более не существует, а его нимфа-Эгерия, Мещерский, не имеет входа в стены Мариинского дворца. Витте хлопочет о том, чтобы мера эта была объявлена в форме мани-

феста, в котором было бы упомянуто и о сложении недоимок по выкупным платежам. Сольский, не без основания, колеблется в том, следует ли это делать. На вопрос, ко мне по сему предмету обращенный, отвечаю Сольскому, что компетентный в этом авторитет д(олжен) б(ыть) Плеве. В конце заседания товарищ Плеве, Стишинский, заявляет, что его начальник желает, чтобы об уничтожении круговой поруки и скидке недоимок по выкупным платежам было объявлено манифестом. К этому Ст(ишинский) прибавляет, что эти, даруемые народу милости, не должны бы распространяться на те пять уездов, в которых были аграрные беспорядки. Такое заявление вызывает выражение негодования в наиболее честных и благомыслящих членах.

Вечером у меня собираются: Пален, Герард, А. Сабуров, Шамшин, Гончаров для обсуждения Сипягинского проекта об учреждении дворянского отдела. Читаем записки: а) петербургского губ(ернского) предводителя дворянства Зиновьева и б) постановление 19-ти губ(ернских) предводителей, собравшихся в Москве. В обеих записках высказывается полное неодобрение сипягинского проекта.

Поговорив о делах, переходят к сетованиям о настоящем и к воспоминаниям о прошедшем. Пален рассказывает, как во время исполнения им обязанностей председателя комитета министров, он получил представленное варшавским генерал-губернатором Гурко государю предположение о том, что находящиеся в пределах Польши 400 т. германских подданных составляют главную помеху успешности русского управления. На представлении этом была сделана такая высочайшая отметка: «предложить им перейти в русское подданство и выслать в Германию тех, кои не захотят принять русское подданство. Пален поехал к государю и доказал ему невозможность такого распоряжения. Государь зачеркнул такую свою резолюцию, которая в таком виде и хранится в архиве комитета министров.

Другой рассказ Палена: А(лександр) III приказал заготовить законопроект об уничтожении всех политических особенностей дворянства в Прибалтийском крае и уехал в Либаву на торжество открытия порта. Здесь он принимал на своей яхте курляндское дворянство, и, за происходившим по этому случаю завтраком провозгласил тост за здоровье дворянства. Пален отвечал на это речью и выражением верноподданнических чувств дворянства, старейшим представителем коего он являлся, и, в противность всякому этикету, предложил тост за здоровье государя с обычными криками «ура». По возвращении в П.Б. государь приказал отменить распоряжение об изготовлении законопроекта, сказав, что в бытность в Либаве он убедился в верноподданности чувств курляндского дворянства.

Герард рассказывает, как в бытность свою временно управляющим собственною канцелярией по учреждениям императрицы Марии, он однажды получил от государя записку предшественника своего Грота, предлагавшую раздать большинство заведений, канцелярии подведомых, подлежащим ведомствам, сведя канцелярию на минимум. Герард об исполнении сего сообщил м(инистру) н(ародного) п(росвещения) Делянову и доложил императрице Марии Ф(едоровне), которая

ничего о том не знала. При последовавшем свидании с государем произошла бурная сцена. Государь стучал кулаком по столу и кричал: «Вы хотели меня поссорить с императрицей!..»

На-днях Ванновский был в Аничковском дворце у императрицы Марии Федоровны и рассказал подробности своей отставки, приписывая ее и, в особенности, подробности облекавших ее форм влиянию Мещерского. Императрица не хотела этому верить, но сказала: «если этому человеку открывают дверь, то я в нее выхожу».

26. Пятница. В. к. В(ладимир) А(лександрович) сообщает, что по уведомлению берлинской полиции анархистами составлен заговор об убийстве Лубе, во время пребывания его в России.

27. Суббота. Заседание сельско-хозяйственного совещания: много говорят о мелком кредите. «Идолопоклонники 1861 г.», в особенности Семенов, настаивают на необходимости раздвоения кредита на крестьянский и не крестьянский. Долго вертятся около того, кому поручить заведывание на местах мелкими кредитными учреждениями. Коковцев решается назвать земские управы, на что все и соглашаются. Выступает московский Щербатов, добросовестен, глуп, самонадеян. Витте заявляет, что он даст на мелкий кредит 10 мил(лионов) без процентов à fonds perdus. Я спешу засвидетельствовать, что на беспроцентный подарок ни в каком случае не соглашусь.

29. Понедельник. Общее собрание гос(ударственного) сов(ета). Маленькая стычка между Плеве и Муравьевым, очерчивающая лагери. В такой войне побежденным, конечно, будет Муравьев.

30. Вторник. Приезжает ко мне Плеске, управляющий госуд(арственным) банком, человек весьма почтенный, чистый во всех отношениях, создавший теперешнее положение гос(ударственного) банка. Доказывает необходимость основать мелкий кредит на гос(ударственном) банке, имеющем такие огромные средства и всероссийскую сеть своих местных органов. Считает нелепостью сословное разделение кредита, беспроцентные выдачи денег, а также быстрое и насильственное насаждение кредита.

Вечером чтение дельной записки Федорова о причинах прогрессивного упадка сельско-хозяйственной промышленности.

Май.

1. Среда. Разговор с Плеве. Выставляю ему необходимость установить согласие в ходе работ обеих комиссий: сельско-хозяйственной и крестьянско-устроительной. В то время, как анархисты действуют единодушно, правительственная деятельность парализуется ведомственными препирательствами. В будущую субботу в нашей сельскохозяйственной комиссии должен произойти «обмен мыслей» по поводу двух записок: первая, химика Ленца, доказывает, что крестьянское земледелие сравнительно с крупным земледельческим теряет ежегодно 450 миллионов пудов зерна, что равняется цифре нашего хлебного экспорта; вторая, Федорова, дает итоги ежегодной производительности в различных отраслях, доказывающие постоянное понижение и резуль-

татов, и инвентаря рядом с постоянно увеличивающимися цифрами народного богатства в соседних с нами государствах. Что же это доказывает? Что по этому пути мы должны притти к народному разорению. Вот что скажет сельско-хозяйственное совещание, состоящее под председательством Витте; а что же скажет комиссия, председательствуемая м(инистром) в(нутренних) д(ел)?

На это Плеве дает такой ответ:

«Совершенно секретно я должен сказать вам, что я отнюдь не сектант в теориях о землепользовании.

Я сознаю, что коллективизм и выразитель его—общинное владение—вздор, ведущий лишь к неурядице. Но я не могу допустить внезапного распространения на крестьян общегражданских прав во всей их полноте; переход к такому строю должен быть постепенный и вначале непременно должен сопровождаться (sic). Считаю также необходимым сохранение известной части земельной площади в неотчуждаемом владении крестьян (Bauerland) и не допускаю возможности, чтобы вся земля перешла в Latifundia, а крестьянское население превратилось исключительно в наемных рабочих».

Я отвечал, что с ним соглашаюсь во всем, исключая двух последних пунктов, по коим необходимо более детальное обсуждение для высказывания мнения. Во всяком же случае, до разрешения этого вопроса в корне, надлежит озаботиться о споспешествовании крупному землевладению войти с крестьянскими руками в производительный союз в форме аренды, испольного хозяйства, métayage и т. д.

Резюмировал я этот разговор так, что, следовательно, обе комиссии могут сойтись в основах, а различие мнений может касаться лишь быстроты осуществления поставленных идеалов, предоставляя их достижени, епреимущественно естественному ходу событий, разумеется, не без правительственного содействия.

2. Четверг. Разговор с Витте относительно предстоящего заседания сельско-хозяйственного совещания. Он настаивает на том, что у нас до сих пор идет одна безжизненная болтовня, а что, так как никакое серьезное улучшение сельско-хозяйственной промышленности невозможно без изменения форм землевладения и насаждения твердого права собственности, то и следует взять два-три уезда и в них, не щадя казначейских пожертвований, ввести наследственное подворное владение. На эту тему, по поручению Витте, составлена записка под псевдонимом департамента неокладных сборов. Я выражаю сомнение в том, чтобы подобный проект мог при осуществлении своем принести пользу. Витте чрезвычайно возбужден и встревожен. В этот день было у государя в Ц(арском) Селе совещание, в коем участвовали Сольский, Плеве и Витте. Сольского Витте обвиняет в преступной слабости и уступчивости пред мнениями, очевидно, исходившими из внушений негодяя Мещерского. Витте думает, что последний будет назначен членом гос(ударственного) совета и притом с другими лицами, к этому негодяю близкими!

Узнаю, что в Царском Селе государь заявил, что не желает, чтобы закон об уничтожении круговой поруки был объявлен в какой-либо

исключительной торжественной форме, а в виде обычного мнения гос(ударственного) совета. Разумеется, Сольский поддерживал это мнение, что и должно было раздражить Витте, предложившего эту форму, лестную для исходившего от него мероприятия. Точно также вопрос о сложении недоимок по выкупным платежам велено не связывать с отменою круговой поруки, а отложить до осени и рассмотреть прежде подробно. Признаюсь, что и в том, и в другом вопросах я нахожу решение правильным.

В этом же совещании была речь о строющемся близь Петербурга политехническом институте. Витте получил согласие государя на открытие института; но государь прибавил, что все-таки впоследствии надо будет передать институт в ведение м(инистерс)тва нар(одного) просвещения. Витте возразил, что мин(истр) нар(одного) просвещения не может справиться с главным вверенным ему делом. Если есть специальные учебные заведения, с коими их специальные начальства справляются ныне, то зачем же передавать эти специальные заведения в ведомство м(инистерства) нар(одного) просвещения.

4. Суббота. Убийца Сипягина казнен вчера в Шлиссельбургской крепости. За несколько дней перед сим к нему был послан священник Петров, который уговаривал его просить помилования. Балмашев наотрез отказался это сделать, сказав, что подобный поступок приведет его единомышленников в уныние, тогда как смерть его побудит их к новым энергическим действиям.

Заседание сельско-хозяйственного совещания. Мелкий кредит. Я настаиваю на том, что всякий кредит должен быть чужд безвозвратности и безвозмездности. Чиновничьи сердца далеки от сочувствия моему заявлению.

Покончив с мелким кредитом, Витте предлагает обменяться мыслями по содержанию двух записок (Ленца и Федорова), в темных красках изображающих положение и хлебопашества, и скотоводства, и вообще всякой сельско-хозяйственной производительности в России.

Неумолкаемый Семенов, по обыкновению, желая отстаивать превосходство общинного владения и выставляя себя бесспорным авторитетом в деле статистики, доказывает неверность приводимых в записках цифр и неосновательность выводимого из этих цифр пессимизма. Его поддерживает валкий во взглядах Ермолов.

Я говорю приблизительное следующее: «не обладая столь обширными, как П(етр) П(етрович), сведениями, я внимательно прочитал обе записки и не могу не отнестить с полным уважением к добросовестности, к искренности, к мужеству составителей их. Вопросы, ими затрагиваемые, положение ими очерчиваемое, столь серьезно, заслуживает такого внимания, что нельзя не принять предложение нашего председателя о собрании материалов, нужных для обсуждения мер, необходимых, чтобы пособить злу. Но вопросы эти столь обширные настолько приближаются к пределам нашей программы и даже иногда из них выходят, что труд этот нельзя совершить, не выслушав министра внутренних дел, мощное слово коего должно рассеять всякие по этому предмету недоразумения».

Слова мои были приняты с недоумением и не нашли поддержки в председателе, несколько испуганном моей смелостью.

Плеве в течение нескольких минут обдумал свой ответ, который, разумеется, был вполне одобрителен и полон сочувствия.

Таким образом, я достиг желаемого результата: выражения единодушия правительственных органов в столь важном, порученном им, деле.

6. Понедельник. Рождение императора. Государственный совет приглашен в Ц(арское) Село для принесения поздравлений. В «Правительственном Вестнике» объявлено назначение двух членов госуд(арственного) совета: а) Кривского—саратовского губ(ернского) предводителя дворянства, ярого представителя сословной и всякой иной реакции, б) Платонова, сенатора кассационного д-та, ничтожного как личность, заявившего о себе как председателе мнимо-государственных бесед. некогда устраивавшихся у Татищева по инициативе Мещерского, влиянию коего приписываются оба назначения. Сам Мещерский получил владимирский крест на шею. Все это возбуждает удивление, неудовольствие, можно сказать, негодование.

Назначены два генерал-адъютанта: Мейендорф и Васильчиков, два генерала свиты: Абаза и Мосолов, два флигель-адъютанта: кн. Трубецкой и гр. Шереметев. Обширные страницы газеты наполнены множеством всякого рода чиновничьих поощрений.

В ожидании момента принесения поздравлений толпа мундирных поздравителей немножко слишком шумно сплетничает, устраивает делишки, сообщает друг другу новости, которые ничуть не привлекательны. В Вильне ранили губернатора Валя, правда, дрянного во всех отношениях человека; в Нижнем и Саратове толпа с красными знаменами бушевала на улицах. Это вчера, а что будет завтра, так как редко проходит день без новостей подобного рода.

В шествии поздравителей я иду за Ванновским и слышу, как вдовствующая императрица говорит ему:

«Je suis heureuse de vous voir ici».

После завтрака обыкновенный cercle, совершаемый Мариею Федоровною в назидание молодых величеств, остающихся в углах и разговаривающих лишь с двумя-тремя наиболее приближенными (т.-е. подобострастными) лицами. На обратном в Петербург пути сижу в вагоне с только что приехавшим из Парижа московским губ(ернским) предводителем дворянства кн. Трубецким. Его заботит, быть может, в слишком значительной мере предположение Сипягина об учреждении в м-ве в. д. особого по делам дворянства отдела. Т(рубецкой) подтверждает все те ужасные о положении населения сведения, кои получаются в форме разных записок сельско-хозяйственным совещанием; утверждает, что в Париже открыто говорят об имеющих последовать в Петерб(урге) покушениях.

Вечером с Боткиным и Котовым исправляем журнал гос(ударственного) совета о художественно-промышленном образовании.

7. Вторник. Обед при дворе в Царскосельском дворце в честь приехавшего в этот день президента Французской республики Лубе.

Из членов госуд(арственного) совета приглашены председатели департаментов и статс-секретари. В этом последнем звании приглашен и я, независимо от того, что имею звезду почетного легиона, полученную от французского Institut в день празднования своего столетия. Мое старшинство в чине сажает меня за обеденным столом так высоко, что, очутившись почти насупротив их величеств, могу следить за происходящим. Разговора между хозяевами и гостем почти нет. Государь произносит свой тост прекрасно, без запинки, звонким голосом. Старичек Лубе читает свою речь, составляющую почти повторение слов государя. Возле меня сидит secrétaire général du président Combarié, бойкий, расторопный человек лет сорока. После обеда нас представляют президенту, на которого жалко смотреть, до того он измучен всем тем, что ему пришлось в этот день проделать. Юные величества любезно разговаривают с французскими моряками и военными, но весьма скоро устают от этого нелюбимого ими занятия. Вдовствующая императрица, напротив, в назидание им, держит и их, и нас более часа на ногах, разговаривая со множеством людей, избегая, конечно, высказать мне малейший знак внимания. Тень Володи Шереметьева должна быть довольна. Домой на Морскую удается добраться в двенадцатом часу. Уф!..

11. Суббота. В д-те законов рассматривается представление министра внутр(енних) дел об учреждении дворянского отдела для заведывания дворянскими делами. Вызваны губ(ернские) представители: петербургский—Зиновьев, московский—Трубецкой, тульский—Арсеньев, бессарабский—Бразоль. Первые двое энергически протестуют против такого учреждения, долженствующего не поддержать, а понизить значение дворянства, двое последних, напротив, выставляют дворянство как группу людей, получивших это звание в награду за чиновничью службу и чающих поддержки в тяжелые для них минуты. Андрей Сабуров произносит прекрасную речь в смысле первых двух. Я намеревался молчать, но, признавая невозможным для гос(ударственного) совета после выслушания заявлений предводителей ограничиться речью одного Сабурова, решаюсь экспромптом высказать несколько слов на такую тему: что дворянство в течение многих столетий служило основою госуд(арственного) строя и вело население; что в 1785 г. имп(ератрица) Екатерина дворянскою грамотою закрепила этот строй и отдала в руки дворянства все местное управление и суд, сохранив на местах одного губернатора в качестве представителя правительственной власти; что последовавшие в XIX столетии события изменили во многих отношениях положение дворянства, но что, без сомнения, за ним остается та обязанность, которую оно несло в течение нескольких столетий—обязанность вести меньшую братию по пути преуспеяния, в основе коего лежит преданность престолу, любовь к отечеству. Для исполнения этой обязанности дворянству не нужно создание ни дворянского отдела, ни какого бы то ни было другого учреждения, но существует другая категория соображений, до дворянства касающихся, конечно, заслуживающая внимания. Совершившиеся в XIX столетии события изменили в некоторых отношениях положение дворян-

ства, но не изменили государственной задачи, на нем лежащей—ведения сельского населения по пути порядка, труда, улучшения нравственной и материальной его жизни. Задачу эту дворянство преследовало, преследует и будет преследовать независимо от существования, или несуществования какого бы то ни было специального для сего органа. Но рядом с этим могут быть соображения, представляющие основания к учреждению предлагаемого дворянского отдела. В последние годы происшедшие в гос(ударственном) строе перемены тяжело отозвались на отдельных личностях, на целых группах, к дворянству принадлежащих; захудалость, материальные трудности поставили этих лиц, эти группы в затруднительное положение, и правительство справедливо считает необходимым притти к ним на помощь. Вот, для облегчения средств к осуществлению этой помощи я понимаю пользу установления чего-то в роде бюро, служащего центром всякого рода сведений, облегчающего заявления и осуществления содействия и помощи, когда она может понадобиться.

Мое заявление встретило опровержение со стороны Плеве, который сказал, что ни в каком случае не может смотреть на «отдел» как на бюро благотворительности. Самое представление, Сипягиным сделанное, Плеве защищал слабо и, так сказать, против сердца. Говоря о расходе, необходимом для этого нового учреждения, Плеве сказал, что он не потребует новых средств, а найдет их в смете м-ва в. д.; при этом он указал на существующую при м. в. д. общую канцелярию, которая имеет обязанностью приготовлять министра к заседаниям комитета министров и гос(ударственного) совета, в чем он, Плеве, по приобретенной им служебной опытности, не нуждается. Соединенное присутствие поспешило предложить Плеве удовлетвориться тем, что эта канцелярия будет ему докладывать дворянские дела, а «отдела» не создавать; на этом и помирились.

В этот же день в сельско-хозяйственном совещании происходит обмен мнений по запискам, присланным совещанию разными лицами. Для сего «обмена» председатель ставит вопросы, в числ коих встречается такой: на что нужно расчитывать для улучшения сельского хозяйства крестьян? на их самодеятельность или на бюрократическую опеку? Я заявил, что расчитываю на самодеятельность, но что в этом вопросе оставлено без внимания полезное влияние местных землевладельцев. Такое заявление принято неодобрительным молчанием чиновничьей толпы. Представители консерватизма или отсутствуют (Воронцов, Кочубей, Толстой), или молчат: (Шереметев, Долгорукий).

13. Понедельник. В о(бщем) собрании отстаиваю произведенное мною в д-те разногласие по вопросу об уставах для артелей. Говорю между прочим, что народное богатство слагается усилиями мускульного и мозгового труда, располагающего сбережениями, созданными трудом предшествовавшим. Что рознь между этими двумя факторами ослабляет, делает малоплодною деятельность человеческую. Между тем нашлись учители,—лже-учители—утверждающие, что эти два фактора должны неизбежно пожирать друг друга. Русский здравый смысл

в лице существующих ныне артелей нашел успешное средство разрешения этого вопроса, а бюрократическое вмешательство намерено на будущее время уничтожить достигнутые жизнью артелей результаты.

15. Среда. В д-те наук и торговли. Выступаю противником состоявшегося постановления об обязательном введении в Польше пенсионных касс при горных заводах. Представление министра земледелия Ермолова не содержит никаких цифровых статистических данных о размерах вычетов, о размерах пенсионных окладов, а между тем устанавливается взыскание по 4% с заводовладельца и столько же с рабочих. Вся сумма такого налога составляет около 1.200.000 р., т.-е. итог вдвое значительнее, чем итог годичного промыслового взимания. При этом нет уверенности, что взыскиваемые суммы будут достаточны для поддержания касс, а следовательно и нет уверенности, что это насильственно оказываемое рабочим благодеяние будет действительно благодеянием; в ожидании же выяснения результатов такого мероприятия, не только горнозаводские рабочие всей России, но все рабочее население на каких бы то ни было заводах потребует того же самого. Каково будет при этом брожение, волнение! Каково будет неудовольствие в случае неудачи! И все это во время, когда смута и беспорядки ежедневно повсюду распространяются.

Настаиваю на необходимости возвратить все дело Ермолову для дополнения многочисленными указанными мною данными, что и принимается общим присутствием соединенных департаментов единогласно.

17. Пятница. Последнее заседание соединенного присутствия в нынешнюю сессию, посвященное рассмотрению последней главы уголовного уложения, а также выслушанию самохвального, фельетонного изложения взгляда министра юстиции Муравьева относительно средств устройства тюрем, на что он просит ассигнование 30 милл. р., в оправдание этой суммы представляя одни лишь общие соображения. Не упоминаю о комичном заявлении Галкиным-Врасским о своих заслугах на пользу тюремного дела. Что за надутая пошлость!

18. Суббота. Вечернее заседание сельско-хозяйственной комиссии. Выслушиваем заявления экспертов относительно дифференциальных тарифов на перевозку зерна. Суммарное впечатление такое, что этого вопроса касаться не следует под опасением принести более вреда, чем пользы.

20. Понедельник. Общее собрание гос(ударственного) совета: множество дел, но без выдающихся прений. После заседания в. к. Михаил Ник(олаевич) удерживает меня, чтобы разговаривать, покуда Репин пишет его портрет для большой картины. Темы обычные: воспоминания о прошедшем, сетования на современное и в особенности на поведение младших членов семейства. Племянники Алексей и Павел не были у дяди со дня возвращения его из-за границы, а когда он захотел поздравить Алексея по случаю его именин, то узнал, что он уже находится в Париже.

21. Вторник. Заседание сельско-хозяйственного совещания. Происходит обмен мыслей по запискам, совещанию доставленным. Для та-

кого обмена поставлены вопросы, как, например, признается ли, что условия ныне существующего землепользования крестьян служат препятствием развития сельского хозяйства, и, если признается, каким путем итти для устранения этого препятствия: а) законодательным или б) преимущественно практическим [т.-е. в виде фактического устройства быта крестьян на месте по добровольному с ними соглашению].

Последние слова намекают на мысль Витте, что можно деньгами и административным влиянием склонить крестьян избранной для сего местности разделить свою общинную землю на участки, размерами своими долженствующие сделать возможною иную, чем ныне, обработку.

После продолжительных прений решают передать записку д-та окладных сборов (разумеется, по приказанию Витте) на обсуждение специально избранной для сего комиссии.

22. Среда. По приглашению кн. М. С. Щербатовой захожу к ней, посмотреть на купленный ею от гр. Ферзен туалетный сервиз, принадлежавший их общей бабке. Сервиз ничего выдающегося не представляет, но по поводу этого осмотра обхожу залы Строгановского дворца, наполненные множеством художественных сокровищ. И самые предметы, и стены, их вмещающие, и убранство этого вельможного жилища, все это переносит далеко назад. Оглядываясь на пройденный путь, вспоминая выдающихся на троне и вокруг трона деятелей, с грустью опускаешь взоры на окружающую нас сегодня толпу мелко-себялюбивых людишек.

23. Четверг. Пишу государю следующее:

«Прошу у в. и. в. позволения доложить о нижеследующем: князь А. В. Барятинский, получив в наследство после матери своей бумаги деда своего, князя Чернышева, представил бумаги сии в распоряжение Исторического Общества и сверх того изъявил готовность принять на свой счет расходы по изданию их. Я был бы счастлив, если бы вам угодно было, государь, удостоить Барятинского милостивым словом.

В Публичной Библиотеке находятся ныне записки гр(афа) Корфа. Так как они содержат ценные сведения о многих деятелях николаевского царствования, биографии коих готовятся у меня к печати, то я просил покойного Шильдера помочь мне в извлечении этих сведений. Ныне, за смертью Шильдера и за прекращением занятий в государственном совете, я готов бы сам исполнить эту работу, если на то последует высочайшее в. и. в. разрешение».

Доклад этот был мне возвращен с такою резолюцией.

«Можете принять на себя работу извлечения сведений из записок графа Корфа, нужных для биографий».

О Барятинском ни слова. Такое молчание на мою скромную просьбу, по меньшей мере, грубо и даже трудно объяснимо иначе, как влиянием избитого сыновьями моими и потому враждебного ко мне Мещерского.

Самая форма разрешения пользоваться записками Корфа также далека от самой непритязательной вежливости. И это после тридцатишестилетних трудов моих по русской истории, трудов, установивших

правдивый взгляд на ход событий, столь превратно излагавшийся и отечественною, и заграничной прессою до создания, по моей мысли, Исторического Общества, и до издания мною обильных и вполне достоверных документов. Такая резолюция подтверждает распространившееся за последнее время убеждение, что юного царя сбили с толку негодяи, как Сипягин, Мещерский и т. п., уверившие его, что он, следуя исключительно своему личному внушению, тем самым осуществляет веления божеского промысла, и что, следовательно, никакая посторонняя его личным намерениям инициатива не должна быть допущена, хотя бы она содержала лишь скромную просьбу о любезном слове человеку, принесшему пользу общественному делу. В эпоху падения Римской империи то же самое делалось проще: императоров просто провозглашали богами!

На днях м(инистр) ф(инансов), желая получить приказание о пожертвовании на пользу пострадавших в Мартинике, дал своему ходатайству такую форму:

«Если в. в. прикажете перевести какую-либо сумму в Париж для пособия пострадавшим в Мартинике, то позвольте просить, чтобы перевод денег был в таком случае поручен министру финансов». Ответ был такой:

«Об ассигновании суммы я сделаю распоряжение, перевод будет поручен вам».

Управляющий министерством нар(одного) просвещения при докладе получил от государя написанный его рукою проект рескрипта на имя его, Зенгера. В рескрипте излагалась программа, которой должен был следовать новый министр в организации ныне вполне разорганизованного народного образования. И самое существо, и подробности, и формы изложения были таковы, что Зенгер счел невозможным принять на себя такое поручение, что и выразил немедленно. Государь предложил ему тотчас же с карандашом в руках сделать надлежащие изменения. Зенгер просил позволения взять эту бумагу домой и над ней поразмыслить. В следующий доклад З(енгер) принес свои письменные замечания, но государь, не приступая к их рассмотрению,оставил их у себя, вероятно, для того, чтобы советоваться с Мещерским.

Какие ужасы готовит отечеству подобный хаос.

24. Пятница. Разговаривая с Паленом, слышу от него следующий рассказ:

— Будучи в коронацию нынешнего государя назначен верховным маршалом, я имел случай видать его очень часто и воспользовался этим, чтобы предложить ему повторить то, что было сделано его отцом, а именно подтвердить волостным старшинам то, что они слышали от А(лександра) III относительно тщетности надежд на увеличение земельных наделов, с указанием на то, чтобы крестьяне слушались предводителей дворянства.

Государь принял с удовольствием такое предложение и заучил слова, набросанные Паленом.

После произнесения их в присутствии всех собранных волостных старшин, а также и губ(ернских) предводителей водворилось гробо-

вое молчание. Тогда Пален подошел к государю и сказал, что предводители хотят благодарить государя за такую речь и, обратясь к московскому предводителю Трубецкому, вызвал его для произнесения речи. Ни Пален, ни Трубецкой не сговаривались, и все произошло экспромтом, но произошло благополучно.

Молодой государь был в восхищении от удавшейся церемонии и по возвращении в Кремль обнимал и целовал Палена.

Чрез несколько дней произошла Ходынская катастрофа. Пален, по доверию государя, должен был произвести расследование, которое, конечно, выставило главным виновником в. к. Сергея Александровича; отношения двух сестер и двух beau-frères были весьма нежные. Высказанная Паленом правда государю не понравилась, и с тех пор Пален впал в немилость.

26. Воскресенье. В Соляном Городке. Заседание комитета музея прикладных знаний. Председательствует Петров, председатель технического общества. Рассматривается отчет за 1901 г. и смета на 1902 по содержанию здания Соляного Городка, в тех частях, в коих помещается техническое общество, педагогический и кустарный музей. Обсуждается бумага, полученная от министра земледелия Ермолова, с просьбой А. Н. Нарышкиной об отдаче ей для устройства лавки, могущей продавать произведения кустарей в том самом помещении, которое должно быть отдано нашему рисовальному училищу. Убеждаю комитет отказать, и редактируется журнал довольно убедительный.

27. Понедельник. В общем собрании многочисленные разногласия, особливо по представлениям Дурново об измышлениях совещания о дворянских нуждах. Почти все сводится к нулю.

Внесенное по настоянию в. к. Александра Михайловича дело об учреждении комитета по торговому мореплаванию. За последнее время учрежден в составе министерства финансов совет торгового мореплавания, отдел мореплавания, а теперь Александр Михайлович хочет забрать в свои руки, как председатель комитета, дело, не лишенное возможности барышей для людей, к нему прикасающихся. Присутствие соединенных департаментов единогласно отвергло это представление и т(оварищ м(инистра) ф(инансов) остался при своем мнении один. В о(бщем) с(обрании) Витте предлагает возвратить ему это дело для переработки, но признавая в принципе пользу учреждения комитета. Сабуров, в качестве представителя соединенного присутствия, отвергает это предложение. Сольский, Фриш, Чихачев стараются придумать «редакции», могущие понравиться в(еликому) князю, председателю, который под гнетом своего сына откладывает доклад дела до субботы. Тяжкое впечатление: бедный совет!

28. Вторник. Из вполне достоверного источника: государь—всецело под влиянием и обаянием вызванного из Лиона, именующего себя оккультистом, некоего Филиппа. Этот проходимец познакомился во Франции с Милицей и Анастасией Николаевнами Черногорскими, состоящими в замужестве за в. к. Петром Николаевичем и пр(инцем) Лейхт(енбергским) Георгием Максимилиановичем. По их внушению, Филипп вызван был в Петербург, представлен государю, начал вызы-

вать ему духов и прежде всего тень его отца А(лександра) III, который диктует своему сыну приказания относительно того, как следует управлять нашим бедным отечеством. Относительно Филиппа были собраны нашими полицейскими агентами сведения. Оказалось, что его во Франции преследуют за неблаговидные проступки: обман, биржевую, не совсем честную, игру и т. п. Сведения эти были представлены Сипягину, который возвратил их представившему их агенту со словами: «Я никогда ничего от вас не получал и ничего не знаю».

Тогда сведения эти были представлены государю, как кажется, через Гессе. Государь, прочитав их, бросил бумаги на пол и стал топтать ногами. Решено было дать Филиппу чин действительного статского советника и диплом доктора медицины, о чем и дано было повеление Куропаткину, согласно сему представившему требуемый диплом.

Кроме вызывания духов и вообще спиритизма, Филипп занимается здоровьем императрицы, заявив, что он может обеспечить рождение сына, если не на этот раз, то непременно на следующий. Руководясь исключительно сообщениями, назиданиями этого авантюриста, государь ни с кем более ни о чем не советуется, а дает только приказания, им импровизированные, без предварительного обсуждения и согласования с обстоятельствами, с потребностями, с целями сколько-нибудь обдуманными. Не говоря о сотнях тысяч рублей, кои разлетаются во все стороны, министр финансов получил приказание назначить князю Черногорскому пенсию в 3 миллиона, которую ему на этот раз удалось свести на 250.000 руб.

В поддакиваниях и науськиваниях, в смысле ни с кем и ни с чем несогласованного произвольничания, не было надобности в таких негодяях, как Сипягин, Мещерский и Филипп. Уже и без них юный император был падок на самообольстительное самовластие. Вот резкие примеры его на эту темы выходок.

Осенью 1900 г. приехал в Крым греческий принц, ныне управляющий островом Кандией. Принц этот, будучи двоюродным братом царя, путешествовал с ним по Востоку и в день нападения на него в Японии находился возле Николая Александровича. Вследствие сего между двумя двоюродными братьями установилась весьма дружественная, товарищеская нота. Во время дружеских прогулок и купаний в море, принц стал упрашивать государя настоять на передаче Крита в собственность Греции. Государь согласился и приказал Ламздорфу написать соответствующую сему ноту турецкому правительству. Перепуганный Ламздорф, не зная, как выйти из подобного неожиданного затруднения, послал к государю нашего в Константинополе посла Зиновьева, чтобы объяснить невозможность приведения такого приказания в исполнение. Доклад Зиновьева ни в чем не изменил решения государя. Тогда Ламздорф придумал такую уловку: соглашаясь с возможностью исполнить это приказание, он стал настаивать на том, что для успешного достижения цели было бы всего лучше посоветовать греческому принцу объехать главнейшие европейские дворы и заручиться их согласием, а уже потом начать действовать. Государь согласился и поручил Ламздорфу написать циркулярные письма главней-

шим европейским министрам иностранных дел. Разумеется, Ламздорф постарался излагать свою просьбу как можно менее настойчиво, но государь собственноручно переделал написанное Ламздорфом в желаемом для него смысле. Письма эти были переданы принцу Георгу, и он отправился путешествовать с ними по Европе. Но в то же время Ламздорф послал русским дипломатическим агентам предписание отнюдь не поддерживать претензии принца Георга. В итоге, конечно, получился результат отрицательный, и тогда принц написал государю резкое письмо, обвиняя его в несдержании обещания. Тогда государь призвал Ламздорфа и жаловался на неблагодарность принца Георга. Ламздорф, конечно, поддержал такую оценку личности принца Георга.

Другой пример трудности ведения дел.

В Берлине служит морским агентом некто Полис, исполнительный, бойкий офицер по происхождению из евреев и известный между товарищами за интригана. При его отъезде в Берлин, государь сказал ему, что Остен-Сакен (наш посол) уже очень устарел и ослабел, а Ламздорф и все министерство иностранных дел проникнуты духом формалистики и канцеляризма, а потому он поручает Полису войти в возможно близкие сношения с Вильгельмом и обо всем писать ему, государю, в собственные руки. Вследствие этого начались и доселе продолжаются постоянные недоразумения, так как немцы объявляют Остен-Сакену и Ламздорфу, что то или другое обещано им государем. Незадолго до приезда Loubet Полис находился в Петербурге и на каком-то собрании подошел к французскому послу Монтебелло и сказал ему, приблизительно, следующее:

— Je suis Polis, je voulais vous dire qu'il serait très agréable à l'Empereur d'Allemagne si m-r Loubet en allant à Petersbourg ou en revenant passait par Berlin. Je puis vous affirmer que l'empereur Nicolas approuverait tout à fait cette manière d'agir.

Монтебелло отвечал:

— Pardon, monsieur, je n'ai pas l'honneur de vous connaître et une question de cette nature ne saurait être traitée par moi qu'avec le ministre des affaires étrangéres.

Разговор этот был передан Монтебелло Ламздорфу. Ламздорф при первом докладе доложил об этом государю, который отвечал:

— Да, об этом было упомянуто вскользь, но я не знаю, зачем же Полис говорил об этом Монтебелло.

Тем дело и кончилось.

В таких же отношениях государь состоял с гр. Муравьевым-Амурским, военным агентом в Париже, но этот человек, сделавшись адептом Филиппа, окончательно сошел с ума и был уволен от своих обязанностей, а теперь посажен в дом сумасшедших.

29. Среда. Вернувшийся с представления в Петергофе императр(ице) Александре Федоровне, зять мой Бобринский сообщает, что нашел возможность включить несколько слов, рассеявших, повидимому, неудовольствие е. в. на наше рисовальное училище. Он сказал ей, что хотя нынешней зимой и было доложено е. в., что по постановлению совета училища решено не допускать посторонних

выставок, но что последующим определением сделано изъятие для всех выставок, открываемых по желанию императрицы и по свойству выставляемых предметов, имеющих связь с целями, преследуемыми училищем.

Обедающий у нас в этот день Анатолий Куракин рассказывает, что представлялся императрице Марии Федоровне, которая, зная, что он крупный землевладелец и занимается сельским хозяйством, много распрашивала его о том, что творится в деревне, и, выслушав его, советовала обо всем составить записку и послать государю, обещая, что с своей стороны поддержит его. В своем изложении Куракин, между прочим, сказал:

— Ce n'est pas seulement l'ordre public, c'est la monarchie elle-même qui est menacée, madame.

30. Четверг. Приходил Победоносцев. Рассказывает, что на болгарском обеде сидел против императора и видел, как его соседка Милица Николаевна неумолкаемо с ним болтала. Легко угадать, что было предметом их разговора. После обеда Победоносцев подошел к ней и сказал:

— А я узнаю, что вы и нашими архиереями занимаетесь, что вы вызывали Антония, нового архиерея подольского.

Ответ:

— Я слышала о нем много хорошего и желала видеть его поближе. Ведь у меня есть верхнее чутье, которым я распознаю выдающихся людей.

Победон(осцев).—Верхнего чутья мало, надо еще иметь нижнее чутье для распознавания низшего качества людей, чтобы не попасть в сношения с людьми недостойными, с какими-нибудь авантюристами, от которых потом не отделаешься.

Бывши на днях у государя, он получил от него такой вопрос:

— Что вы скажете о новом начальнике управления по делам печати?

Победоносцев. Да, кажется, он хороший человек; я был у него на-днях и застал его в великом затруднении. Он держал в руках номер «Гражданина», в котором была ругательная статья на Драгомирова, киевского генерал-губернатора, и вот Зверев не знал, как поступить. Вы читали эту статью?—спросил Победоносцев государя.

— Да,—отвечал последний, усмехаясь.

Тем разговор и кончился.

Заходит Алексей Оболенский, новый товарищ Витте. Рассказывают, что, принимая его, государь очень благодарил его за то, что он согласился принять это назначение. Оболенский сказал ему, что дело это вовсе ему не по душе и что поставленная в основание его двоякая цель, поднятия дохода и отрезвления населения, решительно несовместимы. Государь сказал, что совершенно разделяет его мнение, но когда Оболенский его спросил, может ли он руководствоваться таким взглядом, то он поспешил сказать:

— Нет, я еще не вполне уверен.

31. Пятница. Приезжает из Царского Села запросто с нами обедать вел. кн. Владимир Александрович, только что вернувшийся из Испании, где присутствовал на праздновании совершеннолетия юного короля. Относительно Парижа рассказывает, что они там живут вне светского вихря, видая только друзей; рассказывал анекдоты про писателя Montesquieu и его остроумные и злые подчас выходки. Рассказывал про князя Фердинанда Болгарского, с которым ему предстоит завтра объезжать расположенные в Красном войсковые части, что он такой приятный собеседник, с таким юмором говорит про собственное положение как монарха, но добросовестно трудится над созданием прочного положения для своего сына; с каким уважением и с какой благодарностью отзывается о покойной жене. Великий князь говорит, что императрица Александра Федоровна ждет родов около 6-го августа и что она так хорошо скрывала свое положение, что он о нем узнал лишь в конце марта.

Август.

30. Пятница. Возвращаюсь из Монте-Карло, куда принужден был отправиться вследствие тяжкого припадка подагры. Врачи (Павлов) заявили, что петербургский климат и в особенности погода нынешнего лета таковы, что лечение здесь для меня невозможно. Действительно до вагона меня донесли на руках; в Монте-Карло я вышел, еле двигаясь с помощью двух костылей, а через две недели я уже мог ходить почти без помощи одной трости.

Приехав в Царское Село, я нашел там полное затишье и почти пустыню. Из лиц ближе знакомых здесь один Победоносцев, проживающий в большом дворце и занимающий квартиру, когда-то принадлежавшую кн. Горчакову. Победоносцев по-прежнему все охает и хнычет. Да и в самом деле, положение, или, правильно выражаясь, механизм правительственной деятельности, не имеет ничего утешительного.

Государь по интригам двух черногорок (Милица и Стана) попал в руки подозрительного авантюриста, француза Филиппа, которому, не говоря о всяких других его проделках, мы обязаны постыдным приключением императрицыных ляже-родов. Путем гипнотизирования Филипп уверил ее, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала лейб-акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Объявление об этом было сделано в «Правительственном Вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, напр., что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п.

Такой эпизод не поколебал однако доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в глазах их быть превосходным и вдохновенным человеком. Черногорки неустанно привлекают эту бедную императрицу к слушанию чтения житий святых и стараются

сблизить тип Филиппа с типом святых. Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно.

Такое сближение псевдо-небесного с материально-земным отражается на воззрениях и приемах императора, а не одной императрицы. Вот тому иллюстрация:

13 июля Поб(едоносцев) завтракал у их величеств. После завтрака императрица заявила ему, что она прочитала житие отшельника Серафима Саровского, что чтение это внушило ей убеждение, что Серафим заслуживает быть провозглашенным святым, и что так как 19 июля (чрез 6 дней) празднуется день его смерти, то она желает, чтобы Победоносцев распорядился так, чтобы в этот день Серафим объявлен был святым. Тщетно Поб(едоносцев) стал объяснять, каким порядком производится такое объявление; императрица настаивала на том, что это должно быть сделано и трижды повторила свое требование.

Вслед за тем Поб(едоносцев) получил от государя записку, в которой говорилось, что, конечно, в шесть дней нельзя исполнить требование императрицы, но что провозглашение Серафима святым, должно последовать не позже 19 июля 1903 г. (!?)

Вмешательство в дела духовные, повидимому, почитается правом высшей правительственной власти. Доказательством тому служат два бракоразводные дела.

О Пистолькорсовом разводе я уже говорил здесь. Дело остановилось на том, что государь приказал чрез Поб(едоносцева) не давать развода. Теперь Поб(едоносцев) получил приказание двинуть дело, потому что «в. к. Павел Алекс(андрович) дал обещание не жениться на г-же Пистолькорс». Вследствие неопределенности сведений о том, кому и в каких выражениях дано было обещание, Поб(едоносцев) вторично испросил категорического повеления и получил подтверждение прежде сказанного. Согласно сему развод был произведен духовными властями. Любопытны некоторые при этом инциденты. Императрица Мария Федоровна, вызвав при этом Поб(едоносцева), спрашивала его, нельзя ли обойтись без развода, *припугнув* (sic) супругов Пистолькорс. В. к. В(ладимир) А(лександрович), передавая Победоносцеву письмо г-жи Пистолькорс, в котором она просит о разводе и говорит о своих детях, сказал: «ну ее дети, кто знает, какие у них отцы». Другое бракоразводное дело—Голицына. Он много лет тому назад женился на цыганке и, имея от этого брака четырех детей, развелся двадцать лет тому назад, при чем, как это обыкновенно делается, принял на себя вину в прелюбодеянии, последствием чего было запрещение нового вступления в брак. Несмотря на это запрещение, он вновь женился на какой-то гувернантке. Теперь после двадцатилетнего сожития с этой гувернанткой, он возымел желание жениться на некоей г-же Краснокутской и, чтобы освободиться от второй жены, выставляет то обстоятельство, что второй его брак недействителен, так как он не имел права его заключать. Основанное на такой аргументации ходатайство, вследствие закулисных интриг и происков, удостаивается высочайшей поддержки.

Если дела личные привлекают высочайшее внимание, то дела правительственные скользят быстро. Напр(имер): в последний свой доклад Победоносцев, сидя у государя и заметив, что приближается час завтрака, сказал государю, что в приемной ожидает министр двора Фредерикс. На это государь сказал, что у Фред(ерикса) немногочисленные дела. Вслед за Победоносцевым вошел к государю Фредерикс, но немедленно вышел из гос(ударева) кабинета, потому что ему приказано отложить доклад на неделю. При этом Ф(редерикс) рассказал, что живет у себя в деревне, на станции Сиверской, куда все подчиненные посылают ему доклады, так как он в Петербург не ездит, а лишь один раз в неделю отправляется с докладом к государю.

Сентябрь.

1. Воскресенье. Будучи в Петербурге, заезжаю к Витте. Застаю его весьма мрачным и меланхоличным. Ведение дел и положение лиц, дела ведущих, особливо министра финансов, делается все более затруднительным. Главною причиною—опять-таки все более и более резко выдающееся настроение государя, настроение, главным образом, внушенное черногорками и их протеже Филиппом. Этот, на оценке своих покровительниц, святой человек внушает государю, что ему не нужно иных советников, как представителей высших, духовных, небесных сил, с коими Филипп ставит его в сношение. Отсюда нетерпимость какого бы то ни было противоречия и полный абсолютизм, выражающийся подчас абсурдом. Если на докладе министр отстаивает свое мнение и не соглашается с мнением государя, то через несколько дней получает записку с категорическим приказанием исполнить то, что ему было сказано. В черногорско-филиппском вопросе большую роль играет денежный вопрос. Прошлою осенью Стана и Милица, находясь в Ялте, вызвали к себе Витте и стали требовать от него, чтобы он согласился на крупную денежную выдачу их отцу, черногорскому князю. Витте отвечал решительным отказом, и тогда Стана с запальчивостью сказала ему, что она заставит его раскаиваться в таком отказе. На второе приглашение Витте не поехал и остался с обеими сестрами во враждебных отношениях. Это, конечно, не помешало и Филиппу, и черногоркам получать от государя многочисленные и значительные денежные суммы, как последствие чтений и бесед о высшем, лучшем неземном мире, представителями коего они являются в придворной, развращенной среде. К этому прибавилось, что Милица объявила себя императрице начитанною и опытною в сфере акушерства, вследствие чего придворный лейб-акушер Отт был отстранен от наблюдения за здоровьем имп-цы во время мнимой ее беременности, уступая место Филиппу, доведшему дело до постыдной во всех отношениях развязки.

Сила влияния этих негодных людей проявляется ежедневно. Из множества примеров приведу один, на мои глаза наиболее поразительный.

В Париже уже много служит в качестве начальника русской секретной полиции некий Рожковский (Рачковский). Дело свое он понимает и ведет очень хорошо и еще при Александре III пользовался особым доверием высших властей и самого государя, который неоднократно вызывал его к себе для выслушания личных его заявлений. Начальник личной государевой охраны генерал Гессе поручил Рожковскому (Рачковскому) представить сведения о Филиппе. Составленная Р(ачковским) записка выяснила, что Ф(илипп) сын мясника, сам был мясником, не получил никакого образования, вздумал лечить больных, что вскоре ему было запрещено полицейскими властями; тогда он пустился в спекуляции, потерял на бирже 400 т. фр. и затем обратился к гипнотизму, как средству существования. Где-то (кажется в Дижоне) он познакомился со Станой, а затем через нее достиг и до государя. Записку Р(ачковский) представил Сипягину, который, прочитав ее, дал Р(ачковскому) такой ответ:

— Я не понимаю, почему вы представляете мне эту записку, которую я не поручал вам составлять. Предваряю вас, что ежели меня когда-либо об этом спросят, то я отвечу, что вы никогда мне ничего не представляли и я об этом ничего не знаю. Ответив вам как министр (следовало бы прибавить, доблестный), я как частный человек даю вам совет: бросьте свою записку в камин и никогда о ней не упоминайте.

Р(ачковский) представил свою записку генералу Гессе, который подал ее государю. Государь до того рассердился, ознакомившись с содержанием записки, что изорвал ее в клочки, бросил их на пол и стал топтать ногами. Отсюда началось нерасположение к Рачковскому, которое усилилось еще следующим обстоятельством: Рачковский пользуется особым расположением президента Лубе в такой степени, что в последнее его путешествие сопровождал его и жил в комнатах, отведенных президенту в Царскосельском дворце. В виду таких личных отношений Рачковскому поручено было добиться от президента дарования Филиппу патента на звание доктора медицины. Лубе созвал совет министров и объявил ему о своем желании угодить русскому императору. Министры и в особенности министр нар. просвещения, коего это предложение (касалось), заявили о полной невозможности исполнить такое требование, предвидя в случае такого исполнения парламентские запросы и вероятное падение м-ва. По доставлении такого отказа Рачковский получил приказание просить о допущении Филиппа к докторскому экзамену с рекомендациею снисходительности экзаменаторам. На это министр нар. просвещения согласился; но когда этот ответ был передан черногорским покровительницам авантюриста, то Стана объявила, что предложение это будет принято только в том случае, если экзамен будет произведен в ее комнате. На этом дело и остановилось.

Вслед за тем министр внутр. дел Плеве получил от государя записку с приказанием вызвать Р(ачковского) из Парижа. Послана была телеграмма, и Р(ачковский) явился. При всеподданнейшем докладе Плеве спрашивал приказания относительно Р(ачковского), но полу-

чал уклончивые ответы, покуда записка от государя не уведомила его, что Р(ачковского) надо убрать из Парижа. Таким образом этот трудно заменимый человек лишился своего места; русские политические в Париже агитаторы остаются без наблюдения и все из-за интриг какого-то негодяя, которого между тем наградили патентом русского доктора медицины и чином действительного статского советника, т.-е. пожалованием в русские дворяне.

Генерал Гессе, по должности начальника дворцовой охраны принимавший во всех этих переговорах участие, как слышно, испытывает монаршее охлаждение!

Все эти безрассудные дрязги возбудили неудовольствие и некоторого рода отчуждение со стороны всего царского семейства, исключая черногорок с их мужьями, да еще в. к. Николая Николаевича, всецело преданного спиритизму. Мария Фед. говорит: «C'est un crime», а в. к. Ал. Ал. выражается еще энергичнее.

Одновременно с Филиппом вошел во власть и влияние другой негодяй Мещерский. В нем император видит тень и наследие Сипягина. Мещерский по негласному высочайшему повелению объезжал некоторые губернии и представил государю записку с изложением своих впечатлений. Записка эта приходит к заключению, что все идет прекрасно, а хромают лишь два министерства: первое министерство финансов, наполненное либералами, а второе министерство в(нутренних) д(ел) со множеством ничтожных чиновников. Если разогнать эти два сборища и завести строжайшую полицию, то Россия будет вполне счастлива.

Все это, разумеется, подносится под соусом православия и самодержавия.

6. Пятница. Захожу к в. к. Владимиру Александровичу, возвратившемуся накануне вместе с государем с курских маневров, которыми очень доволен; в особенности хвалит стрелковые батальоны одесского округа. После краткого на эту тему разговора в. к. переходит к жгучему вопросу о Филиппе, о мнимой беременности императрицы и т. д. Он считает в. к. Николая Николаевича главным виновником такого сближения и передает мне бывший у него с этим двоюродным братом разговор. Во время маневров они ехали вдвоем в коляске, и В(ладимир) А(лександрович) сказал Н(иколаю) Н(иколаевичу), что считает его преступником в этом деле; что проделки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание, и что если он, Ник(олай) Ник(олаевич), в этом сомневается, то может спросить своего племянника Ольденбургского, который от Гагр на Кавказе, где он посещал отца, до самого Петербурга не слышал ничего иного, как самые нелестные для их величеств отзывы. Ник(олай) Ник(олаевич) отвечал, что, если он преступник, то готов нести голову на плаху, но что настанет время, когда все убедятся, что он не мог поступить иначе.

При этом В(ладимир) А(лександрович) рассказывает, что еще год тому назад, когда их величества приехали в Красное Село на обычную зарю, после которой должно было иметь место театральное в высочай-

шем присутствии представление, министр двора сообщил в. князю, что их величества в театр не приедут. В(ладимир) А(лександрович) убедил государя не отступать от принятого в течение стольких лет порядка. Государь приехал на самое короткое время, а затем уехал к Ник(олаю) Ник(олаевичу), где его ожидал Филипп.

Грустно то, что эти приключения не открыли глаза их величествам. Черногорки продолжают заправлять их спиритическими тенденциями. На-днях Милица сказала в. к. Сергею Алек(сандровичу), что на всю свою деятельность Филипп имеет благословение отца Иоанна Кронштадтского, к которому он и ездил в Кронштадт. Сергей Ал(ександрович) вызвал к себе этого Иоанна, который категорически заявил, что Филипп у него никогда не был, а что он видел его один раз в Знаменском у Милицы, при чем они разговаривать не могли, так как Филипп не говорит по-русски, а Иоанн не говорит по-французски, так что свидание это прекратилось весьма скоро предложением итти всем в церковь молиться.

Все это произвело великую рознь в семействе, которое после тщетных усилий убедить государя почти всецело отшатнулось от него, и он сохранил близкие отношения лишь с двумя черногорками, их мужьями, да Николаем Николаевичем.

22. Воскресенье. После четырехнедельного пребывания сначала в Царском Селе, а потом в Петербурге, при беспрерывном дожде, сильном ветре и чувствительном холоде, поставлен в необходимость вернуться на юг, чтобы запастись здоровьем на зимний законодательный в госуд(арственном) совете сезон. Глубоко грустные впечатления о временах, переживаемых отечеством, увожу с собой. Благодаря ничем не сдерживаемому чиновничьему произволу, бессмысленным бюрократическим фантазиям, регламентации, доходящей до комизма, отсутствию всякой здравой, предварительно обсужденной политики, капризному вмешательству в дела, а в особенности в выборы людей императриц, великих князей, княжен и окружающей их толпы негодяев, русский народ все более и более приходит в угнетенное, бедственное положение. Терпение его ослабевает, почва для анархии делается все более и более плодотворной. Юный царь, которому отовсюду напевают, что спасение в самодержавии, неверно понимает эту глубокую истину и дает России не царское, а чиновничье самодержавие. Россию ожидают великие бедствия.

Декабрь.

После трехмесячного пребывания в Монте-Карло и окончательного освобождения от припадка подагры, 25 декабря садимся в вагон, чтобы возвратиться в Петербург.

В Вене, по приглашению встретившего нас на станции посла Капниста, едем обедать к нему. Его жена (р. Стембок-Фермор), сверстница и приятельница моих дочерей, весьма милая женщина; дом содержится на большую ногу, хотя не отличается вкусом украшения и убранства, обязанных происхождением герцогу Нассаускому. В непродолжитель-

ном с Капнистом разговоре выслушиваю от него приблизительно следующее: приезд в Вену Ламздорфа, мин. и(ностранных) д(ел) имел благотворные последствия для устранения угрожавшей опасности усложнений на балканском полуострове, но такое устранение, конечно, лишь временное. Все эти славянские братушки уверены, что Россия поддержит их в случае кровопролития между ними и турками. Фердинанд болгарский в состоянии положить несколько тысяч своих солдат, чтобы заставить Россию, в которой поднимется журнальный и всякий иной крик, притти на помощь Болгарии. Наше вмешательство повлечет за собой вмешательство Австрии, и чем может кончиться подобная ссора, того предвидеть невозможно. К тому же петербургское правительство считает себя одного имеющим «политику». Все остальные державы, по мнению, нами выражаемому, предаются лишь козням, интригам и заговорам. Разумеется, русская военная сила устрашает наших соседей, они уступают нашим подчас весьма резким и бесцеремонным требованиям, но, конечно, такие уступки умножают горечь, которая может разразиться враждебными действиями при первом удобном случае. Во всяком случае, положение далеко не твердое, а могущее ежечасно надвинуть усложнения и даже военные бедствия.

Отобедав у Капнистов, возвращаемся в 9 ч. вечера в поезд. На другой день встречаем в Варшаве сына Петра, приехавшего туда для служебных дел, а в субботу в $11^1/_2$ час. достигаем Петербурга.

В этот день празднуется в помещении комитета министров столетие учреждения министерств. Государь приезжает туда для молчаливого выслушания данной им комитету грамоты. Точно так же, как и в столетний юбилей гос(ударственного) совета, никто из присутствующих не слышит ни единого милостивого царского слова. Различие лишь в том, что гос(ударственному) совету было заранее объявлено, что никто никакой награды не получит, тогда как здесь «доблестный» Иван Николаевич Дурново получил Андреевскую ленту.

Забавно между этими двумя юбилеями празднование юбилея пажеского корпуса, на который был высыпан дождь выражений монаршего благоволения и в любезных словах и всяких иных формах. Еще забавнее, что всем получившим воспитание в пажеском корпусе разрешено носить мальтийский орден. В этот же день управляющий делами комитета министров Куломзин назначен членом государственного совета. Человек он в итоге не дурной, но вполне посредственный и весьма низкопоклонный.

Из Мариинского дворца заходит к нам в. к. Владимир Александрович. Постарел на десять лет. Удручен семейными горестями, из коих упоминает лишь одну: похождения Павла Александровича. Оказывается, что предполагая, что Павел Ал(ександрович) дал формальное обещание не жениться на Пистолькорс, Владимир Александрович ручался перед государем, что этого не будет, а вместо того оказалось, что заявление Павла об отсутствии намерения жениться было сделано в уклончивой форме, и Павел счел себя в праве бесцеремонно отступить от такого заявления. В. к. говорит, что находился в крайне меланхолическом настроении, для рассеяния коего и ездил в Париж, где провел

время в охотах, обедах, смотрении выставок, магазинов, театральных представлений, что и достигло желанной цели. Еду расписываться у в. к. Михаила Николаевича, но узнав, что он сидит один в своем кабинете, вхожу к нему, несмотря на то, что одет в весьма неофициальную куртку. Разговор бессодержательный: погода, здоровье его и членов семьи, вскользь упоминается гос(ударственный) совет. Входит его старший сын Николай с отличающим его резким, задирательным, отзывающимся сплетней и интригой разговором. Рассказывает, что из окон яхт-клуба видел, как Михаил Николаевич ехал в комитет министров на торжество. Тут же находился в. к. Николай Николаевич, который высказал сильное неудовольствие на то, что он не был приглашен, тогда как в. к. Константин Константинович и Дмитрий Константинович были в числе приглашенных. Мы с Мих(аилом) Ник(олаевичем) стараемся объяснить ему, что Константин был приглашен как начальник отдельного управления военно-учебных заведений, а Дмитрий как главноуправляющий госуд(арственным) коннозаводством.

От в. к. заезжаю к Палену, который сидит дома по нездоровью. Он глубоко сокрушается о том, как идут дела, и о том, какие люди ими заправляют. Юного царя совсем сбили с толку внушениями о необходимости единственною основою управления принимать самодержавие.

— На-днях,—говорит Пален,—мне пришлось поставить одному из влиятельнейших лиц такой вопрос: находите ли вы, что правительство есть цель, или средство? Собеседник Палена призадумался и отвечал:—Да, конечно, если смотреть на дело с этой точки зрения, то, конечно, самодержавие... и т. д.

29. Воскресенье. Еду к министру иностранных дел в здание министерства, где празднуется столетний юбилей учреждения м-ва. Начинается с молебна, а вслед за тем идут завтракать в залах министерской квартиры. Сидящий возле меня Сабуров провозглашает тост за здоровье министра и вслед затем предлагает ему поступить в члены нового клуба. Принятие Ламздорфом этого предложения вынуждает меня ехать к председателю гр. Павлу Сергеевичу Строганову, который с вывихнутой рукой сидит в своем наполненном картинами доме на углу Сергиевской и Моховой улиц. Поговорив с полчаса о художественных коллекциях и вообще художественном движении в Европе, отправляюсь к старикам Бобринским и по дороге останавливаюсь у И. Н. Дурново, чтобы осведомиться о его здоровьи, но, к невеликому с моей стороны удовольствию, меня приглашают. Этот мудрый и доблестный муж старается меня уверить, что страдает гастрическим расстройством, но при этом выражает удивление тому, что правая рука слушается его, а левая не исполняет его желаний. Очевидно, что он разбит параличем, и что Россия освобождается от его услуг.

Бобринского нахожу тоже не в блестящем положении. Он страдает все усиливающимися припадками удушья, знаменующими в глазах моих приближение конца. Высоконравственный, безукоризненно честный, благородный человек.

30. Понедельник. В общем собрании государственного совета утверждение сметы государственных доходов и расходов на 1903 г. При рассмотрении сметы этой в департаменте государственной экономии высказано опасение, что продолжение теперешней политики министра финансов должно привести нас к разорению. Присутствую в о. собрании. Витте д(олжен) б(ыл) произнести речь, представляя объяснения к смете и, конечно, также на заключение департамента экономии. Он умно повернул дело иначе и высказал полное согласие с заключением д-та экономии, подтверждая, что налоги достигли таких размеров, что умножать их невозможно и, следовательно, и невозможно увеличивать расходы; что бюджет в течение десяти лет с одного миллиарда достиг двух миллиардов, и, несмотря на то, не перестают возникать новые требования, кои, по сделанному им, Витте, в присутствии государя императора подсчету, достигают ежегодной прибавки в 250 миллионов рублей; что так продолжать невозможно, и что он, Витте, весьма желал бы, чтобы г.г. (господа) министры приняли решение не умножать расходов. Одной из главных опасностей для государственного бюджета он выставлял постройку стратегических железных дорог, кои доход от эксплоатации железных дорог, дававший 40 милл. р. дохода, превратили в 45 м. р. дефицита по этой статье. Куропаткин возражает весьма неубедительно, Витте отвечает ему весьма сильно; Лобко поддерживает довольно бесцветно необходимость соблюдения бережливости. Обо всем этом решают представить государю специальный журнал.

Новыми членами госуд. совета назначаются: сенатор Фукс, почтенный, но бесцветный чиновник; Петров—начальник почтового управления и притом очень плохой начальник; на место Куломзина, также перешедшего в совет, назначается Нольде, бойкий, способный товарищ Танеева.

Заезжаю к Витте, нахожу его в мрачном настроении. Вести дела все труднее и труднее. Государь почитает себя непогрешимым и долженствующим действовать по своим личным вдохновениям, в чем и выражается самодержавие!.. Последствием этого—невозможные в смысле государственного управления выходки. Напр., перед отъездом Витте из Либавы государь спросил его за завтраком его мнение об учреждении особого главного управления по делам судостроения и судоходства. В(итте) отвечал так: это было бы все равно, что отрезать от цельного организма отдельный орган, напр., от человеческого тела один палец, и желать, чтобы он жил самостоятельной жизнью. Г(осударь) замолчал. Вслед за тем Витте уехал, но тотчас по прибытии в Петербург фельдъегерь привез ему из Либавы указ об учреждении для Александра Михайловича главного управления по делам судостроительства!.. Другой образчик проявления самодержавных воззрений. Настало время празднования столетних юбилеев учреждениям императора А(лександра) I. Праздновали юбилей госуд(арственного) совета, комитета министров. Ни на том, ни на другом государь не открыл рта, но между этими двумя юбилеями пришлось праздновать юбилей пажеского корпуса. Здесь послышались от государя любезности, посыпался

ряд чрезвычайных наград, последовали дворцовые приемы, многоразличные торжества. Не ясно ли, что государственные советники—неприятные в исполнении самодержавных импровизаций (большей частью случайно нашептанных), а пажи—слепые исполнители каких бы то ни было приказаний; а что, следовательно, насколько последние заслуживают всякой симпатии, настолько первые ни на какое сочувствие права не имеют.

Разговариваем и о «совещании». Взгляды Витте делаются все более и более разумными. Пройдя практическую школу на министерском кресле, он отступает от литературно-канцелярского поклонения всяким общиннническим бредням и более и более с каждым днем убеждается, что без твердо обеспеченного права собственности не могут успешно жить и работать никакие гражданские общества. Между прочим выражает мысль, что в настоящее время следовало бы восстановить действие 165 ст., т.-е. предоставить каждому крестьянину право выкупать в полную собственность свой надел. Витте убежден, что с уничтожением круговой поруки, уничтожается общинное владение. Журнал гос(ударственного) совета об этом мероприятии лежит с весны у государя, который не решается ни утвердить его, ни отвергнуть, а обещал Витте собрать на-днях совещание для выяснения долженствующего быть принятым решения.

31. Вторник. Обычный еженедельный завтрак с главами нашего училищного управления: Боткин, Котов, Бобринский. Обсуждение текущих дел. Наши филиальные учреждения. Счастливое для нас удаление Ковалевского, который требовал нахально от нас денег на выдумываемые им посторонние нашим целям учреждения, Тимирязевым, человеком и культурным, и нравственно порядочным.

В 2 часа—у «глубокомудрого» гр. Шереметева, празднующего двадцатипятилетие основанного его тестем кн. Павлом Петровичем Вяземским Общества любителей древней письменности. Шереметев читает отчет, т.-е. перечисление напечатанных Обществом документов, а затем представители разных обществ и учреждений, не исключая какого-то клуба, именующегося «русским», читают свои поздравления и пожелания. Ребяческое чванство и комичное самолюбие. Избегая во всем этом участвовать, я, в качестве учредителя Общества, дал Шереметеву 6 т. р., но ни одного раза не б(ыл) на заседаниях Общества, а сегодня удаляюсь от торжественно официального стола, усаживаюсь в качестве зрителя и слушателя с дамами, возле хозяйки, которую знал ребенком.

В 4 ч. приходит ко мне Коковцев. Его разговор, как, впрочем, и он сам, ничего выдающегося не представляет. Между прочим рассказывает, что м. ю. Муравьев на последнем докладе просил государя назначить членами госуд(арственного) совета сенаторов Фукса и Таганцева, но государь довольно жестко отвечал ему, что право назначения членов государственного совета принадлежит исключительно ему, что он не уступает его никому, не исключая председателя совета в. князя Михаила Николаевича. Вообще это самодержавствование получает тревожные размеры. Образчиком тому служит обращение с

в. к. Павлом Ал(ександровичем), который почитался любимым дядею императора. Я не стану говорить об исключении из службы. Его приравняли к в. к. Мих., Мих., когда, быть может, следовало сделать менее огласки; но вопиющим представляется распоряжение о личном его имуществе. Павел Ал(ександрович) получил в наследство от отца 3 милл. рублей. Будучи весьма бережливым, чтобы не сказать скупым, он умножил этот капитал до цифры 7 м. Три миллиона он успел перевести за границу, а после свадьбы с Пистолькорс он захотел перевести и остальные 4 миллиона, но государь не только воспротивился такому распоряжению, а даже приказал не давать ему и процентов с этого капитала. Напрасно министр двора Фредерикс старался доказать ему незаконность и несправедливость такого распоряжения; государь отвечал ему, что это его семейное дело, подлежащее его личному решению. Фредерикс просил выслушать мнение императрицы, но она, прослушав доклад Фредерикса, сказала:

— Mon opinion est que l'Empereur peut faire ce qu'il veut.

1903 г.

Январь.

1. Среда. Выход в Зимнем дворце. У императора вид усталый-измученный, быть может, отчасти вследствие боли, причиненной нарывом в ухе; взгляд его совсем не прежний, чувствуется жестокость и подозрительность, коих прежде не было. Императрица вдовствующая, или, как ее в последнее время стали прозывать, «злобствующая», сняла траур и заменила серые, фиолетовые одеяния категорически голубым платьем. Молодая императрица шествует с германским наследным принцем в красном бархатном платье с весьма грубой и неизящной вышивкой. Никаких сенсационных новостей, милостей не слыхать. Членами госуд(арственного) совета назначены: Фукс, сенатор д-та сената, тот самый Фукс, в назначении коего государь отказал министру юстиции, и который попал, вероятно, вследствие дружеских сношений с Плеве, которому он мог понадобиться и для того, чтобы провести начальника почтового управления Петрова—дутую бездарность. Князю Вяземскому, который напомнил о себе поднесением на высочайшее благотворительное благораспоряжение свое жалование, разрешено снова присутствовать в совете. При этом надо вспомнить, что два года тому назад государь делал ему строгий выговор, прочитанный во всех ротах и эскадронах русской армии, сказал, что никогда не простит ему, что он солгал ему, государю, а когда в особом совещании, судившем Вяземского, было решено сделать ему строгий выговор, то кто-то из членов сказал, что после получения выговора Вяз(емский), конечно, подаст в отставку, то в. князь Алексей Ал(ександрович) сказал: такой негодяй никогда об отставке просить не будет.—Можно думать, что для таких людей всегда готово место в высших правительственных сферах.

На выходе Витте получает очень лестный рескрипт. Подойдя к кучке членов совета, в которой находился и я, Витте выражает свое по поводу рескрипта удовольствие, а затем на вопросы о его путешествии в Маньчжурию заявляет, что для отвращения висящих над нами там бед нам следует убираться оттуда во что бы то ни стало как можно скорее. Относительно сибирской жел. дороги В(итте) (специалист по железнодорожному делу) заявляет, что участок между Томском и Иркутском на протяжении 780 верст построен так, что его нужно целиком перестроить и что даже путешествовать по нем теперь представляет серьезную опасность.

Узнав о болезни в. к. Владимира Александровича,еду к нему, но получаю от врача его С. С. Боткина успокоительные известия.

2. Четверг. Пишу в. к. Алексею Александровичу записку с просьбой назначить заседание состоящего под его председательством совещания для обсуждения вопроса о передаче нашему училищу центральной части Соляного Городка.

3. Пятница. Заезжаю узнать о положении В(ладимира) Ал(ександровича), больного воспалением легких, но благодаря вражде ко мне его супруги, мне не удается его видеть. Осматриваю выставку ученических работ в нашем ученическом училище. Дело растет и двигается несмотря на косность среды, в коей приходится трудиться. В новом клубе баллотируется министр иностранных дел Ламздорф не без опасности быть забаллотированным. Приезжает наследный германский принц.

4. Суббота. Заседание д-та законов. Голицын с большою развязностью и небольшим красноречием настаивает на учреждении батумской области. Почтенный, добросовестный труженик Череванский отвергает необходимость такого учреждения, особливо ввиду последнего заседания о(бщего) с(обрания) совета, в коем установлена необходимость крайней бережливости. Фриш не обращает внимания на заявление Чер(еванского) и хочет перейти к рассмотрению представления Голицына по параграфам. Я настаиваю на необходимости иметь всегда в виду постановление о(бщего) с(обрания), выраженное в отдельном журнале, государю представленном, и соглашаюсь на рассмотрение представления Голицына, только ввиду заявлений м(инистров) и м(инистерства) ф. и в. д., его поддерживающих, и в качестве особого исключения. Все это требую записать в журнал, что заставляет морщиться храброго председателя.

5. Воскресенье. В 10 час. у Плеве в роскошно убранных Сипягиным палатах кочубеевского дворца, что на Фонтанке близ Летнего сада. Разговор между нами приблизительно следующий:

Я.—Я приехал к вам, чтобы слышать от вас ваше мнение о том, в каком положении мы теперь находимся.

П(леве).—По моему мнению, положение серьезное, но небезвыходное. Конечно, нельзя пренебрегать тем, что в России, за исключением небольшего числа людей, получающих значительное содержание и имеющих случай быть удостоенными высочайшей улыбкой, все население поголовно недовольно правительством. С этим надо считаться, и изменить это желательно, но, к сожалению, в средствах к достижению такого изменения нет никакого согласия между министрами. Необходимо было бы некоторое объединение основных взглядов, но этого достигнуть невозможно. Мне удается заключать с своими сотоварищами отдельные сепаратные договоры, которые стесняют мою деятельность, ставят меня в затруднительное положение по отношению к остальным коллегам, но не достигают цели объединения правительственной власти. Конечно, прежде всего министру внутр. дел следовало бы итти дружно с м(инистром) ф(инансов), но Витте такой человек, с которым для меня это трудно. Прежде всего наши характеры столь различны. Он так реши-

телен, быстр в исполнении своих взглядов, я же по натуре чрезвычайно осторожен и потому медлителен. Я, по русской пословице, десять раз примерю, прежде чем отрезать.

Я.—Но, может, довольно примерять и три раза вместо десяти.

Стараясь возвратить разговор на почву деловитости, удаляясь от личностей, я высказываю мысль, что за последние месяцы произошло в России приблизительно то же, что на первых порах деятельности Лорис-Меликова,—чрез состоящую под его председательством верховную комиссию,—произошло некоторое ослабление натянутости, созданной безумным Сипягиным. Значительную в этом роль играет обильный урожай, но, конечно, и мероприятия, как возвращение из ссылки множества невинных и маловинных лиц, сделанные местным людям сельскохозяйственным совещанием запросы и т. п. Все это открыло клапан для сгущавшегося пара, угрожавшего взрывом, но этим необходимо воспользоваться.

П(*леве*) отвечал:

—Без сомнения, необходимо выказать правительственное воздействие, которое в течение последних тридцати лет в России не существовало, несмотря на то, что для десятков миллионов людей подвластных правительству накоплялись новые интересы, новые потребности, требовавшие направления, урегулирования. Мне говорил И(ван) Н(иколаевич) Дурново, что вы ему высказывали обо мне такое суждение, что я социалист, которого к серьезному госуд(арственному) делу не следует подпускать.

Я.—Никогда я с Д(урново) о вас не говорил. Это человек, которого я презираю, потому что он всю жизнь кувыркался перед властными людьми, чтобы достигнуть высокого положения.

П(*леве*)—Он очень добрый человек.

Я.—Быть может, но я и не говорю, что он зол; говорю только, что он не заслуживает никакого уважения.

После новой попытки с вопросов личных вернуться к вопросам принципиальным и сказать мне, какая же программа, по его мнению, должна бы быть принята правительством, П(леве) снова парирует атаку словами:

— Я знаю, А(лександр) А(лександрович), что вы индустриалист.

На это я отвечаю, что тут опять недоразумение, что я ничуть не приверженец исключительно той или другой отрасли человеческого труда, но что я считаю необходимым дать людям возможность трудиться свободно, по их собственному (побуждению), не возлагая на правительство обязанность учить население тому, что и как они должны делать, обеспечивая им неприкосновенность права собственности, защиту от произвола и возможность пользоваться плодами честного труда на каком бы то ни было поприще, не исключая и промышленности, и не становясь нисколько на точку исключительного поощрения индустриализма.

Разумеется, коснувшись промышленности, разговор опять переходит на Витте и его недостатки, как госуд(арственного) деятеля. В итоге разговор этот подкрепляет мое мнение о Плеве: это человек ум-

ный, в деле полицейском опытный и в этом видящий спасение, чуждый ясным и светлым идеалам, ограничивающийся в государственной деятельности второстепенными маневрами, а еще более личными комбинациями. Его девизом может служить извращенная английская поговорка: man no mesures.

6. Понедельник. Крещенский выход в Зимнем дворце. Повинуюсь объявленному повесткой приказанию туда ехать, думая отделаться одним поклоном проходящему высоч(айшему) шествию, но членов государственного совета оказывается так мало, что поневоле отстаиваю обедню. Мне удается напасть на в(еликого) к(нязя) Алексея Ал(ександровича) и напомнить ему о необходимости созвать совещание о Соляном Городке. Во все время обедни он не находится в церкви, а уходит курить куда-то. То же самое с половины обедни делает Николай Николаевич. Подобное публичное нарушение элементарных великокняжеских обязанностей я вижу в первый раз.

Заезжаю к Победоносцеву, который непрерывно вздыхает о всем происходящем. В особенности негодует на приказание возвести в святые Серафима. Такое святопроизводство к празднику, выдуманное этими вредоносными черногорками и подкрепленное дармштадской принцессой, может наделать много хлопот. На первый раз уже отпущено 150 т. рублей на празднование этого торжества. На мой вопрос Победоносцеву, примет ли он председательство в комитете м(инистро)в, если таковое будет ему предложено, П(обедоносцев) утверждает, что откажется, прибавляя, что одним из главных поводов уже будет желание сохранить роскошную занимаемую им квартиру, т.-е. дом на Литейной улице, некогда принадлежавший Нарышкину и памятный блестящими праздниками.

Державин мог бы сказать:

Где пиршеств раздавались крики,
Там ныне сонм поповской клики.

7. Вторник. Еженедельный училищный завтрак. На выставке ученических работ небывалый прилив посетителей. Германский наследный принц простудился и захворал. Его желание было потанцовать на придворном бале, но государь отказал удовлетворить желание на том основании, что до большого трехтысячного бала, назначенного на 15 число, не будет в Зимнем дворце танцовальных увеселений. Таким образом, принцу пришлось веселиться в стенах германского посольства, но и тут встретилось затруднение. Германский император приказал своему послу Альвенслебену непременно познакомить поближе принца с Витте, коего он считает выдающимся госуд(арственным) человеком, а между тем в прошлом году императрица Мария Федоровна прислала сказать княгине Абамелек, что в(еликий) к(нязь) Михаил Александрович не приедет к ней на вечер, если будет рисковать встретить там жену Витте. Ввиду таких трудностей Альвенслебен решил дать обед всем министрам с их женами и пригласить на этот обед наследника, а вслед затем дать в честь наследника без приглашения на этот бал жены Витте.

Государь незадолго до переезда в Петербург захворал болями в ухе. Вызванный в Царское Село специалист Симановский застал государя кричащим от боли и немедленно прописал успокоительное средство, но каково было его удивление, когда камердинер отказался сходить в аптеку и, несмотря на продолжавшиеся крики больного, утверждал, что это дело не его, а какого-то солдата.

На-днях император был с визитом у своей матери в Аничковом дворце. Присутствовавшая при этом датчанка, знающая его с детства, сказала ему, что императрица была приятно поражена любезностью своих внучек. На это Николай Александрович рассеянным тоном отвечал: Mais mes enfants ne sont pas farouches.

На 11 февраля назначен костюмированный бал в русских костюмах петровского времени.

8. Среда. Рассмотрение проекта межевого устава. Дело тянется с 1865 г. Писавший настоящий проект Шамшин настаивает на его принятии, а Герард, председательствующий в соед(иненных) д(епартаментах) хочет снова возвратить его. Германский принц захворал простудой. Его любезное, внимательное, предупредительное обращение располагает всех в его пользу. Сидя за обедом возле императрицы Марии Федоровны, он сообщил ей, что отправляется в Новгород посетить Выборгский полк, коего шефом состоит его отец. При этом он спросил свою соседку, бывала ли она в Новгороде и на отрицательный ее ответ, предложил ей отправиться туда вместе. Мысль поехать в свите принца очень позабавила Марию Федоровну. Вечером заезжает ко мне проф(ессор) Платонов, с которым толкуем о своих исторических интересах. Между прочим он упоминает о своих занятиях с в(еликой) к(няжной) Ольгой Александровной и Михаилом Александровичем. Описывает их характер так: Ольга необыкновенно прямодушна, искренна, ненавидит ложь и всячески протестует против лицемерной, условной жизни, ее окружающей. Исходя из весьма чистого источника, такое настроение, конечно, приводит часто к столкновениям и недоразумениям. Михаил Ал(ександрович) имеет чрезвычайно сильную волю и без торопливости, с неуклонной твердостью достигает раз намеченной цели. К сожалению, умственно ленив, пристрастен ко всякого рода механическим трудам и произведениям, да еще к лошадям и вообще спорту. Говоря о своих гатчинских поездках, Платонов упоминает о двух шкафах, хранящихся там и запечатанных императрицей М(арией) Ф(едоровной) для сохранения находящихся в этих шкафах бумаг. Быть может, бумаги эти ни что иное, как мои десятилетние донесения имп(ератору) А(лександру) III о делах гос(ударственного) сов(ета), донесения, коих, по отзыву Марии Федоровны, невозможно было отыскать, тогда как А(лександр) III незадолго до смерти говорил мне, что они хранятся в гатчинском его кабинете.

9. Четверг. Заседание д(епартамен)та экономии. Товарищ министра финансов Алексей Оболенский защищает представление о разрешении министру финансов делать практические в больших размерах опыты употребления денатурализованного спирта. Совет отказывает в таком разрешении на том основании, что изобретение еще не сделано оконча-

тельно. Такой отказ основан более на возбужденной Витте против себя ненависти, чем на серьезном отношении к изобретению, которое могло бы иметь весьма значительные результаты для нашей зерновой производительности. Из совета еду навестить хворающего Фриша. Этот трудолюбивый, но съедаемый честолюбием чиновник страдает легкими и при теперешних морозах не выходит из плевритов, воспалений и т. п., страшно хворает, но крепко держится за свое председательское кресло, дающее ему возможность доставлять разные чиновные выгоды и его детям, и другим родственникам.

10. Пятница. Завтрак с Шванебахом, вновь назначенным представителем м(инистерства) финансов в совете нашего рисовального училища, коего финансы, впрочем, находятся в блестящем положении. Из 6 мил(лионов) я сделал $10^1/_2$, не считая постройки музея, обошедшегося почти 2 м., и наполнения его предметами, представляющими ценность в 5 или 6.

Бал у в(еликого) к(нязя) Михаила Николаевича в честь германского принца, сначала в честь его назначенный, потом отмененный и затем снова заказанный.

(*Продолжение следует.*)

Бакунин пред австрийским судом.

(Материалы из архива б. III отделения.).

Доклад аудитора майора Франца военному суду, публикуемый нами, детально освещает расправу, учиненную австрийским правительством над Михаилом Бакуниным. Доклад этот и был тем следственным материалом, который послужил обвинительным актом для вынесения приговора. К этому донесению дополнениям и являются: 1) письмо Михаила Бакунина из Дрездена от 30 апреля 1849 г., имеющее обращение: «дорогие и уважаемые друзья»; [1]) 2) письмо его же, подписанно «ваш Максимилиан»; 3) протокол военного суда в Ольмюце от 15 мая 1851 года и 4) Приговор, вынесенный военным судом в Ольмюце.

Перечисленные документы находятся в Центрархиве в делах б. III отделения—в копиях, написанных на немецком языке и заверенных майором и аудитором Иосифом Францем, производившим следствие [2]). На копиях, публикуемых нами, имеются собственноручные подписи Франца, скрепленные сургучными печатями военного суда.

Когда в России получилось первое известие об аресте Бакунина, русское правительство принялось хлопотать об его выдаче. Но прошло целых два года, пока хлопоты эти увенчались успехом. Пленник прошел через саксонское и австрийское судилища, оба раза приговорившие его к смерти и оба раза «в порядке милосердия», как выражается генерал-майор Клейнберг, даровавшие ему жизнь для того только, чтобы предоставить возможность правительству Николая I в третий раз проделать над ним судебно-карательную операцию.

В ожидании, когда закончатся судебные мытарства пленника в Саксонии и Австрии, русское правительство весьма интересовалось обстоятельствами дела своего неверного подданного, и барон Мейендорф, чрезвычайный царский посол в Вене, «выразил желание» кн. Шварценбергу, председателю совета министров и министру иностранных дел Австро-Венгерской монархии—прислать ему для ознакомления материал по делу Бакунина. Удовлетворяя это желание, кн. Шварценберг при письме от 23 июля 1851 года направил ему «важнейшие акты процесса, возбужденного против Михаила Бакунина по обвинению в государственной измене»,—те самые, которые мы ныне публикуем и которые немедля были переотправлены в Петербург.

Письмо Шварценберга, написанное по-французски, вместе с документами было доложено Николаю, который на письмо наложил резолюцию:

«Вели здѣлать мнѣ подробную выписку».

Эта «подробная выписка» была сделана. Она представляет собой очень краткое изложение основных частей следственного материала [1]). Этим кратким изложением пользо-

---

[1]) Воспроизведено в книге Ю. М. Стеклова «М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность» т. I. Изд. И. Д. Сытина, стр., 267.

[2]) Архив III отделения собственной его императорского величества канцелярии. «Об отставном прапорщике Михаиле Бакунине. Часть 2-я. О передаче его австрийским правительством в наши пределы и о заключении в крепость». 1843 г. 1-й экспедиции, № 116.

вались в своих работах как автор названной только что в примечании книги, так и Ю. М. Стеклов (указан. соч. т. I).

Значение публикуемых документов для изучения Михаила Бакунина огромно. Мы имеем здесь материал, характеризующий поведение Михаила Бакунина на суде; имеем показания самого Бакунина, рисующие его как революционера вообще и как идеолога славянского освобождения, в самый ответственный момент его революционной деятельности первого периода; характеристика этого периода дана Бакуниным позднее в «Исповеди»,—и публикуемые документы позволяют сопоставить оба эти свидетельства, возникшие в обстановке совершенно различной. У нас оказывается возможность, таким образом, проверить некоторые показания «Исповеди»; узнаем затем некоторые весьма существенные частности его революционных предприятий (организация, например, тайного революционного комитета в Праге, незадолго до дрезденского восстания); большую ценность имеют показания других подсудимых—соучастников Бакунина. Мы получаем его характеристику, сделанную третьими лицами, вместе с ним и под его руководством принимавшими участие в движении.

Мы не будем в этом кратком предисловии производить работу по сличению показаний Бакунина, данных на следствии в Австрии, с повторенными позднее в «Исповеди». Заметим лишь, что в общем они совпадают. В этом смысле печатаемые материалы устанавливают ценность «Исповеди», как исторического источника в тех ее частях, где Бакунин излагает события своей революционной деятельности и планы организации славянской революции. Мы получаем, наконец, документальное свидетельство, устанавливающее факт подачи Бакуниным прошения о помиловании саксонскому королю. До сего времени мы знали об этом со слов Герцена [2]). Но это указание автора «Былого и Дум» не могло почитаться абсолютно достоверным. Сам Бакунин об этом обстоятельстве не упоминал.

Любопытна стремительность, с которой было произведено судилище над Бакуниным. Вначале он был включен в общее число подсудимых по процессу о пражском восстании, вместе с другими участниками восстания. Этот процесс происходил вПраге, и следствие вел тот же аудитор майор Франц. Но в виду опасений, явившихся у австрийского правительства насчет сохранности Бакунина, его из Праги перевели в Ольмюц, и дело о нем было выделено. Следствие, которое производил в Ольмюце майор Франц, затянулось и закончено им еще не было, когда 11 мая военное министерство приказало начать военный суд «безотлагательно 15 мая». Приказ был исполнен в точности. 15 мая был представлен военному суду Kriegsrechts-Vortrag, наспех составленный Францем; в тот же день открылось заседание суда «в полном составе», прочитан обвинительный акт, выслушаны показания подсудимого и всех свидетелей, подписан протокол суда, и вынесен приговор, присуждавший Бакунина к смерти. Военно-полевая быстрота, с которой была решена участь подсудимого, говорит о том, что все разбирательство было комедией, стыдливо прикрывавшей еще до суда заготовленное решение. У нас имеется и косвенное указание на это. 7 марта 1851 г., т.-е. еще до окончания следствия, гр. Нессельроде со слов австрийского министра-президента, сообщил гр. Орлову, что Бакунин, «по всей вероятности», будет приговорен уголовным судом к смертной казни «в конце нынешнего марта-месяца». Штрих, не лишенный некоторого колорита.

---

[1]) Воспроизведена в книге Вяч. Полонского «Бакунин».—Из истории русской интеллигенции, т. I, примеч. 101 на стр. 386.

[2]) См. собр. соч. и писем Герцена под ред. М. К. Лемке. т. VI, ст. «Михаил Бакунин» стр. 483. См. также «Былое» 1907 г. июль, «Письмо к Мишле».

Доклад военному суду.

(Kriegsrechts-Vortrag).

Для вынесения приговора русскому подданному Михаилу Бакунину.

Последний, согласно его собственного показания, родился в Торжке, Тверской губернии, в России, в 1814 году, христианского вероисповедания греческой церкви; 14-летним мальчиком поступил в артиллерийскую школу в С.-Петербурге, где оставался до 1831 или 1832 года, вышел оттуда артиллерийским офицером, служил таковым два года, затем вышел в отставку по прошению и посвятил себя литературе, живя все еще в России. В 1840 году он отправился в Берлин, занимался там историей и философией в продолжение двух лет, затем путешествовал по Германии, Швейцарии, Бельгии и, в конце концов, поехал во Францию, где и жил с 1844 года, решив не возвращаться более в Россию. В конце 1847 г. он был выслан тогдашним министром Гизо, повидимому, по просьбе русского посла, за какую-то речь, которую он произнес в Париже в собрании французов и поляков, происходившем ежегодно со времени польской революции, в ее годовщину. Он тотчас же направился в Брюссель, где оставался до начала Парижской февральской революции 1848 года и затем снова вернулся в Париж. В конце марта 1848 года он оставил опять Париж, намереваясь отправиться в Познань вместе с направлявшимися туда молодыми поляками; в этом намерении будто бы ему помешало прусское правительство, не разрешившее ему в Берлине дальнейшее путешествие в Познань, но позволившее ему отправиться в Бреславль, где он затем и стал жить. В мае 1848 года он отправился в Прагу на состоявшийся там Славянский Конгресс, членом которого он, по его словам, стал, и состоял в польской секции; он уверяет, однако, что он добивался на этом Конгрессе лишь соглашения и единения славян между собою, признаваясь в то же время, что его л и ч н о е стремление клонилось к объединению австрийских славян с поляками, для освобождения Польши, как ближайшей цели, а посредством нее—освобождения России, а также с целью противодействовать находящейся в Праге панславистской партии и чтобы убедить ее не рассчитывать на русское правительство. Славянский Конгресс в Праге был, как известно, прерван июньским восстанием, во время которого Бакунин покинул Прагу, возвратился в Бреславль и жил частью там, частью в Берлине до осени 1848 года, когда он был выслан из Пруссии ее правительством. Затем он направился в Кётен, где написал известную брошюру «Воззвание к славянам»; на эту брошюру, а также на

другое свое воззвание к славянам, написанное во время вступления русских в Австрию в 1849 году, он ссылается, говоря о своих политических взглядах и намерениях, присовокупляя, что они выражены там вполне открыто. В последних числах декабря 1848 года он уехал из Кётена и отправился в Лейпциг, где скрывался и жил частью в гостинице «Петух», частью у книгопродавца Шрека. — По его словам, он отправился в конце февраля или в начале марта в Дрезден, так как считал будто бы свое пребывание в Лейпциге опасным из-за своих брошюр; в Саксонии же он надеялся быть в безопасности, благодаря своим друзьям в Дрездене; он особенно желал этого, по его словам, оттого, что он оттуда легче мог наблюдать за положением в Богемии, Венгрии, Польше и России. В Дрездене он оставался до начала мая 1849 года, когда там разразилось восстание, скрываясь там все время. После своего участия в этом восстании, он был арестован в Хемнице, выдан королевской саксонской судебной власти и, по приговору апелляционного суда в Дрездене, приговорен к смертной казни за государственную измену; этот приговор был утвержден королевским саксонским высшим апелляционным судом 6 апреля 1850 г., но, вследствие поданного прошения о помиловании, вынесенный смертный приговор был всемилостивейше заменен его величеством королем пожизненным заключением 2-й степени. Вследствие соглашения, состоявшегося между австрийским и королевским саксонским правительствами, Михаил Бакунин был тотчас же передан в распоряжение первого и предан имп. кор. суду в Праге для производства следствия, так как по произведенному дознанию по вопросу о демагогических выступлениях в Праге весною 1849 года выяснилось, что Бакунин руководил этими выступлениями из Саксонии; ввиду этого обстоятельства, следственное производство и приговор по делу входит в компетенцию этого суда. — Хотя он иностранец и оказался виновным в инкриминируемых ему выступлениях против Австрии за границей, однако производить следствие и выносить приговор о нем вправе австрийское правительство, независимо от того, что с ним происходило ранее в другом государстве, именно в Саксонии, с одной стороны, потому, что королевское саксонское правительство одновременно с его выдачей потеряло на него все права, с другой стороны, потому, что это предусмотрено австрийским уголовным уложением от 3 сентября 1803 года, 1 часть, § 32, где сказано:

«Если иностранец совершил за границей преступление, направленное против основных законов государственных кредитных билетов или монетной системы этого государства, то его следует судить по сему закону, наравне с жителями этой страны».

Передача его для производства следствия пражскому военному суду имеет своим основанием то обстоятельство, что производство всего следствия по делу о возникших в Богемии весной 1849 г. выступлениях, носивших характер государственной измены, было передано военному суду; а то, что он в настоящее время находится под судом в Ольмюце имеет своим основанием то обстоятельство, что он по высочайшему приказу, в виде предохранительной меры, переведен в Ольмюц из Праги, что его императорское величество изволил повелеть, чтобы это след-

ствие было доведено до конца в Ольмюце нижеподписавшимся аудитором, который вел дело в военном суде в Праге. Так как предмет суда и следствия над Михаилом Бакуниным составляет обвинение его в том, что он руководил выступлениями, носившими изменнический характер, весной 1849 года в Богемии и особенно в Праге, то прежде всего должно быть доказано, что таковое изменническое выступление, действительно, имело место в вышеуказанное время, что явствует из следующего [1]):

Теперь остается только вопрос о выяснении личного участия в нем подсудимого Михаила Бакунина. Обстоятельства дела явствуют из следующего его признания, удовлетворяющего всем требованиям закона, а именно: он признает, что уже с 1847 года он отдался политике, указывая началом этой деятельности тот день, когда он, по случаю празднования годовщины польской революции в 1848 г. [2]) в Париже, произнес речь в собрании польских эмигрантов. Речь эта имела целью начало соглашения между поляками и русскими, как народами для восстановления Польши и освобождения России. Он признает, что именно это было целью его политической деятельности. Далее он признает, что в своих политических стремлениях, он, в частности в отношении к Австрии, имея в виду восстановление свободы в стране, добивался соединения австрийских славян с мадьярами и немцами. Далее он признает, что желал полного распада австрийской империи, состоящей из столь многочисленных народностей, т. к. по его убеждению австрийская монархия совершенно несовместима с понятием свободы. С крушением же австрийской империи он, по его словам, мог только желать самостоятельной организации народностей, как результата этого распадения. Форма этой организации, а именно — государственное устройство отдельных народностей, должна была зависеть только от их потребностей и их собственного желания и ни в коем случае не могла быть предрешена заранее; государственное устройство зависит от слишком многих причин и может, таким образом, явиться скорее результатом событий, а не быть предрешенным заранее. Он признает, что венские октябрьские события 48 г. и особенно поведение пана барона Елачича,

---

[1]) См. соответствующий доклад, приложенный к делу о составе преступления, затем сущность содержания общего допроса подсудимого д-ра Карла Циммера от 10 апреля 1850 г., выдержки из показаний жестяных дел мастера Иосифа Бронислава Менцля 10 августа и 27 сентября 1850 г., Иосифа Новака 13 августа 1850 г., Марии Менцль 1 окт. 1850 г. и Франца Братислава Пауля 27 сентября 1850 г., из допроса Франца Гиргля 5 июля и 27 августа 1850 г., Густава Страка 4 и 24 сент. 1850 г. и Карла Слодковского 1 сент. 1849 г. с продолжением, — из протокола показаний Карла Августа Рёкеля в Кенигштейне 18 июня 1850 г. и Валльдгейме 22—24 окт. 1850 г., — из допроса по пунктам Карла Сабины 3 дек. 1850 г. и 1 апреля 1851 г. и Эммануила Арнольда 9 и 10 апреля 1851 г.; наконец, из существенных выдержек показаний о содержащихся в Смечна и показаний Карла Калауса, патера Андрея Красного, мельника Франца Мушка и Франца Вохоча.

Вышеизложенным установлена наличность преступления, заключающегося в государственной измене, совершенного в этой стране весной 1849 г.

[2]) Ошибка. Речь Бакунин произнес в ноябре 1847 г. *Прим. ред.*

побудили его написать брошюру под заглавием: «Воззвание к славянам», где он открыто излагает свои политические воззрения и призывает славянские народы Австрии к единению с целью разрушения Австрии путем бурной революции [1]). Далее, он признает, что он напечатал эту брошюру и что он стремился к возможно большему ее распространению, чтобы добиться успеха. Когда он ее писал в Кётене, то он желал провести в жизнь изложенные в ней идеи, не признавая в то же время фактической возможности этого и не делая ничего для этой цели. Когда же он оставил Кётен и поселился в Лейпциге, тогда только у него яснее возникла в мыслях возможность вызвать восстание в Богемии и эта мысль стала понемногу созревать и далее. В частности, он имел в этом случае в виду Богемию, так как она казалась ему тогда, за исключением Галиции, единственной славянской страной в австрийской монархии, в которой, по ее политическому положению и уже известным ему обстоятельствам в Богемии, возможно было провести подобное намерение. Никаких других причин к тому не было, кроме именно этих обстоятельств, его политических воззрений и желания итти по уже раз избранному пути.

Подсудимый Михаил Бакунин признает далее, что он сначала искал для своих целей в Лейпциге знакомства с молодыми людьми славянского происхождения и знакомил их, в свою очередь, между собой и с людьми немецкого происхождения, чтобы таким образом положить начало связи между славянской и немецкой национальностью. Далее он признает, что через этих лиц он завязывал сношения с участниками движения в Праге. А именно, он признает, что с этой целью он воздействовал на двух молодых людей из Богемии, изучавших теологию в Лейпциге, Густава и Адольфа Страка, и побудил их принять участие в приготовлениях к предполагавшейся в Богемии революции, и что он сначала, в конце января 1849 года, отправил Густава Страка в Прагу, дав ему двойное поручение: во-первых, к редактору Эммануилу Арнольду, чтобы побудить его явиться для переговоров к нему, Бакунину, в Лейпциг; во-вторых, к редактору листка «Новины Славянской Липы», по имени Карл Сабина, с письмом для передачи находящемуся в Праге союзу «Славянской Липы», каковое письмо, как дальнейшее развитие изложенных в «Воззвании к славянам» идей, содержало в себе призыв соединиться с демократией в Германии и с мадьярами для совместных действий против реакции. Цель передачи этого письма заключалась, по его словам, в том, чтобы привлечь на сторону идей, заключенных в «Воззвании к славянам», союз «Славянская Липа». От самого Сабины он на это не получил ответа, а узнал только от Густава Страка, по его прибытии в Лейпциг, что Сабина принял письмо, но заявил, что при тогдашнем настроении невозможно было передать его «Славянской Липе». Кроме того, он признает, что еще тогда, когда он посылал Густава Страка в Прагу, он переслал знакомому ему еще со времени Славянского

---

[1]) См. соответственные места этой брошюры, приложенной к следственным актам Карла Сабины.

Конгресса пивовару Францу Ванку письмо, в котором он просил у него денег, так как он как раз в то время нуждался, он говорил в письме, что употребит эти деньги на агитацию в России, но это было только предлогом, а деньги были ему нужны для агитации в Богемии; на эту просьбу он не получил от Ванка ответа. Зато Арнольд действительно вскоре приехал к нему в Лейпциг, и подсудимый признает, что конечная цель, ради которой он завязал сношения с Арнольдом, была та же, что и цель его письма «Славянской Липе», а именно объединение немцев и мадьяр со славянами для противодействия реакции. Он признает, что суть того, что он обсуждал с Арнольдом в Лейпциге, заключалась в необходимости организации демократической пропаганды в «Славянской Липе», имевшей в то время связи во всей Богемии; при этом он, подсудимый, имел в виду главным образом молодежь, отчасти оттого, что она в большинстве состояла в «Славянской Липе», отчасти же оттого, что молодежь вообще более восприимчива и энергична. В то время Арнольд обещал ему очень много, но, насколько ему известно, ничего не сдержал и не исполнил.

Далее подсудимый признает, что при возникновении революции в Германии, которую он считал неминуемой, вследствие реакционных действий правительства, его желанием было, чтобы и в Богемии произошла революция и об этом желании он говорил с Арнольдом, утверждая, однако, что за исключением вышесказанного, он никаких особых поручений Арнольду на сей предмет не давал. Он признает, однако, что между ним и Арнольдом были условлены адреса для корреспонденции, долженствовавшей содержать сообщения с его стороны о положении в Богемии; несмотря на это, Арнольд ни разу не написал ему. Далее подсудимый признает, что он воспользовался неким лицом, по имени Геймбергером (по происхождению поляком, называвшим себя также Лассогорским), когда последний, как он говорил, по собственному побуждению, не пожелал оставаться долее в Лейпциге и поселился в Праге; подсудимый получал от него сообщения о настроении в Праге, равно как посылал и ему некоторые сообщения, при чем пользовался полученным от Арнольда адресом. Другой обязанностью Геймбергера было извещать его о том, что ему мог сообщить Арнольд по этому вопросу.

Подсудимый отказался сообщить, какие сведения пересылал ему Арнольд через Геймбергера.— Далее подсудимый признает, что в конце февраля или начале марта 1849 года он оставил Лейпциг и поселился в Дрездене, так как не считал себя в Лейпциге в безопасности. Он, однако, желал оставаться в Саксонии, так как мог оттуда лучше всего следить за положением в Богемии, Венгрии, Польше и России. В Дрездене же именно он хотел оставаться для того, чтобы быть ближе к Богемии, где в то время у него уже были завязаны сношения. Далее Бакунин утверждает, что когда после этого Адольф Страка, по его словам, по собственному побуждению, отправился в Богемию, он воспользовался также и им, как средством для наблюдения за настроением в Богемии и сообщения об этом ему, Бакунину.

Далее Бакунин признает, что по получении письма от Геймбергера, в котором последний извещает его, что ему, Бакунину, очень симпати-

зируют в Праге, и что в студенческой среде, равно как и в «Славянской Липе», царит сильное возбуждение — он уехал из Дрездена в Прагу с тою же целью, как и в предыдущих подобных случаях. В Праге он жил то у заготовщика красок Пауля, то у некоего Прейса, то у жестяных дел мастера Менцля в Каролинентале; у первого и последнего имел свидания только с отдельными лицами, а именно — с бывшим депутатом рейхстага, Францем Хавличеком и с секретарем магистрата, Руппертом (о котором он не дает более подробных показаний); затем с Арнольдом, Адольфом Страка и Геймбергером, встречаясь с каждым из них в отдельности. При этом он признает, что вследствие выраженного им желания переговорить при этом с Сабиной, в квартире Прейса имело место собрание нескольких человек, из которых он, по его словам, с уверенностью может назвать только своего квартирохозяина, Сабину, Арнольда и Геймбергера. Бакунин утверждает, что на этом собрании он действовал по трем направлениям; во-первых, с целью узнать, чего желал каждый в отдельности; во-вторых, с целью убедить присутствующих в том, насколько необходимо отложить одностороннюю чешскую политику и присоединиться к общему движению демократии в Европе, а в частности, в настоящий момент к немцам, мадьярам и полякам; наконец, с целью убедить присутствующих в необходимости оставить чистую теорию и воспользоваться затруднениями австрийского правительства, чтобы выступать практически, т.-е. организовать восстание. Он заметил, однако, что эти люди были склонны очень много говорить и хвастать, но не годились для практических действий, держали себя нерешительно, боязливо и озабоченно; ему объявили, что народ в Богемии в настоящую минуту еще недостаточно подготовлен для подобных выступлений. Подсудимый отрицает, впрочем, что он, как было упомянуто в показаниях Карла Сабины, в данном случае побуждал или намеревался вводить социалистическую систему. Признает, однако, что он говорил о применении социалистических мероприятий для организации движения; чтобы успешно организовать подобное движение, необходимы таковые мероприятия, поскольку для этого будет на лицо практическая возможность их применения; например, уничтожение закладных на земельную собственность, что составляет весьма практическое средство, благодаря тому что оно облегчает положение землевладельцев, главным образом, крестьян и улучшает их материальное благосостояние. Подсудимый признает далее, что ему при этом много возражали, даже выражали недовольство (которое он рассматривает отчасти как недоверие к его личности), но он твердо оставался при своих взглядах и пытался побороть эти возражения; однако, в конце собрания, у него осталось впечатление, что ему ни в коем случае не удалось привлечь присутствующих на свою сторону. Что касается его свидания с одним Арнольдом, то Бакунин утверждает, что разговор между ними шел о тех же его воззрениях, которые он неоднократно излагал и разве еще содержал в себе выговор Арнольду со стороны подсудимого за его бездеятельность, который на все уговоры и упреки Бакунина

отвечал почти каждый раз одно и то же: «Ах, если бы только у меня не было подагры».

Подсудимый Михаил Бакунин признает далее, что когда он из Праги вернулся в Дрезден, он делал вид, что ожидал от предлагаемой революции большего, чем это было на самом деле, чтобы не лишать мужества тех людей, с которыми он был в сношениях, при чем он исходил из убеждения, что мнение, какое человек имеет о каком-либо деле, т.-е. вера в него, также есть сила.

Вскоре после этого Геймбергер также вернулся из Праги в Дрезден, и привезенные им Бакунину известия были опять более благоприятны, чем то, что он сам видел там; но как эти, так и все позднейшие, полученные из Праги, сведения, носили столь общий характер, что он, Бакунин, не может дать о них особых показаний. Он не имел далее никаких сношений с Геймбергером, который с этого времени заболел и, вследствие своего прежнего поведения, оказался для него непригодным.

Как явствует из показаний Густава Страка, он, находясь в то время в Лейпциге, был вызван Бакуниным в Дрезден, по возвращении последнего из Праги, и был уговорен им также отправиться в Прагу, но Густав Страка должен был еще подождать, пока придут деньги, за которыми Бакунин обращался в Париж. Когда Геймбергер прибыл из Праги, Густав Страка был уже в Дрездене и должен был тотчас же по прибытии Геймбергера написать письмо по обычному адресу «Николандеру», с надписью на конверте: «Купцу Фишеру в Праге»; письмо предназначалось либо его брату Адольфу, либо прямо Арнольду с извещением, что Бакунин позаботится о деньгах и о польских офицерах в Познани.

Велел ли Бакунин писать письмо в указанном Густавом Страка смысле, — он утверждает, что не помнит, присовокупляя, однако, что этим он не хотел сказать, будто показание последнего неверно. Он признает, что обещал позаботиться о деньгах и польских офицерах, но отказывается назвать тех лиц, которым он это обещал. Далее Бакунин признает, что воспользовался в то время случайным отъездом в Париж одного знакомого ему поляка, фамилию которого он однако не называет, чтобы обратиться с просьбой о деньгах в Польский Центральный Комитет в Париже; что результат этого обращения был неблагоприятен, вследствие чего названный поляк, по собственному усмотрению, совершенно неизвестным ему, Бакунину, способом, обратился к графу Телеки, послу Кошута в Париже, и получил на это ответ, что у Телеки деньги есть, но что он их дает не иначе, как по специальному предписанию Кошута. Об этих обстоятельствах он получил извещение не от того лица, а от другого, прибывшего из Парижа в Дрезден поляка по имени Крыжановского.

Подсудимый признает далее по существу, что он, перед отъездом Густава Страка в Прагу, дал ему несколько указаний относительно его поведения там, а именно поручил образовать в Праге комитет, который бы занялся приготовлениями к революции, т.-е. подготовил бы почву среди студентов, рабочих и вообще среди пролетариата,

также среди обывателей (Bürger) и привлек их симпатии на сторону своих планов. Время для революции в Богемии он потому считал благоприятным, что там царило недовольство по поводу роспуска рейхстага, и потому, что как раз в это время в стране было мало войска. Далее он признает, что поручил Страка формирование отдельных групп из двух или пяти человек, но заметил ему, чтобы он, в качестве приезжего, не слишком бы обращал на себя внимание в Праге, имел бы сношения только с Арнольдом и членами Комитета и действовал в дальнейшем только через этих членов, ему же, Бакунину, он должен был от времени до времени сообщать о достигнутых успехах. Он признает, что вообще говорил всем, с кем имел сношения, чтобы они никогда особенно не выдвигались и не делали бы этого также из тщеславия там, где выдвигаются другие, а наоборот, еще более выдвигали бы таких людей; ибо это лучшее средство оставаться самому незаметным. Далее он признает, частью безусловно, частью как возможное, то обстоятельство, что он давал указания Густаву Страка узнавать о настроении некоторых лиц в Праге, о количестве живущих там поляков, а в особенности о верности дошедшего до него с разных сторон слуха о пребывании в Праге генерала Дивернцкого и сообщать ему обо всех этих обстоятельствах и вообще об успехах. Он дал Густаву Страка список букв и слогов, необходимых для обозначения в корреспонденции находящихся в Праге лиц и для других сообщений. Он утверждает, однако, что полученные им затем сведения, были так неполны, даны в столь общих выражениях, и, благодаря неправильному применению вышеуказанных обозначений, столь мало понятны, что для него осталось неясным положение в Праге, и он не может ничего сказать о специальных мерах, предпринятых там для подготовки революции. Наконец, относительно того открывшегося обстоятельства, что он дал обещание самому приехать в Прагу вместе с нужными для этого поляками, как только там будет все подготовлено для революции и он получит об этом извещение,— подсудимый признает, что он действительно дал такое обещание за себя лично, а в отношении поляков он дал обещание лишь постольку, поскольку они и сами должны были приехать туда.

Относительно тех средств и путей, какие он употреблял, чтобы привлечь к себе поляков для поднятия восстания в Богемии, Бакунин заявляет, что он должен хранить об этом полнейшее молчание, но признает, что он действительно пытался привлечь на свою сторону польских офицеров; однако эти попытки, направленные не к определенным лицам, остались, по его словам, бесплодными. Далее он признает, что действительно возбудил интерес к этому плану восстания в Богемии двух поляков — Гельтмана и Крыжановского — помогавших ему также и позднее во время восстания в Дрездене. Хотя они смотрели на дрезденское восстание, как на дело их не касающееся, и потому, якобы, не желали им интересоваться, но подсудимый все-таки склонил их к этому, указав им на то, как восстание в Богемии необходимо для польского дела, вследствие влияния подобного восстания на положение дел в Венгрии; для восстания в Бо-

гемии необходимо восстание в Саксонии. — По отношению же к остальным полякам, в большом числе находившимся в Дрездене, он хранил строгое молчание, так как считал их слишком болтливыми и ненадежными. Относительно показаний Иосифа Фритча, содержащихся в докладе с изложением сущности дела (im objectiven Thatbestands Vortrage), подсудимый Михаил Бакунин признает, что в Дрездене его действительно посетили Фритч и находившийся в то время в Праге поляк Аккорт, хотя он их и не призывал. Относительно Аккорта он заявляет, однако, что тот не был с ним близок и что подсудимый узнал про него от находившихся в Дрездене поляков, будто он намеревался отправиться в Прагу, узнав, что там готовятся какие-то события и надеясь найти там занятие. Это случилось в то время, когда Бакунин сам намеревался отправиться в Прагу. Судя по тому, что ему было известно об Аккорте, он был решительно против того, чтобы тот отправился в Прагу, а так как последний все-таки сделал это, то это случилось без ведома его, Бакунина, и даже против его желания. Ему было также неприятно посещение Аккорта совместно с Фритчем, так как он узнал, что Аккорт посещал польское общество в Дрездене и хвалился там своею деятельностью в Праге, не имевшей, конечно, никакого значения. Напротив, Фритча он, Бакунин, ценил по той причине, что тот энергично действовал во время восстания в Праге в 1848 году. — По существу Бакунин признает, что он обсуждал с Фритчем предполагавшуюся революцию в Богемии и что он давал ему некоторые указания по вопросу о приготовлениях к ней, в особенности же поручил ему сделать их как можно скорее. Относительно указанных, ему уже известных, показаний Иосифа Фритча по вопросу об их соглашении, подсудимый Бакунин признает их правильными и замечает, что он вообще говорил с Фритчем так, как это ему казалось уместным с подобной личностью. Однако, Бакунин дал особые разъяснения по поводу упоминаемого Фритчем обстоятельства, а именно, будто первый намекнул при этом также о долженствовавшей разразиться революции в Саксонии. — По его словам, нельзя было отрицать того, что в то время в Саксонии и вообще в Германии ожидали и много говорили о предстоящей вскоре революции, о ее необходимости, неизбежности, как следствии реакционной политики правительства; однако он держится того убеждения, что относительно восстания в Дрездене не существовало определенного, заранее выработанного плана; но он не может отрицать того, что по всей Саксонии происходила агитация, заставлявшая ожидать, что при подходящих условиях дело разгорится и по всей Германии. Таким образом, нельзя было определить, произойдет ли революция сначала в Праге, а затем в Германии, или же наоборот, а можно было только при подобных обстоятельствах ожидать совместных действий; Бакунин признает, что его стремление клонилось к тому, чтобы, когда выступит одна сторона, то другая была бы настолько подготовлена, чтобы не оказывать упорного противодействия из националистических чувств. Он признает также, что если он настаивал на быстром и решительном образе действий по отношению к восстанию в Богемии, то это дела-

лось главным образом для того, чтобы этой настойчивостью возбудить энергию, так как по его приезде в Богемию, он не нашел нужных элементов для революции, и в умах преобладала известная неподвижность.— Далее, он признает также, что поручил Фритчу пригласить Сабину и Арнольда в Дрезден, желая уговориться с ними и познакомить их с Крыжановским. Неверно, говорит Фритч, будто Бакунин дал ему на помощь Аккорта, напротив, он настоятельно просил Фритча ни во что не посвящать Аккорта и использовать его, если понадобится, лишь в момент восстания и т. д., только в подчиненной, а не самостоятельной роли. Наконец, Бакунин признает, что он дал в то время Фритчу несколько золотых на дорогу.

Относительно имевшей место в богемских деревнях агитации Бакунин показывает, что он, действительно, получил извещение об агитации в стране, но и эти сведения были такого общего характера, что он не мог об этом узнать ничего определенного. Относительно поднятого во время производства следствия вопроса о том, будто он ожидал поддержки революции из России, Бакунин заявил, что это вздор, но признает, что он вообще старался вкоренить, особенно у чехов, ту мысль, будто в России находится очень много революционных элементов; он делал это для возбуждения мужества, и чтобы в то же время противодействовать существовавшей и еще существующей партии, возлагающей свои панславистские надежды на царскую Россию. По вопросу о своих взглядах на революцию в России, он указывает на свое «Воззвание к славянам», но заявляет что он считал революцию в России делом очень отдаленного будущего, при чем он в настоящее время питает убеждение, что революции в России безусловно должно предшествовать восстановление Польши.

Что касается немецких кругов в Богемии, то Бакунин заявляет, что он вообще слыхал, будто в этой среде велась агитация, но не желает указать источников этих сведений. Впрочем, он признает, что желал на самом деле подобной агитации, и там, где ему удавалось встречать казавшихся ему подходящими для этой цели людей, он старался воздействовать на них в этом смысле.

Так, когда его знакомые направлялись из Саксонии в Богемию или в пограничные местности, или когда кто-нибудь возвращался из пограничных местностей в Дрезден, он старался убедить их вести пропаганду в Богемии, чтобы, когда разразится восстание в Праге, немцы не противодействовали ему, как это было в 1848 году. Впрочем, он получал неблагоприятные и крайне редкие известия об этой агитации в немецких кругах, и первым человеком, сообщившим ему об этом нечто благоприятное, был называемый им мадьярским агентом барон Бейер; он сообщил ему, при случайном свидании, во время дрезденского восстания, что он приехал из Течена, и что там, как вообще во всей немецкой Богемии, царит сильное возбуждение.

Особенным другом и политическим единомышленником Бакунина в Дрездене был музыкант Карл Август Рёкель, член 2-ой саксонской палаты, который, как явствует из доклада с изложением обстоя-

тельств дела, появился в Праге в начале мая 1849 г. и агитировал там в интересах революции.

После роспуска саксонских палат, Рёкель решил оставить Дрезден, так как против него было возбуждено несколько процессов по делам печати, и с прекращением своей депутатской деятельности он не считал себя в безопасности.—Бакунин увидел, якобы из его слов, что тот сам еще не знал, куда он едет, и предложил ему тогда отправиться в Прагу, заметив, что этим будет достигнута двойная цель: во-первых он лично убедится в положении вещей в Праге, во-вторых, чехи познакомятся с образцом немецкаго демократа, от чего он, Бакунин, ожидает соглашения между народностями.—Рёкель согласился на это, и Бакунин признает, что он дал ему оба найденных у него затем письма, а именно: письмо к «Милым и уважаемым друзьям» и записку за подписью «Максимилиан»; первое из них было адресовано Сабине и Арнольду, а второе—братьям Страка. Содержание обоих этих писем, признанных Бакуниным за написанные им собственноручно,не оставляет никаких сомнений в его намерениях (см. оба эти документа, приложенные к делу: «Доказательства против дирижера Карла Августа Рёкеля» под № 3 и 8). Бакунин признает, что когда Рёкель, взяв эти письма, уезжал в Прагу, он, за неимением возможности переговорить с ним как следует, дал ему только наставление ознакомиться с общим положением, говорить с людьми и убеждать их торопиться.— Что касается содержания письма, то Бакунин заявляет, что под *мадьярским агентом* следует подразумевать вышеупомянутого барона Бейера, но он утверждает, что сношения с последним не были серьезными, а служили лишь к тому, чтобы доказать чехам, что уже положено начало сношениям с мадьярами. Относительно упомянутой присылки денег из Парижа он признает, что действительно ждал денег из того же источника, как и раньше: говоря вообще—от Польского Центральнаго Комитета в Париже; эти деньги предназначались на сей раз не ему лично, а Гельтману и Крыжановскому, т.-е. обоим полякам, упоминаемым в письме. Впрочем, Бакунин уверяет, что ему ничего неизвестно о деятельности Рёкеля в Праге, так как раньше, чем он мог получить от него известия из Праги, вскоре после его отъезда разразилось восстание в Дрездене. Только во время восстания, 6 или 7 мая 1849 года, он увиделся с Рёкелем в помещении временного правительства в Дрездене при таких обстоятельствах, что он только краем уха имел время слушать то, что ему говорил Рёкель; это было всего несколько слов, смысл которых, кажется ему, был тот, что все обстоит благополучно.

Наконец, Бакунин признает, что он имел в Дрездене свидание также с бывшим депутатом рейхстага, д-ром Циммером. Каким образом тот приехал в Дрезден—ему неизвестно; он узнал о его присутствии от некоего Оттендорфера. Так как д-р Циммер был родом из Богемии и состоял депутатом крайней левой, то это было достаточным основанием для него, Бакунина, чтобы пожелать переговорить с ним в целях осуществления своих намерений относительно Богемии. Он высказал это желание Оттендорферу, который, будучи зна-

ком с д-ром Циммером, привел его к Бакунину в тот же день по-полудни. После беседы об общем положении в Богемии, Бакунин спросил Циммера, как стали бы держать себя немцы в Богемии в случае восстания в Праге, остались ли бы они нейтральными, или, как в 1848 году, будут ему противиться. Так как д-р Циммер заявил, что в этом отношении от чехов ждать нечего и вообще говорил о них с явной антипатией, то Бакунин, по собственному признанию, пустил в ход все свое красноречие, чтобы побороть эту антипатию и склонить его к примирению и согласованной деятельности с чехами, после чего Циммер, наконец, переменил свое отношение к делу и высказал предположение, что в случае чешского восстания в Богемии, немецкие круги также присоединятся к движению, и что он сам будет оказывать воздействие в этом смысле.

Показания свидетелей и заявления соучастников.

Густав Страка, лейпцигский теолог, но родом из Богемии, показывает, что он 31-го декабря 1848 года познакомился с Бакуниным в Лейпциге, и с тех пор встречался с ним вместе со своим братом Адольфом Страка и некоторыми другими молодыми людьми различных национальностей, при чем Бакунин стремился убедить их в том, что для славянства и свободы необходима связь славян с венграми и немецкими демократами, что ему, наконец, и удалось.—К концу января 1849 года Бакунин спросил его, Густава Страка, не знает ли он в Богемии людей, принадлежащих к партии движения, при чем он желал с ними познакомиться и войти в сношения. Вследствие сделанного им, Густавом Страка, указания на находящегося в Праге редактора Эммануила Арнольда, Бакунин пожелал переговорить с таковым сам и с этой целью послал в Прагу его, Страка, с двойным поручением: передать написанное Бакуниным письмо существовавшему в Праге союзу «Славянская Липа»; письмо содержало в себе то же, что и Бакунинское «Воззвание к славянам», только в особом применении к «Славянской Липе»; затем — склонить Эммануила Арнольда, чтобы он лично приехал к Бакунину в Лейпциг. Для покрытия издержек на поездку в Прагу он получил от Бакунина 15 талеров. В Праге он передал письмо Карлу Сабине, дав его наперед прочитать Арнольду, и исполнил поручение к Арнольду, убедив его приехать к Бакунину в Лейпциг; только Арнольд прибыл в Лейпциг 2-мя или 3-мя днями позднее его, Страка. Третье, полученное им от Бакунина в Прагу, поручение состояло в том, чтобы передать пивовару Ванка письмо, которого он сам, правда, не читал, но, по собственному же заявлению Бакунина, содержание письма состояло в том, что Ванка должен был переслать последнему сумму в 100 талеров для русской пропаганды. Это было, по словам Бакунина, только предлогом, так как он хотел получить эти деньги для пропаганды в Германии и Богемии. Он, Страка, передал письмо Ванка, но тот заявил, что не будет на него отвечать, чем дело и кончилось. Как сказано, Арнольд действительно приехал в первых числах февраля 1849 г. в Лейпциг к Бакунину,

беседовал с ним и с бывшими у него известными демократами Дестером и Гексамером и, наконец, получил поручение от Бакунина и Дестера позаботиться о том, чтобы при возникновении революции в Германии, началась также революция и в Богемии, или, если это невозможно, то по крайней мере начались бы демонстрации в Богемии, чтобы помешать использованию австрийских войск в Германии. Арнольд также получил от Бакунина поручение — давать время от времени сведения о положении дел в Богемии, при чем были обусловлены и адреса для корреспонденции, а именно — для Арнольда под именем «Николандера», а снаружи на конверте на имя купца Фишера на Малой Иезуитской улице.— Бакунин тотчас же обработал обоих Страка и остальных более близко стоящих к нему лиц, в революционном смысле; он имел намерение насильственными мерами произвести переворот во всех существующих отношениях как в области государственного управления, так и в общественной жизни. Исходя, главным образом, из социалистических воззрений, Бакунин назвал то, чего он желал, «Демократической Социальной Республикой»; ее форму Бакунин не определял более точно, говоря, что она образуется сама собой.

Далее Густав Страка показывает, что только появление октроированной конституции в Австрии побудило его и его брата Адольфа присоединиться к революционным планам Бакунина, с которыми тот выступал все более настойчиво и которые клонились в общем к тому, чтобы вызвать революцию в Германии и Богемии одновременно, и чтобы она распространилась через Польшу и Россию. Бакунин никогда и никому не сообщал о своих сношениях с Россией, согласно своему принципу никого не называть и не говорить ничего, кроме самого необходимого. Однако он, вероятно, состоял в сношениях с Россией через Польшу, так как он с уверенностью рассчитывал на то, что при распространении революции в Богемии, Германии и Польше, разразится революция также и в России. Бакунин сам говорил ему, что в России существуют великолепные предпосылки для революции, и как раз—в социальном смысле.— В то время уже возникли слухи о союзе Австрии с Россией по случаю венгерской войны и о посылке правительством последней вспомогательных войск, вследствие чего Бакунин написал второе воззвание к славянам; оно предназначалось к распространению в Богемии, чтобы настроить население против интервенции русских. Это воззвание было переведено Адольфом Страка на чешский язык и напечатано у Госсфельда в Лейпциге, где он, Густав Страка, держал его корректуру, а распространение его в Дрездене было произведено Виттигом.— В то время Бакунина не было в Лейпциге, он поселился в Дрездене, куда за ним отправился Адольф Страка, а затем поехал в Богемию.

Далее Густав Страка показывает, что вскоре затем Бакунин вызвал и его в Дрезден и там уговаривал его бросить университет и посвятить себя всецело пропаганде; сам Бакунин выехал из Дрездена в Прагу, чтобы на месте лично ознакомиться с настроениями и войти в сношения с членами партии освободительного движения. После упомянутого отъезда Бакунина он, Страка, вернулся в Лейпциг,

но, по возвращении Бакунина, был снова вызван к нему в Дрезден; там он застал Бакунина хотя и недовольного тем, что он узнал, но более чем когда-либо решительно и непреклонно настроенного к тому, чтобы вызвать революцию в Праге. — Далее Густав Страка показывает, что Бакунин убедил его самого поехать в Прагу и содействовать там приготовлениям к революции, и что ему было только предложено подождать, пока Бакунин получит деньги из Парижа; хотя эти деньги не пришли, он, Страка, все же отправился после этого в Прагу, при чем Бакунин дал ему некоторые необходимые для его цели указания и условился с ним также относительно корреспонденции особыми письменными знаками. Наконец, Густав Страка подробно показывает, как он действовал в Праге, подготовляя революцию в качестве члена революционного комитета, состоявшего из него, его брата Адольфа, Иосифа Фритча, Венцля, Павла Клейнерта, Франца Гиргля и некоторых других; как он делал об этом периодические сообщения Бакунину; наконец, о том, как друг Бакунина Карл Август Рёкель в начале мая 1849 года также прибыл в Прагу и действовал там в интересах революции, и как он, Густав Страка, 9-го мая выехал из Праги, чтобы ехать за Бакуниным и двумя преданными ему поляками и привести их из Дрездена для организации восстания, и как ему в этом помешала революция в Дрездене.

Эммануил Арнольд (расследование о коем еще не закончено) показывает, что зимой 1849 года старший Страка (Густав), с которым он уже раньше был знаком, пришел к нему и сообщил, что он прислан к нему от Бакунина; последний желает, чтобы Арнольд приехал к нему в Лейпциг для переговоров о том, какие шаги следует предпринять для противодействия реакции. Поэтому он прибыл в Лейпциг, был у Бакунина и застал у него много людей, которые приходили и уходили, из которых он может назвать только Дестера и Гексамера. То, о чем главным образом говорил и чего желал Бакунин, были цели социализма, и он требовал, чтобы Арнольд склонял народ на сторону социализма в редактируемой им газете «Obcanske nowiny». Он признает также, что уговорился с Бакуниным относительно переписки и адреса «Николандер» в конверте на имя купца Фишера, но отрицает, будто он когда-либо писал Бакунину или получал от него письма с названным адресом. Пришедшие с этим адресом письма были перехвачены неким Геймбергером, знакомым Бакунина, жившим здесь в Праге у него, Арнольда; он сам никогда не узнал содержания этих писем. Однажды Геймбергер сообщил ему, что Бакунин сам приедет в Прагу для свидания с более молодыми демократами и переговоров с ними. Далее Арнольд признает, что когда Бакунин затем действительно прибыл в Прагу, то у него, в квартире некоего Карла Прейсса, состоялось собрание нескольких демократов, на котором присутствовал и он. На этом собрании Бакунин в общих чертах сообщил присутствующим, что в Германии существует организация демократии и что надо озаботиться устройством и здесь в Богемии такой же организации, целью которой было бы противодействие реакции. — Затем Арнольд при-

знает, что он еще два раза встречался с Бакуниным и тот несколько раз говорил о своих намерениях организовать демократию в Богемии. До сих пор Арнольд отрицает какую бы то ни было иную связь с Бакуниным, но признает, что позже его навестил здесь, в Праге, Рёкель, который был ему представлен братьями Страка и извещен последними о том, что здесь, в Праге, готовится восстание; Рёкель подчеркивал, что здесь, в Праге, необходимо действовать в согласии с демократами в Саксонии для того, чтобы, когда там поднимется восстание, начать таковое и здесь с целью не допустить реакции в политической жизни. Взгляды Рёкеля были приблизительно такие же, какие вначале высказывал Бакунин. — Наконец, Арнольд говорит про одного студента, имени которого он, по его словам, не знает, но которого он встречал у Бакунина в Лейпциге, что тот навестил его и говорил в духе Бакунина также об уже организованной в Саксонии демократии, о необходимости сплочения чехов и немцев в Богемии и организации местной демократии в Богемии; Рёкель считал его посланцем Бакунина.— Из допроса Арнольда не выяснилось более ничего, что бы имело отношение к Бакунину.

Карл Прейсс (квартирохозяин Бакунина) и *Вильгельм Гаутч*, присутствовавшие оба в квартире первого на имевшем место у Бакунина собрании демократов, подтверждают, что Бакунин действительно находился в то время в Праге, что собрание происходило у него и что он говорил на нем в революционном духе; они приближаются в своих показаниях к вышеприведенным показаниям Арнольда.

Карл Сабина (литератор и бывший редактор органа оппозиции «Nowiny slowonske Lipi»), показывает, что он присутствовал на этом собрании, и что Бакунин держал себя так, что была ясна цель его пребывания там ради революции, и что он говорил об этом деле с такой решительностью, как будто все уже условлено, вполне подготовлено и ожидалось только начало. По существу речи Бакунина сводились к тому, чтобы не медлить, а решительно приниматься за дело. Сабина рисует его как бы «выкованного из стали демагога», который, не зная препятствия, преследовал неуклонно свою цель не считаясь ни с какими возражениями, словом — вел себя таким решительным образом, какой Сабина, по его словам, ранее не считал возможным.—Что же касается намерений Бакунина в случае успеха революции, то в его речах не было никаких намеков на то, чтобы дело шло о завоевании лучшей конституции или о чем-либо подобном; Бакунин определенно высказывался в том смысле, что не следует придавать значение ничьим словам о рейхстаге или о другой, лучшей, конституции; это все глупости; словом, он желал только, чтобы дело поскорее началось, и не высказывался относительно своих целей. Но когда разговор перешел в область теорий, то он, Сабина, понял, что Бакунин желал провести в жизнь то, что говорилось с философской точки зрения о социальных отношениях.

Сабина признает также, что еще задолго до вышеупомянутого свидания с Бакуниным в Праге, он получил однажды от последнего послание через Густава Страка, с надписью: «Комитету Славянской

Липы» и подписью: «Бакунин, член Славянского Конгресса». Сущность содержания рукописи, содержавшей около 8 листов, заключалась в том, что славянство, в той форме, какую оно приняло, представляет не то, чем оно должно быть, так как оно идет по стопам ученых; Бакунин указывал на свою брошюру, изданную в Кёттене «Воззвание к славянам», и говорил, что надо делать то, что указано в этой брошюре.— Сабина утверждает, однако, что он не решился распространять далее это послание, а сжег его. Далее Сабина показывает, что он однажды, уже после приезда Бакунина в Прагу, пришел к Арнольду и встретил там Иосифа Фритча, который отозвал его в сторону и сообщил, что он был у Бакунина в Дрездене, привез от него ему, Сабине, поклоны и просьбу приехать к Бакунину. Правда, Фритч не назвал определенно имени Бакунина, а употребил выражение: «оттуда», однако Сабина был уверен, что при таких поручениях могла быть речь только о Бакунине.

Вскоре затем Арнольд и младший Страка стали уговаривать его, Сабину, отправиться в Дрезден, так как в этом была сильная необходимость. Один мадьяр, граф Телеки, прибыл из Парижа в Дрезден, чтобы условиться там с Сабиной обо всех предположениях, планах и принятых мерах, а также передать ему деньги, Но он, Сабина, не согласился на эту поездку в Дрезден.— Наконец, Сабина признает, что, когда он, будучи политически скомпрометированным, однажды скрывался из боязни перед арестом, к нему пришел человек, присланный Арнольдом и Адольфом Страка и назвавший себя депутатом саксонского парламента. Он уговаривал Сабину поехать в Дрезден, говоря, что оттуда можно будет получить деньги и т. п. — Сабина говорит, что не помнит, упоминал ли этот незнакомец о Бакунине, делал ли он эти сообщения устно или давал ему читать какое-либо письмо или таковое только показывал. Последнее кажется ему наиболее вероятным.— Хотя, как уже сказано, показания Сабины в этом отношении очень неопределенны, но все же, на основании их и в связи с другими показаниями, не подлежит никакому сомнению, что этот незнакомец был Карл Август Рёкель, который использовал у Сабины письмо Бакунина «Милым и уважаемым друзьям» от 30 апреля 1849 г. из Дрездена; стало-быть, он на самом деле действовал по поручению и в духе Бакунина.— Впрочем, Сабина показывает, что этот человек настоятельно требовал от него скорейшего начала действий, чтобы не оставить без поддержки единомышленников в Саксонии и Тюрингии, где тоже должна была начаться революция, и чтобы все действовали одновременно.

Что касается вышеупомянутого пребывания Бакунина в Праге, то оно подтверждается также показаниями жителя Каролиненталя — жестяных дел мастера Иосифа Менцля и его супруги Марии, из слов которых видно, что Бакунин, по рекомендации здешнего гражданина Пауля, жил некоторое время у них в квартире, что его навещали Арнольд Пауль, Страка и один молодой поляк, с которыми он вел тайные беседы.

Иосиф Фритч показывает, что, когда он узнал от жившего в Праге у Арнольда Адольфа Страка, что Бакунин желал поднять революцию, он почувствовал недоверие к этому Страка и решил сначала самому

переговорить с Бакуниным. Поэтому он в сообществе одного поляка, называвшего себя Аккортом, часто бывавшего у Арнольда и говорившего, что находится в Праге по поручению Бакунина, после Пасхи 1849 года поехал в Дрезден и там посетил Бакунина. Он признает, что они обсуждали положение и обстоятельства в Праге на случай предстоящей революции, что Бакунин особенно волновался по случаю вступления русских войск в Австрию, так как видел в этом союзе победу деспотизма. Последний предложил ему, Фритчу, найти порядочных и надежных для революции людей среди студентов в Праге, а именно, среди чехов (при чем он сам хотел другим путем позаботиться о немецких студентах), и как можно скорее подготовить все для революции в Праге. Бакунин требовал также, чтобы чехи прекратили национальные распри с немцами и преследовали совместно только цели демократии. Целью революции Бакунин называл ему восстановление Польши, разгром России и самостоятельность Богемии. Каким путем должны были быть достигнуты эти цели, какие должны будут быть введены формы правления, все это должно было зависеть от степени удачи в ходе революции и согласоваться с характером каждого народа; конечной же целью был союз всех свободных народов.— Бакунин, считавший Богемию очагом предполагавшейся революции, осведомился через него о различных местностях Праги, о находящихся в Праге венгерских войсках и обещал, что когда все будет как следует подготовлено и сообщено ему, то он пошлет в Прагу нескольких поляков.

Бакунин расспрашивал его также о некоторых лицах в Праге, известных своими демократическими настроениями, и дал ему, наконец, поручение передать Сабине, чтобы тот приехал к нему, Бакунину, в Дрезден, так как он желает привлечь Сабину на свою сторону и изложить ему свои планы.— После этих переговоров с Бакуниным, Фритч вернулся в Прагу с Аккортом и с тех пор сделался членом образовавшегося там комитета, ведавшего приготовлениями к революции. Фритч признает также, что он получил в то время от Бакунина сумму в 2 или 3 дуката золотом на путевые издержки.

Карл Август Рёкель, признавая свои дружеские отношения с Бакуниным, показал при допросах, что он, интересуясь действительно движением в Богемии, отправился в Прагу после роспуска саксонского парламента в начале мая 1849 года, чтобы подготовить ожидавшуюся в Праге революцию и желая посоветоваться со своими единомышленниками о мерах, какие следует предпринять для того, чтобы признанная необходимой революция не потерпела неудачи. Он признает, что знал Густава Страка и его отношения к Бакунину и что, по прибытии в Прагу, он вошел в сношения с ним и его братом, Адольфом Страка, а затем и с доктором Циммером, с которым познакомился у Бакунина еще до отъезда из Дрездена, он обращался также к д-ру Бруну, Карлу Слодковскому, Иосифу Фритчу и Эммануилу Арнольду, в особенности же оказывал воздействие на Бруна и Слодковского, чтобы привлечь их к участию в революции и старался убедить д-ра Бруна выдать на революционные цели находившиеся в его руках деньги польских легионов (Legions-Gelder).

Он признает также, что перед отъездом из Дрездена он получил от Бакунина уже упомянутое письмо «К милым и уважаемым друзьям» и записку с подписью «Максимилиан», в качестве открытых рекомендательных писем; первое прежде всего — для Сабины, Фритча и Арнольда, а вторую — для Густава Страка. Он признает также, что посетил в Праге Сабину и передал ему поручение Бакунина, познакомив его с упомянутым письмом Бакунина, беседовал с ним о начале революции в Праге и наиболее целесообразных мероприятиях в этом направлении, и предложил принять в них самое живое участие; он настаивал также на том, чтобы начинать революцию в Праге как можно скорее. Рёкель признает также, что при взрыве революции Бакунин сам приехал в Прагу, а также, что он, Рёкель, остался бы в Праге и присоединился к революции, если бы она не началась раньше в Дрездене и это не заставило его как можно скорее вернуться туда.

Доктор Карл Циммер показывает, что он в конце апреля 1849 г. прибыл в Дрезден и, благодаря якобы поискам еще раньше знакомого ему некоего Оттендорфера (в настоящее время бежавшего), попал к Бакунину и познакомился там с Рёкелем. Он показывает, что, среди разговоров о политическом положении в Австрии, Бакунин расспрашивал его о том, что бы стали делать немцы, если бы началось восстание среди чешского населения Богемии; поднимутся ли и немцы. На это он отвечал, что он это предполагает и в этом случае деятельно примкнет к движению. Далее он признает, что затем он несколько раз встречался с Рёкелем здесь, в Праге, и получал от него сведения о предполагавшемся здесь восстании.

Таково существенное содержание показаний и других результатов расследования по предстоящему здесь процессу о государственной измене, которые могли быть изложены лишь с величайшей краткостью, так как нижеподписавшийся аудитор, прибыв утром 13-го мая, уехал для продолжения допросов Бакунина в Ольмюц; согласно приказа военного министерства от 11-го мая с. г. за № 1743/М. К., он получил письменное предписание начать военный суд безотлагательно 15-го мая, вследствие чего могли быть приготовлены только вышеприведенные краткие извлечения, которые, однако, в достаточной мере дают картину общего положения дел.

Согласно § 52 ст. 6 п. 1 уголовного уложения, тот совершает государственную измену, который предпринимает что-либо, клонящееся к насильственному изменению государственного строя, стремится навлечь или увеличить опасность для государства извне, действуя при этом открыто или же тайно, единолично или сообществом, побуждением, советом или собственным деянием, при посредстве оружия или без него, посредством передачи и ведущих к этой цели секретов или организации заговоров, подстрекательством, вербовкой, шпионством или другим, направленным на то же деянием.— Далее, уже в начале этого доклада упоминалось, что уголовное уложение § 32 часть 1 указывает на то, что и иностранец может оказаться виновным в государственной измене против Австрии, даже и за границей, и должен быть

судим в этом преступлении по нашим законам, как здешний уроженец.

Подсудимый Михаил Бакунин признает, что, независимо от своих других демагогических стремлений по отношению к австрийской империи, разрушение австрийского государства и самостоятельная организация живущих в нем народностей входили в его желания и планы; признает также попытку осуществить их, указывая на целый ряд действий, предпринятых им с целью вызвать мятеж в Богемии, т.-е. вооруженное восстание. Он говорит, что будущее государственное устройство народностей не могло быть им предрешено заранее, так как это зависит от хода событий; но что после насильственного разрушения австрийской империи всякая конституция была бы не только изменением существующей; таковая будет так же разрушена, как и сама империя.

Посему, не подлежит никакому сомнению, что § 52, ст. 6, п. I уголовного уложения соответствует образу действий подсудимого Михаила Бакунина и что вменяемое ему в вину преступление—есть «государственная измена». Состав этого преступления вполне доказан признанной за свою подсудимым брошюрой «Воззвание к славянам»; далее, в главном подтверждающими его слова показаниями его сообщников: Густава Страка, Иосифа Фритча, Эммануила Арнольда, Карла Сабины, Карла Августа Рёкеля, доктора Карла Циммера, Карла Прейса и Вильгельма Гаутча; далее, показаниями жестяных дел мастера Иосифа Менцля и его супруги Марии; наконец, найденными у Августа Рёкеля собственноручным письмом Бакунина «К милым и уважаемым друзьям» из Дрездена от 30 апреля 1849 года и запиской с подписью «Максимилиан» (оба эти документа подсудимый признает за написанные им) — согласно с указаниями 2 и 3 глав, затем § 400 ч. I уголовного уложения и с содержанием доклада о составе преступления, в особенности касательно подсудимого Михаила Бакунина.

Доказательство представляет сознание подсудимого, удовлетворяющее всем требованиям закона.

Приложимый в данном случае закон — кроме вышеупомянутого § 52 уголовного уложения, квалифицирующего преступление государственной измены, — есть § 53 того же уложения, по которому за это преступление, хотя бы оно оказалось безуспешным и оставалось лишь покушением, виновные подвергаются смертной казни, которая, согласно § 10 того же закона, должна быть произведена через повешение.

Величайшее значение имеют сопровождающие это преступление отягчающие обстоятельства, так как из всего следствия явствует, что Бакунин, собственно, был зачинщиком затевавшегося плана государственной измены, что он преследовал свою цель с неуклонной последовательностью, из убеждений в высшей степени опасных и со вполне осознанным намерением; наконец, что он не только сам склонял многих других лиц к тому же преступлению, но и был причиной того, что, благодаря его советам и указаниям, большое количество в большинстве случаев молодых людей оказалось вовлеченным в преступное деяние и теперь должно искупать это, согласно закона.

Важность и опасность его явствует также из имеющихся его писаний, характеризующих его, — скитавшегося в течение целого ряда лет по Европе, без родины и без определенных занятий — как настоящего демагога по профессии. — Смягчающих обстоятельств не имеется решительно никаких.

Следует еще упомянуть об издержках по производству следствия, относительно которых ч. 1, § 537 уголовного уложения и императорский декрет от 20 апреля 1809 года за № 888 (J. G. S.) постановляют, что когда обвиняемый будет признан подлежащим наказанию, то в приговоре следует упоминать о возмещении судебных издержек и что соучастники общего преступления солидарно ответственны за издержки производства.

Принимая в соображение изложенные факты и доказательства, равно как и действующие законы, *предлагаю:*

Подсудимый Михаил Бакунин, за преступление в государственной измене, должен быть наказан смертной казнью через повешение и присужден вместе со своими сообщниками к солидарному возмещению уголовному фонду судебных издержек по настоящему делу.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

Ольмюц, 15 мая 1851 г.

Сургучная печать с двуглавым орлом и надписью (K. K. Kriegsgericht i n Prag).

Настоящая копия соответствует подлиннику доклада военному суду о русском Михаиле Бакунине и дословно тождественна с таковым.

Императорского королевского военного суда в Градчине в Праге 14 июля 1851 г.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

Ольмюц, 15 мая 1851 г.

Протокол военного суда.

Составленный в военном суде в полном составе, созванном по предписанию его превосходительства господина генерал-майора императорской и королевской армии Иоганна Эдлер-фон-Клейнберга (ad latus des Landes Militär-Komandanten) военного коменданта в Богемии по соглашению с его высокопревосходительством господином генералом-от-кавалерии и губернатором крепости в Ольмюце бароном фон-Бёмом, для вынесения приговора подсудимому Михаилу Бакунину.

После того, как собрался военный суд в полном составе был приведен подсудимый Михаил Бакунин и допрошен:

1.

Имеет ли он какие-нибудь обоснованные возражения против кого либо из собравшихся судей? — Нет.

Затем, после соответственного регламенту напоминания собравшемуся военному суду, была в присутствии подсудимого принесена предписанная законом судейская присяга, затем ему были еще раз прочитаны его показания и после того ему был задан вопрос.

2.

Подтверждает ли он эти свои показания и не желает ли чего-либо прибавить?

— Я подтверждаю данные мною показания, ничего не имею более к ним добавить, но вынужден повторить свой протест, заявленный в начале моего произведенного по пунктам допроса, против вторичного вынесения приговора по моему делу; я это делаю только ради формы, хотя знаю, что он не действителен, или, скорее, останется здесь без последствий.

Прочитанное подтверждает Михаил Бакунин.

После приложения подписи и последовавшего увода подсудимого, было прочитано изложение состава преступления вместе с другими относящимися до сего важнейшими документами; затем заседатели военного суда удалились для совещания по чинам (klassenweise Berathung), затем они были снова вызваны также по чинам (klassenweise) и их голоса запротоколированы, как следует ниже:

Рядовые приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Иоганн Тишлер, *рядовой*. **Антон Гоблер**, *рядовой*.

Ефрейторы приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Винценц Клука, *ефрейтор*. **Демут Венделин**, *ефрейтор*.

Капралы приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, возместить уголовному фонду издержки по настоящему следствию.

Теодор Ноппес, *капрал*. **Людвиг Никсцайер**, *капрал*.

Фельдфебели приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими, признанными виновными лицами, солидарно возместить уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Иоганн Шмидт, *фельдфебель*. **Эдуард Рейниш**, *фельдфебель*.

Господа поручики приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан, вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Оттмар граф Меравиглия, *поручик*. **Генрих Росси**, *поручик*.

Господа ротные командиры приговорили:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному Фонду все издержки по настоящему следствию.

Фон Бранни Владислав, *ротн. командир*. **Альфред фон Дюрие**, *ротн. командир*.

Господин подполковник и председатель приговорил:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Франц Шульц фон Штернвальд, *подполковник в качестве председателя*.

Нижеподписавшийся приговорил:

Подсудимый Михаил Бакунин за государственную измену подлежит смертной казни через повешение и обязан вместе с другими лицами, признанными виновными, солидарно возместить уголовному фонду все издержки по настоящему делу.

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Принимая во внимание, что, таким образом, постановление было вынесено единогласно, то *соответственно* с этим должен быть изготовлен приговор:

Подпись, как выше.

Франц Шульц фон Штернвальд,
подполковник и председатель

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Признан соответствующим и дословно тождественным с подлинником.

Императорского и королевского военного суда в Градчине в Праге 14 июля 1851 года.

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Приговор.

Вынесенный военным судом в полном составе, созванном по предписанию его превосходительства господина генерал-майора императорской и королевской армии Иоганна Эдлер фон Клейнберга, военного коменданта в Богемии, по соглашению с его высокопревосходительством господином генералом-от-кавалерии и комендантом крепости в Ольмюце бароном фон-Бёмом над подсудимым *единогласно*.

Михаил Бакунин, из Торжка, Тверской губернии в России, родившийся в 1814 году, греческой церкви, холостой, расследованием, произведенным военно-судебным порядком вследствие объявленного от 10 мая 1849 г. в Праге и окрестностях осадного положения, на основании законно установленных фактов, и его признания, удовлетворяющего всем требованиям закона, — уличен в *государственной измене против Австрийской империи* и *за это преступление* подлежит, согласно §§ 32. 52. ст. 6 и 53 уголовного уложения от 3 сентября 1803 г. ч. 1, смертной казни через повешение, а согласно § 537 того же закона и императорского декрета (Hofdecret) от 20 апреля 1809 № 888 J. G. S. обязуется, совместно с другими лицами, признанными виновными по этому делу, возместить уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Вынесен на военном суде в Ольмюце 15 мая 1851 г. с сохранением судебных прав верховной власти.

Франц Шульц фон Штернвальд (подпись).

Подполковник императорской и королевской армии в качестве председателя.

Иосиф Франц (подпись),
майор и аудитор.

В судебном порядке — утвержден. В порядке помилования смертная казнь заменена пожизненным тяжким тюремным заключением (Schwerer Kerker) (каторгой).

Клейнберг,
генерал-майор.

Признан соответствующим и дословно тождественным с подлинником.

Императорского и королевского военного суда в Градчине в Праге 14 июля 1851 года.

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Приложение первое.

Милые и уважаемые друзья!

Рекомендую вам подателя этого письма Рёкеля, депутата только что распущенной второй палаты, одного из лидеров демократической партии в Саксонии, как одного из моих лучших друзей и *вполне* надежного и энергичного человека.

Он обращается к вам, чтобы сговориться с вами и вместе с вами связать чешское движение с движением в Германии.

Нам более нельзя терять времени, его нам остается очень мало на подготовку этого дела; если вскоре не начнется восстание, то придут русские, так как реакция в Европе действует по одному плану, а опорой всех реакционных предприятий является Россия. Мы вступили здесь в сношения с одним мадьярским агентом; через два-три дня мы, вероятно, получим деньги из Парижа, тотчас же пошлем вам некоторую сумму, в зависимости от того, сколько мы получим сами.

Я бы очень желал вашего приезда сюда, чтобы вы условились с нами, т.-е. с вышеуказанным мадьяром, двумя поляками, прибывшими из Парижа для работы с нами и со мной. Если это еще возможно, приезжайте в Дрезден и обратитесь к Виттигу, редактору Дрезденской газеты (Ostra-Allee), редакция «Дрезденской газеты».

Будьте здоровы и до скорого свидания!

Ваш *М. Бакунин*.

30 апреля, Дрезден. 1849 г.

Тотчас же сожгите это письмо.

Соответствует и дословно тождественно с подлинным, признанным им собственноручным, письмом Михаила Бакунина, приложенным к следственному делу литератора Карла Сабины.

Императорского королевского военного суда в Градчине в Праге 14 июля 1851 г.

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Приложение второе.

Милые друзья, вам уже известен податель этой записки — окажите ему полное доверие. — Он является к вам по моему поручению.

Ваш *Максимилиан*.

Соответствует и дословно тождественно с оригиналом, признанным Михаилом Бакуниным, приложенным к следственному делу литератора Карла Сабины.

Императорского королевского военного суда в Градчине в Праге. 14 июля 1851.

Иосиф Франц,
майор и аудитор.

Сообщил *Вяч. Полонский*.

М. А. Бакунин
по отчетам III отделения.

«Вечный бунтарь» М. А. Бакунин является любопытнейшей фигурой в истории не только русского, но и европейского революционного движения XIX века. Увеличение данных о жизни и деятельности его крайне ценно. С этою целью из просмотренных «отчетов» отделения за 1846 — 1851, 1854 — 1866, 1868 — 1869 гг. *) извлечены отрывки, определенно затрагивающие отдельные эпизоды из многообразной и кипучей жизни Бакунина. Эти отрывки идут с 1862 г., когда М. А. Бакунин, бежав из Сибири, прибыл к первым числам того же года в Лондон, и свидетельствуют о необыкновенно живой, вновь начавшейся революционной деятельности М. А., направленной на Россию и Польшу. Кроме Лондона, слежка за Бакуниным, велась и в Париже, приводя к результатам лондонских наблюдений. Пропаганда из Лондона старалась вовлечь в революционное движение раскольников, хотя бы сперва зарубежных. Таковы три факта, отмечаемые в нашем архивном материале 1862 г.

Данные за 1863 г. рассказывают о специальном эпизоде, тесно связанном с Бакуниным, а именно, об организации из Англии специальной экспедиции из польских волонтеров для высадки на побережьи Балтийского моря и проникновения отряда через Пруссию в Польшу.

Все перечисленные факты отмечены в литературе, посвященной революционному движению. Таковы статьи: М. К. Лемке в «Былом» **) и в собрании сочинений Герцена ***).

---

*) В них входит, — правда, не во все годы, — как самостоятельная часть, отдел «нравственно-политическое обозрение».

**) 1906 г., сент., окт. и дек.: «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами (по неиздан. источникам).»

***) Т. III изд. Павленкова, 1905 г. статьи: «Апогей и перигей; В. И. Кельсиев; М. Б. и Польское дело. Пароход Ward Jackson R. Weterli et C°. Lapinski colonel. Polles, aide de camp.»; А. И. Герцен, полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, Госиздат., Петерб. 1920. т. XV, №№ 1869, 1892, 1990 и др.

I) Нравственно-политическое обозрение за 1862 г.

Отдел под рубрикою: «О русских выходцах и о их сношениях в России и за-границею», сообщает следующее:

«Прибытие в начале минувшего года в Лондон бежавшего из Сибири Михаила Бакунина оживило деятельность русской пропаганды. Он немедленно вступил в сообщество с Герценом, Огаревым и Кельсиевым [1]) и заявил в «Колоколе» необузданную свою революционную решимость. Следовало ожидать усиленных замыслов для низвержения в России законного порядка, тем более, что наступавший срок открытия в Лондоне всемирной выставки представлял эмиграции удобный случай сближаться с отправлявшимися туда многими русскими. Посему осторожность требовала учредить в Лондоне самое близкое секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями. Предпринятые по сему предмету меры имели полный успех. Одному отправленному отсюда с этою целью лицу удалось приобресть доверие Герцена и Бакунина, которые через несколько времени, видя в нем полезного соучастника в деле революции, объяснили ему задуманную ими программу. Сия программа, в общих ее чертах, состоит в том, чтобы на всем пространстве России учредить отдельные кружки, каждый из пяти лиц, не более, привлекая в члены кружков, кроме образованного класса, и мещан, и дворовых людей, как посредников между тем классом и низшим слоем народа; на составленные же таким образом кружки возложить, как ближайшую задачу, утверждение крестьян в мысли, что земля принадлежит и должна принадлежать им; вместе с тем поколебать всеми средствами доверие народа к правительству, склонять войско на сторону переворота, и, наконец, подготовить общее требование о созыве земской думы *).

По словам самого Герцена, программа эта в отношении к народу не получила еще достаточного развития; без народа же, говорил он, ничего **) сделать нельзя, и потому невозможно начинать открытых

---

[1]) Примечания, обозначенные араб. цифрами, см. в конце этого тома.

*) Против данных, набранных в разрядку, слов Александром II по полю отчета карандашом написано: «Теперь ушли гораздо дальше».

**) Место в тексте «Одному отправленному отсюда... без народа же, говорил он, ничего» карандашом по полю отчеркнуто Александром II; им же подчеркнуты, кроме того, слова, набранные в разрядку как здесь, так и дальше.

действий до наступления окончательного срока для представления уставных грамот. Тогда, по его мнению, непременно будут восстания крестьян и вместе с тем наступит для них, революционеров, пора действовать, сосредоточивая восстания, дабы нельзя было оные подавить. Между тем он, Герцен, старается об увеличении числа своих корреспондентов в России и поддерживает волнение умов посредством своего журнала и других сочинений» (стр. 66 — 69).

По секретным наблюдениям было установлено, что Герцена посещают весьма многие люди, в числе их Ветошников [2]).

«Вследствие дознания в Лондоне же, что из числа помянутых Ветошников, оказавшийся потом купеческим приказчиком здешнего торгового дома Фрума, принял на себя при отъезде в Россию поручение от Герцена, сделано было распоряжение об его задержании на границе и об осмотре его бумаг. Между ними оказались революционные сочинения и письма от Герцена, Бакунина и Кельсиева, обнаружившие степень развития опасных их замыслов и несомненную виновность лиц, к которым письма были адресованы. Письма эти были переданы в высочайше учрежденную под председательством статс-секретаря кн. Голицына *) секретную следственную комиссию, где по ним производились подробнейшие розыскания. О сих последних изложено ниже в кратком обзоре действий комиссии.

Между тем дознания, сделанные в Лондоне, дополнялись в Париже посредством учрежденного и там секретного наблюдения за перепискою Герцена и Бакунина. Вследствие сего, кроме лиц, значившихся в бумагах, привезенных Ветошниковым, открыты еще многие другие корреспонденты и участники в Париже, Флоренции и Гейдельберге, как-то из русских: Лугинин [3]), Бакст [4]), Михайлов, Миротворцев, Тургенев [5]); из поляков же: названные в предыдущей статье члены варшавского центрального народного комитета — Цверцякевич [6]), Анборский [7]) и Сохновский [8]), некий Теодор в Гейдельберге, оказавшийся, по разведыванию, Новицким, и глава польской партии движения — Мирославский [9]). Содержание всех писем, сделавшихся известными, относится к политическим замыслам, обнаруживая в России деятельные подготовления к возмущению и собрание подписей для адреса на счет созвания земской думы. По польскому же вопросу выражается ожидание скорого взрыва, но в то же время со стороны Герцена и даже Бакунина слабые надежды на успех, по причине недостаточного приготовления польских крестьян и русских войск. Бакунин в письме к Цверцякевичу выразился, что если вспыхнет мятеж в Варшаве, хотя бы преждевременный, то он немедленно явится туда под знамена революции. Из перехваченного же письма Миро-

*) Место в тексте: «Вследствие дознания в Лондоне... ст.-секретаря кн. Голицына», Александром II отчеркнуто по полю карандашом.

**) Также отчеркнуто в тексте место: «Между тем дознания, сделанные в Лондоне... Тургенев».

славского к Бакунину *) видно было, что хотя они разошлись в мнениях на счет пределов будущего королевства польского, но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вместе прежде всего к революции. В том же письме Мирославский старался уверить Бакунина, что варшавского центрального комитета вовсе не существует, что это лишь обман, но что главная революционная сила заключается в партии его, Мирославского. В конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мирославским разрыв, который произошел отчасти под влиянием одного ловкого, анонимного подстрекательства. Тогда Бакунин стал печатать во французских и польских журналах колкие статьи против Мирославского. Вместе с тем Бакунин, сблизившись еще более с варшавским центральным комитетом, писал под адресом Коссиловского **) в Париже следующие слова: «Nous avons donné notre main à ce noble comité de héros obscurs, journaliers, mais dont le dévouement sans bornes affrontait les plus terribles dangers à se créer une formidable puissance polonaise au centre même de l'oppression moscovite-petersbourgeoise. Nous lui avons donné et nous lui garderons notre foi. — Вы жалеете, что комитет состоит из людей темных никому неизвестных — апостолы из кого состояли? и проч. ***)

Наконец, из письма Бакунина же во Флоренции под ложным адресом сделалось известным, что он имеет намерение приехать в С.-Петербург, когда представится к тому серьезный повод (там же, стр. 71—75)» ****).

Дальнейший отдел, — «Краткий обзор действий высочайше учрежденной секретной следственной комиссии *****)», — вскрывает и устанавливает, что захваченные многочисленные воззвания, целые группы лиц — революционеров, разбросанных по всей России, являются лишь «орудиями скрывающихся злоумышленников».

Больше всего заграничная пропаганда хотела затронуть и вызвать на активную деятельность раскольников.

---

*) Также отчеркнуто по полю и место в тексте: «и глава польской партии движения — Мирославский... Из перехваченного же письма Мирославского к Бакунину».

**) Тут ошибка. Не Коссиловский, а Коссимовский (см. полн. собр. соч. и пис. Герцена, Петр., 1920, т. XV, стр. 588, 604).

***) Полный перевод данного франц. текста его таков: «мы подали руку помощи этому благородному комитету героев скромной, повседневной работы, беспредельная самоотверженность которых встретила самую ужасную опасность, при создании могущества польской державы, в самом центре московско-петербургского гонения. Мы им дали слово и останемся ему верны»...

****) Данный отрывок помещен в № 1990, стр. 585 — 588, вышеуказ. XV т. полн. собр. соч. и пис. Герц. 1920 г.; там этот текст, как видно из примечания, воспроизведен по бумагам семейного архива Герцена; несомненно, для А. И. Герцена текст скопирован с того черновика, с которого списан и наш, поднесившийся царю, беловик. Поэтому текст, опубликованный в XV т., и не имеет собственноручных пометок царя, воспроизведенных в данной работе.

*****) В «Кратк. обзоре действий высочайше учрежд. секретн. следственной комиссии» непосредственных данных о Бакунине нет; выдержка же о влиянии лондон. пропаганды на раскольников из «Кратк. обзора действий выс. учр. секр. след. ком.» приводится ниже.

«Главные происки, — говорится в обозрении, — заграничной пропаганды направлены были на возмущение раскольников. Это видно из переписки Кельсиева, привезенной Ветошниковым и из письма Бакунина, взятых у весьма близкого ему, и по домашним отношениям, кандидата Набалдина [10]), и наконец из показаний разных лиц, между прочим вышеупомянутого Лялина [11]) и здешнего корреспондента Бакунина, маркиза Траверсе [12]), сознавшегося, что, находясь в Лондоне, он давал деньги на издание сочинений о расколе. Наиболее деятельные помощники Кельсиева и Бакунина по части раскола были в С.-Петербурге — Николай Серно-Соловьевич [13]), а в Москве — отставной штабс-капитан Петровский [14]); первый по книжной торговле, и последний, как переводчик и издатель разных иностранных сочинений о религиозных сектах. Сочинения эти вместе с «Общее Вече» и «Сборником»*) Кельсиева и предполагалось распространять в большом числе в Москве, во внутренних губерниях и особенно на нижегородской ярмарке, при чем имелось ввиду, кроме возмутительной цели, приобретение денег, в коих лондонская пропаганда для своих действий нуждается. Обнаружение этого обстоятельства побудило к учреждению в Нижнем Новегороде и в приволжских губерниях строжайшего надзора, и к высочайшему возложению особого по сему предмету поручения на генер. от кавал. фондер-Лауница, который исполнил свои обязанности с совершенным успехом **)» (там же «Кратк. обзор действий высоч. учрежденной секретной следственной комиссии», стр. 76 — 84).

II). Нравственно-политическое обозрение за 1863 год.

Здесь приводится рассказ о подготовке главн. комитетом эмиграции в Париже поляков-эмигрантов Европы к восстанию, при чем деятельности М. А. Бакунина за это время посвящаются следующие строки.

«Не довольствуясь отправлением небольших партий волонтеров в Польшу, парижский комитет, по соглашению с варшавским революционным правительством, задумал послать отдельную экспедицию в Балтийское море. Для приобретения судов и снаряжения экспедиции собрано было до 700 тыс. франков, из которых 400 тыс. пожертвованы Ксаверием Браницким [15]). В этом предприятии деятельное участие принял русский выходец Бакунин, постоянно поддержи-

---

*) Сочинения Кельсиева: «Сборник правит. сведений о раскольниках», Лондон, I — IV вып., 1860 — 1862 г.г. и журнал «Общее Вече» назначались для сплочения старообрядцев разных согласий в противо-правительственном движении; подробнее о них см. в цитир. XV т. полн. собр. соч. Герцена, Госизд., № 1892, а также статью М. Лемке: «Дело о лицах...», «Былое», 1906 г., сентябрь.

**) Весь последний абзац: «Главные происки заграничной пропаганды... свои обязанности с совершенным успехом» в оригинале Александром II отчеркнут по полю карандашом.

вавший тесные сношения с польскими революционерами, особенно с Цверцякевичем, получившим звание главного агента варшавского революционного правительства в Лондоне. Князь Конст. Чарторискій [16]) из Галиции, еще в начале марта через Париж проехавший в Лондон, по совещании с Цверцякевичем, отправился вместе с польским литератором Калинкою [17]) в Стокгольм, где вошел в сношение с демократическими журналистами Швеции и Дании. Вслед за ним прибыл туда под именем проф. Сулеса из Канады Бакунин, получивший инструкции от Цверцякевича. Князь Чарторискій, принятый при дворе, старался восстановить шведское правительство против России и направить общественное мнение в пользу поляков, для чего устраивал митинги не только в Стокгольме, но и в Упсале, в Христиании, в Норкепинге. Непосредственные сношения Калинки и Бакунина с шведскими журналистами, особенно с Сольманом, дополняли усилия Чарторискаго и распространяли по всей стране волнение в пользу Польши, возбуждая народные страсти и воспоминания, враждебные России.

Между тем лондонский комитет подготовлял все необходимое для снаряжения экспедиции, и 11/23 марта судно «Ward Jackson», принадлежащее компании Hartlepool, нагруженное 600 боченками с порохом, тремя нарезными орудиями, 1200 карабинами Минье и двумя тысячами сабель, с 300 волонтерами под командою мнимого полковника Лапинскаго и в сопровождении комиссара варшавскаго революционного правительства Феликса Домонтовича вышло из Темзы. Приготовления производились в такой глубокой тайне *), что наше посольство только накануне узнало о предприятии, почему и не могло воспрепятствовать выходу корабля. Впрочем, только что известие об экспедиции было получено, отсюда немедленно приняты все меры для уничтожения враждебного замысла.

16 марта «Ward Jackson» пришел в Копенгаген, где к экспедиции присоединился и Бакунин, прибывший из Стокгольма. Но капитан, узнав цель экспедиции, оставил корабль; большая часть экипажа последовала за ним. Тогда агент компании Hartlepool, желая предупредить конфискацию суда, набрал матросов в Копенгагене и немедленно отправил «Ward Jackson» в Мальме, где волонтеры принуждены были высадиться. Шведы приняли их с энтузиазмом; однако же, несмотря на происки Чарторискаго и Бакунина, уехавшаго с Домонтовичем и Лапинским в Стокгольм, правительство наложило на корабль и на груз секвестр, и хотя судно было впоследствии возвращено владельцам, но оружие и порох остались конфискованными.

Неуспех первой попытки имел благотворные последствия: хотя лондонский комитет еще прежде зафрахтовал у Гартлепульской компании два других парохода, «Gipsy-Queen» и «Dwina», но

*) Наш документ здесь совершенно искажает истину, так как, по свидетельству Герцена, приготовления шли хотя и «тихо», т.-е. медленно, но о них задолго до отплытия парохода «знала часть Лондона», и на проводы отъезжающих из Лондона волонтеров явилась толпа провожатых. (Соч. Герцена в изд. Павлен. 1905 г., т. III стр. 508 — 509).

неудача, постигшая «Ward Jackson», заставила отказаться от рискованного предприятия.

Впрочем, Чарториский и Бакунин продолжали действовать в Швеции в пользу поляков; но осторожность министерства и письма гамбургских банкиров, угрожавших шведскому правительству, в случае поддержки польского восстания, упадком кредита и невозможностью нового займа, привели к благоприятному результату. Сейм подал голос в пользу сохранения мира, и Чарториский, видя все свои усилия тщетными, выехал из Стокгольма, где остался один Бакунин, надеявшийся еще через Сольмана [18]) и других журналистов взволновать Финляндию. Вскоре прибыл к нему Герцен-сын, и шведские демократы воспользовались этим случаем, чтобы подогреть остывший жар. Они устроили в честь Бакунина, Герцена и Домонтовича обед, в котором приняли участие не более 140 человек, в том числе президент сословия крестьян, несколько членов этого сословия и сословия граждан, незначительное число духовных и военных, три или четыре дворянина весьма сомнительной репутации и большинство ремесленников и лавочников.

В то же время волонтеры, поселившиеся лагерем в Мальме, отправлялись небольшими партиями через Гамбург в Англию, чему деятельно помогали шведское правительство и гамбургская полиция. Наконец, и Лапинский вышел 4-го июня из Мальме на пароходе «Фультон» с последними 88 волонтерами, убежденными, что они возвращаются в Англию. Но ожиданиям их не суждено было исполниться. По приходе в Копенгаген, на пароход явился Домонтович*) и объявил, что они отправятся в Балтийское море с целью произвести высадку между Мемелем и Полангеном и через Пруссию пробраться в Польшу. Ночью, в открытом море, они перешли на ожидавшую их шхуну «Эмилия», нагруженную оружием, купленным в Копенгагене. Беспрепятственно достигли они Пруссии; но шлюпка, на которой они начали высадку, пошла ко дну, не дошедши до берега, и Лапинский, потеряв утонувшими 24 человека, отказался от дерзкого плана. Вся шайка высадилась на о. Готланде, где по распоряжению шведского правительства отобрали у них оружие и на военном судне отправили в Англию **)» (стр. 37 — 45).

То же «Нравственно-политическое обозрение» за 1863 г. под рубрикою: «Революционная деятельность русских выходцев», сообщает о Бакунине следующее:

«Во время пребывания Бакунина и Герцена-сына в Стокгольме между ними возникла ссора, едва не вызвавшая разрыва между Бакуниным и Герценом-отцом; но усилия Огарева повели к их примирению. Герцен снова сошелся с Бакуниным в Париже, куда последний прибыл по возвращении из Швеции. Там Бакунин сблизился

*) Интересные характеристики Лапинского и Домонтовича даны в цитир. собр. соч. Герцена, изд. Павленк. т. III, ст. «Пароход Ward Jackson».

**) Об этой неудачной экспедиции см. любопытн. указания М. Бакунина в XVI т. цитир. полн. собр. соч. Герцена. Госизд. №№ 2116 и 2121.

с Бюлозом [19]), редактором «Revue des deux mondes», пригласившим его принять в этом журнале участие. Бакунин согласился, и осенью, поселившись в Вэвэ, занялся составлением статей о Финляндии и Остзейских губерниях. В то же время он подготовлял к изданию свои собственные записки. В декабре он оставил Вэвэ и отправился в Италию. Был на о. Капрере, вероятно, для свидании с Гарибальди, оттуда прибыл во Флоренцию, где подружился с проживающим там русским выходцем Мечниковым [20]) (бывш. питомцем Александровского лицея). Мечников, служивший прежде в отряде Гарибальди адъютантом генерала Мильбица, живет обыкновенно в Ливорно, но в начале нынешнего года поселился во Флоренции, и на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против русского правительства».

Далее «Обозрение», говоря о плохо окупающейся издательской деятельности кн. Петра Долгорукова, отмечает, что «Герцен, Огарев и Бакунин принимают Долгорукова у себя, но не сближаются с ним и многого ему не доверяют» (там же, стр. 153 — 155).

Б. Пушкин.

К биографии Н. П. Огарева.

I) Исключение Н. П. Огарева из русского подданства.

Факт исключения Огарева из подданства известен в литературе. В свое время Герцен в № 122—123 «Колокола» опубликовал следующее правительственное сообщение:

«О считании отставного коллежского регистратора из дворян Николая Платонова Огарева вечным изгнанником из пределов отечества. Высочайше конфирмованным мнением государственного совета отставной коллежский регистратор из дворян, Николай Платонов Огарев, 46 лет, за неисполнение объявленного ему высочайшего повеления о возвращении из Англии в отечество, на основании 24 и 358 ст. XV т. зак. угол., I кн., лишен всех прав состояния и подвергнут вечному изгнанию из пределов государства, о чем и объявлено ему в Лондоне через русское посольство».

Самое же производство по делу об исключении Огарева из подданства целиком нигде до сих пор не было напечатано.

В первой своей стадии,— до рассмотрения дела пензенскими и инсарскими административными и судебными учреждениями,— производство находится в архиве III-го отделения соб. его имп. вел. канц. Им пользовался Лемке и кратко, с небольшими выдержками из некоторых документов, передал ход переговоров III-го отделения с Огаревым через посольство по поводу возвращения его в Россию и переписки центральных учреждений по тому же поводу и по поводу предания суду Огарева за неисполнение «высочайшего повеления» — (собр. соч. Герцена, т. IX, под ред. Лемке, стр. 575—577).

Мы помещаем производство в следующей стадии,— в стадии прохождения дела Огарева в пензенских и инсарских административных и судебных учреждениях. Из относящихся сюда документов два,— журнал заседания сената по I-му департаменту от 13 ноября 1859 г. о «поступлении по всем строгостям закона» с Огаревым за отказ вернуться в Россию и за сотрудничество с Герценом, и журнал заседания пензенского губернского правления от 19 ноября 1859 г. о конфискации недвижимого имущества Огарева, — опубликованы М. Гершензоном («Голос Минувшего» 1913 г. № 2, ст. 233—234).

Наши документы вместе с производством III-го отделения, которое, кстати сказать, следовало бы напечатать, дают полную картину этого эпизода в жизни Огарева.

Дело возникло в связи с последней поездкой Огарева в 1856 г. за границу. Он был несколько раз за границей, и всегда ему стоило немалых усилий получить разрешение на выезд. Требовалось непосредственное дозволение Николая I, который очень неохотно соглашался давать подобные разрешения. Но особенно трудно было получить Огареву заграничный паспорт, когда он собрался в 1856 г. окончательно покинуть Россию. На этот раз препятствием, несомненно, послужило подозрение Огарева в «политической неблагонадежности». Еще в 1850 г. обнаружено было через местную администрацию неблагоприятное в этом смысле для Огарева обстоятельство. Именно, в отчете III-го отделения за 1850-й год находится такого рода сообщение:

«Пензенский гражданский губернатор Панчулидзев объяснял, что предводитель дворянства инсарского уезда Тучков и помещик Селиванов обнаруживают вольный и противорелигиозный образ мыслей. После того помещик Рославлев донес, что Тучков [1]) и зять последнего, дворянин Сатин [2]), последуя секте коммунистов, вовлекают зятя его, Рославлева, дворянина Огарева в правила означенной секты и расстраивают его состояние.

Как донесения эти в некоторой степени подтвердились собранными справками, то, по высочайшему повелению, Тучков отрешен от должности предводителя дворянства и, как он, так равно дворяне Селиванов, Огарев и Сатин доставлены арестованными в С.-Петербург, а для рассмотрения дела о них составлена была особая комиссия из генерал-лейтенанта Дуббельта [3]) и тайных советников Лекса и Сагтынского.

Хотя обвинение в коммунизме не подтвердилось, но оказалось, что Тучков навлек на себя неудовольствие губернатора неосторожными суждениями и вмешивался в дела, до него не относящиеся; Селиванов в письмах и черновых сочинениях помещал сомнительные мысли, а Сатин и Огарев входили в неприличные отношения к семейству Тучкова. Поэтому Тучкову было воспрещено жительствовать в Пензенской губернии, Селиванов переведен на службу в Вятку и оба они, равно Огарев и Сатин, подвергнуты полицейскому надзору. Как последующие сведения получались о них удовлетворительные, то в исходе ноября, при общих милостях, они освобождены от надзора и от всех других ограничений» (л.л. 27 об —29).

Хотя, как видим, дело это кончилось, в общем для Огарева благополучно, тем не менее, тень на него пала. В то же время пример Герцена, отношения к которому Огарева не были тайной для правительства, заставлял Николая I быть на-стороже, и он долго не соглашался отпустить Огарева. Основанием для выезда могла быть только болезнь. Огарев действительно нуждался в лечении, но для получения разрешения на выезд за границу нужны были наглядные доказательства болезни. И Огарев, как рассказывает его жена Н. А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях, должен был, показываясь в общественных местах, симулировать свою болезнь.

Для ускорения дела пришлось прибегнуть к протекции — обратиться к посредничеству двоюродного брата Н. П., генералу Н. А. Огареву. 16 января 1856 г. последний получил уведомление о разрешении, наконец, Н. П. Огареву заграничного отпуска. Письмо на имя генерала об этом гласило следующее:

«Милостивый Государь, Николай Александрович!

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что отставному коллежскому регистратору Огареву всемилостивейше дозволено с женою отправиться к Гастейнским минеральным водам и в северную Италию для излечения болезни и что заграничный для него паспорт завтрашнего числа будет препровожден к г. с.-петербургскому военному генерал-губернатору». [4]).

В апреле 1856 г. Огарев был уже в Берлине, а в мае в Лондоне. Поселившись окончательно в Лондоне, Н. П. Огарев принял самое деятельное участие в издательской работе Герцена, вплоть до самой смерти последнего. С этого времени жизнь и работа Огарева неразрывно связаны с Герценом. О возвращении в Россию после этого не могло быть конечно, речи, Огарев фактически уже был изгнанником, как и его друг Герцен.

---

[1]) А. А. тесть Огарева, который вторым браком был женат на Н. А. Тучковой-Огаревой.

[2]) Н. М., поэте, переводчик; друг Огарева и родственник по первому браку.

[3]) Л. В., генер.-лейтенант, шеф жандармов с 1839 г.

[4]) «Русские Пропилеи» т. 4, стр. 146, № 54.

Тем не менее, правительство, с большим притом опозданием (через 3 года), подняло об Огареве вопрос. Сначала предложило ему вернуться в Россию, а затем, так как он отказался сделать это, предало его суду. Письмо Огарева Александру II с отказом вернуться в Россию напечатано в 46 номере «Колокола». Воспроизводим его ввиду того, что оно до сих пор не было перепечатано и малоизвестно.

Государь!

Ваше царствование — великий шаг в русской жизни. Словом «освобождение крестьян» вы вызвали русские силы к деятельности и положили основание светлой будущности России.

Глубоко увлеченный вашим благородным начинанием, я высказал мое чувство в 9 листе «Колокола» и стал подписывать мое имя под моими статьями, полный веры, что ваше величество оценит откровенность, внушенную уважением к вашей личности.

С тех пор прошло более года. Ныне 3-ье отделение требует моего возвращения в Россию, требует до истечения законного срока паспорта, требует именем вашего величества.

Последнему я не верю, это только непростительное злоупотребление вашего имени.

Обрекая себя на мое заветное дело — посильно разъяснять русские вопросы и перед лицом вашего величества и моих сограждан обличать зло и неправосудие, свирепствующее в России, — я глубоко чувствую, что здесь, в Лондоне, я полезнее моему отечеству, чем бы я мог быть дома.

Мне тяжело на чужбине, я слишком русский человек и слишком мало верю в Европу, чтобы выносить заграничную жизнь без глубокой тоски по родине. Но, раз принявшись за дело по убеждению, я не могу оставить моего поста, не унижаясь перед собственной совестью.

И в наше время 3-ье отделение вызывает меня. В то время, когда вопрос об освобождении крестьян близок к решению, когда ваше величество более и более склоняетесь к мысли о необходимости немедленного выкупа их со всею их землею, без урочного положения, которое могло бы только навлечь на Россию смуты, совершенно устраняемые немедленным повсеместным выкупом.

В то время, когда Россия стремится, чтобы война, может, неизбежная, не приостановила вопросы внутреннего развития, которые важнее всяких войн не только для судеб России, но и всего человечества.

В то время, когда и самая война, если не замедлит внутреннего развития, то положит решение мировой задаче ввода славянских общинных племен в историческую жизнь.

В это время, полное громадной будущностью, 3-ье отделение, как бы в подтверждение ненужности своего вредного существования, находит досуг заботиться обо мне! Вся смешная сторона этого жалкого преследования падет, конечно, не на меня, а на 3-ье отделение, государь! По его полицейскому вызову я не могу ехать в Россию.

Я возвращусь, когда в России будет властвовать ваша освобождающая воля, а не произвол сановников своекорыстных, неправосудных и бездарных, застилающих от вас правду и живую жизнь русского народа. Я возвращусь, когда отсутствие административного насилия, гласность суда и возможная свобода печати обеспечат личность и слово. Я возвращусь — не по вызову 3-го отделения, а потому, что вы сами, государь, признаете необходимость свободного въезда в Россию всем истинным сынам ее.

Государь! я лично ничего не прошу у вас; мое письмо бескорыстно.

Примите его за то, что оно есть, за чистый голос правды и любви к отечеству.

Вашего величества всеподданнейший слуга

Николай Огарев.

Лондон, (11 мая) 30 апреля 1859 года.

Дело началось, согласно высочайшему повелению о предании Огарева суду, 2-го ноября 1859 г., когда I отделение 6 департамента сената получило соответствующее распоряжение, и закончилось в конце 1861 г., т.-е. тянулось 2 года.

В сущности приговор суда для подсудимого, порвавшего с родиной, был безразличен, а для правительства бесцелен, так как Огарев находился за пределами России и был недосягаем. Тем не менее, независимо от реальных последствий суда, без вручения повестки обвиняемому и без явки его на суд, дело было начато и прошло все, требуемые законом, инстанции и было чисто канцелярским путем закончено, согласно бюрократическому требованию «зарешить» каждое, раз начатое, дело. Возбужденное наверху, в центре, в прав. сенате и госуд. совете, оно потом постепенно спускалось вниз — в пензенское губернское правление, в пензенскую уголовную палату, в инсарский уездный суд. Отсюда вновь направлялось в центр и, наконец, в последней стадии вернулось для «зарешения» опять в пензенские учреждения, где и должно было оставаться на хранении. При этом каждая инстанция рассматривала дело и каждая с своей стороны отлучала Огарева от земли и воды. По ходу дела требовались сведения об имущественном положении Огарева и об его службе, и такого рода сведения находятся в печатаемых документах.

Помещаются они частью целиком, частью с выпусками, ввиду повторяемости содержания некоторых.

Самое дело хранится в б. архиве министерства юстиции, в производстве сената по I отделению 6 департамента [1].

II) Материалы по делу Н. П. Огарева.

I.

1859 года ноября 11 дня. В журнале 1-го отделения 6-го департамента правительствующего сената записано [2]:

Слушали ведение 1-го департамента правительствующего сената от 2 ноября 1859 года за № 48542, в коем изъяснено предложение г. управляющего министерством юстиции тайного советника и кавалера Дмитрия Николаева Замятнина, от 28 минувшего октября за № 17939,

[1] Во время печатания наших материалов об Огареве появилась статья А. И. Миловидова «Суд над Н. П. Огаревым» в первом номере журн. «Русское Прошлое», стр. 132 — 137, в которой автор излагает историю того судебного процесса Огарева, к которому относятся и публикуемые нами материалы. Автор статьи пользовался архивом сената и тем, что было напечатано в связи с делом Огарева в «Колоколе», и по существу излагает и цитирует материал, который уже использован был Лемке в его примеч. к IX т. соч. Герцена. Поэтому как после примечаний Лемке, так и после статьи Миловидова публикуемые ниже документы, поскольку вообще желательна в деле Огарева полнота относящегося сюда материала, сохраняют свой интерес.

[2] На поле в начале текста приписка: «Указ принял 23 ноября 1859. № 6961. В. Зарин».

что помещик Пензенской губернии отставной коллежский регистратор Николай Огарев уволен в январе 1856 года, для излечения болезни к Гастейнским минеральным водам и в Италию. В 1857 году, находясь в Англии, он объявил себя сотрудником изгнанника Герцена по изданию печатаемого в Лондоне листка «Колокол» и помещает с тех пор статьи свои в том листке. Государь император в апреле месяце сего года высочайше повелеть соизволил объявить коллежскому регистратору Огареву, чтобы он немедленно возвратился в отечество, и что в случае неисполнения сего он подвергнется ответственности по всей строгости законов. О сем ему было объявлено чрез посредство российского посольства в Лондоне, но он означенного высочайшего повеления не исполнил. По доведении об этом до сведения государя императора его императорское величество высочайше повелеть соизволил сделать надлежащее распоряжение о поступлении с коллежским регистратором Огаревым по всей строгости законов. О таковом высочайшем повелении от г. управляющего министерством юстиции — предлагается правительствующему сенату к надлежащему исполнению.

Определено: о таковом высочайшем его императорского величества повелении, для надлежащего по оному исполнения, пензенскому губернскому правлению послать указ, а в 1-е отделение 6-го департамента правительствующего сената сообщить ведением. *Приказали:* усматривая из ведения 1 департамента правительствующего сената за № 48548, что об исполнении означенного высочайшего повеления уже предписано указом пензенскому губернскому правлению, правительствующий сенат определяет пензенскому губернскому правлению предписать указом немедленно донести правительствующему сенату о распоряжении, какое им сделано по означенному указу правительствующего сената.

Подлинный за подписанием правительствующего сената к исполнению пропущен ноября 17-го. Исполнен ноября 19 дня 1859 года.

Подписи [1]).

II.

В правительствующий сенат из пензенского губернского правления

Рапорт.

По присланному его императорского величества из правительствующего сената указу от 19-го ноября 1859 года № 6961 предписано губернскому правлению немедленно донести правительствующему сенату о распоряжении, какое сделано по указу правительствующего сената по 1-му департаменту от 2-го ноября сего года № 48538 о поступлении с коллежским регистратором Огаревым по всей строгости законов за неисполнение высочайшего повеления о возвращении в отечество. И по тому его императорского величества указу правительствующему сенату губернское правление имеет честь донести,

[1]) 14 декабря 1859 г. пензенское губернское правление донесло сенату о принятых им мерах по делу Огарева в печатаемом далее рапорте.

что вследствие означенного выше указа обстоятельство о неисполнении высочайшего повеления коллежским регистратором Огаревым предоставлено суждению инсарского уездного суда, которому о том с копиею указа правительствующего сената 19 ноября за № 13969 послан указ, вместе с тем предписано инсарскому земскому суду имение Огарева, буде таковое в том уезде у него окажется, по основанию 368 ст. XV т. улож. о нак. взять немедленно в опеку и донести, не имеет ли Огарев еще где имения и если где имеет, то где именно, т.-е. какой губернии и уезда. Сведения эти велено земскому суду доставить чрез неделю по получении указа, о наблюдении за исполнением сего в то же время предписано инсарскому уездному стряпчему, о чем и донесено правительствующему сенату по 1-му департаменту 26 Ноября № 14142. *Подписи.*

№ 15448. Декабря 14 дня 1859 года [1]).

III.

В правительствующий сенат из пензенского губернского правления

Рапорт.

По присланному его императорского величества из правительствующего сената указу от 11 июня 1860 года за № 2999 предписано губернскому правлению принять решительные меры к скорейшему окончанию дела о поступлении с коллежским регистратором Огаревым по всей строгости законов за неисполнение им высочайшего повеления о возвращении в отечество и безотлагательно донести о настоящем положении сего дела. И по тому его императорского величества указу правительствующему сенату губернское правление имеет честь донести, что обстоятельство о невозвращении из-за границы в отечество Огарева губернское правление предоставило рассмотрению инсарского уездного суда.

Что же касается до имения Огарева, которое на основании 368 ст. улож. о наказ. должно взять в опеку, то, усматривая из собранных сведений, что за самим Огаревым и родителями его в 1839 году состояло родовое имение в Пензенской, Орловской и Рязанской губерниях, губернское правление предписало 30 марта сего года земским судам Пензенской губернии учинить каждому по своему уезду розыск о принадлежности Огареву имения, равно сообщило в орловское и рязанское губернские правления о доставлении сведений, не окажется ли где-либо в тех губерниях принадлежащего Огареву имения, о чем требования в губернские правления повторены, а земским судам подтверждено 21 мая...[2]) По донесению же инсарского уездного суда,

[1]) Повидимому, в правящих кругах спешили с приведением в исполнение высочайшей воли относительно Огарева, и сенат, находя, что пензенское губернское правление медлит, предписал ему на основании высочайшего указа от 11-го июня 1860 г. «принять решительные меры» к ускорению дела. Правление рапортовало сенату 13 июля того же года (см. далее).

[2]) Опущены, как и ниже, не имеющие интереса подробности переписки.

что означенное дело представлено им на ревизию в пензенскую уголовную палату, губернское правление того же 21 мая сообщило в оную палату о доставлении сведений, обревизовано ли его означенное дело и в каком положении найдено при ревизии, об этом 31 мая № 5327 донесло и правительствующему сенату по 1 департаменту. После того от земских судов получены донесения, что по сделанному ими розыску принадлежащего Огареву имения в их уездах не оказалось, от уголовной же палаты и губернских правлений орловского и рязанского уведомлений и доселе не доставлено, о чем в оные еще 5 июня повторено, с тем, чтобы они сколь возможно ускорили доставлением ожидаемых уведомлений.

Подписи.

№ 6956. Июля 13 дня 1869 года [1]).

IV.

1860 года июня 30-го дня. По указу его императорского величества правительствующий сенат *слушали:* записку из дела, представленного исправляющим должность начальника Пензенской губернии на основании 699 ст. XV т. свод. зак. уголовн. II кн. (изд. 1857 г.) при рапорте за № 3452, об отставном коллежском регистраторе Николае Огареве, судимом за неисполнение высочайшего повеления о возвращении в отечество. *Приказали:* о таковом высочайшем повелении правительствующий сенат (по 1 департаменту) дал знать указом от 2 ноября 1859 года за № 48538 пензенскому губернскому правлению для надлежащего по оному исполнения. Вследствие сего губернское правление обстоятельство о неисполнении высочайшего повеления коллежским регистратором Огаревым предоставило суждению инсарского уездного суда, а о сделании повсеместного розыскания, не окажется ли где-либо какого населенного и недвижимого имения, принадлежащего ему, Огареву, сделано должное распоряжение. Из копии с формулярного списка о службе Огарева, составленного в 1839 году, видно, что он происходит из дворян, от роду имеет 25 лет, в службу вступил государственной коллегии иностранных дел в московский архив студентом 1832 года января 11-го, по новому образованию московского главного архива назначен в должность актуариуса 1833 года 24-го апреля, по высочайшему повелению перемещен в Пензенскую губернию на службу, вследствие чего определен в пензенское губернское правление с откомандированием в канцелярию гражданского губернатора 19 апреля 1835 года, аттестовался способным и достойным [2]), женат на дочери надворного советника Рославлева Марье, детей не имеет, родового имения

[1]) Вместе с тем исправляющий должность начальника Пензенской губернии представил в сенат от 7-го июня 1860 г. рапорт по делу Огарева и при нем краткую записку с изложением всего дела (ввиду повторения в ней всего предшествующего она нами опускается). Сенат, получив рапорт и дело, положил на нем свою резолюцию.

[2]) В 1838 — 39 г. Огарев переехал в Москву и поступил на службу в сенат в 8-й департамент канцелярским служителем, откуда в 1840 г. был уволен, согласно прошению, в отставку.

за ним и за родителями его в губерниях: Пензенской, Рязанской и Орловской 3945 душ, в 1834 году был под следствием, и по представленному докладу следственной комиссии в Москве высочайше повелено отослать в Пензу на службу под строгий надзор местного начальства и наблюдение отца.

Пензенская уголовная палата рассмотрев обстоятельства сего дела, решением, состоявшимся 16 мая 1860 года и утвержденным начальником губернии, определила отставного коллежского регистратора Николая Платонова Огарева 46 лет за неисполнение объявленного ему высочайшего повеления о возвращении из Англии в отечество на основании 24 и 368 ст. XV т. зак. уголов. I кн., лишив всех прав состояния, подвергнуть вечному изгнанию из пределов государства, о чем и объявить ему чрез российское посольство.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела правительствующий сенат находит, что отставной коллежский регистратор Николай Огарев, уволенный в январе 1856 года для излечения болезни к Гастейнским минеральным водам и в Италию, самовольно отлучился в Англию, объявив себя сотрудником изгнанника Герцена по изданию печатаемого листка «Колокол», помещая в нем свои статьи, и не исполнил объявленного ему высочайшего повеления о возвращении в отечество, за каковое ослушание он подвергается наказанию, определенному 368 ст. XV т. зак. уголов. I кн., а потому согласно с решением уголовной палаты определяет: отставного коллежского регистратора Николая Платонова Огарева 46 лет, лишив всех прав состояния, подвергнуть вечному изгнанию из пределов государства, о чем и объявить ему чрез российское посольство в Лондоне. — Но предварительно на приведение сего решения в исполнение согласно 699 ст. XV т. зак. уголов. I кн. испросить установленным порядком высочайшее его императорского величества соизволение.

Подлинное за подписанием правительствующего сената пропущено к исполнению 28 октября 1860 года [1]).

V.

В правительствующий сенат из пензенского губернского правления

Донош е н и е.

По присланному его императорского величества из правительствующего сената указу от 11 июня 1860 года № 2999 предписано губернскому правлению принять решительные меры к скорейшему окончанию дела о коллежском регистраторе Огареве и донести безотлагательно о положении сего дела. И по тому его императорского вели-

[1]) Между тем пензенское губернское правление, исполняя предписание сената о «принятии решительных мер» к окончанию дела Огарева, донесло об этом сенату рапортами от 5 сентября 1860 г. и 15 ноября того же года.

чества указу правительствующему сенату губернское правление имеет честь донести, что дело о коллежском регистраторе Огареве палатою уголовного суда решено и 7 июня представлено от начальника губернии в правительствующий сенат.

Подписи.

№ 4535. 5 сентября 1860 года.

VI.

В правительствующий сенат из пензенского губернского правления

Рапорт.

О действительном исполнении по присланному указу.

По присланному его императорского величества из правительствующего сената указу от 11 июня 1860 года № 2999 предписано губернскому правлению принять решительные меры к скорейшему окончанию дела о коллежском регистраторе Огареве, судимом за неисполнение высочайшей воли о возвращении из-за границы в отечество и донести безотлагательно о положении сего дела. И по тому его императорского величества указу правительствующему сенату губернское правление честь имеет донести, что о имении коллежского регистратора Огарева, которое на основании 368 ст. улож. о наказаниях следует взять в опеку, собирались сведения, но по сведениям этим открылось, что находившееся в Пензенской губернии имение Огаревым продано, а хотя по списку о службе Огарева, составленному в 1839 г., и значится, что за родителями его и у него самого состояли в то время имения в Пензенской, Рязанской и Орловской губерниях 3945 душ, но по отзыву орловского и рязанского губернских правлений имения, Огареву принадлежащего, по тем губерниям не открыто. Самое же об Огареве дело, по решении палатою уголовного суда, от г. начальника губернии 7 июня представлено в правительствующий сенат.

Подписи.

№ 8176. 15 ноября 1860 года [1]).

VII.

Правительствующего сената из общего собрания 1-х 3-х департаментов и департамента герольдии в 6-й департамент.

Ведение.

Правительствующий сенат в общем собрании 1-х 3-х департаментов и департамента герольдии *слушали* предложение г. управляющего министерством юстиции тайного советника и кавалера Дми-

[1]) Из сената дело перешло в государственный совет, откуда вернулось в сенат и было заслушано им в соединенном присутствии 3-х департаментов и департамента герольдии и передано обратно в 6-й департамент для приведения в исполнение приговора.

трия Николаевича Замятнина от 9 января 1861 г. за № 171, с представлением высочайше конфирмованных мнений государственного совета по делам об отставных: 1) коллежском регистраторе из дворян Николае Огареве и 2) губернском секретаре Алексее Тихонравове. *Приказали:* Исполнение по силе высочайше конфирмованным мнениям государственного совета предоставить учинить 6 департаменту правительствующего сената, для чего препроводить в оный с тех мнений при ведении копии, которые при сем и прилагаются.

Подписи.

VIII.

Копия со списка.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему».

В С.-Петербурге, 7 декабря 1860 года.

Мнение государственного совета.

Государственный совет в департаменте гражданских и духовных дел, по рассмотрении определения правительствующего сената 6 департамента об отставном коллежском регистраторе, из дворян, Николае Огареве (46 лет), признав его, по обстоятельствам дела, виновным в неисполнении объявленного ему высочайшего повеления о возвращении в отечество, *мнением положил:* утвердить по сему делу заключение правительствующего сената, вследствие сего: отставного коллежского регистратора Николая Огарева на основании приведенного в том заключении узаконения, лишив всех прав состояния, подвергнуть вечному изгнанию из пределов государства.

За председателя государственного совета (подписал) граф Блудов.

IX.

1861-го года февраля 6-го дня. По указу его императорского величества правительствующий сенат *слушали:* ведение правительствующего сената общего собрания 1-х 3-х департаментов и департамента герольдии следующего содержания. (Далее излагается содержание самого дела.)

Правительствующий сенат в общем собрании 1-х 3-х департаментов и департамента герольдии *слушали* предложение г. управляющего министерством юстиции тайного советника и кавалера Дмитрия Николаевича Замятнина от 9 января 1861 г. за № 171, с представлением высочайше конфирмованных мнений государственного совета по делам об отставных: 1) коллежском регистраторе из дворян Николае Огареве и 2) губернском секретаре Алексее Тихонравове. *Заключено:* Исполнение по силе высочайше конфирмованным мнениям государственного совета предоставить учинить 6-му департаменту правительствующего сената, для сего препроводить в оный с тех мнений при ведении копию. *Приказали:* О точном и немедленном исполнении высочайше конфирмованного мнения государственного совета о коллежском регистраторе из дворян Николае Огареве пензенской уголовной палате с препровождением подлинного дела предписать указом.

Подлинное за подписанием правительствующего сената пропущено к исполнению 10 и исполнено 13 февраля 1861 года [1]).

X.

В правительствующий сенат пензенской палаты уголовного суда

Рапорт.

Зачем по присланному указу исполнения на срок учинить невозможно.

Его императорского величества указом правительствующего сената от 13-го сего февраля за № 631 предписано сей палате немедленно исполнить высочайше конфирмованное мнение государственного совета о коллежском регистраторе Николае Огареве и при оном возвращено подлинное о нем дело. И по тому его императорского величеству указу правительствующему сенату уголовная палата имеет честь донести, что о точном и немедленном исполнении высочайше конфирмованного мнения государственного совета о коллежском регистраторе Огареве палата 23 сего февраля отнеслась в пензенское губернское правление с требованием о последующем уведомлении и того же 23 числа подлинное дело отослала в инсарский уездный суд для хранения. *Подписи.*

№ 109 февраля 24 дня 1861 года.

XI.

Ведомость.

Пензенской палаты уголовного суда о неисполненном указе правительствующего сената за январскую треть 1861 года № 7196. 3 октября 1861 года.

Время получения указа: 1861 года февраля 20. Содержание указа правительствующего сената: указ правительствующего сената 6 департамента по 1 отделению от 13 февраля за № 631 о немедленном исполнении высочайше конфирмованного мнения государственного совета по делу об отставном коллежском регистраторе Огареве.

Объяснение о причине неисполнения указа: Об исполнении сего указа сообщено в пензенское губернское правление 23 февраля за № 495, о чем донесено правительствующему сенату 24 того февраля за № 109. *Подписи.*

Распоряжение губернского правления: пензенская уголовная палата о сделанном по сему делу распоряжении уведомлена 14 марта 1861 года № 1801. *Подписи.*

(Дела правительствующего сената Пензенской губ. 1859 г. Производство 1-го отд. 6-го департамента пр. сен. д. № 126, лл. 1—27).

В. Алексеев.

[1]) 6-й департамент сената послал указ о немедленном исполнении высочайше конфирмованного мнения государственного совета пензенскому губернскому правлению и в начале 1861 г. дело Огарева было наконец «зарешено».

Из материалов о П. Л. Лаврове.

В конце 1863 г. известный книгопродавец М. О. Вольф приступил к изданию журнала под названием «Заграничный Вестник». Журнал этот, по предположению издателя, должен был служить «отголоском всего замечательного, честного и дельного в литературе и науке Запада и знакомить читателей с важнейшими отдельными сочинениями, целиком или в отрывках и извлечениях». Предположение это не оправдалось. Журнал, заключая в себе незначительные переводные статьи, с трудом продержался три года (1864—1866 г.г.) и не оставил по себе заметного следа в истории русской журналистики. Еще в 1880-х годах в магазине Вольфа можно было приобрести годовые полные комплекты «Заграничного Вестника» по удешевленной цене.

Сперва редактором нового журнала был утвержден П. Цейдлер, редактировавший до этого времени еженедельное издание для народа «Воскресный Досуг», но еще до выхода «Заграничного Вестника» в свет, за отъездом Цейдлера за границу, Вольф пригласил на его место П. Л. Лаврова, на что последний и согласился. III отделение, к которому цензурный комитет обратился за сведениями о личности Лаврова, категорически высказалось против утверждения его редактором повременного издания, и таким образом мысль о редакторстве Лаврова не осуществилась.

Ниже приводятся полностью все документы, касающиеся этого малоизвестного эпизода из жизни П. Л. Лаврова, хранящиеся в I отделении IV секции Единого Государственного Архивного Фонда.

I. В Санкт-Петербургский цензурный комитет.

Прошение полковника
Петра Лавровича Лаврова.

По случаю отъезда г-на Цейдлера за границу, соглашаясь на предложение книгопродавца Вольфа принять на себя обязанности редактора журнала «Заграничный Вестник» согласно утвержденной программе, честь имею покорнейше просить цензурный комитет об утверждении меня в звании редактора этого издания, для чего и прилагаю при сем копию с формулярного списка о моей службе и свидетельство о моей личности.

Артиллерии полковник *Петр Лаврович Лавров.*

С.-Петербург, декабря 10 дня 1863 г.

II. Копия с послужного списка выдана полковнику Лаврову для подания в цензурный комитет по случаю принятия журнала.

Полный послужной список полковника Лаврова. Составлен 6 декабря 1863 г.

I. Чин, имя, отчество и фамилия.	Полковник Петр Лавров, сын Лаврова.
II. Должность по службе.	Учитель III рода по предмету математики и член конференции Михайловского артиллерийского училища.
III. Ордена и знаки отличия.	Кавалер орденов: св. Станислава 2 степ. и св. Анны 3 степ., имеет бронзовую медаль на андреевской ленте в память войны 1853—1856 годов и знак отличия беспорочной службы за XV лет.
IV. Когда родился.	В 1823 году.
V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.	Из дворян Псковской губернии.
VI. Какого вероисповедания.	Православного.
VII. Где воспитывался.	В Михайловском артиллерийском училище.
VIII. Получаемое по службе содержание.	жалованья . . . . 687 р. — к. добавочного . . . 687 » — » квартирных . . . 285 » 70 » Итого . . 1.659 р. 70 к.

IX.

Прохождение службы:

когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба.

	Год	Месяц	Число
В службу вступил в Михайловское артиллерийское училище фейерверкером	1838	февраля	18
Переименован юнкером	1840	января	30
Портупей-юнкером	1841	сентября	27
Произведен в прапорщики с состоянием по артиллерии с оставлением при училище для продолжения курса наук	1842	августа	8
За отличие в науках подпоручиком	1843	сентября	4
По окончании курса наук оставлен при училище репетитором математических наук	1844	июня	23
Поручиком	1845	февраля	27
со старшинством с	1845	июня	23
Награжден полугодовым жалованием 145 руб.	1848	января	28
Утвержден учителем 3 рода по предмету алгебры	1849	марта	23
Штабс-капитаном	1850	января	1
Переведен л.-г. во 2-ю артиллерийскую бригаду	1853	апреля	19
Утвержден членом конференции Михайловского артиллерийского училища	1853	сентября	26
Командирован на каникулярное время в гор. Нарву в помощь командиру тамошнего гарнизона	1855	июня	25
Капитаном	1855	марта	27
Награжден орденом св. Анны 3 степ.	1858	апреля	17
Полковником с зачислением по полевой артиллерии	1858	апреля	17
Утвержден наставником-наблюдателем в Константиновском военном училище с оставлением при прежних должностях	1860	июня	8
Награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет	1859	августа	22
Награжден орденом св. Станислава 2 степ.	1861	апреля	23

X.

Бытность вне службы.

В отпусках был:	Год	Месяц	Число
На каникулярное время с	1853	мая	21
На 15 дней с	1855	сентября	2
» » » »	1856	мая	31
» » » по	—	августа	6
На каникулярное время с	1857	мая	31
» » » »	1858	мая	29
» » » »	1859	июня	4
» » » »	1860	июня	7
» » » »	1861	июля	4
Из отпусков сих возвращался в срок	—	—	—

XI. Холост или женат, на ком, имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания.	Женат на вдове титулярного советника Ловейко, Антонине-Цецилии, урожденной Катер, имеет детей: сыновей: Михаила, родившегося 8-го ноября 1848 г., Сергея, родившегося 11 мая 1855 г., и дочерей: Елизавету, родившуюся 22 ноября 1849 г., и Марию, родившуюся 17 ноября 1851 г.; жена исповедания лютеранского, а дети — православного.
XII. Есть ли за ним, за родителями его, за женою недвижимое имущество родовое или благоприобретенное.	Имеет родовое и наследственное в Псковской губернии, в Великолукском уезде, два села и оброчные деревни в Торопецком уезде той же губернии.
XIII. В штрафах по суду или без, также под следствием, был ли?	Не был.
XIV. Бытность в походах и делах противу неприятеля.	Не был.

Подлинный подписал начальник Михайловского артиллерийского училища генерал-майор Платов.

III. Свидетельство [1]).

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем сим, что г. артиллерии полковник Петр Лаврович Лавров известен нам как человек благонамеренный и вполне способный принять на себя редакцию предпринимаемого книгопродавцем М. О. Вольфом издания журнала «Заграничный Вестник». — С.-Петербург. Декабря 1863 г.

Действительный статский советник Иван Карлов Гебгардт.

Действительный статский советник Владимир Михайлов.

Действительный статский советник Ф. Шульц.

С.-Петербургский Цензурный Комитет
12 декабря 1863 г.
№ 638.

IV. Его превосход-ву А. Л. Потапову.

Милостивый государь

Александр Львович!

Надворный советник Цейдлер, по случаю отъезда своего за границу, просит о разрешении ему передать редакцию журнала «Заграничный Вестник» артиллерии полковнику Петру Лаврову.

Сообщая об этом вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением, не встречается ли со стороны III отделения собственной его императорского величества канцелярии препятствий к дозволению г. Лаврову принять на себя обязанности редактора по изданию «Заграничного Вестника».

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Тургнов.

III-е отделение собственной его императорского величества канцелярии.
Экспедиция 1.
16 декабря 1863 г.
№ 4867.

V. Его превосход-ву М. Н. Турунову [2]).

Секретно.

Милостивый государь

Михаил Николаевич!

Вследствие отношения за № 638 на назначение г. Лаврова редактором журнала «Заграничный Вестник», разрешения г. министра внутренних дел не последовало. 17 декабря.

По просьбе редактора журнала «Заграничный Вестник» надворного советника Цейдлера, о дозволении ему передать редакцию сего журнала артиллерии полковнику Лаврову—считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что по сведениям, имеющимся о полковнике Лаврове, он не может быть редактором журнала.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Сообщ. *Александр Потапов.*

---

[1]) Документы I, II и III см. д. Спб. ц. к. 1863 г. № 83.

[2]) Документы IV и V см. д. центр. управл. по ценз. ведом. 1863 г. № 248.

А. И. Герцен и цензура в 1890-х годах.

В 1871 г. последовало высочайшее повеление «о недопущении к выпуску в свет сочинений государственных преступников, эмигрантов и лиц, тайно оставивших отечество, под каким бы видом сочинения эти ни появлялись». Этим сразу был наложен запрет на произведения всех наших многочисленных политических изгнанников, и в том числе и на сочинения А. И. Герцена. В продолжение последовавших затем 20 лет не делалось даже попытки переиздать хотя бы некоторые из тех сочинений Герцена, которые в свое время были уже рассмотрены цензурой и интерес к котором никогда не угасал среди русских читателей. Только в 1890 г. редактор-издатель журналов «Пантеон литературы» и «Семейная библиотека» Чудинов решился обратиться в петербургский цензурный комитет за дозволением ему выпустить в свет наиболее популярное из беллетристических произведений Герцена, роман «Кто виноват?». Оказалось, что за это время взгляды правительства до некоторой степени смягчились и что цензурное ведомство решилось применять высочайшее запрещение не в полном его объеме. Правда, цензор Коссович, рассматривавший этот роман, дал о нем отзыв, который, при желании, можно было толковать в любую сторону. «Недаром литературная критика, — писал цензор Коссович, — придает роману «Кто виноват?» громадное значение. Она прямо говорит, что этот роман, вместе с «Записками охотника» Тургенева, много способствовал освобождению крестьян. Герцен слишком умен, чтобы забавляться вопросом частным. Он старается во всем романе умело и тонко, без всяких излишеств, ясно указать на невыносимость гнета помещичьей власти и на безжизненность и бессердечие колес административной машины. Кто виноват, что Бельтов, умница, благороднейший человек, не у дел? Читатель найдет ответ легко,— стоит только вчитаться хорошенько в подробности рассказа. Кто виноват, что искалечена жизнь идеальной семьи? Не Бельтов, конечно. В настоящее время роман представляет собою достояние прошедшей истории. Но он есть все же знамя протеста, старое, уже ненужное. может быть, знамя. Развернуть его, однако, тщатся. Вероятно, значит, в нем есть какая-то сокровенная надобность». [1]).

Но цензурный комитет отнесся к предположению Чудинова более благоприятно и представил в главное управление о романе «Кто виноват?» такой отзыв.

«Безвредность произведения Герцена «Кто виноват?» в цензурном отношении очевидна: оно вышло с разрешения строгой цензуры, существовавшей в 1840-х годах в Петербурге; затем в 1866 г., при существовании бесцензурной печати, сочинение это издано снова в С.-Петербурге, без означения имени автора, и цензура вынуждена была выпустить его в свет, так как не нашла никаких оснований к судебному преследованию его... Из содержания его видно, что в сочинении есть намеки на тягость крепостного права и на бессердечие и безжизненность административной машины, но и это признавалось возможным напечатать в России в 40-х годах, при существовании крепостничества, ныне давно отошедшего в область истории. –

---

[1]) Дело Спб. цен. ком. 1890 г. № 113.

В печать уже допущены, особыми распоряжениями, сочинения декабристов—Рылеева, Кюхельбекера, барона Розена и некоторых других. В последние годы допущены безвредные по содержанию сочинения политического преступника Михайлова и дозволялось печатание статей Чернышевского (без имени последнего). Быть может, такая же мера снисхождения признана будет возможною высшею властью и в отношении к безвредному сочинению Герцена «Кто виноват?», напечатанному когда-то в России и отмеченному по своим литературным достоинствам и публикою и критикою» [1]).

Главное управление по делам печати согласилось с мнением цензурного комитета и разрешило роман «Кто виноват?» дозволить «к перепечатанию под тем самым псевдонимом (Искандер), под которым появился он в 1847 г.» [2]).

В 1893 г. известный издатель и общественный деятель Л. Ф. Пантелеев обратился в главное управление с ходатайством о разрешении ему издать более или менее полное собрание произведений Герцена. В основу предполагаемого издания, по мысли Пантелеева, должно было лечь 11 - томное собрание сочинений Герцена (10 т. было издано в Женеве еще при жизни автора, а 11-й тамже вскоре после его смерти; 12-й т., заключающий в себе статьи из «Колокола» и «Полярной Звезды», вышел впоследствии). Петербургский комитет, на рассмотрение которого были переданы выписанные из-за границы Пантелеевым сочинения Герцена, представил о них следующий, весьма характерный отзыв, составленный цензором Коссовичем.

«Лет 30 — 40 тому назад имя Герцена пользовалось громкой известностью в интеллигентных кружках русской молодежи. К его голосу, раздававшемуся откуда-то издалека, прислушивались иные со страхом, другие с напряженным вниманием. Но это продолжалось недолго. Нарождалось молодое поколение, быстро обогнавшее своего учителя — появился вскоре так удачно схваченный Тургеневым тип Базарова. Меж тем Герцен круто повернул вспять. Одуряющий чад быстро следовавших одна за другой европейских революций испарился и перестал действовать на крайне восприимчивую голову эмигранта. Исподволь стал он явно порицать насильственные меры вообще и зло подсмеиваться над корифеями революции. Несчастное увлечение польским восстанием 1863 г. нанесло окончательный удар популярности некогда любимого публициста. Все отвернулись и от него самого и от его вычурно-витиеватых проповедей: патриотическое чувство большинства русских людей было слишком глубоко уязвлено.

«Нет ничего удивительного поэтому, что в настоящее время при чтении полного собрания сочинений Герцена так и кажется, что всколыхнулся мир детских, юношеских грез. Когда-то казался он и грандиозным и обаятельным; теперь же, прислушиваясь к этим старым, давно отзвучавшим напевам, трудно удержаться от полупрезрительной, полуснисходительной улыбки. Да иначе как же и могло бы быть! Главные мотивы, разрабатываемые Герценом с такою, до утомительности, тщательностью и подробностью, для современного читателя ведь все или разрешены, или сданы в архив. Таковы, например: крепостничество, гегелианизм, индивидуализация личности, вред революций республиканского оттенка, перерождающихся формально в грубейший деспотизм, назревание нового четвертого сословия рабочих и т. д.

---

[1]) Там же.

[2]) Там же; роман «Кто виноват?» впервые был напечатан в «Отечественных Записках» за 1846 г. и затем был издан отдельно в Петербурге в 1847 г. типогр. Эдуардом Праца. Издание Чудинова вышло в свет в 1891 г. под заглавием «Искандер. Кто виноват?» роман в 2-х частях, Спб. Семейная библиотека № 13. Дозв. ценз. 7 декабря 1890 г. Типография Мучника. Стр. 117+110.

«Но сочинения Герцена представляют собою весьма назидательное чтение и для современников. Об этом писателе, недоступном для русского средняго читателя, сложились целые легенды. Многие читают его за передового радикального бойца, за отчаянного анархиста. На самом же деле, судя, по крайней мере, по тому, о чем он так красноречиво докладывает чуть ли не на каждой странице своих многоречивых статей о самом себе, выступает на историческую сцену образ слабого, одареннаго притом безграничным самолюбием, тунеядца. Сын известнаго богача живет он нараспашку. Всю его университетскую жизнь можно охарактеризовать двумя лишь словами: оргии и либеральничания на словах. Сболтнул что-то невзначай — посылают чиновником в Вятку. Вятичу не понравилось. Облекается в мученический венец. А когда снисходительное правительство снимает с него полицейский надзор, он удирает, не говоря дурного слова, за границу. Там продолжается все та же история. Сначала пристраивается к революции, — чина демагогического ему никакого не преподносят. Опять новая кровная обида для барчука. Скитается разочарованный по столицам Европы. Ему снова мерещится, что все правительства преследуют несчастнаго эмигранта. Удаляется в Лондон, сходится с корифеями европейской эмиграции. Пробует играть между ними роль, раздает похвальные листы тем из них, которые явно льстят, остальных ругательски ругает. Доходит, наконец, до того, что всех эмигрантов, чуть не огулом, начинает костить направо и налево — кого обзывает вором, кого шпионом. Наступает окончательный перелом. Революция — по-боку. Европа гниет. Социализм — вот где спасение. Наступает черед за социальными мечтаниями, самыми неопределенными, прерываемыми бледными письмами к старому товарищу, отзывающимися почти полным квиетизмом.

«У этого бесхарактернаго самолюбца есть, однако, несколько, к слову сказать, крайне неприличнаго свойства коньков. Императора Николая и все его царствование он не выносит, любит кстати и некстати посплетничать насчет так называемых дворцовых переворотов, поднимается иногда на котурны народнаго трибуна и, наконец, норовит зачастую хвастнуть умеренным атеизмом. Вообще же болтлив, болтлив без конца и часто поэтому повторяется. Все эти коньки просто ради приличия легко удалить.

«Таким образом разбирая с вышеизложенной точки зрения сочинения Герцена, можно их распределить по следующим категориям:

А) Безусловно возможные, без всяких модификаций (громадное большинство было помещено в различных периодических изданиях, выходивших в России):

1. Дилетантизм в науке (I, 279—351).
2. Буддизм в науке (I, 351—383).
3. Гоффманн (II, 1—26).
4. Речь, сказанная при открытии вятской публичной библиотеки (II, 27—30).
5. Письма об изучении природы (II, 33—307).
6. По поводу одной драмы (II, 308—338).
7. Кто виноват (III, 1—276).
8. Сорока-воровка (III, 297—326).
9. Доктор Крупов (III, 327—364).
10. Мимоездом (III, 365—368).
11. Записки одного молодого человека (VIII, 1—80).
12. Лициний и Вильям Пен (VIII, 81—90).
13. Капризы и раздумье (VIII, 91—130).
14. Статьи полемические (VIII, 131—177).
15. Несколько замечаний об историческом развитии чести (VIII, 178—210).
16. Осеапо пох (IX, 89—103).

17. С. Ворцель (Сбор. посмерт. стат., 123—138).

Б) Возможные, с указанными в тексте исключениями:

1. Долг прежде всего (IV, 1—69).
2. Поврежденный (IV, 87—116).
3. Письма из Франции и Италии (IV, 127—393).
4. Детская и университет (VI, 1—203).
5. Владимир на Клязьме (VII, 1—108).
6. Москва, Петербург и Новгород (VII, 109—266).
7. Не наши (VII, 290—381).
8. Париж—Италия—Париж (VIII, 211—372).
9. Еще раз Базаров, письмо первое (IX, 417—431).
10. Былое и думы, часть пятая гл. X (IX, 12—88).
11. Русские тени: Н. Сазонов (IX, 113—127).
12. . . . . Энгельсоны (IX, 127—174).
13. Англия (IX, 175—271).
14. Роберт Оуэн (IX, 272—279).
15. Два процесса—дуэль (IX, 334—356).
16. Без связи (X, 1—42 и 46—100).
17. Лондонская больница 50-х годов (X, 100—132).
18. Концы и начала (X, 191—280).
19. Еще вариации на старую тему (X, 281—297).
20. Н. Х. К. (Кетчер) (Сбор. посмерт. стат., 1—40).
21. Базиль и Арманс (Ibd., 41—50).
22. Немцы в эмиграции (Ibd., 51—83).
23. Горные вершины (Ibd., 84—112).
24. Бартелеми (Ibd., 113—122).
25. Апогей и перигей (Ibd., 139—159).
26. Общий фонд (Ibd., 177—191).
27. К старому товарищу (Ibd., 288—312).

В) Возможные, но представляющие собою некоторые, хотя в словах и случаях и не особенно значительных, неудобства по политическим мотивам:

1. Тюрьма и ссылка (VI, 204—377). Автор слишком подчеркивает свое quasi-политическое мученичество.

2. Роберт Оуэн (IX, 279—334). Встречается довольно много социалистических идей.

3. Два процесса, II Not guilty (IX, 356—377). Оправдание английским судом подозреваемого в покушении на цареубийство.

4. Camicia rossa (IX, 356—377). Апофеоза Гарибальди народною толпою в Англии.

5. Император Александр I и В. Н. Каразин (X, 133—190). Представление Каразина в роли маркиза Позы.

6. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (X, 313—395). Много сплетень о дворцовых переворотах.

7. Смерть Станислава Ворцеля (X, 396—404). Мученики за Польшу.

8. В. И. Кельсиев. (Сбор. посмерт. стат. 161—176). Деятельность его за границей.

9. М. Б. и польское дело (Ibd., 192—221). В сущности шутовское участие Бакунина в польском восстании.

10. Пароход Ward Jackson (Ibd., 222—237). То же.

11. Доктор, умирающий и мертвый (Ibd., 238—283). Описание последних минут якобинца.

Г) Неудобные безусловно.
1. Дневник (I, 1—276).
2. Москва и Петербург (III, 277—289).
3. Новгород Великий и Владимир на Клязьме (III, 289—296).
4. Письма из Франции и Италии, вступление (IV, 117—126 и 385—393).
5. С того берега (V, 1—172).
6. Русский народ и социализм (V, 173—216).
7. Крещеная собственность (V, 217—248).
8. Старый мир и Россия (V, 249—296).
9. Вольное русское книгопечатание (V, 297—300).
10. Юрьев день! Юрьев день! (V, 301—309).
11. Поляки прощают нас (V, 310—319).
12. Вольная русская община (V, 320—326).
13. XXIII годовщина польского восстания (V, 327—335).
14. Народный сход (V, 336—351).
15. Глава XXX, не наши (VII, 266—290 .
16. Глава XXXIX (VIII, 372—395).
17. Былое и думы, часть пятая (IX, 1—12).
18. Русские тени (IX, 104—112).
19. Без связи, III (X, 42—45).
20. Лишние люди и желчевики (X, 298—312).
21. Aphorismata (X, 405—416).
22. Еще раз Базаров, письмо второе (X, 431—437).
23. За кулисами (Сбор. посмерт. стат., 160).
24. Даниил Тьер (Idb., 284—287).
25. Долг прежде всего (IV, 69—86).

«В заключение необходимо заметить, что почти все сочинения Герцена, изданные за границей, не могут, по многим весьма понятным причинам, стать достоянием большинства публики, и круг читателей в данном случае следует по возможности ограничить. Сделать же это весьма нетрудно. Стоит только обязать издателя: 1) печатать разрешенные ему сочинения этого публициста в общем сборнике, состоящем из нескольких томов; 2) назначить этому сборнику цену приблизительно не менее 10-ти рублей; 3) не выпускать в продажу отдельных томов, а тем паче отдельных самостоятельных статей и 4) разрешенные таким образом сочинения Герцена следует изъять из числа книг, допускаемых в частные публичные библиотеки, так как этим последним путем сочинения Герцена могут приобрести самый обширный круг читателей» [1]).

Несмотря на развязный «снисходительно-презрительный» тон цензорского отзыва, в нем не заключалось по существу возражений к напечатанию сочинений Герцена. Тем не менее, появление их в свет в издании Пантелеева не состоялось. Потребовалось еще десять лет, чтобы страхи и опасения правительства по этому поводу более или менее рассеялись. Лишь в 1901 г., по ходатайству Герцена-сына и издательской фирмы Павленкова, последовало сепаратное высочайшее повеление о разрешении им напечатать в России долго находившиеся под запретом произведения знаменитого изгнанника [2]). Таким образом в 1905 г. появилось 7-томное собрание сочинений Герцена, куда

[1]) Д. Спб. ц. к. 1893 г. № 101.

[2]) Дела и Дни, т. I, см. С. А. Переселенкова «Как было разрешено первое издание сочинений А. И. Герцена», стр. 429.

вошли, конечно, далеко не все из его произведений, да и те, которые вошли туда, были напечатаны в сокращенном и урезанном цензурою виде. В 1917 г. наследники А. И. Герцена предположили выпустить в России второе издание его сочинений, на что последовало согласие министерства внутренних дел и военной цензуры с тем, чтобы издание это представляло собой точную перепечатку издания 1905 г. [1]), но вспыхнувшая в это время революция сделала излишними все эти условия, все урезки и исправления.

В 1904 г., одновременно с тем, как высочайше разрешенное исключительно в издании Павленкова, под непосредственным наблюдением и ответственностью начальника главного управления по делам печати [2]), собрание сочинений Герцена уже печаталось, московский книгопродавец В. Д. Корчагин обратился в главное управление с просьбой разрешить ему «издать полное собрание сочинений Герцена или, по крайней мере, те из них, которые, представляя чисто художественный и биографический интерес, приобретают тем самым громадное воспитательное значение». Главное управление, прекрасно зная, что высочайшее дозволение печатать сочинения Герцена касается лишь фирмы Павленкова, потребовало тем не менее от Корчагина, неизвестно зачем, чтобы он представил «подробный список сочинений А. И. Герцена, которые он намерен издать», и когда Корчагин доставил требуемый список, с распределением всех произведений Герцена на автобиографические, исторические, публицистические, критические и литературные, то главное управление отказало ему в его просьбе на том основании, что издание сочинений А. И. Герцена, согласно высочайшего повеления 1901 г., предоставлено лишь наследникам Павленкова и производится на особых условиях [3]).

Сообщил *А. С. Николаев.*

---

[1]) Д. гл. упр. по дел. печ. 1900 г. № 67.

[2]) Сперва князь Шаховской, а потом Зверев.

[3]) Д. гл. упр. по дел. печ. 1900 г. № 67.

Прокламация Н. В. Шелгунова.

«Русским солдатам от их доброжелателей поклон».

В процессе Мих. Ив. Михайлова, осужденного в 1861 г. за составление и распространение прокламации «К молодому поколению», написанной в действительности, как выяснилось в недавнее время, Н. В. Шелгуновым, фигурировало рукописное воззвание «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». По словам допрошенного по делу Михайлова предателя Всеволода Костомарова, это воззвание было передано Михайловым Костомарову для напечатания. Каким образом от Костомарова это воззвание попало в III отделение,—из дела неясно. По словам самого Костомарова, это воззвание, а равным образом написанное Чернышевским воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». также переданное Михайловым через студента Сороко для напечатания, были украдены у него, Всев. Костомарова, его братом Николаем и пересланы при доносе в III отделение. Была ли действительно разыграна эта комедия, или Всев. Костомаров самолично передал воззвание властям,—остается неясным.

Дело о распространении прокламации «К молодому поколению» поступило на рассмотрение 5-го департамента сената. Усматривая из данных дела, что Михайлов, помимо распространения только что названного воззвания, прикосновенен к распространению других воззваний (т.-е. «Барским крестьянам» и «Русским солдатам») сенат запросил министра юстиции, может ли дело Михайлова рассматриваться отдельно от дела других, прикосновенных к изданию и распространению двух вышеуказанных воззваний лиц. В ответ на это министр юстиции сообщил, что по высочайшему повелению дело о распространении Михайловым прокламации «К молодому поколению» должно рассматриваться независимо от «других дел, производящихся о сем чиновнике, и решено быть отдельно» [1]).

Таким образом, рассматривая дело Михайлова, 5 департамент сената в своем приговоре вопроса о воззвании «Русским солдатам» не затрогивал, сосредоточив все свое внимание исключительно на прокламации «К молодому поколению». С другой стороны, 6 департамент сената, в который в 1862 г. поступило дело Вс. Костомарова и др., «имея ввиду, что над губернским секретарем Михайловым суд произнесен, и Михайлов подвергнут уже наказанию», не счел нужным выяснять роль Михайлова в составлении воззвания «Русским солдатам». Таким образом, вопрос о прикосновенности Михайлова к этому воззванию остался совершенно невыясненным.

Сам Михайлов, которому при допросе в III отделении были предъявлены воззвания «Барским крестьянам» и «Русским солдатам», показал: [2])

---

[1]) Дело III отделения с. е. и. в. канц., I экспедиции, 1861 г. № 274. О разыскании виновных в распространении между народом и войсками возмутительного воззвания, под названием «К молодому поколению», лл. 93 и 103.

[2]) То же дело, л. 51.

«О предъявленных мне двух рукописных воззваниях «К крепостным людям» и «К солдатам» имею честь объяснить следующее:

«Как то, так и другое воззвание мне известны. Они ходили здесь по рукам в рукописи вскоре после манифеста об освобождении крестьян. Они были у меня в списках, неизвестных мне почерков. Один список, именно воззвание «Крестьянам», и есть тот самый, который был мне предъявлен. Другой же был так неразборчив и писан с разными пропусками, что я переписал его для себя косым почерком, непохожим на мой обыкновенный, и сделал потом несколько поправок и приписок уже своею рукой. В Москве эти списки очутились следующим образом. Один из них («К крестьянам») выпросил у меня студент Сороко, явившийся познакомиться со мною от имени Костомарова, хотя потом оказалось, что Костомаров его никогда ко мне не посылал. Отдавая ему рукопись, я не имел ввиду, чтобы она была напечатана, и потом, когда мне пришло в голову, что это может случиться, я, по приезде Костомарова в Петербург, просил его взять рукопись у Сороки, чтобы он не указал впоследствии на меня, если попадется. В то же время, если не ошибаюсь, взял у меня Костомаров и список воззвания «К солдатам» для прочтения. Я просил его по прочтении истребить».

При допросе в следственной комиссии по делу об издании и распространении злоумышленных сочинений, Михайлов 29 сентября и 2 октября 1861 г. показал:

«Одно из этих воззваний, именно «К русским солдатам» действительно переписано мною с некоторыми изменениями моего обыкновенного почерка, и в нем сделаны, кроме того, поправки и исправления уже моим обыкновенным почерком, кажется, зимою нынешнего года. От кого приобретено мною воззвание к солдатам, не помню, так как, сколько мне известно, оно ходило здесь по рукам в списках; в сочинении его я не участвовал; только несколько строк в выноске от знака ⁄ прибавлены мною при переписке».

Далее Михайлов показал, что это воззвание было передано им Вл. Костомарову, «чтобы он прочитал его, как любопытную новость, и потом немедленно уничтожил оное».

На вопрос, для чего он сделал в тексте воззвания поправки, Михайлов ответил: «Я сделал эти поправки единственно с литературной точки зрения, находя в самой рукописи, с которой я переписывал, много ошибок и, повидимому, пропусков, и желал своею припиской придать более литературной стройности всей статье по привычке делать поправки подобного рода при журнальных корректурах и чужих статьях» [1]).

То же самое Михайлов подтвердил 23 октября на допросе 5-м департаментом сената [2]).

Наконец, в показаниях, данных следственной комиссии 15 ноября, Михайлов заявил: «Я действительно желал, чтоб воззвания были напечатаны, но, отдавая их, плохо на это рассчитывал, и не помню, выражал ли даже положительно свое желание» [3]).

Что касается Всев. Костомарова, то относительно воззвания «Русским солдатам» он неоднократно изменял свои показания. Допрошенный 14 сентября 1861 г. следственной комиссией по делу об издании и распространении злоумышленных сочинений, он, рассказывая о своих отношениях к Сулину и Сороко, показал: «Наконец, мне удалось узнать, что предпринимается издание воззваний («Барским крестьянам» и «К русским солдатам»). В одном из них я, к величайшему моему удивлению, узнал руку моего друга Михайлова... Тогда уже я считал своим долгом не допустить владетелей станка до исполнения их

[1]) Дело следственной комиссии, л. 219 и сл.

[2]) М. К. Лемке. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского. Петербург. 1907 г., стр. 27.

[3]) Там же, стр. 335.

предприятия, которое я считал и вредным и безумным. Для этого я употребил следующую уловку: я уговорил в видах большей безопасности перевезти станок в дом моей матери... Это было в начале весны. Под вечер перевозка началась. Я уже написал, подделываясь под чужую руку, записку, в которой уведомлял себя, от неизвестного доброжелателя, что у меня в квартире будет обыск, так как полиция будто бы извещена о том, что у меня делается. Когда на другой день записка эта была получена мною по городской почте, я убедил Сулина в невозможности действовать далее и просил их убраться из нашего дома. В суматохе разборки и укладывания я завладел двумя рукописями воззваний и спрятал их» [1]).

На следующий день, при новом допросе в комиссии, Костомаров добавил, что он не спрашивал Сороку, от кого им получены прокламации. «В бытность мою в Петербурге,— говорил Костомаров,— я с Михайловым виделся, но разговора о прокламации с ним не было. Я похитил прокламации не с одною только целью спасти Михайлова, но и с намерением предотвратить те беспорядки, которые они могли произвести, если бы были напечатаны; рукописи прокламаций я думал уничтожить, но предварительно хотел прочитать их; когда же нашел для этого свободное время,— они были уже украдены» [2]).

Однако допрошенный по тому же делу Сулин категорически отрицал рассказанное Костомаровым. По его словам, воззвание «К барским крестьянам» он получил для печатания непосредственно от самого Вс. Костомарова. Прокламацию же «К солдатам» он увидал впервые в комиссии и здесь только услыхал о ней.

Ввиду этого противоречия в показаниях, 28 октября следственная комиссия дала Сулину очную ставку с Костомаровым. Последний несколько изменил свое прежнее показание. Он говорил, что воззвание «К барским крестьянам» было передано ему Сулиным, который, в свою очередь, получил его от Сороко. Что же касается прокламации «К солдатам», то она, действительно, была получена Костомаровым непосредственно от Михайлова для печатания [3]).

При допросе 27 марта 1862 года в 6 департаменте сената, Костомаров вновь несколько изменил свое прежнее показание. Он говорил: «Брошюру «К барским крестьянам» я получил от Сулина или Сороко, положительно ответить не могу, потому что, когда Сороко привез из Петербурга рукопись, мы читали ее втроем,— я, Сулин и Сороко, —и по прочтении я унес ее к себе домой. Брошюру «К солдатам» я получил от Михайлова только за тем, чтобы прочитать и высказать ему о ней свое мнение» [4]).

Прошло около года. Михайлов уже давно был в Сибири, отбывая наложенные на него каторжные работы. Вс. Костомаров вновь предстал перед судом, но уже в качестве свидетеля, деятельно помогая правительству разделаться с опасным врагом в лице Н. Г. Чернышевского. Вопрос о воззваниях «Барским крестьянам» и «К русским солдатам» всплыл опять.

5 марта 1863 г. Костомаров пишет письмо некоему Соколову, в котором «чистосердечно» и подробно рассказывает о своих отношениях к Чернышевскому. Письмо это, якобы перехваченное жандармами, поступает в следственную комиссию кн. Голицына, расследывавшую дело Чернышевского.

В этом письме Костомаров говорит, между прочим, и о воззвании «К русским солдатам». Передав то, что ему было известно о составлении Чернышевским

---

[1]) Дело следственной комиссии, л.л. 79—84.

[2]) Ник. Костомаровым: *Б. К.* То же дело, л.л. 86—87.

[3]) То же дело, л. 371.

[4]) Дело I-го отд. 6 деп. сената 1862 г. № 88 о печатании и распространении в Москве запрещенных сочинений, т. I. л.л. 302—303.

«манифеста» к крестьянам, т.-е. воззвания «...рским крестьянам», автор письма продолжает:

«Призывая крестьян к бунту,... составители манифеста естественно должны были позаботиться о том, что̀ противопоставить тем мерам, которые правительство примет для подавления бунта. С Чернышевского довольно было только заварить кашу; как и кому придется ее расхлебывать, об этом он не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое верное орудие правительства есть солдат. Стало быть, надо действовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вот проектируется «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». Манифест этот берется составить Шелгунов. Но из его писаний вышло чорт знает что,—такая чепуха, что в ней и мужик ревет, и корова ревет, и сам чорт не разберет, кто кого дерет. Недовольные этим опытом, пробовали и мы с Михайловым написать что-нибудь, но у нас вышло едва ли даже не хуже. У Михайлова — какой-то философский трактат вроде пресловутого dei doveri degli Uomini, а у меня — не то полковой приказ, не то марсельеза. Так что за неимением лучшего, поневоле приходилось удовольствоваться произведением Шелгунова». Вслед за этим Костомаров рассказывает, что для того, чтобы проверить, насколько написанное Шелгуновым воззвание подходит к тому, «что нужно солдату», последний предложил Костомарову походить вместе с ним по солдатам, прочитать воззвание и посмотреть, какое впечатление оно производит на них. Шелгунов пошел в одни казармы, Костомарова послал в другие. Сговорились встретиться в какой-то харчевне. Костомаров в казармы не пошел, а, побродив по улицам, отправился прямо в харчевню, где застал Шелгунова беседующим с солдатами. Когда Костомаров и Шелгунов вышли из харчевни, последний сообщил, что солдаты слушали его с восторженным участием и сделали ему много дельных замечаний. «Потом Шелгунов,—продолжал рассказывать Костомаров,—вразумленный опытом, еще раз десять переписывал свое послание; Михайлов поубавил в нем метафизики, повыкинул слишком яркие санкюлотизмы, и я взял рукопись с собою» [1]).

Допрошенный 13 марта следственной комиссией, Костомаров подтвердил все написанное в письме [2]).

Арестованный в Сибири и привезенный в Петербург, Н. В. Шелгунов категорически отрицал рассказ Костомарова. Воззвания «К солдатам» он никогда не видал, рукописи его Костомарову не передавал, в казармы и в харчевню разговаривать с солдатами не ходил.

На очной ставке Костомарова с Шелгуновым каждый из них остался при своих показаниях [3]).

Военный суд, которому пришлось разбирать дело Шелгунова, находя, что хотя «Шелгунов некоторым образом навлекает на себя подозрение в составлении воззваний», но «так как к положительному изобличению Шелгунова не представляется ни доказательств, ни улик», постановил Шелгунова «освободить от подозрения и предать дело воле божией», пока оно само собою объяснится» [4]).

Итак, и после дел Чернышевского и Шелгунова вопрос об авторе воззвания к солдатам остался неразрешенным.

Недопускающий никаких сомнений ответ на этот вопрос стал известен нам лишь недавно.

---

[1]) Лемке. Назв. сочин., стр. 259—260.

[2]) Там же, стр. 273.

[3]) Лемке. Назв. сочин., стр. 295—6.

[4]) О деле Шелгунова см. статью В. Н. П. в «Голосе Минувшего» за 1915 г. № 6 и примечание М. К. Лемке к XV т. Полн. собр. сочин. А. И. Герцена, стр. 119—124.

В 1918 г. в «Голосе Минувшего» оп[убл]икована неизданная часть воспоминаний Шелгунова. В ней мы находим следующее признание: «В эту же зиму, т.-е. в 1861 году, я написал прокламацию «К солдатам», а Чернышевский прокламацию «К народу» и вручил их для печатания Костомарову. Разговоров вообще было у нас мало, а о прокламациях тем более. Я переписал прокламацию измененным почерком и, как все переговоры велись Михайловым, то я отдал прокламацию ему, а он передал ее Костомарову. Впрочем Костомаров знал, что писал я» [1]).

Таким образом автор прокламации «Русским солдатам» установлен: им был Н. В. Шелгунов. Из всех показаний, данных Костомаровым, наиболее правильным оказывается последнее.

Однако если мы знаем теперь автора этой прокламации, то текст ее остается неизвестным. В частности, неизвестным он был и для М. К. Лемке, впервые познакомившего русское общество с делами Михайлова и Чернышевского. Дело в том, что в этих делах ни подлинника, ни копии воззвания к солдатам не имелось. Не имелось его и в «военно-судном деле об отставном полковнике Николае Шелгунове», которым пользовался автор вышеуказанной статьи о процессе Шелгунова, который воспроизвел лишь имевшееся в деле изложение воззвания,—да и то с некоторыми купюрами.

Костомаров определенно утверждал, что воззвание к солдатам напечатано не было и осталось в рукописи. Приводя соответствующее показание Костомарова, М. К. Лемке счел нужным «исправить» его, пояснив в примечании, что прокламация к солдатам была напечатана. На чем он основывал это утверждение, Лемке не нашел нужным пояснить [2]). Позднее, в XI томе полн. собр. сочин. и писем А. И. Герцена Лемке опубликовал текст прокламации, озаглавленной «К солдатам» и найденной им в архиве П. Я. Дашкова. При этом Лемке утверждал, опять-таки не указывая, на каком основании, что воспроизведенная им прокламация написана Шелгуновым, и сообщал, что она была отпечатана вручную и, повидимому, в очень небольшом количестве; в провинцию попали почти исключительно рукописные списки; таковые были найдены, между прочим, в Рязани 28 октября 1861 г., в Нижнем-Новгороде и Владимире — раньше этого числа, и в Северо-Западном крае и в Царстве Польском — позднее [3]).

Однако при чтении напечатанной М. К. Лемке прокламации не оставалось никаких сомнений, что это не та прокламация, которая была в руках Костомарова. Известно, что последняя начиналась словами: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». Между тем, эти слова совершенно отсутствуют в прокламации, воспроизведенной М. К. Лемке. Является вопрос: в чем же дело? Ответ на него находим у того же М. К. Лемке, в его примечаниях к XV тому полн. собр. сочин. Герцена. Здесь М. К. Лемке рассказывает со слов Л. П. Шелгуновой, что прокламация к солдатам после доноса Костомарова на Михайлова была изменена Шелгуновым и напечатана, что один уцелевший у Шелгуновой экземпляр этой прокламации был подарен ею П. Я. Дашкову, и что этот-то экземпляр и был найден М. К. Лемке и воспроизведен в XI т. полн. собр. соч. Герцена [4]).

Таким образом оказывается, что Костомаров был прав, и что в этом случае г. Лемке «уличил» его совершенно неосновательно. То воззвание, которое было написано Шелгуновым и увезено Костомаровым в Москву для печатания, напечатано не было. Текст его, воспроизводимый ниже, печатается впервые.

---

[1]) «Голос Минувшего», 1918 г. № 4—6, стр. 66.

[2]) Назв. соч[ин]., стр. 263.

[3]) Стр. 321—323.

[4]) Стр. 124.

Подлинник воззвания «Русским солдатам» находится в производстве следственной комиссии по делу об издании и распространении злоумышленных сочинений, хранящемся в б. архиве министерства юстиции в Москве (I отделение II секции Е. Г. А. Ф.) при соответствующем деле 6-го департамента сената.

Воззвание написано на листе писчей бумаги и занимает три страницы. На нем имеется ряд поправок и добавления, сделанные рукою М. И. Михайлова. Самый текст написан другою рукою, несомненно, измененным почерком, повидимому, это рука Шелгунова. Воспроизводя ниже это воззвание, мы сохраняем полностью орфографию подлинника. Поправки, сделанные рукою Михайлова, мы вводим в текст, заключая их в овальные скобки. То место воззвания, которое следует за знаком ≠ и о котором Михайлов говорил в вышеприведенном его показании, заключено в квадратные скобки. Слова и фразы, зачеркнутые Михайловым, воспроизводятся в примечаниях.

Б. Козьмин.

Снимок с прокламации Н. В. Шелгунова.

См. стр. 235 и 238.

Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей.
— Поклонъ.

Братцы!

Помните ли Вы послѣднюю польскую войну, помните ли Вы войну венгерскую? Спрашивали ли Вы себя для чего Васъ посылали командиры, для кого нужна, кому выгодна была эта война? Нѣтъ Вы этого не спрашивали и Вы не знали для чего Васъ посылаютъ. Если бы Вы знали, Вы поняли бы, что Васъ посылаютъ какъ палачей, убивать людей невинныхъ, избивать свою братью, такихъ же людей и христіанъ какъ Вы; Вы поняли бы, что и Васъ самихъ посылаютъ какъ барановъ на убой; Вы поняли бы все это — и не пошли бы. Вотъ что Вамъ слѣдовало сдѣлать и чего Вы не сдѣлали.

Тѣхъ солдатъ, что дѣлали походы польскій и венгерскій осталось въ полкахъ немного; но которые остались еще пусть подумаютъ, хорошее ли это они дѣлали. ~~когда они были какъ — братоубійцы. Но отчего же они какъ братоубійцы, поймите прошу Вы? Братоубійцы они потому, что пошли въ чужую~~ Шли они въ чужую землю, проливали кровь неповинную, убивали людей, которые не сдѣлали ничего дурнаго. Кому нужна была эта война? Ужъ конечно не Вамъ, братцы. Россія не вышла оттого богаче, что Васъ посылали убивать поляковъ и венгерцевъ, а только была для васъ тягота, да поубавилось Васъ самихъ и сдѣлали Вы разореніе въ чужой землѣ. Дурное это дѣло и Богъ не проститъ Вамъ его. Чтобы Вы сказали, если бы посторонній какой нибудь человѣкъ, зашелъ въ чужую избу да сталъ выгонять изъ нея хозяина и бить его, чтобы самому сдѣлаться хозяиномъ чужаго дома? Вы бы назвали такого человѣка разбойникомъ. А если бы Вы случились при этомъ, кому бы Вы помогли? Вы помогли бы хозяину, а не разбойнику. Такъ ли братцы? Такъ. Такъ и поступать самъ Богъ велѣлъ. А развѣ Польша и Венгрія для насъ не такія же чужія избы? Развѣ съ поляками и венгерцами мы не поступили какъ разбойники? Послушайте а вотъ почему.

Польшу взяли къ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II — той самой, которая вольныхъ малороссійскихъ казаковъ сдѣлала крѣпостными. Поляки не хотѣли присоединенія; они хотѣли быть вольными, но мы зашли къ нимъ силой, дали имъ свое управленіе и стали мѣшаться въ ихъ дѣла. Поляки терпѣли болѣе 50 лѣтъ, но наконецъ захотѣли отъ насъ освободиться и сдѣлали бунтъ. Императоръ Николай послалъ на нихъ войска и мы побили ихъ, потому что нашей силы было вдвое противъ ихней.

Нечего было дѣлать бѣднымъ; страну ихъ разорили, войско уничтожили, поневолѣ пришлось притихнуть. Но теперь поляки снова думаютъ отдѣлиться отъ насъ; не хотятъ они нашего управленія, не хотятъ нашихъ командировъ. Доброе дѣло! Всякій народъ долженъ быть вольный. Пусть освобождаются. Да поможетъ имъ Богъ! Помогите и Вы имъ братцы.

Съ венгерцами поступили мы еще хуже. Венгерцы были такой же свободный народъ, какъ и поляки, но ихъ забрали нѣмцы (Австрійцы). Какъ

. . . .

и Вы узнаете отъ нихъ, что это воля не настоящая; такъ только по губамъ помазали. Притѣсненій отъ помѣщиковъ и отъ начальства будетъ народу не мало. Слыханное ли дѣло, чтобы купить землю на которой и самъ крестьянинъ и отецъ и дѣдъ и прадѣдъ его родились. Помѣщиковъ еще не было, а крестьяне были; значитъ и земля крестьянамъ принадлежала раньше, чѣмъ помѣщикамъ. А теперь говорятъ крестьянину — откупи отъ помѣщика землю; да ~~А~~ чѣмъ ему ее откупить? Цѣлый вѣкъ разоряли помѣщики крестьянъ, да видно имъ мало — хотятъ разорить въ конецъ. Да что земля! даже избу выстроенную самимъ крестьяниномъ и огороды имъ сдѣланные и за то заплати помѣщику. Развѣ такова бываетъ воля. Это не воля, а кабала. Совсѣмъ хотятъ разорить народъ русский и ограбить его. Вотъ Вамъ и царь, вотъ Вамъ и клятва его передъ Богомъ царствовать на добро! ———

— Не останется народъ доволенъ ни царемъ, ни своей волей, ни помѣщиками, ни начальствомъ. И не найдетъ народъ расправы; не найдетъ онъ справедливости, потому что все начальство будетъ изъ помѣщиковъ и будетъ стоять оно не за народъ, а за своего брата дворянина; и пойдутъ въ народѣ тогда слухи и неудовольствія и пошлютъ Васъ на него. #

~~Вспомните тогда нашу грамотку, вспомните, что Вы не французы и не англичане, что Вы не врага отправили родной, что Вы такіе же русскіе какъ всѣ мы, что Вы призваны не на погибель народа, а на защиту его, что Вы давали клятву на дѣла добрыя, а не на злыя. Вспомните и то что ненасытн[ая] народъ отъ ... притѣсненій — отъ помѣщиковъ отъ начальниковъ~~. А ~~теперь~~ прощайте братцы, ~~пока~~ пришлемъ мы вамъ еще весточку.

Ваши доброжелатели

Вспомните тогда, братцы, что и вы родились въ тѣхъ же избахъ, которыя помѣщики отнимаютъ у крестьянъ, и крестили васъ въ той же церкви, въ которой молятся они Богу, чтобы освободить ихъ ~~отъ~~ неправды и нашей, что на томъ же погостѣ, гдѣ хоронятъ ихъ, убитыхъ и замученныхъ, лежатъ ваши отцы и матери, ближніе и кровные. Не думайте, что если вы пойдете и не на свою родную деревню, не на свое родное село; то грѣха не будетъ на вашей душѣ. Вы пойдете противъ чужихъ; а другіе пойдутъ противъ вашихъ, и выйдетъ дѣло одно на одно. ~~[illegible]~~ А какъ не пойдете вы, и тѣ не пойдутъ, — и вздохнетъ вся русская земля спокойно.

Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей (поклонъ).

Братцы!

Помните ли Вы послѣднюю польскую войну, помните ли Вы войну венгерскую? Спрашивали ли Вы себя для чего Васъ посылали командиры, для кого нужна, кому выгодна была эта война? Нѣтъ Вы этого не спрашивали и Вы не знали для чего Васъ посылаютъ. Если бы Вы знали, Вы поняли бы, что Васъ посылаютъ какъ палачей, убивать людей невинныхъ, побивать свою братью, такихъ же людей и христіанъ какъ Вы; Вы поняли бы, что и Васъ самихъ посылаютъ какъ барановъ на убой; Вы поняли бы все все это — и не пошли бы. Вотъ что Вамъ слѣдовало сдѣлать и чего Вы не сдѣлали.

Тѣхъ солдатъ, что дѣлали походы польскій и венгерскій, осталось въ полкахъ немного; но которые остались еще пусть подумаютъ, (хорошее ли дѣло) [1]) они дѣлали, (шли они въ чужую) [2]) землю, пролива(ли) [3]) кровь неповинную, убива(ли) [4]) людей, которые не сдѣлали имъ ничего дурнаго. Кому нужна была эта война? Ужъ конечно не Вамъ, братцы. Россія не вышла оттого богаче, что Васъ посылали убивать поляковъ и венгерцевъ, а только была для Васъ тяго(та), да поубавилось Васъ самихъ и сдѣлали Вы раззореніе въ чужой землѣ. Дурное это дѣло и Богъ не проститъ Вамъ его. Что бы Вы сказали, если бы посторонній какой нибудь человѣкъ зашелъ [5]) въ чужую избу, (да) [6]) сталъ [7]) выгонять изъ нея хозяина и бить его, чтобы самому сдѣлаться хозяиномъ чужаго дома? Вы бы назвали такаго человѣка разбойникомъ. А [8]) если бы Вы случились при этомъ, кому бы Вы помогли? Вы помогли бы хозяину, а не разбойнику. Такъ ли братцы? Такъ. Такъ поступать самъ Богъ велѣлъ. А развѣ Польша и Венгрія для насъ не такія же чужія избы? Развѣ съ поляками и венгерцами мы не поступили какъ разбойники? Поступили и вотъ почему.

---

[1]) Зачеркнуто: «что».

[2]) Зачеркнуто: «тогда-то они были каины-братоубійцы. Но отчего же они каины-братоубійцы, можете спросить Вы? Братоубійцы они потому, что пошли в чужую».

[3]) Зачеркнуто: «...ть».

[4]) Зачеркнуто: «...ть».

[5]) Зачеркнуто: «бы».

[6]) Зачеркнуто: «и».

[7]) Зачеркнуто: «бы».

[8]) Зачеркнуто: «что».

Польшу взяли къ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II — той самой, которая вольныхъ малороссійскихъ казаковъ сдѣлала крѣпостными. Поляки не хотѣли присоединенія; они хотѣли быть вольными, но мы зашли къ нимъ силой, дали имъ свое управленіе и стали мѣшаться въ ихъ дѣла. Поляки терпѣли болѣе 50 лѣтъ, но наконецъ захотѣли отъ насъ освободиться и сдѣлали бунтъ. Императоръ Николай послалъ на нихъ войска и мы побили ихъ, потому что нашей силы было втрое противъ ихней.

Нечего было дѣлать бѣднымъ; страну ихъ раззорили, войско уничтожили, поневолѣ пришлось притихнуть. Но теперь поляки снова думаютъ отдѣлиться отъ насъ; не хотятъ они нашего управленія, не хотятъ нашихъ командировъ. Доброе дѣло! Всякій народъ долженъ быть вольный. Пусть освобождаются. Да поможетъ имъ Богъ! Помогите и Вы имъ братцы

Съ венгерцами поступили мы еще хуже. Венгерцы были такой же свободный народъ, какъ и поляки, но ихъ забрали нѣмцы (Австрійцы) [1]). Какъ полякамъ не нравилось наше управленіе, такъ венгерцамъ не нравилась неволя отъ нѣмцевъ. А не нравилась имъ неволя потому, что нѣтъ такаго человѣка, которому бы она нравилась. Венгерцы захотѣли освободиться отъ Австрійцевъ и освободились бы, если бы не мы. Австрійскій императоръ, видя что у него силы мало, просилъ нашего царя помочь ему, и вотъ царь послалъ Васъ. А Вы, сами не зная что дѣлаете, пошли рубить и колоть народъ неповинный, вся вина котораго (была) въ томъ, что онъ не хотѣлъ неволи. Да развѣ кому нибудь она мила? Развѣ мы сами отдались бы кому нибудь въ неволю? Припомните послѣднюю войну; всѣми силами защищались мы отъ французовъ, англичанъ и турокъ, которые высадились у насъ въ Крыму и брали Севастополь. Всѣ насъ хвалили, даже сами непріятели, что мы крѣпко стояли за свою землю. И это дѣло было святое. А французы и англичане, которые осаждали насъ дѣлали дѣло проклятое. Такъ и въ польскую, и въ венгерскую войну: поляки и венгерцы стояли за святое дѣло, за свою родину; а мы стояли за дѣло проклятое, потому что какъ разбойники пришли въ чужую землю, чтобы грабить и раззорять ее и народъ, вольный отъ Бога, отдать въ неволю.

Худыя все это дѣла; но Вы братцы по невѣденію дѣлали дѣла и еще хуже. Это когда шли противъ своего народа, противъ такихъ же православныхъ какъ Вы. Случалось, что помѣщикъ притѣснялъ очень народъ; бѣдняжки терпятъ, терпятъ, жалуются начальству, жалуются царю, но никаго (sic) не выходитъ имъ отъ того толку. Все идетъ попрежнему и правды добиться не могутъ. Вотъ они и откажутся работать. Помѣщикъ съ жалобой — бунтуютъ, говоритъ. А какой тутъ бунтъ, просто пришло не въ терпежъ! Ни государь, ни начальство не разберутъ хорошенько дѣла; они не догадаются, что ужъ если народъ сталъ бунтовать, значитъ ему приходитъ очень тяжело, что не видитъ онъ себѣ другаго спасенья. Пошлютъ солдатъ;

[1]) Скобки в подлиннике.

а тѣ какъ звѣри люты̀е примутся стрѣлять въ своихъ и военнымъ постоемъ раззоряютъ въ конецъ и безъ того ужъ раззореннаго крестьянина. Этимъ дѣламъ и названья нѣтъ, такъ они дурны. Каинъ по крайности убилъ своего брата изъ зависти, что жертва Авеля была угоднѣе Богу. А Вы то изъ за чего убиваете и грабите свою братью — крестьянъ? Или Вы забыли, что (Вы) такіе же православные, какъ они; что (и) Вы были крестьянами; что и Вы терпѣли отъ помѣщиковъ и отъ начальства; что, кончивъ службу, пойдете къ себѣ домой и многіе изъ васъ сдѣлаются снова крестьянами? Да, Вы не понимаете ничего этого. Если бы Вы понимали, крестьянамъ бы не было такъ тяжело подъ помѣщиками. Если бы Вы понимали, Вы бы не шли на народъ и помѣщики бы знали, что имъ нѣтъ защиты въ неправомъ дѣлѣ; они не притѣсняли бы крестьянъ и народъ (бы) не бунтовалъ, и все бы шло по чести и спокойно. И [1]) было бы хорошо и народу, а слѣдовательно и Вамъ, и смотрѣлъ бы на Васъ народъ, какъ на своихъ защитниковъ и была бы Вамъ отъ народа честь и слава. А теперь Вамъ нѣтъ ни славы, ни чести, потому что Вы ходите для дѣлъ дурныхъ, что Вы грабите и убиваете своихъ братьевъ, православныхъ, да еще беззащитныхъ, да еще прежде Васъ обиженныхъ и раззоренныхъ своими помѣщиками. Вотъ на какія дѣла Васъ посылали. Грѣхъ и безчестье!

Но не всѣ же изъ Васъ не понимаютъ этого. Есть и такіе, что знаютъ, что обижать безвиннаго стыдно и грѣшно. Такъ зачѣмъ же они обижаютъ? Мы отвѣтимъ Вамъ за нихъ: они боятся присяги; а боятся они ее потому, что не понимаютъ ее — и ни попы, ни командиры не разскажутъ Вамъ, что требуется отъ Васъ по присягѣ.

Всѣ мы даемъ присягу — и войска и народъ и чиновники. Присягу даетъ также и царь, когда вступаетъ на престолъ. Царь даетъ клятву Богу, что онъ будетъ управлять на счастье народу и будетъ царствовать такъ, что всѣмъ намъ будетъ хорошо. Мы (же) присягаемъ въ томъ, что будемъ исполнять волю царя. А воля царя должна быть только добрая, въ ней только онъ и клялся Богу. Оно и понятно. Слыхали ли Вы, чтобы Богу давалась клятва на дѣла дурныя? Нѣтъ, потому что не на зло родиться человѣкъ и дурныхъ дѣлъ Богу не нужно. Вотъ почему и мы всѣ связаны присягой только на дѣла добрыя. А если царь, забывъ свою клятву, станетъ дѣлать народу худо — онъ значитъ не исполняетъ своей присяги. Если онъ Васъ посылаетъ бить своихъ же православныхъ — онъ значитъ не дѣлаетъ того, въ чемъ клялся передъ Богомъ, онъ нарушаетъ присягу. А если Вы, зная, что бить своихъ грѣшно, не станете ихъ бить — Вы сохраняете свою присягу, потому что Вы присягали на добро, а не на зло. Когда Васъ посылаютъ на народъ, то царь и командиры, которые Васъ посылаютъ—клятвопреступники; а если Вы ихъ слушаете — Вы тоже клятвопреступники, потому что не на такія дѣла Вы присягали. Вы присягали защищать

[1]) Зачеркнуто: «хорошо».

страну отъ враговъ, а развѣ народъ можетъ быть врагомъ своей страны? Нѣтъ. Врагъ страны тотъ, кто дѣлаетъ зло народу. Французы и Англичане, которые шли къ намъ съ войной были враги наши, потому что они шли раззорять нашу страну и раззорять народъ. А если и Вы братцы, забывъ присягу, пойдете на народъ и станете раззорять его, Вы такіе же враги нашей родной страны, какъ Французы и Англичане, когда они идутъ [1]) войной на насъ.

Подумайте братцы о томъ, что мы Вамъ говоримъ. А говоримъ мы Вамъ правду, потому что желаемъ и вамъ, и народу добра; потому что не хотимъ видѣть раззореніе родной страны. И народъ ждетъ отъ Васъ добра, а не зла. Не на раззоренье ему Вы сдѣлались солдатами: Вы служите для защиты его и страны. Кто дѣлаетъ зло народу, тотъ врагъ страны, кто бы онъ ни былъ; тотъ общій врагъ всѣхъ насъ и противъ него нужно отстаивать народъ. А врагъ этотъ близко и живетъ онъ у насъ дома.

Слышали ли Вы о вольной, что дали народу. Поговорите съ крестьянами и Вы узнаете отъ нихъ, что это воля не настоящая; такъ только по губамъ помазали. Притѣсненій отъ помѣщиковъ и отъ начальства будетъ народу не мало. Слыханное ли дѣло, чтобы купить землю, на которой и самъ крестьянинъ и отецъ и дѣдъ и прадѣдъ его родились. Помѣщиковъ еще не было, а крестьяне были; значитъ и земля крестьянамъ принадлежала ранѣе, чѣмъ помѣщикамъ. А теперь говорятъ крестьянину — откупи отъ помѣщика землю; да чѣмъ ему ее откупить? Цѣлый вѣкъ раззоряли помѣщики крестьянъ, да видно имъ мало — хотятъ раззорить въ конецъ. Да что земля! даже избу выстроенную самимъ крестьяниномъ и огороды, имъ сдѣланные, и за то заплати помѣщику. Развѣ такая бываетъ воля. Это не воля, а кабала. Совсѣмъ хотятъ раззорить народъ русскій и ограбить его. Вотъ Вамъ и царь, вотъ Вамъ и клятва его передъ Богомъ царствовать на добро!

Не останется народъ доволенъ ни царемъ, ни своей волей, ни помѣщиками, ни начальствомъ. И не найдетъ народъ расправы; не найдетъ онъ справедливости, потому что все начальство будетъ изъ помѣщиковъ и будетъ стоять оно (не) за народъ, а за своего брата дворянина; и пойдутъ въ народѣ тогда смуты и неудовольствія и пошлютъ Васъ на него. [Вспомните тогда, братцы, что и вы родились въ тѣхъ же избахъ, которыя помѣщики отнимаютъ у крестьянъ, и крестили васъ въ той церкви, въ которой молятся они Богу [2]), чтобы освободилъ ихъ отъ неправды и насилія, что на томъ же погостѣ, гдѣ схоронятъ ихъ, забитыхъ и заключенных, лежатъ ваши отцы и матери, ближніе и кровные. Не думайте, что если вы пойдете и не на свою родную деревню, не на свое родное село, то грѣха не будетъ

---

[1]) Зачеркнуто: «съ».

[2]) Зачеркнуто: «и».

на вашей душѣ. Вы пойдете противъ чужихъ, а другіе пойдутъ противъ ваших. И выйдет. дѣло одно на одно [1]). А какъ не пойдете вы, и тѣ не пойдутъ,—и вздохнетъ вся русская земля спокойно] [2]).

А теперь прощайте, братцы, покамѣстъ. Скоро пришлемъ мы вамъ еще вѣсточку.

Ваши доброжелатели.

---

[1]) Зачеркнуто: «Не пойдете вы, и тѣ не пойдутъ. И выйдетъ»...

[2]) Заключенное в квадратные скобки написано после вносного знака ≠; это и есть то место прокламации, о котором говорит Михайлов в своем показании. В первоначальном тексте, вместо этого абзаца был следующий: «Вспомните тогда нашу грамотку; вспомните, что Вы не французы и не англичане, что Вы не враги страны родной, что Вы такіе же русскіе, какъ всѣ мы, что Вы призваны не на погибель народа, а на защиту его, что Вы давали клятву на дѣла добрыя, а не на злыя. Вспомните все это и спасите народъ отъ его притѣснителей—отъ помѣщиковъ и отъ начальства.»

„Причина пожаров".

«Продолжительная засуха и пожары в северной полосе империи сопровождались частыми, опустошительными пожарами в разных местностях,— читаем мы в отчете III отделения за 1868 год.—Кроме городов и сел, пораженных этим бедствием, горели леса, торфяные залежи и высохшие болота. От подобных пожаров в С.-Петербургской губернии дым наполнял столицу и все ее окрестности в продолжение нескольких недель. В С.-Петербурге с 1-го июля начался ряд ежедневных пожаров, продолжавшихся до 12 августа, в некоторые дни по три и четыре в противоположных частях города. В публике возникали слухи о преднамеренных поджогах; называли даже места, обреченные истреблению, но это не сбывалось, и последствия показали, что беспокойство жителей было преувеличено. Оно, впрочем, было основано на предшествовавших весною анонимных угрозах поджогами с целью грабежа. Усиленным наблюдением покушения на то были предотвращены».

В самом конце июля, в этой тревожной атмосфере ужаса, порожденного ежедневно повторяющимися пожарами и темными слухами о каких-то поджигателях, в окутанном дымом Петербурге появляется *печатная* прокламация, озаглавленная «Причина пожаров».

Экземпляры этой прокламации найдены нами в московском историко-революционном архиве в деле секретного отделения канцелярии московского военного генерал-губернатора 1868 г. № 59 «об образовании общества поджигателей» и в деле прокурора московской судебной палаты 1868 г. № 35 «о напечатанных в тайной типографии объявлениях, угрожающих поджогами».

Рапортом от 30 июля 1868 г. за № 1617 московский обер-полицеймейстер доносил московскому генерал-губернатору:

«Сего числа доставлены ко мне г. директором биржевого комитета почетным гражданином Солдатенковым и прокурором окружного суда полученные ими из С.-Петербурга по Николаевской железной дороге, поданные на почту 28 июля под маркою в 1 копейку сер. прокламации о причине пожаров, в которых изъяснено, что из множества лиц, неизобличенных в преступлениях, но подвергавшихся неправильным арестам, составилось общество и что это общество постановило за каждый невинный арест делать поджог, дабы этою мерою разбудить угнетенный народ, во время же пожаров допустить кражи на вознаграждение разоренных и на содержание общества. Прокламации печатаны, как нужно предполагать, на ручном станке; на них черный штемпель в виде печати со словом «ожесточение». Присланы они без особых конвертов на четвертках листа, сложеных в виде обыкновенного небольшого письма. Сделав распоряжение о строжайшем наблюдении за нераспространением здесь этих прокламаций и к открытию виновных как в напечатании, так и в распространении их, имею честь донести об этом с представлением одного экземпляра прокламации».

К этому рапорту была приложена прокламация следующего содержания:

ПРИЧИНА ПОЖАРОВЪ.

Множество людей держали и держатъ въ видѣ предварительнаго ареста въ тюрьмѣ неизобличенныхъ въ преступленіи. Изъ таковыхъ жертвъ, разбитыхъ и разоренныхъ организовалось общество, которое постановило: *за каждый невинный арест дѣлать поджогъ, дабы этой мѣрою разбудить угнетенный народъ; во время же пожаров допустить кражи на вознагражденіе разоренныхъ и на содержаніе общества* [1]). О вышеизложенномъ поставляется въ извѣстность.

К этой прокламации приложена круглая печать с надписью: «*Ожесточеніе*».

О получении в Москве этой прокламации московский генерал-губернатор немедленно сообщил шефу жандармов.

Несколько экземпляров этой же прокламации было доставлено прокурору московской судебной палаты. Один экземпляр был прислан ему прокурором московского окружного суда. Другой поступил из Вязников, Владимирской губ., от местного судебного следователя. Прокурор тверского окружного суда сообщил, что эти прокламации были получены им самим и тверским губернатором. [2])

Таким образом прокламация получила довольно широкое распространение.

Некоторые сведения о прокламации «Причина пожаров» мы находим в цитированном выше отчете III отделения за 1868 г.

Из него мы узнаем, что в конце июля в Петербурге в почтовые ящики было опущено «множество экземпляров» этой прокламации с адресами, написанными одним почерком,

---

[1]) Курсив подлинника.

[2]) Любопытно отметить, что прокурор тверского окружного суда счел нужным сообщить при этом свои соображения по поводу происхождения прокламации. «Донося о вышеизложенном вашему превосходительству,—писал он,—не могу воздержаться от предположения, что как слог, так и содержание означенного извещения указывают на участие в составлении оного губернского секретаря Звенигородского, содержащегося под стражею по следствию об обманных поступках с графом Оперманом и обвиненного в многих других преступлениях, или же гг. Зарудного или Арсеньева».—По поводу этого предположения необходимо объяснить следующее: 21 декабря 1867 г. уголовным департаментом сената слушалось дело редактора «Петербургской газеты» И. А. Арсеньева и губерн. секр. Д. Е. Звенигородского. Пользовавшийся в 60-е годы громкой, но незавидной, известностью и находившийся в весьма близких отношениях к III отделению журналист Арсеньев (о нем см. С. А. Венгеров. «Критико-биографический словарь», т. I, стр. 777—779; М. К. Лемке. «Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX столетия», стр. 167—169) был предан суду за то, что он напечатал в редактируемой им «Петербургской газете» статьи, в которых подвергал чрезвычайно резкой критике деятельность новых судебных учреждений, указывая, что они успели обнаружить полную свою неподготовленность и несостоятельность, и предупреждая кого следует, что, если не будут приняты соответствующие меры, «судьи обратятся в Робеспьеров и Маратов, и повсюду будут существовать терроризм и тирания». Кроме того, Арсеньев напечатал «Заявление публике», написанное губ. секр. Звенигородским. В нем Звенигородский рассказывал о своем процессе с сенатором графом Оперманом, обвинявшим Звенигородского в растрате. «Заявление публике» содержало в себе резкие выходки и ругательства по адресу судебного следователя, расследовавшего дело Звенигородского, лиц прокурорского надзора и членов окружного суда, отказавших Звенигородскому в его жалобе на действия следователя. Поведение последнего Звенигородский называл злодеянием, разбойническим поступком, дневным разбоем и т. п. и объяснял его личной враждой против Звенигородского, с женой которого судебный следователь находился, якобы, в связи. Лиц прокурорского надзора и членов суда Звенигородский обвинял в соучастии с судебным следователем, в незнании законов, в неимении понятия о чести и говорил, что они обагрили себе руки кровью. По кассационной жалобе Арсеньева и Звенигородского на обвинительный приговор петербургской судебной палаты дело перешло в сенат, согласно резолюции которого Арсеньев был приговорен к тюремному заключению на 3 месяца и к штрафу в 500 руб., а Звенигородский к тюремному заключению на 3 месяца. (Отчет о деле Арсеньева и Звенигородского см. в № 1—5 «Судебного Вестника» за 1868 г.)—Что касается указания на Зарудного, то здесь имеется ввиду издатель «Петербургского Листка» А. А. Зарудный, обвинявшийся в клевете доктором Горским. Зарудный напечатал в «Пет. Листк». фельетон, в котором вывел под прозрачным псевдонимом Горского и охарактеризовал его, как шулера и торговца живым товаром. Дело Зарудного слушалось в петербургском окружном суде в начале июля 1868 г. и закон-

на имя начальствующих лиц, а также разных учреждений. Письма эти были задержаны [1]), но поданные в то же время на станции Николаевской жел. дороги отправлены по назначению и частью представлены получателями местным властям, «не произведя никакого впечатления по нелепому их содержанию и форме».

По высочайшему, повелению, петербургскому обер-полицеймейстеру было поручено принять всевозможные меры к открытию составителей прокламации, и, независимо от этого, произведены тщательные розыски со стороны жандармского управления. Однако, никаких следов виновных обнаружено не было.

Таким образом происхождение прокламации осталось совершенно невыясненным; не ясно оно и в настоящее время.

Быть может, действительно, существовала какая-то организация, выпустившая прокламацию. Быть может, издание ее было делом отдельного лица или нескольких лиц, стремившихся посеять в обществе, в связи с происходившими в то время многочисленными пожарами, панику и использовать ее в своих корыстных целях. А может быть, происхождение прокламации было провокационным. Зная, как ловко использовало правительство петербургские пожары 1862 г., приписав возникновение их злонамеренным поджогам со стороны революционеров, и с какою настойчивостью позднее оно муссировало слухи о поджигательной деятельности польских революционеров и пресловутой «тульчинской агенции»,— мы имеем полное основание допустить и это последнее предположение, настаивать на котором, однако, невозможно за отсутствием достаточных доказательств и за полной невыясненностью происхождения прокламации.

Б. Козьмин.

чилось обвинительным приговором: Зарудный был признан виновным в клевете и приговорен к тюремному заключению на 3 месяца. (Отчет об этом деле см. в № 153 «Судебного Вестника» за 1868 г.).

[1]) Надо сказать, что не все из распространенных в Петербурге экземпляров прокламации были задержаны, некоторые из них дошли до адресатов. В № 8 журнала «Дело» за 1868 г., в статье *Анонима* «С Невского берега» прокламация «Причина пожаров» была воспроизведена; при этом автор статьи писал: «Во всяком случае—существует или нет такое общество (о котором говорилось в прокламации *Б. К.*),—письма эти, как крайнее проявление или холодного злодейства, или возмутительной мистификации, заслуживают полнейшего презрения со стороны общественного мнения. Придавать им значение едва ли может даже сыскная полиция» (стр. 123).

Неизданные письма С. Л. Перовской.

(1872—1873 гг.).

Среди так называемых «вещественных доказательств», фигурировавших в свое время на знаменитом процессе о революционной пропаганде в империи (дело 193-х) и ныне хранящихся в петербургском историко-революционном архиве (I отд. 1 секц. Е. Г. А. Ф.), между прочим, находятся и четыре неопубликованных письма С. Л. Перовской. Письма относятся к самой ранней поре революционной деятельности их автора,—к 1872—1873 гг.

Первые три письма посланы С. Л. Перовской летом 1872 г. из г. Ставрополя, Самарской губ., и адресованы ее приятельнице и сочлену по петербургскому кружку «чайковцев» А. Я. Ободовской; четвертое письмо послано из Петербурга летом следующего 1873 г. и адресовано О. И. Сахаровой.

Александра Яковлевна Ободовская (по мужу Сидорацкая) играла заметную роль в революционном движении первой половины 1870-ых годов. Власти дважды привлекали ее к судебной ответственности: по делу «долгушинцев» и «193-х». По первому из названных процессов Ободовская, признанная виновной в хранении прокламации, отделалась семидневным арестом. По второму же делу, несмотря на то, что обвинительный акт уделил ей много внимания, подчеркивая ее обширные связи как с отдельными подсудимыми, так и целыми кружками, особое присутствие сената вынесло ей оправдательный приговор. В действительности же, как известно из отрывочных показаний современников, Ободовская-Сидорацкая являлась деятельным членом центрального кружка «чайковцев», горячей сторонницей не книжной, а действенной пропаганды на почве теснейшего сближения с народной массой, не приняв, однако, личного участия в «хождении в народ». В кружке «чайковцев» она пользовалась большим влиянием, и фактически она в известном смысле представляла собою связующее звено между пропагандистами,—с нею, например, переписывался из ссылки М. А. Натансон и др. С Перовской она познакомилась, видимо, в 1869—1870 гг. в Петербурге. Обе они совместно с сестрами Корниловыми, С. Лешерн и некоторыми другими составляли в то время тесный товарищеский самообразовательный кружок, который немного спустя целиком примкнул к кружку «чайковцев», когда последний только организовывался. Летом 1872 г. А. Я. Ободовская находилась в с. Едимонове, Корчевского уезда, Тверской губ., где состояла учительницей в школе при сыроваренном заводе Н. В. Верещагина [1]).

О второй адресатке — Ольге Ивановне Сахаровой, жительнице гор. Ставрополя, Самарской губ., также привлекавшейся и оправданной по «процессу 193-х», мы не рас-

[1]) См. сб. «Государственные преступления в России», под ред. В. Богучарского, т. I (процесс «долгушинцев»). «Процесс 193-х», с предисл. В. Каллаша, М., 1906 г. (главным образом стр. 23—25 и сл.); подробную сводку об Ободовской по материалам обоих процессов см. в книге *Федора Гилярова*—«25 лет крамолы», т. I, ч. I, стр. 268—271; *Л. Э. Шишко*—«Собр. соч.», т. IV, II., 1918 г., стр. 171; (*Старик С. Кавалик*).—«Движение семидесятых годов по большому процессу», «Былое», 1906 г., кн. XII и *А. О. Лукашевич*—«В Народ.», «Былое». 1907 г., кн. III.

полагаем почти никакими сведениями, за исключением того, что сообщается в обвинительном акте [1]). Ей власти инкриминировали участие в пропаганде в районе Самарской губ., преимущественно Ставропольского уезда (1874 г.). «По обыску у Сахаровой,— говорится в обвинительном акте,— найдены письма Софьи Перовской, в которых последняя приглашала Сахарову приехать в Петербург, при чем упоминала о сестрах Корниловых». Отобраны, в действительности (данные «вещественные доказательства» сохранились в полной неприкосновенности), не письма, а обрывок одного письма и листочек другого (навряд ли он представляет целое письмо), который, бесспорно, написан летом 1873 г. В обрывке читаем: «...книг достать легко будет, учителей тоже найдется, а также больше увлите и хороших людей. Я останусь на всю зиму в Питере, приезжайте, Ольга Ивановна, поселимтесь вместе и заживем, надеюсь, хорошо. На счет средств для жизни, то об этом не беспокойтесь... Итак, Ольга Ивановна, на счет всего этого не сомневайтесь, а только выбирайтесь скорей из Самары. Посылаю письмо наугад в семинарию, так как, должно-быть, Лизавета Ивановна там; что она мне ни словечка не пишет? Отвечайте... спросите Любовь Ивановну (Корнилову), если ее не будет, то спросите Александру Ивановну (Корнилову), а они укажут вам, где я. Отвечайте же скорее. Перовская». Листок второго письма к Сахаровой, в котором упоминается именно то, что приводит обвинительный акт, и который, как должно заключить из сопоставления обоих документов, написан позже первого (обрывка), приводится целиком ниже. Есть много оснований полагать, что О. И. Сахарова была распропагандирована С. Л. Перовской в бытность последней в Ставрополе, ею привлечена к организации «чайковцев», и, вероятно, об О. И. Сахаровой же идет речь в письмах Перовской к А. Я. Ободовской, ниже публикуемых, где она пишет об учительницах и даме, с которыми ей приходилось заниматься.

Из публикуемых писем наибольшее значение имеют письма из Ставрополя к А. Я. Ободовской. Они — не столько лишний, новый штрих для общей характеристики эпохи, сколько большой важности материал для биографии С. Л. Перовской и ее характеристики в ту пору начальной революционной деятельности. Короткий период пребывания С. Л. Перовской в Ставропольском уезде, Самарской губ., летом 1872 г. заслуживает быть изученным в деталях.

После горячих теоретических дебатов и продолжительных (в течение года слишним) разговоров на тему, что делать и как делать, девятнадцатилетняя С. Л. Перовская отправляется в качестве оспопрививательницы в деревню, чтобы там впервые и непосредственно познакомиться с народной жизнью. Так или иначе, поездка эта должна была сыграть свою роль как в выработке ее окончательно неопределившегося еще мировоззрения, так и в направлении ближайшей практической ее работы. И чем больше места такому знаменательному моменту жизни должно быть уделено в ее биографии, тем меньше источников, материалов имеется в распоряжении биографа для соответственного суждения. Не говоря уже об официозных материалах, о Перовской много писали современники и ее товарищи по работе. Писали о петербургском периоде ее деятельности в кружке «чайковцев», об ее участии в процессе «193-х», в обществе «Земля и Воля» и — больше всего — в «Народной Воле». Но совершенным молчанием обходят все официозные источники ставропольские месяцы ее жизни. А среди воспоминаний лиц, знавших ее в то или иное время, о том моменте находим лишь одно анонимное сообщение.

«Я познакомилась с Софьей Львовной в Ставрополе в 1872 г.,— пишет анонимный автор,— где я (вместе с одной моей приятельницей—П.) занималась приготовлением сельских учительниц. С. Л. приехала сюда в качестве оспопрививательницы, чтобы

[1]) См. названное изд., с предисл. В. Каллаша, стр. 169—172.

познакомиться с бытом крестьян. Для этого она пешком исходила все окрестные села, останавливалась на несколько дней в каждом для прививанья оспы. Ночевала и столовалась она в первой попавшейся избе вместе с хозяевами и ничуть не тяготилась полным отсутствием удобств, к которым привыкла в детстве. Она была в то время в периоде своей «Рахметовщины»: питалась молоком да кашей, спала на подушке с соломой и т. д. Здоровенная она была такая, как только можно себе представить; про ее щеки ставропольцы выражались, что у нее словно два горшечка на лице. Она любила ездить на другую сторону Волги и Жегули и все время гребла сама. Виделись мы, конечно, всякий день. Прививши всем ребятишкам окрестных сел оспу, она стала помогать нам с П. в нашей школе. Ни скрытности, ни нелюбви к письмам я тогда в ней не замечала,— она охотно говорила о своих петербургских знакомых, которые в то время занимались изданием книг, о Крыме, и в особенности, о своей жизни в Лесном. А после ее отъезда к О. (Ободовской. *Р. К.*) (в Едимоново), мы переписывались с нею с год, так, без всякого дела, как люди, пожившие некоторое время вместе. Она и в то время уже внушала к себе уважение своею серьезностью и умом,— видно было, что она пойдет по заданному себе пути, не увлекаясь по сторонам» [1]).

Мы нарочно привели целиком это небольшое сообщение, чтобы, с одной стороны, сгруппировать все относящееся к ставропольскому периоду жизни С. Л. Перовской, и с другой — для возможно более удобного сопоставления его с публикуемыми письмами самой С. Л. Перовской. Самое поверхностное сопоставление обоих этих источников достаточно, чтобы выявить всю важность публикуемых писем, где чувствуется совсем иное настроение, чем в приведенном сообщении. «Пахнет отовсюду мертвым, глубоким сном», пишет С. Л. Перовская спустя две недели по приезде в Ставропольский уезд. «Всюду мертвечина и больше ничего... все окружающее наводит томящую тоску... Единственный исход из этого положения — это взяться за расшевеление этого сна», но тут она чувствует себя бессильной: «для этого у меня нет ни знаний, ни уменья... хочется расшевеливать эту мертвечину, а приходится только смотреть на нее». В ином свете вырисовывается жизнь и настроение С. Л. Перовской в те месяцы. Не чувствуется удовлетворения работой среди народа, о которой она вообще умалчивает. Нужда и апатия сопутствовали ее. Мало тогда, видимо, было у нее и бодрости. В Петербурге, среди талантливых товарищей, «хороших людей», она оживала душою. Эти товарищеские интимные письма — прекрасный материал для более цельной и верной характеристики.

Приводимые ниже письма С. Л. Перовской были отобраны при аресте у А. Я. Ободовской и О. И. Сахаровой.

При воспроизведении их мы придерживались точно текста, при чем в круглые скобки заключены слова и буквы, недописанные в оригинале.

Р. М. Кантор.

---

[1]) Цитировано по брошюре «София Львовна Перовская», Женева, 1899 г. изд. Элпидина, (стр. 10, примечание «от изда..»). Этим источником пользовались все писавшие о Перовской, вплоть до Н. Ашешова («Софья Перовская», II., 1921 г., изд. Госиздат», стр. 30—31). Не принадлежит ли приведенное перу или той же О. И. Сахаровой, или «Лизавете Ивановне», о которой упоминает Перовская?

Письма к А. Я. Ободовской.

I.

6 мая (1872 г.).

Александра Яковлев(на), отчего ты до сих пор никому из нас [1]) не писала. Как тебе там [2]) живется и долго ли ты намерена там оставаться. Я же вот уже вторую неделю как нахожусь в Самарской губернии. В деревню переехала я всего третий день, а то жила в Ставрополе у доктора Осипова [3]). Мерзкое впечатление производит этот барин. Он женился на пустой [4]) барышне, зараженной только либеральным духом, и теперь постепенно он начинает совершенно погрязать в семейную, барскую, мелочную жизнь; все внимание свое он обращает на земскую докторскую деятельность. Есть у этого доктора брат, тоже служит в земстве, этот, кажется, еще получше. Познакомилась я еще с двумя сельскими учительницами,—кажется, барыни хорошие, но только не очень, кажется, развитые. Как взглянешь вокруг себя, Алекс. Яков., так и пахнет отовсюду мертвым, глубоким сном, нигде не видишь мыслительной деятельной работы и жизни; и в деревнях, и городах всюду одинаково. И крестьяне точно так же перебиваются изо дня в день, ни о чем более не думая, точно мертвая машина, которую завели раз навсегда, и она так уже и двигается по заведенному. Вот на этих учительницах эта обстановка так и отразилась,— они такие молчаливые, грустные, и кажется, что это еще молодые, крепкие натуры, которые так бы и взялись за живую деятельность, да только нет никогда исхода, всюду мертвечина и больше ничего. Я теперь понимаю, почему личности, уезжающие одни в провинцию, постепенно начинают пошлеть и, наконец, никуда не становятся годными. Во-первых, у личностей обыкновенно убеждения не достаточно основательно выработаны. Потом, когда они очутятся в этом сонном царстве, то они для отдыха поневоле начинают сходиться с

---

[1]) Судя по содержанию письма, оно первое, которое С. Л. Перовская отправила по приезде своем в Самарскую губ. А. Я. Ободовской. В нем она только извещает подругу о состоявшемся переезде в Самарскую губ., почему слова «никому из нас» следует, видимо, отнести к петербургским «чайковцам», с которыми С. Л. Перовская за две-три недели до того разъехалась.

[2]) В с. Едимонове, Корчевского уезда, Тверской губ., где в школе при сыроваренном заводе Верещагина А. Я. Ободовская служила учительницей.

[3]) Осипов, Евграф Алексеевич (род. в 1841 г., ум. 3 апреля 1904 г. в Москве)— видный земский врач, один из главных творцов земской медицины, заведующий санитарным Бюро Московского губ. земства, автор большого труда «Русская земская медицина» и др. медицинских сочинений.

[4]) В подлиннике здесь зачеркнуто слово: «провин»(циальной).

личностями, которые, ну, хоть что-нибудь да имеют хорошее, и, таким образом, они постепенно начинают привыкать к пошлости, а затем недалеко и до того, что она и к ним прививается. Ведь необходим же отдых для человека, а когда нет [1]) около нравственных личностей, то, за исключением только сильных, энергичных личностей, поневоле человек прибегает к личностям и в достаточной степени безнравственным.

Эти дни на меня таки порядочная тоска находила, заниматься нельзя было, а между тем все окружающее наводит такую томящую тоску, не исключая даже этих учительниц, потому что и они сами какие то грустны(е), да ко всему этому прибавляется еще то, что чувствуешь, что единственный исход из этого положения,— это взяться за расшевеливание этого сна и помочь личностям, в роде этих учительниц, выбиться из своего положения, а между тем для этого у меня нет ни знаний, ни умения. К чему ни подойдешь, то все из рук валится. Это правда, что и умение, и знания можно приобрести, но ведь настоящее положение все-таки подло. Хочется расшевеливать эту мертвечину, а приходится только смотреть на нее.

Алекс. Яков., если ты не довольна своим местом, то можно, может быть, тебе найти здесь место, так не хочешь ли приехать сюда. Если ты займешься за лето адвокатством [2]), то мы, поселившись вместе, можем заняться лечением, адвокатством и учением. Пиши мне, Алекс. Яков., почаще и подробнее, а то, действительно, ты права — здесь письмо гораздо больше необходимо, чем в Питере. Мой адрес: В Самарскую губерн., в город Ставрополь. Ефграфу Алексеевичу Осипову для передачи мне.

С. Перовская.

II.

13 июня (1872 г.).

Александра Яковлевна, откуда я ни получала письма, всюду видно самое мерзкое положение, — бьются личности, да толку никакого не выходит. Ты, верно, уже об петерб. арестах; теперь там поуспокоились, но Люба [3]) вследствие своего ареста растратила все свои деньги, так что теперь принуждена оставаться в Питере в самом подлом положении. Я же вследствие этого осталась с 10 р. в кармане и больше ничего впереди не предвидится, так как, разумеется, я не хочу ничего писать Любе насчет денег. Итак, мне теперь необходимо найти хоть какое-нибудь место. Здесь на это мало надежды, но ты, Алекс. Як., весною писала про место бухгалтера на сырне. Я теперь занимаюсь тут с одним бухгалтером, а потому нельзя мне как-нибудь попасть

[1]) В подлиннике здесь зачеркнуто слово: «так»(их).
[2]) В подлиннике здесь зачеркнуты слова: «за лето» и написано: «то мы».
[3]) Любовь Ивановна Корнилова (по мужу Сердюкова). Одна из главных деятельниц петербургского кружка «чайковцев». Сестры Корниловы (Любовь и Александра, по мужу Мороз) сдружились с С. Л. Перовской еще до возникновения кружка «чайковцев». В мае 1872 г. Люб. Ивгн. Корнилова подверглась аресту в Москве, по пути в Казань, была отправлена в Петербург и там вскоре освобождена. Арест ее находился в связи с раскрытием московского революционного кружка, возглавлявшегося С. Клячко (об этом ее аресте см. дело архива III отд., III экп., 1872 г., № 71, ч. II).

на это место; если же на это место нельзя, то не знает ли Верещ. [1]) какое-нибудь место конторщика или бухгалтера, хоть в 10 р. жалованья в месяц. Мне лишь бы можно было жить, да, кроме того, чтобы работа не отымала у меня более 5 ч. в день; если же уж большое жалованье, то не больше 6 ч. в день. Может быть, в Ярославской г. на сыроварнях или в имении у Корфа найдется такое место. Пожалуйста, Алекс. Як., похлопочи об этом, а то мне очень не хочется жить (у?) матери.

Далее скажу тебе, что живу я теперь в самом Ставрополе, так как помогаю тут одной барыне заниматься с нар. учительн. и 4 крестьян. мальчиками. Главным образом, я теперь читаю; теперь, более чем когда-либо, я чувствую необходимость в знании, а то положение преподлое. Кругом видишь только сонное царство, а другие личности бьются, бьются, но усилия их, как мне кажется, пропадают почти задаром, и вследствие того, мне кажется, что мало знаний как существующих условий, так и теоретических, а потому они не могут правильно и окончательно решить, за что нужно взяться теперь.

Недавно тоже получила я письмо от Михаила Федотыча [2]). Он находится в бедственном положении, — весь хлеб, посеянный им, высох, так что он нажил себе только долг и теперь не имеет денег, чтобы его выплатить и с чем двинуться с места, что ему необходимо для того, чтобы окончить курс в университете, иначе же его потянут в казаки. Проездом он, может быть, заедет ко мне; мне очень хочется с ним видеться, узнать, какое впечатление произвела на него его годовая крестьянская жизнь.

Ты пишешь, чтобы тебе подробнее писать, но писать о своем внутреннем состоянии мне противно, да оно у меня теперь очень изменчиво; одно могу ска(за)ть, что тоскливое апатичное отчаяние вследствие окружающих условий, в котором я находилась, когда писала тебе письмо, прошло, надеюсь, никогда не возвратится. Общая же характеристика моего состояния как во внешнем, так и во внутреннем, как в настоящем, так и в будущем, — это неопределенность. Из окружающих личностей хорошие, кажется, только две девушки из тех, с котор. мы занимаемся, да барыня, устроившая эти занятия. Первые две как по начинающему пробиваться в них направлению, так и по своим нравственным качествам, по-моему, подают большие надежды. Но внешняя обстановка у них препакостная, — во-первых, семья, а во-вторых, — бедность, так что, удастся ли им выбиться из этой глуши, еще неизвестно.

Жду от тебя, Алекс. Яков., с нетерпением ответа. Адресуй письма прямо ко мне. В Самарскую губ. (покрупнее) [3]), в гор. Ставрополь, в дом Бормотова.

---

[1]) Верещагин, Николай Васильевич (род. в 1839 г., ум. 13 марта 1907 г. в Череповце)—известный агроном и сыровар. Организовал в 1860-х годах несколько сыроварен на артельных началах, из которых самая крупная находилась в Корчевском уезде, Тверской губ., где А. Я. Ободовская учительствовала.

[2]) Установить его фамилию не удалось. Не идет ли речь о казаке Обухове о котором мимоходом упоминает С. М. Кравчинский («Подпольная Россия», II., 1907 г., изд. «Светоча», стр. 16)?

[3]) Покрупнее потому, очевидно, чтобы на почте не спутали с гор. Ставрополем Кавказским.

III.

12 июля (1872 г.).

Александра Яковлевна, ты, верно, не получила мой ответ на твое письмо, где я прошу тебя узнать у Верещагина, нет ли где места бухгалтера, конторщика или чего-нибудь подобного. Это письмо уже я тебе давным давно написала, а все ответа нет [1]). Я же нахожусь в очень мерзком положении; тут, в Ставрополе, мне делать нечего, потому мерзость ужасная, место какое-нибудь для меня необходимо, так как иначе нечем жить; вследствие неимения денег и ожидания места я не могу двинуться с места. Во всяком случае, прошу тебя, Алекс. Яков., если даже тебе ничего нельзя разузнать на счет места, то все же ответь мне поскорее, а то лучше окончательно знать, что нет, чем все надеяться на-авось. Что я буду делать в дальнейшем, я совершенно, как видишь, не знаю. Одно чувствую, что для меня необходимо, — это какая-нибудь деятельность, даже в самом обыденном смысле слова. Одной теорией и книгами я решительно не могу довольствоваться; является у меня сильное желание какой-нибудь работы, хоть даже чисто физической, лишь бы она была разумная. А то в бездействии, целый день одна, в четырех стенах, да с книгами в перемешку с разговорами то с тем, то с другим, приводит меня, наконец, в такое состояние апатии и [2]) умственной тупости, что не можешь взяться ни за какую книгу, и все, начиная с себя и кончая всех людей и всего окружающего, становится мне противным. Иной раз до такой степени хочется что-нибудь делать, за исключением читания книг и разговоров, что доходит просто до какого- то ненормального состояния, — бегаешь из угла в угол или рыскаешь по лесу, но после этого впадаешь в еще сильнейшую апатию. Мне необходимо часов 5, 6 в день работать, отчасти даже физически, тогда и теория моя пойдет на лад. А то сначала, как я сюда приехала, то совершенно незнакомая обстановка, оспопрививание, знакомство с учительницами давало еще довольно живого материала, тогда и теория моя шла недурно, прочла я Бокля, да еще некоторые книги и стал у меня намечаться ряд вопросов, которые я должна была решить, чтобы прийти к [3]) практическому окончательному выводу. Но теперь оспопрививание не идет, занятия с учительницами кончились вследствие того, что начальство запретило им заниматься с нами, и потому мне теперь нечего делать и ожидание места и безденежье не [4]) позволяют мне сдвинуться с места. Больше ничего не хочется писать, да и не о чем. Пиши мне скорее, Алекс. Яков., как живешь и что будешь делать. Кстати, сообщаю тебе, что тут один господин, очень порядочный, ищет учительницу для своей школы в деревне; условия такие: 150 р., квартира и отопление. На будущий же год жалование будет больше. Тут же он устроил и ссудное това-

[1]) Имеется в виду предыдущее письмо от 13 июня 1872 г., которое А. Я. Ободовская получила

[2]) В подлиннике зачеркнуто здесь слово: «бездействия».

[3]) В подлиннике здесь зачеркнуты слова: «какую-нибудь результату» и надписано: «практическому»

[4]) В подлиннике здесь зачеркнуто слово: «дают» и надписано: «позволяют».

рищество. Я уже говорил(а) про тебя, и если ты согласна на это место или имеешь ввиду кого-нибудь хорошего на него, то напиши мне. Посылаю и свой адрес на случай, если ты его забыла: Самарская губерн. (покрупнее), гор. Ставрополь, в дом Бормотова.

С. Перовская.

(P. S.) Хотелось бы мне очень найти место в Ярославской губ., нельзя ли у Бирюлова? [1]).

Письмо к О. И. Сахаровой.

(Петербург, лето 1873 г.) [2]).

У нас здесь придерживаются такого взгляда, что человеку, у которого есть задатки, что он станет хорошим, необходимо помогать, как потому, что хороших людей не ахти как много, и [3]), значит, каждым нужно дорожить, так и оттого, что когда такой человек разовьется, то он сторицею возвратит ([4]), которую ему оказывали. Итак, Ольга Ив., без особенно долгих колебаний решайтесь ехать сюда. Коли не будет у вас денег на дорогу, то без церемоний напишите мне, нужно всего 25 р. Ехать прийдется до Нижнего на пароходе, а затем по железной дороге до Москвы и Питера. Я теперь переехала на другую квартиру и потому пишите мне по следующему адресу: Петербург, Выборгская сторона, Саратовская ул., дом № 53, кварт. № 4. Если приедете сюда, то с железной дороги прямо и отправляйтесь по этому адресу, где и найдете меня и где вам сейчас и можно будет остановиться. Я наверно останусь в Питере до половины октября, а дальше не знаю, останусь ли здесь, или уеду. Вам кланяется Любовь Ив. Корн. [5]) и также приглашает сюда. От меня и от нее передайте поклон Лизавете Ив. Прощайте, Ольга Ив., отвечайте скорей, на что вы решаетесь.

С. Перовская.

---

[1]) Бирюлов, Григ. Алекс.—владелец сыроварен в Тверской и Ярославской губ. Быть может, что речь идет об его брате, который, судя по содержанию остальной переписки, отобранной у А. Я. Ободовской, также был прикосновенен к сыроваренному делу и часто бывал в с. Едимонове, Тверск. губ.

[2]) С. Л. Перовская в настоящем письме пишет, что «теперь переехала на другую квартиру» и указывает адрес: Петербург, Выборгская сторона, Саратовская ул., д. 53, кв. № 4.—В этой квартире Перовская поселилась вместе с Л. Э. Шишко, который в своих воспоминаниях пишет: «мы с Перовской наняли на это лето (1873 г.) небольшую квартиру на Саратовской ул., вблизи ткацких фабрик, расположенных по Сампсониевскому проспекту» («Собр. соч.», т. IV. П., 1918 г., изд., «Революционная Мысль», стр. 153). Отсюда и приблизительная дата отправления письма.

[3]) В подлиннике здесь зачеркнуто слово: «потому» и надписано: «значит».

[4]) В подлиннике здесь переправленное слово, которое не поддается потому разбору.

[5]) Любовь Ивановна Корнилова (о ней см. выше).

Из воспоминаний А. Г. Достоевской.

Страницы воспоминаний Анны Григорьевны печатаются по черновым рукописям, полученным Центрархивом из Грузии, куда они случайно попали в период гражданской войны. Черновики эти представляют собой свыше тридцати отдельных тетрадей, различного размера (от одного листа до 5 — 8) и различной степени литературной отделки. Несомненно, эти черновики явились тем основным текстом, из которого Анна Григорьевна создала потом окончательный текст своих воспоминаний, в настоящее время хранящихся в Московском Историческом Музее.

Анна Григорьевна писала воспоминания в течение многих лет о долгом пути своей жизни, начиная с 1866 года до 1917 г.; писала разными чернилами и карандашом, писала их под разными настроениями; последние порой явственно проступают в стиле записей; автор, перечитывая потом, часто выражения, срывавшиеся в момент сильно овладевшего чувства, менял на слова более спокойные.

Здесь приводятся отрывки: 1) Накануне знакомства моего с Ф. М. Достоевским, 2) Мой первый приход. Мое первое посещение. Мое знакомство с Ф. М. Достоевским. 3) Второй мой приход к Федору Михайловичу. 4) Два посещения Федором Михайловичем моей семьи. 5) 1872. г. 6) 1873. г. 7) Весна 1880 г. 8) К воспоминаниям о музее.

Отрывки эти, как и воспоминания в целом, рисуют четкий образ спутницы Достоевского в последние четырнадцать лет его жизни. Анна Григорьевна, с ее практическим складом ума, с богатой энергией, непреклонной волей, способностью доводить до конца принятое намерение, — была необходимым дополнением к беспомощному в житейских делах Ф. М. В своих воспоминаниях Анна Григорьевна правдиво и просто рассказывает о неустройстве дел Ф. М.; о том, как она, чужая еще ему девушка, остро почувствовала «неустроенность» Достоевского, решила помочь ему, и, поистине, была неутомимым и деятельным помощником Ф. М. за все время совместной их жизни.

Прекрасную по выразительности характеристику Анны Григорьевны мы находим в воспоминаниях ее дочери, Людмилы Федоровны Достоевской (разумеем книгу: «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». — Перевод с немецкого Л. Я. Круковской под редакцией и с предисловием А. Г. Горнфельда.— Госуд. Изд. Москва—Петроград, 1922. См. прежде всего гл. IX «Семья моей матери» (46 — 50), гл. X «Молодость моей матери» (50 — 52) и др.).

Отец Анны Григорьевны,—Григорий Иванович Сниткин,—«был истым славянином: слабым, робким, сантиментальным романтиком». В зрелые годы он женится на красивой и гордой шведке Марии-Анне Мильтопеус, которая построила свой дом на шведский образец и окружила себя представителями высшего шведского общества. Анна Григорьевна, ее младшая дочь, чуждалась этого круга,— она тяготела душой к миру отца, имевшего на нее большое влияние. «Моей матери,— пишет Л. Ф.,— не нравился шведский элемент в доме родителей, и она спасалась к отцу, на которого очень походила и любимицей которого была. Он водил ее в церковь, посещал с нею петербургские монастыри... Новые

религиозные идеи, которыми жадно проникались ее русские приятельницы, не нашли в ней опоры; моя мать больше верила мудрости святых отцов, чем модным религиозным писателям... В течение всей своей жизни она была очень деятельна, и я никогда не видела ее со сложенными руками. Она всегда находила какое-нибудь новое дело, воодушевлявшее ее, и большею частью доводила до конца взятую на себя задачу. Правда, у нее никогда не было широкого умственного кругозора русских женщин, расширяющих его многосторонним чтением; но взамен этого она обладала практическим умом, которого лишено большинство моих соотечественниц.

Но наряду с хорошими качествами ее шведских предков, моя мать унаследовала также некоторые недостатки. Она отличалась всегда слишком большим, почти болезненным самолюбием; всякая мелочь ее огорчала, и она легко поддавалась людям, умевшим ей льстить. Моя мать была несколько суеверна, верила в сны, предчувствия, у нее была даже склонность к странному ясновидению... Несмотря на то, что она была награждена медалью, она не любила науку, не могла прежде всего понять, для чего нужно столько знаний. Она хотела изучить специальность, которая позволила бы ей тотчас зарабатывать деньги и давала бы ей возможность покупать себе книги и билеты в театр, а затем и путешествовать». Этим объясняются ее занятия стенографией на курсах Ольхина, обещавшего всем своим ученикам определенный заработок по окончании курсов.

«Достоевский был любимым писателем деда Григория Ивановича, сделавшегося его поклонником, начиная еще с «Бедных людей». Моя мать тоже увлекалась «Униженными и оскорбленными», но была убеждена, что любимый писатель отца, должно-быть, очень стар. Когда Ольхин предложил ей работать у Достоевского, мать была польщена этим и с радостью согласилась. Бабушка, также считавшая Достоевского стариком, не возражала против этого...» В приводимых первыми отрывках Анна Григорьевна сама сообщает о своем знакомстве с писателем, о произведенном им впечатлении, и тех колебаниях, какие охватили ее после первого дня работы. Дальше узнаем, что совместная работа сблизила писателя с его стенографисткой. Свадьба Ф. М. и Анны Григорьевны состоялась 15 февраля 1867 года.

Примечания под текстом принадлежат Анне Григорьевне; примечания редакции снабжены оговорками. Пропуски в тексте, не заполненные самой Анной Григорьевной, отмечены пятью точками.

Ред.

Накануне знакомства моего с Ф. М. Достоевским.

Третьего октября 1866 года, около семи часов вечера, я пришла в 6-ю мужскую гимназию (у Чернышева Моста) на лекцию стенографии, которую преподавал лектор профессор Павел Матвеевич Ольхин. Лекция еще не начиналась: поджидали запоздавших. Я села на свое обычное место и только что принялась раскладывать свои тетради, как ко мне подошел наш профессор-лектор, сел рядом на скамейке и сказал: «Не хотите-ли вы, Анна Григорьевна, получить стенографическую работу. Мне поручили найти стенографа, и я подумал, что, может быть, вы согласитесь заняться этим делом». Я отвечала, что мечтаю о возможности работать, но сомневаюсь, достаточно ли я знаю стенографию, чтобы принять на себя ответственную работу; на это Ольхин высказал мысль, что предлагаемая работа не потребует большой скорости письма, какою я обладаю (200 слов в минуту), и он уверен, что я успешно справлюсь с порученным мне делом. Тогда я спросила, у кого же предполагается стенографическая работа?—«У писателя Достоевского. Он теперь занят новым романом и намерен писать его при помощи стенографа. Достоевский думает, что в романе будет около 7 печатных листов большого формата и предлагает за весь труд 50 рублей». Когда я выразила свое согласие, Ольхин передал мне небольшую, вчетверо сложенную записку, на которой было написано: «Столярный переулок, уг. Малой Мещанской, д. Алонкина, кв. № 13, спросить Достоевского». Отдавая записку, Ольхин сказал: «Я вас прошу притти к Достоевскому завтра, в половине двенадцатого, ни раньше ни позже», как он мне сам сегодня назначил. Боюсь только, что вы с ним не сойдетесь: это такой мрачный, угрюмый человек». Я невольно усмехнулась и ответила Ольхину: «Да зачем же мне с ним сходиться; я постараюсь самым тщательным образом исполнить его работу. Писателя же, Достоевского я до того уважаю, что даже боюсь, и это меня несколько смущает».

Ольхин посмотрел на часы и взошел, поспешил на кафедру. Должна признаться, что лекция Ольхина на этот раз совершенно для меня пропала. Мысли мои были заняты только-что происшедшим разговором, и я была полна радостных чувств. Моя заветная мечта осуществлялась: я получила работу. Если уж Ольхин, такой требовательный и строгий, нашел, что я достаточно знаю стенографию и достаточно скоро пишу — значит, это правда, иначе он не предоставил бы мне работу. Признание Ольхиным сделанных мною успехов в стенографии чрезвычайно меня обрадовало и возвысило меня в моих собственных глазах. Полагаю, что и для всех первая самостоятельная работа в какой-

либо отрасли имеет большое, может быть, даже преувеличенное значение. Такое значение имела и для меня эта первая моя работа. Я чувствовала, что я как бы вышла на новую дорогу, могу зарабатывать своим трудом деньги, становлюсь вполне независимой, а идея независимости для меня, как для девушки шестидесятых годов, была самою дорогою идеей. Но еще приятнее и важнее самой работы представлялась мне возможность работать у Достоевского, познакомиться лично с этим писателем. Ведь это был любимый писатель моего покойного отца, имя Достоевского было знакомо мне с детства. Я сама восхищалась его произведениями и плакала над «Записками из Мертвого Дома». И вдруг такое счастие, такая удача выпала на мою долю — не только познакомиться с знаменитым писателем-романистом, но и помогать ему в его труде. Волнение мое было чрезвычайно, мне хотелось с кем-нибудь поделиться своею радостью, я не удержалась и рассказала о ней моей только-что пришедшей товарке — Александре Ивановне И. Это была барышня значительно старше меня, очень не глупая, чрезвычайно смелая и злая на язык и очень способная, но почему-то часто пропускавшая наши лекции. Узнав о предложенной мне работе, она была несколько шокирована тем, что Ольхин поручил ее мне, а не ей, так как себя считала лучшей ученицей. Она поздравила меня с началом моей стенографической деятельности и принялась расспрашивать, но я отклонила вопросы: я знала, что Ольхин не любит, когда в его классе разговаривают. Зато, по окончании лекции И. удовлетворила свое любопытство... Я довезла Александру Ивановну до ее квартиры, а затем села в дилижанс и чрез полчаса была дома. Я рассказала все подробно моей маме, и она была тоже чрезвычайно довольна (зачеркнуто над строкой: счастлива): мы долго с нею разговаривали о моей удаче. От радости и волнения я почти всю ночь не спала и все представляла себе Достоевского. Считая его сверстником (современником) моего отца, я полагала, что он очень пожилой человек. Он представлялся мне то толстым и лысым стариком, то высоким и страшно худым, но непременно суровым и хмурым, как сказал о нем Ольхин. Всего более я волновалась о том, как я буду с ним говорить. Он мне представлялся таким ученым, таким умным, что я трепетала заранее за всякое сказанное мною слово. Меня также смущала мысль о том, что я не твердо помнила имена и отчества героев его романов, а я была уверена, что он о них будет говорить непременно. Вообще, никогда не встречаясь в своем кругу с литераторами, я представляла их какими-то особенными существами, с которыми и говорить-то приходится особенным образом. Вспоминая те времена, вижу, каким малым ребенком была я тогда, несмотря на мои «почтенные» 20 лет.

Мой первый приход. Мое первое посещение. Мое знакомство с Ф. М. Достоевским.

4-го октября, в (зачеркнуто: этот) знаменательный день моей первой встречи с будущим моим мужем, я проснулась бодрая, в радостном

волнении от мысли, что сегодня осуществится давно лелеянная мною мечта: из школьницы и курсистки стать самостоятельным деятелем на выбранном мною поприще.

Я вышла пораньше из дому, чтобы зайти предварительно в Гостиный Двор и там запастись добавочным количеством карандашей, а также купить себе маленький деловой портфель, который, по моему мнению, мог придать большую деловитость моей юношеской фигуре. Закончила я свои закупки к 11 часам и, чтобы не притти к Достоевскому «ни раньше, ни позже» [1]) назначенного времени, я замедленными шагами пошла по Большой Мещанской и Столярному переулку, беспрестанно посматривая на свои часики. В 25 минут двенадцатого я подошла к дому Алонкина и у стоявшего в воротах дворника спросила, где квартира № 13. Он показал мне направо, где под воротами был вход на лестницу. Дом был большой, со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он мне сразу напомнил тот дом в романе «Преступление и Наказание», в котором жил герой романа Раскольников. Квартира № 13 находилась во втором этаже, по (зачеркнуто: довольно) невзрачной лестнице, с которой в эту минуту, навстречу мне, спускались 2—3 человека довольно подозрительной наружности. Я позвонила, и мне мигом отворила дверь какая-то женщина средних лет, в накинутом на плечи зеленом в клетку прадедамовом платке. Я так недавно читала «Преступление» и помнила «семейный» клетчатый платок Мармеладовых, так что такой же платок служанки Достоевского невольно бросился мне в глаза. На вопрос: кого мне угодно видеть, я ответила, что прихожу от Ольхина и что ее барин предупрежден о моем посещении.

Не успела я снять свой башлык, как дверь в прихожую (зачеркнуто: отворилась) распахнулась и на фоне ярко освещенной комнаты показался молодой человек, сильный брюнет, с взлохмаченными волосами, с раскрытою грудью и в туфлях. Увидав незнакомое лицо, он вскрикнул и мигом исчез в боковую дверь. Служанка пригласила меня в комнату, которая оказалась столовою. Обставлена она была довольно скромно, по стенам стояли два больших сундука, покрытые небольшими коврами. У окна находился комод, украшенный белой вязанной салфеткой. Вдоль стены стоял диван, а над ним стенные часы. Я почувствовала большое удовлетворение, когда увидела, что на них в ту минуту было ровно $^1/_2$ двенадцатого. Служанка просила меня сесть, сказав, что барин сейчас придет. Действительно, минуты через две появился Достоевский, Феодор Михайлович, пригласил меня пройти в кабинет направо, а сам ушел, как оказалось потом, чтобы приказать подать нам чаю.

Кабинет Феодора Михайловича Достоевского представлял собою большую комнату в два окна, в тот день очень светлую, но в другое время производившую тяжелое впечатление: в ней (зачеркнуто: цар-

[1]) Это выражение было обычным для Феодора Михайловича, который, не желая терять времени в ожидании кого-либо, любил назначать точный час свидания и всегда прибавлял: «ни раньше, ни позже».

ствовала) было сумрачно и (зачеркнуто: чересчур) безмолвно; чувствовалась какая-то подавленность от этой странной тишины. В глубине комнаты стоял мягкий диван, покрытый коричневой материей, довольно подержанной, пред ним круглый стол с красной салфеткой; на столе лампа и 2—3 альбома, кругом мягкие стулья и кресла. Над диваном в ореховой раме висел портрет чрезвычайно худощавой дамы, в черном платье и таком же чепчике. Это, верно, жена Достоевского, подумала я, совершенно не зная его семейного положения (обстановки). Между окнами — большое зеркало в черной ореховой раме. Так как простенок был значительно шире зеркала, то для удобства оно было придвинуто ближе к правому окну, что было некрасиво и не симметрично. На окнах стояло 2 большие китайские вазы прекрасной формы. Вдоль стены — большой диван зеленого сафьяна и около него столик с графином воды. У задней стены поперек комнаты был выдвинут письменный стол, за которым я потом всегда сидела, когда Феодор Михайлович мне диктовал. Обстановка была самая заурядная, какую я видала в семьях небогатых людей. Я сидела и прислушивалась и мне все казалось, что вот сейчас я услышу крик детей или шум детского барабана или отворится дверь и войдет в кабинет та необыкновенно сухощавая дама, портрет которой я только что рассматривала.

Но вот вошел Феодор Михайлович. Чтобы начать разговор, он спросил меня, давно ли я занимаюсь стенографией. Я ответила, что учусь всего полгода [1]). «А много ли учеников у вашего преподавателя Ольхина?» «Сначала записалось более 150 желающих, а теперь осталось около двадцати пяти». «Почему так мало?» «Да многие думали, что стенографии научиться очень легко, а когда увидали, что в несколько недель ничего не сделаешь, то и оставили занятия». «Это у нас бывает в каждом новом деле: многие с жаром примутся, но скоро охладеют и бросают дело. Видят, что надо трудиться, а трудиться теперь кому же хочется. Охота?»

Странным показался мне Достоевский.

Довольно старый с первого взгляда, но сейчас же кажется, что ему не более 37 лет. Он среднего роста, держится очень прямо. Лицо какое-то измученное, болезненное. Светло-каштановые, слегка даже рыжеватые волосы, сильно напомаженные и как-то странно приглаженные. Два совершенно разные глаза [2]): один обыкновенный карий, в другом — зрачек расширен во весь глаз и радужины не заметно. Эта двойственность глаз придавала его лицу какое-то (зачеркнуто: странное) загадочное выражение. Лицо Достоевского показалось мне чрезвычайно знакомым, вероятно, потому, что я раньше видала его портреты. Одет Феодор Михайлович был в суконный жакет синего цвета, довольно уже старый, но в сорочке белоснежной белизны. Сказать правду, Достоевский мне очень не понравился с первого взгляда.

[1]) Действительно курсы открылись 4 апреля и вот 4 октября я уже приступила к самостоятельной работе.

[2]) Во время приступа эпилепсии Ф. М., падая, наткнулся на какой-то острый предмет и сильно поранил свой правый глаз. Он стал лечиться у профессора Юнге и тот предписал вливать капли атропина, благодаря чему зрачок был сильно расширен.

Через пять минут после моего прихода вошла служанка и принесла 2 стакана очень крепкого, почти черного чаю. На подносе лежали две булки. Я взяла стакан и хоть мне и не хотелось чаю, было даже жарко, но чтобы не показаться церемонной, я принялась пить. Сидела я у стены пред небольшим столиком рядом с письменным столом, а Феодор Михайлович то сидел за своим столом, то расхаживал по комнате, при чем курил, часто гася папиросу и принимаясь за новую. Предложил он и мне папиросу. Я отказалась.—«Может быть, вы из вежливости отказываетесь», сказал он. Я ответила, что я не только не курю, но даже не люблю видеть, когда дамы курят. Начался между нами отрывочный разговор, при чем Феодор Михайлович то и дело переходил на новую тему. Чем дальше шло время, тем страннее казался мне Феодор Михайлович: разбитым, изнеможенным, больным. Показалось странным и то, что он чуть ли не с первых фраз заявил, что он болен, что у него эпилепсия. Говорил Феодор Михайлович о предстоящей работе как-то неопределенно: «Мы посмотрим как это сделать, мы попробуем, мы увидим, возможно ли это». Мне показалось, что навряд ли наша совместная работа состоится. Мне пришло даже в голову, что Феодор Михайлович Достоевский сомневается в возможности и удобстве для него этого способа работы и, может быть, готов отказаться. Чтобы ему помочь, я сказала: «Хорошо, попробуем, но если вам при моей помощи работать будет неудобно, то прямо скажите мне это. Будьте уверены, что не буду в претензии, если работа не состоится». Феодор Михайлович спросил, как меня зовут, я сказала, но он тотчас забыл и спросил меня снова. Время шло в разговорах. Наконец, Феодор Михайлович захотел продиктовать мне из «Русского Вестника» и просил перевести стенограмму на обыкновенное письмо. Начал он диктовать чрезвычайно быстро, но я его остановила и просила диктовать не скорее обыкновенной разговорной речи. Затем я стала переводить стенографическую запись на обыкновенную и довольно скоро переписала, но Феодор Михайлович все торопил меня и ужасался тому, что будто бы я слишком медленно переписываю. Я заметила на это, что ведь переписывать продиктованное я буду не у него, а дома, а следовательно, для него должно быть безразлично, сколько времени займет у меня эта работа. Просматривая переписанное, Феодор Михайлович нашел, что я пропустила точку и не поставила твердого знака и резко мне об этом заметил. Вообще, он был какой-то странный: не то грубоватый, не то, видимо, уж слишком откровенный и резкий. Повидимому, он был слишком раздражителен и не мог собраться с мыслями. Несколько раз он то спрашивал меня, принимался ходить по комнате, ходил долго, как бы забыв о моем присутствии, и я сидела не шевелясь, боясь (зачеркнуто: не) нарушить его раздумье. Наконец, Феодор Михайлович сказал, что диктовать он сейчас решительно не в состоянии, а что не могу ли я притти к нему сегодня же, часов в восемь, и что тогда он начнет свой роман. Хоть для меня было очень неудобно приходить во второй раз, но, не желая откладывать работы, я обещала притти. Когда я уходила, Феодор Михайлович сказал: «Знаете я даже был рад, когда Ольхин предложил мне рекомен-

довать девицу-стенографа, а не мужчину. Вы, вероятно, удивитесь этому, может быть это показалось вам странным, вы спросите:— почему?» «Почему же?» спросила я. «Да потому, что мужчина-стенограф уж, наверно, запил бы, а вы, я надеюсь, не запьете?» Мысль, что я могу «запить», показалась мне до того смешной, что я невольно рассмеялась и ответила: «Нет, уж я, наверно, не запью, вы можете быть в том уверены».

Уходя от Феодора Михайловича, я находилась в очень печальном настроении: сам Достоевский мне не понравился и оставил тяжелое впечатление: к тому же мне казалось, что я не сойдусь с ним в работе и что мои мечты о независимости рассыплются прахом. Мне это было тем больнее, что вчера мы с моей доброй мамой так радовались началу моей новой деятельности. Было около двух часов, когда я ушла от Достоевского. Ехать домой [1]) было слишком далеко, и я решила пойти к моим родственникам Сниткиным, жившим в Фонарном переулке, там обедать и вечером пойти к Достоевскому. К тому же мне, по молодости моих лет, хотелось похвалиться пред моими родственницами тем, что я уже сама начинаю «зарабатывать (зачеркнуто: свой) хлеб». Они не раз мне намекали, что мне «легко жить за маминой спиной», что мне пора самой работать; когда же я принялась изучать стенографию, то подсмеивались над моим «искусством» и уверяли, что я только даром трачу свое время. Родственники мои очень заинтересовались моим новым знакомством и стали расспрашивать о Достоевском. Время быстро прошло, и к 8-ми часам я уже подходила к дому Алонкина. Мне было довольно неприятно входить в этот дом: столько там было на улице и в воротах разного народу и все такого неприглядного. Мне отворила Федосья (она была давеча очень довольна, когда на прощаньи я дала ей 20 коп.) и пошла сказать Феодору Михайловичу о моем приходе. Я подождала несколько минут в столовой, вошла в кабинет и, с Феодором Михайловичем поздоровавшись, села на мое давешнее место около маленького стола у стены. Феодор Михайлович предложил мне переместиться за его письменный стол, уверяя, что мне будет тут удобнее писать. Скажу, что я почувствовала себя чрезвычайно польщенной его предложением писать на том столе, на котором было написано такое талантливое произведение, как недавний его роман «Преступление». Я пересела, а Феодор Михайлович поместился на моем месте, и мы стали разговаривать. Феодор Михайлович опять осведомился, как мое имя, отечество и фамилия и спросил, не прихожусь ли я родственницей молодому талантливому писателю Сниткину, который недавно скончался. Я отвечала, что это однофамилец. Феодор Михайлович стал расспрашивать, из кого состоит моя семья, где я училась, что заставило меня заняться стенографией и пр. и пр., почему мои занятия были так успешны. В ответ на его вопросы мне пришлось рассказать многие подробности, о которых придется писать (над строкой: сообщить) в дальнейшем моем повествовании.

---

[1]) Я жила на Песках, около I-го Военного Госпиталя.

Я рассказала Феодору Михайловичу, что отец мой был чиновник и скончался весною этого года. Мать моя жива; сестра замужем за цензором П. Гр. Сватковским, а брат мой учится в Петровской Земледельческой Академии. Образование получила я в Мариинской женской гимназии и окончила курс с большой серебряной медалью. Затем поступила на Педагогические курсы, только что учрежденные в 1865 году принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским. Тут мне не посчастливилось: я поступила на курс естественных наук, но душу мою влекла литература и в те часы, когда я должна была по приказанию профессора производить химические опыты по кристаллизации разных солей, я до того увлекалась чтением любимых авторов (а главное, чтением романов Достоевского, чего я, впрочем, ему тогда не сказала), что все мои колбы и реторты, оставленные без внимания, надзора, успевали лопаться в печи, и я становилась предметом насмешек моих милых подруг. Когда же мне пришлось на лекции профессора Брандта увидеть, как препарируют мертвую кошку, то со мной от отвращения сделалось дурно, и тогда я решила, что ученая карьера для меня не подходит, и оставила педагогические классы.

Разговор перешел на стенографию.

На вопрос Феодора Михайловича, что заставило меня заняться стенографией, — я ответила, что моя семья располагает хорошими средствами и для меня нет необходимости зарабатывать средства для жизни. Но мне, как и всему моему поколению, дорога полная независимость, а ее можно достигнуть лишь тогда, когда знаешь какое-либо занятие, дающее возможность надеяться на свои силы. Говоря о том, что Ольхин мог из всех своих учеников рекомендовать только меня, Феодор Михайлович сказал, что, вероятно, у меня блестящие способности, если я одна из всех оказалась вполне подготовленной к работе. Я ответила, что тут не приходится говорить о блестящих способностях, а что моя успешная подготовка произошла по особому случаю. Феодор Михайлович заинтересовался, чем именно, и мне пришлось ему рассказать, как это произошло. Дело в том, что в начале апреля 1866 года открылись курсы стенографии. Я тотчас на них записалась, но после первых пяти лекций пришла в полное отчаяние: стенография оказалась для меня настоящей тарабарской грамотой, которую я не могла осилить, до того все было для меня туманно и непонятно. Я, было, хотела оставить курсы, но мой отец, доживавший свои последние дни, уговорил меня оставить мое намерение. Он уверил, что если я буду усердно работать, то, наверно, одолею эту науку; его слова впоследствии оправдались.

28 апреля 1866 г. мой отец скончался, и я была чрезвычайно поражена его кончиною. Это было первое серьезное горе в моей жизни! Я страшно тосковала, плакала и не находила себе места. Моя мама, чтобы отвлечь мои мысли от постигшего меня несчастия, настоятельно советовала заняться каким-нибудь делом, всего лучше стенографией, которая уже начала интересовать меня. Мне чрезвычайно хотелось оправдать надежды моего отца на мои способности, и я решила, что буду работать и добьюсь цели: сделаюсь хорошим стенографом. Но

как одной работать? Тут на помощь мою пришел добрый Павел Матвеевич Ольхин. Узнав о моем желании усиленно заняться стенографией, Ольхин предложил мне, для практики, списывать страницы какой-то книги и отсылать списанное ему по почте в Лесное; он поправлял, возвращал мне, а я заучивала замеченные ошибки и, конечно, избегала их при дальнейшей работе. Эта стенографическая переписка с Ольхиным дала мне возможность сделать успехи в изучении стенографии, а диктовка по два часа в день помогла мне достигнуть скорости до 200 слов в минуту. Когда мы в начале сентября собрались вновь на лекции П. М. Ольхина, то и выяснилось, что огромное большинство, более $^3/_4$ учащихся, совсем забросили стенографию; остальные же почти не занимались летом и, таким образом, только я одна и оказалась вполне подготовленной для самостоятельной стенографической работы.

На все вопросы Феодора Михайловича я отвечала просто и серьезно. Вообще, я держала себя серьезно, почти сурово, как говорил мне потом Феодор Михайлович.

Я заранее решила, в случае, если придется стенографировать у частных лиц, поставить свои отношения к ним на серьезный лад, избегая всякой фамильярности, чтобы никто не мог мне сказать ни одного лишнего слова, ни одной шутки. Мне казалось, что такой образ действий с моей стороны будет самый лучший: ведь я буду приходить работать, а не для знакомства; к чему же пустые разговоры; гораздо приличнее будет держать себя строго. Феодор Михайлович рассказывал мне потом, что был приятно поражен, как я, такая молодая, умею себя держать. Разговаривая со мною, ни в ком не могло пробудиться желание сказать какое-либо лишнее слово, так действовал на всех мой сдержанный тон: я, кажется, даже ни разу не засмеялась, говоря с Феодором Михайловичем. Он говорил мне потом, что мое уменье сразу поставить людей в почтительные, холодные отношения очень ему понравилось. Он же привык в обществе встречать много нигилисток и видеть их обращение и он полагал, что рекомендованная ему барышня-стенограф будет такая же, а потому ему было приятно встретить во мне полную противоположность господствовавшему тогда типу молодых девушек.

Во время нашего разговора Федосья приготовила в столовой чай и принесла нам два стакана и две булки. Принесла и лимон. Тут Феодор Михайлович опять спросил, не хочу ли я курить, подошел к окну и из бумажного мешечка вынул две груши, из которых одну подал мне прямо из руки. Мне, привыкшей дома к светским обычаям, показалась несколько странной подобная бесцеремонность в отношении меня, которую он так мало знал. Но Феодор Михайлович предложил грушу так добродушно, что эта бесцеремонность мне понравилась, я взяла грушу и тут же съела ее моими молодыми зубами, не нуждаясь ни в каких приспособлениях для ее очистки.

Мы продолжали беседовать и, благодаря его искреннему и добродушному тону, мне вдруг показалось, что я его давно уже знаю, и мне стало так легко и приятно.

Почему-то наш разговор коснулся Петрашевцев и смертной казни, и Феодор Михайлович сказал, что когда он стоял на Семеновском плацу среди Петрашевцев, то, судя по приготовлениям, знал, что ему остается жить всего 5 минут. Но ему казалось, что осталось не 5 минут, а 5 лет, 5 веков, так ему, казалось, предстояло еще долго жить. На всех одели смертные рубашки. Петрашевцы были разделены по трое: Достоевский был во втором ряду. Первых трех уже подвели к столбам и привязали. Через минуту они были бы расстреляны, а затем наступила бы и его очередь. Как он желал жить, господи, боже мой! Как ему казалась дорога жизнь, сколько добра, сколько хорошего можно было бы сделать. Тут ему припомнилась вся его прежняя жизнь, ее не совсем хорошее употребление и так захотелось все вновь испытать и так захотелось жить долго, долго. Но вдруг послышался отбой — тут Достоевский ободрился. Первых троих отвязали и привели обратно и прочитали новый приговор: Достоевского на 4 года в каторжную работу в крепость Омск. Как он был ужасно счастлив в этот день, он не запомнит другого такого дня. Он ходил по своему каземату (в Алексеевском равелине) и все пел, громко пел, так он был рад дарованной ему жизни. Потом допустили брата проститься пред разлукой, а накануне Рождества Христова Достоевского отправили в дальний путь. Достоевский рассказал мне, что у него сохраняется письмо, написанное им к брату «Мише» в день прочтения приговора; что он недавно получил его от племянника. Достоевский (Ф. М.) мне очень много рассказывал в этот вечер, и меня чрезвычайно поразило то обстоятельство, что он так глубоко и вполне (зачеркнуто: со мной) откровенен со мной, такой молодой девушкой, которую он увидел сегодня в первый раз в жизни и которую совершенно не знает. Казалось бы, это такой с виду скрытный и суровый человек, а между тем он рассказывает мне все с такими подробностями и так искренно и откровенно, что (зачеркнуто: становилось) приходилось удивляться. Только, познакомившись впоследствии с его семейною обстановкою, я поняла причину его такой ко мне доверчивости и откровенности: Достоевский (Ф. М.) был в то время слишком одинок душевно и слишком чувствовал потребность поделиться своими мыслями и чувствами, может-быть, хоть и с чужими ему, но не враждебными лицами, в которых ему чуялось доброе и внимательное к нему отношение. Мне же эта откровенность и доверчивость его ко мне чрезвычайно понравилась и оставила чудесное впечатление.

Меня несколько беспокоило и даже досадовало, что мы долго не начинаем диктовать. Становилось поздно, а мне приходилось ехать домой. Мамы моей я не видала с самого утра, обещалась же ей вернуться домой прямо от Достоевского и теперь я боялась, что она будет обо мне беспокоиться. К Сниткиным же мне не хотелось итти ночевать. Мне неудобно было напомнить Достоевскому (Ф. М.), но, к моему большому удовольствию, он сам мне предложил начать диктовать. Ф. М. Достоевский принялся довольно быстрыми шагами ходить по комнате, наискось, от печки к двери, при чем дойдя до печки, непременно стучал об нее два раза. При этом он курил папиросы, часто

меняя и бросая недокуренную в пепельницу на письменном столе. Продиктовав мне немного, Достоевский (Ф. М.) попросил меня прочесть ему написанное и с первых слов меня остановил. «Из Рулетенбурга. Разве я сказал Рулетенбург? [1])»—«Вы продиктовали это название».—«Не может!»—«Но позвольте, в вашем романе имеется город с таким названием?»—«Да, действие происходит в игорном городе, который я назвал Рулетенбургом».—«Ну, если имеется, то вы несомненно его продиктовали, иначе откуда я могла бы его взять. Это совершенно для меня новое географич. название».—«Вы совершенно правы, —сознался Д.,—я что-то напутал». Надо сказать я была несколько сконфужена, предполагая, что я ослышалась и ошиблась, и я была рада, что недоразумение разъяснилось. Очевидно, Ф. М. был слишком поглощен своими мыслями и заботами, а, может быть, за день слишком устал.

Затем Д. (Ф. М.) сказал, что не в состоянии больше диктовать сегодня и просил переписать продиктованное и завтра принести ему к двенадцати часам. Я обещала непременно исполнить его просьбу. Пробило одиннадцать и я сказала, что мне пора уходить. Д. спросил, в какой местности я живу. Услышав, что я живу на Песках, Д. (Ф. М.) объявил, что ему никогда в жизни не приходилось бывать в этой части города и он не имеет понятия, где «Пески» находятся. Если это далеко, то он может послать свою прислугу проводить меня. Так как провожать меня было далеко, а Ф. М. на этом настаивал, то мне пришлось сказать, что я проведу ночь у моих родственников, живущих неподалеку. Д. (Ф. М.) проводил меня до передней, вызвал свою прислугу и велел ей посветить мне на лестнице. Когда мы с нею спускались, я спросила Федосью, как зовут ее барина. Она сказала: «Феодор Михайлович». Я знала по романам, что писателя Достоевского зовут Феодором, но не знала его отчества.

В Столярном переулке было шумно: выходили пьяные из распивочных и мне стало даже страшно. К счастью, скоро попался извощик, который взялся довести меня до дому за 40 коп. Я очень его торопила ехать и так как он оказался добродушным старичком, то, чтобы скоротать длинную дорогу, я разговорилась с ним о различных предметах, а преимущественно о деревне. Наконец, я добралась до дому и мне пришлось долго ждать, пока дворник мог к нам достучаться: полагая, что я останусь у Сниткиных ночевать, мама велела прислуге запереть подъезд и отпустила ее спать. Я рассказала маме весь мой день и с восторгом говорила о том, как Достоевский был со мною откровенен и добр, но, чтоб не огорчать моей милой мамы, не сказала ей о том поразительно, никогда прежде мною не испытанном, тяжелом впечатлении, которое, в конце концов, осталось у меня от всего этого так интересно проведенного дня. А впечатление было воистину угнетающее: в первый раз в жизни я видела человека несчастного, всеми заброшенного и обиженного, и чувство глубокого сострадания и жалости зародились в моем сердце.

---

[1]) Тут же была сделана поправка: вместо «из Рулетенбурга» возвратилась «из Парижа».

Я очень устала от впечатлений сегодняшнего дня и поскорее легла в постель, прося маму непременно разбудить меня пораньше, чтоб я могла переписать все продиктованное и доставить его Достоевскому.

Второй мой приход к Феодору Михайловичу.

Хоть продиктовано было сравнительно немного, но мне хотелось поотчетливее (над строкой: красивее) переписать и это заняло лишнее время, так что я опоздала (зачеркнуто: к Феодору Михайловичу) на целые полчаса. Я нашла Феодора Михайловича в большом волнении. «Я уже начинал думать,— сказал он,— что работа у меня показалась вам тяжелою, и вы не захотите притти, а между тем я и вашего адреса не записал и рисковал, что затеряется то, что вчера было продиктовано». Я извинялась за опоздание и сказала, что, если б мне пришлось отказаться от его работы, то я, конечно, уведомила бы его и непременно бы доставила продиктованный оригинал. Феодор Михайлович начал рассказывать мне, что для него крайне необходимо успеть написать роман к 1-му ноября этого же 1866 года, а между тем, — говорил он, — «у меня (зачеркнуто: решительно) еще не составилось плана, что такое писать. Я решительно не знаю, что это будет за роман. Знаю, что ему следует быть ни в каком случае не менее семи листов издания Стелловского, а в каком это будет роде — сам не знаю». На мой вопрос, в какой журнал предназначается новый роман, Феодор Михайлович рассказал мне в подробности свои деловые отношения к издателю Стелловскому. История была поистине возмутительная. Надо сказать, что у Феодора Михайловича была масса долгов, главным образом, доставшихся ему по смерти брата, а также по прекращению журнала «Эпоха». Долги были вексельные, и кредиторы страшно теснили Феодора Михайловича, грозили описать имущество, а самого посадить в долговое отделение [1]). Таких неотложных долгов было тысяч до трех, Феодор Мих. всюду искал денег и без всякого результата. Когда все попытки уговорить кредиторов (зачеркнуто: подождать) отложить взыскания оказались напрасными и Феодор Михайлович был доведен почти до отчаяния, вдруг к нему явился издатель Ф. Т. Стелловский с предложением купить право на издание полного собрания сочинений в трех больших томах. За право издания Стелловский предлагал уплатить наличными три тысячи, но с тем, чтобы Ф. М. написал новый роман в размере семи печатных листов большого формата, в 2 столбца, что равнялось десяти листам обыкновенного размера. Положение Феодора Михайловича было критическое, и он согласился на все условия контракта, лишь бы избавиться от угрожавшего ему пребывания (сиденья) в долговом. Условие было совершено в апреле 1866 года, и Стелловский внес у нотариуса три тысячи рублей наличными; эти деньги на завтра были уплачены кредиторам . . . . . Таким образом, из полученных за право издания трех тысяч Феодору Михай-

[1]) В те времена лицо, не имеющее возможности заплатить свой долг, могло быть посажено в долговое отд., то-есть лишено свободы.

ловичу не досталось ничего на руки; но обиднее всего было то, что чрез короткое время выяснилось, что эти 3000 рублей перешли опять в карман Стелловского. Оказалось, что Стелловский скупил за бесценок векселя Федора Михайловича и через подставных лиц взыскивал с него деньги и, таким образом, принудил его согласиться на самые невыгодные условия. Не говоря уже о том, что цена — три тысячи рублей за право издания была слишком незначительна, ввиду того успеха, который имели произведения Федора Михайловича, особенно после появления «Прест. и Наказание». Но самое тяжелое из условий было обязательство доставить новый роман к 1-му ноября 1866 года. В случае недоставления к сроку Федор Михайлович платил громадную неустойку, а если не доставил бы к 1-му декабря того же года, то терял бы право на свои сочинения, которые перешли бы на вечные времена к г. Стелловскому. Этот Стелловский был необыкновенно хитрый и ловкий эксплоататор наших литераторов и музыкантов (Писемского, Крестовского, Глинки). Он умел подстерегать людей в их тяжелые минуты и ловил в свои сети. Полагаю, что, заказывая новый роман к определенному сроку и ставя за неисполнение условия громадную неустойку, Стелловский почти наверно рассчитывал получить права навсегда в свою пользу. В самом деле, Федор Мих. был в то время поглощен работою над романом «Преступление и Наказание» и, ввиду большого интереса, возбужденного романом, хотел его закончить художественно (над строкой: блистательно). А тут еще приходилось написать 10 печатных листов нового романа. Зная болезненное состояние, в котором почти всегда находился Ф. М., Стелловский мог рассчитывать на то, что у Ф. М. не хватит ни времени ни сил на исполнение сразу этих двух литературных работ, и тогда, согласно контракту, права на сочинения будут принадлежать ему навсегда. И это наверно бы случилось, если бы бог не дал Ф. М. сил докончить новый роман к сроку. Вот то положение, в котором находился и Ф. М... Федор Михайлович рассказал мне, что ввиду невозможности ему написать в течение оставшегося октября месяца, его друзья: Майков, Милюков и другие предлагали Ф. М. составить план романа; каждый из них взял бы на себя известную часть романа и втроем, вчетвером они успели бы написать роман к сроку [1]). Но Ф. М., по своей добросовестности, решил лучше уплатить неустойку или потерять право, чем подписать свое имя под произведением, не им самим написанным.

Как ни мало я знала в то время свет и людей, но история Ф. М. со Стелловским меня чрезвычайно поразила и возмутила.

По обыкновению был подан чай, а затем Ф. М. стал диктовать. Но Ф. М. было, очевидно, трудно втянуться в работу: он часто останавливался, обдумывал, просил прочесть продиктованное и через час объяснил, что он утомился и что нам нужно отдохнуть. Начались разговоры, но Ф. М. был попрежнему встревожен и переходил от одного предмета к другому. Опять спрашивал, как меня зовут, и через минуту опять забывал; раза два предлагал мне папиросы, хотя уже

[1]) Об этом говорит А. П. Милюков в своем сочинении.

слышал от меня, что я не курю. Но вот разговор коснулся наших литераторов, которыми я всегда интересовалась. Отвечая на мои вопросы, Ф. М. как бы отвлекся от своих неотвязных дум и заговорил спокойно и даже весело. Говорил о Тургеневе, как о большом таланте, сожалел только, что он подолгу живет за границей, а оттого забыл Россию и русскую жизнь. Говорил о Некрасове, как о друге своих молодых лет, высоко ставил его поэтический дар. Про Майкова сказал, что считает его за одного из умнейших и прекраснейших людей.

Стали диктовать и Ф. М. опять стал раздражителен и тревожен;

. . . . . .

Привести подробные пункты этого ужасного контракта. . . .

Он хранится между бумагами. . . . . [1])

. . . . . .

видимо, работа ему не давалась в руки; объясняю это непривычкою его диктовать: ведь до сих пор он всегда писал сам, не прибегая к чужой помощи. Около четырех часов я собралась уходить и обещала, что завтра к 12 принесу то, что удалось сегодня записать. На прощанье Ф. М. меня очень удивил: он сказал: «Какой вы большой шиньон носите, разве вам не стыдно носить чужие волосы?» Я ответила, что шиньон я не ношу, и что это у меня свои густые хорошие волосы. Мне показалось странным и бесцеремонным такое замечание. В этот день Ф. М. дал мне стопку тонкой почтовой бумаги с едва заметными линейками, на которой обычно писал, и указал какие именно оставлять поля.

Так начались и продолжались наши диктовки: я приходила к 12-ти и оставалась до четырех и в эти четыре часа мы раза по три диктовали, по получасу и более, а между диктовками разговаривали; я с радостью стала замечать, что Ф. М. начинает все более и более привыкать к новому для него способу работы и с каждым моим приходом становится спокойнее; особенно стало это заметно с того времени, когда (зачеркнуто: списав одну страницу издания Стелловского и), сосчитав, сколько моих исписанных страниц составляют одну страницу этого издания Стелловского, я могла точно определить, сколько мы успели продиктовать. Все прибавлявшееся количество страниц чрезвычайно ободряло и радовало Ф. М. и он с нетерпением меня допрашивал: «А сколько страниц мы вчера написали? А сколько у нас всего на всего страниц?» Много приходилось нам разговаривать, и каждый день Ф. М. мне раскрывал какую-нибудь печальную картину своей жизни. Глубокая жалость невольно закрадывалась в мое сердце при его рассказах о тяжелых обстоятельствах, из которых он, повидимому, никогда не выходил да и выйти не мог.

Казалось мне странным и то, что я не видала никого из его домашних. Я не знала, из кого состоит его семья и где она находится (зачеркнуто: сам он об ней не говорил, а спросить Федосью не удавалось, так как Ф. М. всегда сам провожал меня до передней). Впрочем, одного

---

[1]) Среди бумаг, находящихся в Центрархиве, договор не найден.—*Прим. Ред.*

члена его семьи, как я думала, племянника, я встретила, кажется в четвертый мой приход: я только что вышла из ворот дома, где жил Ф. М., как меня остановил какой-то молодой человек, в котором я узнала растрепанного юношу, виденного мною в первое мое посещение. Вблизи он мне показался еще некрасивее, чем издали: у него было смуглое, почти желтое лицо, черные глаза с желтыми белками, густые курчавые волосы и пожелтевшие от табаку зубы. «Вы меня не узнали,—развязно спросил молодой человек.—Я видел вас у папа.— (Так это сын его, подумала я.) Мне не хочется входить во время ваших занятий, но мне любопытно бы знать, что это за штука — стенография, тем более, что я сам на-днях начну ее изучать. Позвольте».—И он бесцеремонно взял из рук моих портфель, раскрыл его и тут же на улице стал рассматривать стенограмму. Я так растерялась от подобной бесцеремонности, что позволила ему рыться в моих бумагах. —«Курьезная штука», протянул он, отдавая мне обратно портфель.

За три мои посещения Феодора Михайловича он мне показался таким добрым и симпатичным, что мне представлялось странным, как у такого милого, добродушного человека, как Ф. М., может быть сын, такой развязный и почти наглый, как этот юноша.

(Зачеркнуто красн. карандашем: Ф. М. продолжал меня удивлять своими неожиданными, не относящимися к делу замечаниями: то спросит, зачем я ношу такую старомодную шляпу, то скажет: «а вы опять в том же шелковом платье? Я думал, вы наденете что-нибудь попроще». То объявляет мне, что имя мое Анна ему чрезвычайно не нравится, так как, по его наблюдениям, все Анны — существа сдержанные и сухие. Один раз он сделал мне выговор, зачем я забыла на листке поставить нумерацию. Но все это он делал так добродушно и мило, что мне не приходило в голову на него сердиться). Зато часто называл меня «голубчиком», «доброй Анной Григорьевной», «милочкой», и я относила эти слова к его доброте и снисходительности ко мне, как к девочке. Чем дальше шло время, тем мы более сближались и мне было так приятно облегчить его труд, видеть, как мои слова о том, что работа идет успешно и что роман поспеет к сроку, сильно ободряли его и поднимали в нем дух. Я была горда тем, что не только помогаю своим трудом любимому моему писателю, но и действую благотворно на (зачеркнуто: его расположение духа) его настроение. Право, это возвышало меня в собственных глазах моих.

Между диктовками у нас теперь шли оживленные разговоры. Я перестала бояться «знаменитого писателя» и говорила с ним свободно и откровенно, как говорила бы с старым другом или с отцом. Я расспрашивала о самых разнообразных событиях, и он охотно удовлетворял мое любопытство. Рассказывал подробно о своем пребывании в Петропавловской крепости, о том, как он переговаривался через стены с другими заключенными; говорил о своей жизни в каторге, о преступниках, одновременно с ним там живших. Иногда жаловался на свое тяжелое положение, на обузу, на нем лежащую, на долги. Говорил о заграннце, о своих путешествиях, о встречах. Рассказывал о московских своих родных, которых очень любил. Сообщил мне как-то, что

он был женат, что жена его умерла 2 года тому назад и показал мне ее портрет. Скажу правду, она мне очень не понравилась: старая, страшная, почти мертвая. Впрочем, по его словам, портрет был снят за год до ее смерти.

Но как-то выходило, что все рассказы Феодора Мих. имели печальное содержание. Мне было грустно, что в жизни его было так много горького и тяжелого. Раз я не вытерпела и сказала:

— Зачем вы вспоминаете о несчастиях? Расскажите мне лучше о своем счастье, как вы были счастливы?

— О своем счастьи? Да счастья у меня не было, я все жду его. Недавно я написал моему другу барону Врангелю, что, несмотря на все постигшие меня горести, я мечтаю о счастьи; мечтаю начать новую жизнь.

Мне тяжело было слышать, что человек, такой добрый и талантливый, никогда еще не был счастлив и в его почти старые годы только мечтает о счастьи!

Подробно рассказывал он мне, как сватался к Анне Васильевне Корвин-Круковской, как она дала ему слово и как он вернул ей это слово, так как нашел, что при разных убеждениях у них счастья не будет. При чем он много говорил о ней, как об умной, доброй и талантливой девушке.

Раз Ф. М. сказал мне, что он стоит на рубеже, что ему предстоят три решения [1]): или он поедет на Восток, в Константинополь и Иерусалим, и, может быть, там останется, или он женится или поедет на рулетку и сделается игроком. Разрешение этих вопросов его очень заботит, и он спрашивает, что для него будет лучше. Я ответила, что если ему придется сделать выбор между этими тремя решениями, то лучше выбрать женитьбу. «А вы думаете, я могу жениться? Пожалуй, вы думаете, что за меня никто не пойдет? Но кого же мне выбрать: умную или добрую?»—«Конечно, умную»,—отвечала я.—«Нет, уж если выбирать, то возьму добрую, чтоб любила и жалела меня»,—сказал Ф. М.

По поводу женитьбы вообще разговор перешел на меня и Ф. М. спросил: почему я не выхожу замуж. Я ответила, что у меня (зачеркнуто: есть) ко мне сватаются (зачеркнуто: два жениха, доктор и профессор-малоросс), но что ни одного из них не люблю, а только уважаю, а мне хотелось бы выйти замуж по любви. Ф. М. горячо поддержал мое мнение о том, что надо выходить замуж «по любви» и что для счастливого супружества одного «уважения» недостаточно.

Как-то раз, уже в половине октября, когда мы диктовали, в дверях кабинета неожиданно появился А. Н. Майков. Я видала его портреты, а потому сразу узнала. Войдя, он шутливо заметил, как патриархально живет Ф. М.: в квартиру дверь на половину открыта, прислуги [2]) не видно, хоть весь дом унеси. Ф. М., видимо, обрадовался

[1]) Которые должны коренным образом изменить его столь неудачно сложившуюся судьбу.

[2]) Федосья всегда была в лавочке или у соседей, и дверь зачастую не запирала. Я очень боялась, что из передней унесут недавно сделанное мое пальто.

Майкову и тотчас нас познакомил, при чем представил меня, как ревностную свою помощницу, сказав: «Это А. Н. Майков, а это моя ревностная сотрудница Анна Григор. Дост.» [1]). Не скрою, мне так приятно было услышать, что Ф. М. признает и ценит мою помощь. Услышав мою фамилию, Майков осведомился, не приходится ли мне родственником недавно умерший писатель, носивший такую же фамилию [2]). Майков заторопился уйти, сказав, что не хочет мешать нашим занятиям. Я предложила сделать перерыв для отдыха (зачеркнуто: ответила, что мы только что собирались) (зачеркнуто: т. к. Ф. М. утомился), а сама решила переписать продиктованное. Ф. М. согласился. Оба они ушли в соседнюю комнату и минут 20 разговаривали. Зайдя проститься со мной, Майков вздумал попросить Ф. М. что-нибудь продиктовать мне. Ф. М. исполнил его желание и продиктовал с полстраницы романа. Я тотчас же прочла записанное вслух. Майков стал рассматривать стенограмму и сказал: «Ну, уж тут я ничего не пойму!»

Скажу, что Аполлон Ник. Майков произвел на меня чрезвычайно приятное впечатление: я, как поэта, и прежде его очень любила, а похвалы Ф. М. ему, как прекрасному и доброму человеку, конечно, только подкрепили это впечатление.

Чем дальше шло время, тем более втягивался в работу Ф. М. Он уже не диктовал мне изустно, тут же придумывая разговоры (над строкой: сочиняя действ. лиц), как в первые дни. Он работал ночью и диктовал мне по рукописи. Иногда ему удавалось написать так много, что мне приходилось сидеть далеко за полночь, чтобы переписать продиктованное. Но зато с каким торжеством (зачеркнуто: приходила) я на завтра и объявляла, сколько у нас прибавилось листочков; и как мне было приятно видеть, когда мои уверения, что работа идет успешно, и мы поспеем к сроку — заставляли радостно улыбаться Феодора Михайловича. Оба мы с Ф. М. вошли в жизнь героев нового романа, и у меня, как и у него, появились любимцы и недруги среди действующих лиц. Мои симпатии заслужила бабушка, проигравшая состояние, и мистер Астлей, а презрение — Полина и сам герой романа, которому я не могла простить его малодушия и страсти к игре. . . Напротив того, Ф. М. был вполне на стороне «игрока» и говорил, что многое из его чувств и впечатлений испытал сам на себе. Уверял, что можно обладать сильным характером и доказать это всею своею жизнью, и тем не менее не иметь силы победить в себе такую страсть, как игра на рулетке. Герои романа стали для нас живыми людьми, и мы по поводу их спорили, и я часто удивлялась моей смелости высказывать свои взгляды, а вместе с тем той чрезвычайной, по моему мнению, снисходительности, с которою талантливый писатель выслушивал мои иногда детские замечания и рассуждения. Его снисходительность к моим речам я приписывала его чрезвычайной доброте и была ему глубоко благодарна.

---

[1]) Анна Григорьевна в это время носила фамилию «Сниткиной» и здесь она, очевидно, ошиблась.—*Прим. Ред.*

[2]) Обычный тогдашний вопрос при встрече с лицами литературного круга.

За эти три недели работы с Ф. М. все мои прежние интересы отошли на второй план: лекции стенографии я, с согласия Ольхина, не посещала, знакомых редко видела, все важное для меня сосредоточилось на работе для Ф. М. и на тех в высшей степени интересных беседах, которые мы вели в промежутках между диктовками. Я сравнивала наши разговоры с беседами моими с молодыми людьми, которых я встречала в своем кружке, и как эти беседы казались мне теперь пусты и ничтожны в сравнении с всегда новыми темами разговоров с моим любимым писателем. Уходя от него, я была всегда под впечатлением новых для меня идей; дома же мне становилось печально и скучно и я жила ожиданием завтрашней встречи с Ф. М. Я с некоторым огорчением думала, что вот работа близится к концу, а вместе с нею прекратятся и наши ежедневные встречи. Я сознавала, какой пробел в моей жизни настанет, когда эти столь интересные и оживленные беседы будут для меня недоступны. И как я была удивлена, а вместе с тем и обрадована, когда Ф. М. высказал ту же беспокоившую меня мысль.

Было это дней за пять до окончания работы. Прощаясь со мной, Ф. М. сказал:

— А знаете, Анна Григорьевна [1]), вот мы с вами так сошлись, так дружелюбно каждый день встречаемся и так привыкли оживленно беседовать, и вот, с окончанием работы все это кончится, и мы не будем видаться. Право, это будет жаль! Вы мне будете не доставать! Где же я вас увижу?

— Но, Ф. М., гора с горой не встретится, а человек с человеком встретится.

— Но где же?

— Да где-нибудь в обществе, в театре, в концерте.

— Но вы знаете, я в обществе и в театрах редко бываю, да и что это за встречи в обществе, когда слова с человеком иногда не удастся сказать. Но отчего вы не пригласите меня к себе, в вашу семью?

— Но приезжайте, пожалуйста, мы будем вам рады. Боюсь только, что мы с мамой будем для вас неинтересными собеседниками.

— Когда же я могу приехать?

— Ну, мы об этом условимся, когда окончим работу, — сказала я, — теперь ведь это для нас главное (под строкой: работа).

Как-то раз придя к Ф. М., я застала его в тревоге. У него возникло опасение, как бы не вздумал Стелловский, с целью взять неустойку, отказаться под каким-либо хитрым предлогом от получения рукописи, и в таком случае пропали бы наши столь ревностные труды. Я стала успокоивать Ф. М. и обещала разузнать, что следует ему сделать, если б это произошло. В тот же вечер я упросила мою маму съездить к знакомому адвокату и тот дал совет сдать рукопись или нотариусу или приставу той части, где проживает Стелловский, но, разумеется, под официальную росписку.

---

[1]) Только к концу месяца Ф. М. запомнил мое имя, а то все забывал и меня о нем переспрашивал.

29-го октября происходила наша последняя диктовка: роман «Игрок» был закончен. (Зачеркнуто: и мне оставалось только.) Таким образом, с 4 по 29 октября, в течение 26 дней, был написан Ф. М. роман в размере 7 печатн. листов в 2 столбца издания Стелловского или, вернее,.... листов обыкновенного формата.

Ф. М. был чрезвычайно доволен и объявил, что намерен, как только благополучно сдаст рукопись, устроить в ресторане обед для своих друзей (Майкова, Страхова, Милюкова) и заранее приглашает меня участвовать в пиршестве. При этом он спросил: обедала ли я когда-нибудь в ресторане? Я отвечала, что нет. «Но на мой обед вы приедете? Я хочу выпить за здоровье моей милой сотрудницы. Ведь без вашей помощи я не кончил бы романа к сроку. Итак — приедете?»

Я сказала, что спрошу мнения мамы, но про себя решила не ехать: мне думалось, что, при моей застенчивости и несветскости, я буду представлять из себя скучающую безмолвную фигуру, могущую только помешать общему веселью.

На другой день, 30 октября, я пришла к Ф. М. уже не для работы, а чтобы доставить то, что мы вчера продиктовали. Ф. М. как-то особенно приветливо меня встретил. Когда он меня увидал, то поднялся ко мне навстречу и заметила, даже краска бросилаеь ему в лицо. По обыкновению, пересчитали листочки и порадовались, что их оказадось так много. Ф. М. хотел сегодня перечитать весь роман, чтобы вынести общее впечатление, кое-что в нем исправить и завтра утром отвезти к Стелловскому. Тут же он передал мне пятьдесят рублей, следовавшие за работы, и несколько раз пожал мне руку и благодарил за сотрудничество. Затем мы много и оживленно беседовали.

Я знала, что 30 октября день рождения Ф. М., а потому решила заменить мое обычное черное платье лиловым шелковым. Ф. М., видевший меня всегда в трауре, был польщен моим вниманием и нашел, что лиловый цвет ко мне очень идет и что, благодаря шлейфу, я кажусь выше и стройнее. Как мне было приятно услышать его похвалу. Но мое удовольствие было нарушено приходом вдовы брата Ф. М. Эмилии Феодоровны Достоевской, явившейся его поздравить. Ф. М. меня с ней познакомил и высказал, что благодаря моей помощи он успел кончить роман и тем избежать большой беды. Эмилия Феод. отнеслась ко мне сухо и высокомерно, что меня удивило и даже обидело. Ф. М. очень не понравился тон его невестки, и он стал ко мне еще милее и радушнее. Он предложил мне просмотреть какую-то только что вышедшую книгу, а сам увел Эмилию Феод. в сторону и стал с ней разбирать какие-то бумаги. В это время вошел А. Н. Майков. Он раскланялся со мной. Очевидно, меня не узнал. А. Н. Майков спросил Ф. М., как идет дело с романом, но Ф. М., занятый разговором с Эмилией Феодоровной, ничего ему не ответил. Тогда я решилась ответить за Ф. М. и сказала, что роман окончен еще вчера и что я сегодня принесла продиктованное накануне окончание романа. Тут Майков быстро подошел ко мне, протянул руку и извинился, что сразу меня не узнал. Объяснил это своею близорукостью и тем, что в чер-

ном платье я показалась ему ниже ростом. Майков стал расспрашивать о ходе романа и спросил о нем мое мнение. Я с восторгом отозвалась о новом произведении, ставшим столь дорогим для меня, и сказала, что в нем есть два-три типа (бабушки, мистера Астлея и влюбленного генерала), необыкновенно живые и удавшиеся. Минут двадцать разговаривали и мне было так легко и свободно говорить с этим милым и добрым человеком. Эмилия Феодоровна была несколько удивлена и даже шокирована тем, что Майков отнесся ко мне с таким вниманием и радушием, но сухости тона своего не переменила, считая ниже своего достоинства отнестись с добрым чувством к..... стенографистке.

Майков ушел, и я заспешила уйти, не желая видеть кислую физиономию и сносить высокомерный тон Эмилии Феод. Феодор Михайлович пробовал уговорить меня остаться и, желая смягчить неприятное впечатление, вызванное встречей с его родственницей, он проводил меня до передней и напомнил мне обещание пригласить его к нам.

Я подтвердила мое приглашение.

«Когда ж я могу приехать, завтра?»—«Нет, завтра меня не будет дома, я звана к сестре».—«После завтра?»—«У меня лекция стенографии».—«Так второго ноября?»—«В среду я иду в театр».—«Боже мой, у вас все дни заняты. Знаете, Анна Григорьевна, мне думается, что вы это нарочно, что вам просто не хочется, чтоб я к вам приезжал. Скажите правду?»

— Да нет же,—уверяла я его,—мы рады вас видеть. Приезжайте 3-го ноября, в четверг, вечером, часов в семь.

— Только в четверг? Как это долго, мне скучно без вас будет?

Я, конечно, приняла его слова за милую шутку.

Два посещения Феодором Михайловичем моей семьи.

Итак, блаженное для меня время миновало и начались (над строкой: наступили) скучные дни. За этот месяц я так привыкла весело торопиться к началу занятий, так радостно встречаться с Ф. М. и вести с ним оживленные разговоры, что это сделалось моею потребностью и (зачеркнуто: мне стало так скучно, когда все это для меня кончилось). Все прежние обычные мои занятия потеряли для меня интерес и показались пустыми и ненужными. Даже обещанное посещение Ф. М. (зачеркнуто: меня) не только не радовало, но, напротив, тяготило меня: ведь я понимала, что ни моя добрая мама, ни я не можем быть занимательными собеседницами для такого умного и талантливого человека. Если у нас с Ф. М. велись интересные беседы, то, думала я, потому, что они вращались около дела, нас обоих занимавшего. Теперь же Ф. М. является к нам, как гость, которого надо было «занимать». Я (зачеркнуто: уже) стала придумывать темы для будущих наших разговоров в вечер его посещения. Я боялась, что впечатление утомительной поездки в нашу даль

и скучно проведенного вечера изгладят у Ф. М., как у чрезвычайно впечатлительного человека, воспоминание о прежних наших встречах и он пожалеет, зачем назвался на такое скучное знакомство. Мечтая увидиться с Ф. М., я, однако, готова была желать, чтоб он забыл о своем обещании и к нам совсем не приезжал.

Но как человек жизнерадостный, я постаралась занять себя и рассеять мое печальное настроение. Так я отправилась к моей сестре на целый день, возилась с ее сыном, а вечером рассказывала сестре и ее мужу о моей работе и посещениях моих Достоевского за весь октябрь. Занимаясь по утрам у Ф. М., а вечером переписывая, я видалась с сестрой только урывками, а потому рассказов накопилось очень много, тем более, что она прерывала меня вопросами о подробнос (зачеркнуто: тях) обо всем расспраш(ивая). Когда я кончила, сестра заметила: «Напрасно ты, Неточка, так увлекаешься Достоевским. Ведь твои мечты осуществиться не могут, да и слава богу, что не могут, раз он такой больной, старый и обремененный долгами человек!»

Я горячо возразила, что я «Достоевским» не увлекаюсь, что ни о чем особенном не мечтаю, но рада была беседовать с умным и талантливым человеком и благодарна за его всегдашнюю доброту и внимательность ко мне.

Дорогой, идя от сестры, я припомнила ее слова и спрашивала себя: «неужели я в самом деле «увлечена» Ф. М., неужели это начало любви, но ведь это была бы с моей стороны безумная мечта!» «Нет, очевидно, сестра преувеличила!»

На другой день я пошла на лекцию стенографии. В 6-й гимназии мне сказали, что Ольхину доктор не велел выходить из дому, а потому он приглашает учеников притти на лекцию к нему на дом. Я туда и отправилась. Ольхин встретил меня поздравлением с успешным окончанием работы. Ф. М. писал ему об этом и благодарил его за рекомендацию стенографа. Так как без моей помощи ему не удалось бы поспеть с романом к сроку, Ф. М. прибавлял, что новый способ работы оказался для него удобным, и он рассчитывает и впредь к нему прибегать. Ольхин объявил, что доволен таким отзывом о его ученице, первой, взявшей на себя ответственную работу [1]). Я отдала Ольхину пять руб., условленные 10% с моего гонорара, как плату за доставленную работу. Детям же его я поднесла два фунта дорогих конфект.

К большому моему удивлению я заметила некоторое неприязненное ко мне отношение со стороны моих сотоварищей. Очевидно, большинство из них считало себя вполне подготовленными к стенографической работе и было обижено предпочтением меня. Александра Ивановна, как самая решительная, мне это выяснила и объявила довольно резко, что следующую работу она *потребует себе* и никому

---

[1]) Ольхин спросил меня, не возьмусь ли я передать письмо. Я ответила, что сама к нему не поеду, но что он обещал приехать к нам в этот четверг вечером, и тогда я ему могу передать.

— Не забывайте, пожалуйста, что дозволение дано было нам обеим, и без моего присутствия вам не показали бы бумаг.

— Кто вам это сказал?

— Кто бы ни сказал, а это верно. Да мы с вами так и условились, что когда я окончу «переписку», то доставлю вам точную копию. И если желаете, то переписку эту я доставлю вам завтра.

— Но мне сегодня нужна рукопись, иначе она не поспеет к № с Beilage.

— Поспеет к следующему №, не все ли равно?

— Но я уже телеграфировала редакции, с кем я высылаю рукопись.

— Ну, хорошо, если она вам так необходима, то извольте. Я доставлю вам ее сегодня не позже, чем через 3 часа. Я сейчас поеду на вокзал Николаевской ж. д., зайду в буфет и перепишу рукопись. Позвольте же мне мою рукопись обратно и будьте уверены, что я верну ее не позже 8 часов.

— Нет, — сказала г-жа Hoffman решительно, — я не могу отдать рукописи, — я Вам потом пришлю ее.

Таким образом, споря и горячо разговаривая, мы подошли к Синему Мосту. Видя, что она машет извозчику и опасаясь, что она вскочит на линейку и уедет, а я останусь в дурах, я пришла в сильнсе негодование и схватила ее за руку.

— Коли вы не хотите отдавать, то вот что я сделаю! Видите городового на углу. Я ему сейчас скажу, что вы похитили у меня бумаги и пусть он нас обеих отведет в участок. Там мы оставим сверток и пусть полиция осведомиться у генерала Маслова, — имею ли я право на эти бумаги. Дело выяснится, но выйдет скандал, и о распространении его я постараюсь. Пусть общество узнает, к чему приходится прибегать, чтобы оградить свое правое дело.

И могу заверить, что я бы поступила как грозила, если бы она не вернула свертка. Видя мой разъяренный вид, г. Hoffman не усомнилась, что я прибегну к названной мною мере и, убоясь скандала, с искривившимся от злобы лицом, сказала:

— Успокойтесь, — я пошутила. Вот ваш сверток, но я прошу вас сдержать ваше слово и привезти эту бумагу к 8 часам. Или, еще лучше, поедемте ко мне и перепишите бумагу у меня на дому.

— Благодарю вас, — это мне неудобно. Сегодня в 8 часов бумага будет у вас.

— Приезжайте. Я буду ждать вас с чаем, — уже обычным, любезным тоном сказала она.

Я раскланялась, села на извозчика и помчалась на Николаевский вокзал. Здесь я села в самом дальнем углу у окошка, заказала себе обед и спросила чернил и перо. Хоть переписать надо было много, но я вообще скоро пишу и тут для некоторых ясных мест употребила стенограмму. Затем сверила обе бумаги и без четверти 8 была на Литейной у г. Hoffman. Я поручила швейцару отнести сверток и попросить росписку в получении, передав, что я страшно устала, и что у меня разболелась голова. Потом я уехала на дачу. Это было мое последнее свидание с г-жей Hoffman; хоть она и оставалась еще некоторое время

в Петербурге, но ко мне на дачу не приезжала, чему я была очень довольна; встреча с нею после такого дурного объяснения не могла представлять для меня ничего приятного.

На другое утро я пошла к А. Н. Пыпину или И. П. Корнилову (хорошо не припомню), жившим в Петергофе, и рассказала происшедшую историю. Мой советчик был возмущен и непременно настаивал на том, чтобы «показание» было помещено в каком-нибудь журнале или газете, если не раньше, то хоть несколькими днями спустя после того, как оно появится в Beilage. Он направил меня к тогдашнему издателю «Русской Старины», жившему тоже в Петергофе. Тот с удовольствием согласился поместить, но затем уведомил, что ближайшая книжка набрана и таким образом «показание» может быть помещено лишь в следующем номере. К счастию, об этом инциденте узнал редактор «Космополиса» Ф. Д. Батюшков, который и напечатал этот материал в XI книге своего издания за 1898 г. Но пока шли переговоры, «показание» Ф. М. уже успело появиться в венской газете и было переведено в «Биржевых Ведомостях» от 8—10 августа 1898 г.

Осенью того же года я получила от г-жи Hoffman письмо, в котором она просила меня дать ей для напечатания в ее книге несколько писем Ф. М., адресованных ко мне. Я отвечала, что письма эти представляют нашу семейную реликвию и, вероятно, будут напечатаны лишь после моей смерти, а потому я не могу дать их для напечатания в ее труде.

В след. 1899 г. г-жа Nina Hoffman выпустила в свет свою книгу под названием Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie von N. Hoffman. Verlag E. Hoffman und C°.

Труд свой г-жа Hoffman мне прислала через какой-то книжный магазин, но без письма и без всякой надписи, обычно сопровождающей посылаемую автором книгу. Очевидно, она не сохранила обо мне доброй памяти, и я даже полагаю, что в ее книге мне досталось, что называется, «на орехи». К счастию, у меня до сих пор не нашлось времени прочитать ее книгу. Что же касается этого моего предположения, то я основываю его на том, что она никак не могла простить гр. С. А. Толстой то, что та, за несколько дней пребывания г-жи Hoffman в Ясной Поляне, несколько раз уводила ее к себе, и таким образом не давала ей возможности допытаться разрешения волновавших ее вопросов о творчестве великого Толстого.

Из записной книжки архивиста.

Завещание Николая I сыну.

Завещание Николая I, написанное летом 1835 г.,—документ большой ценности для понимания личности Николая I. Оно отражает то душевное настроение, которым был охвачен в то время Николай I, и в то же время вскрывает во всей своей отчетливости те принципы, коими Николай I руководился в своей внешней и внутренней политике, и которые передавались, как нерушимая святыня, в качестве отцовского завета, наследнику престола.

Переписка Николая I с усмирителем восставшей Польши — «отцом-командиром» Паскевичем тоже свидетельствует о нерадостном настроении императора, не так давно раздавившего все декабрьское революционное движение и совсем недавно покорившего смело восставшую шляхетскую Польшу. Безумно жестокие меры, применяемые по отношению к Польше, указывали на жестокость самодержца России. Они создавали за границей нелестную для Николая славу. Николай становился каким-то «чудищем» для либеральной Европы. Либеральные деятели не могли простить Николаю I его дикую расправу с Польшей [1]). По возвращении в Петербург, Николаю, утверждением приговора варшавского трибунала над политическими преступниками, пришлось еще раз показать жестокость и мстительность своей натуры [2]). Либеральная Европа не скрывала ни своей ненависти, ни своего презрения к палачу польских патриотов... Отсюда — тяжелое душевное состояние и дурные предчувствия, овладевшие Николаем.

Собираясь на свидание в Калиш с прусским королем Фридрихом Вильгельмом, которое должно было запечатлеть ненарушимость и вечность русско-прусской дружбы, Николай был в особенно удрученном состоянии. Из опасения возможных покушений со стороны польских патриотов на его жизнь, Николай не решился взять с собою своего сына Александра. Впрочем, страхи Николая оказались преувеличенными. Маневры в Теплице, русско-прусское братание в Калише, прошли благополучно. Николай невредимо возвратился домой [1]).

Николай напрасно волновал себя дурными предчувствиями...

Завещание Николая, это — своеобразное «поучение» отца сыну. В ненарушимости родительских заветов — источник благополучия монарха России и всего его семейства. Так думал Николай и смотрел на Россию, как на императорскую вотчину, стремился внедрить в сознание молодого наследника те же патримониальные взгляды... Николай не доверяет мудрости молодого наследника, которому, быть может, преждевременно придется стать государем. Во избежание ошибок, Николай настаивает на том, чтобы бюрократическая машина работала «без остановки, без малейшего отступления»... Необходимо знакомиться с тем, как дела шли раньше. Не надо изменять «ни в чем ни лиц, ни порядка дел». Такая консервативная, несамостоятельная политика должна продолжаться год, или два. Только после хорошего ознакомления с делами и с людьми можно царствовать...

---

[1]) Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. B. III, Berlin, 1913, стр. 256.

[2]) Ibid., стр. 257.

[1]) Ibid., стр. 267—270.

Самое вступление на престол Александра может произойти совершенно спокойно или сопровождаться какими-либо движениями или беспорядками. В первом случае, молодой государь должен обратиться к соответствующим высшим должностным лицам с приказанием «исполнить свой долг каждому по своей обязанности». Это все лица, связавшие себя с усмирением декабрьского восстания, лица, на которых Николай имел полное основание полагаться. Во втором случае, Николай рекомендовал смелость и решительность, дабы усмирить мятеж «без пролития крови». И только «в случае упорства» дается совет не щадить мятежников, ибо, «жертвуя несколькими, спасаешь Россию», писал Николай, оправдывая произведенный, по его приказанию, расстрел декабристов на Сенатской площади. Так не верилось Николаю, что, в случае его смерти, опять не повторится вооруженное военное восстание...

В своем завещании Николай обходит все вопросы внутренней политики. Император должен «быть кроток, обходителен и справедлив». Таково мнение Николая, и этим исчерпывается характеристика всех принципов внутренней политики. Все идет от государя, все доброе и злое зависит от него. Вот отчего монарх, по мнению Николая, должен обладать вышеуказанными моральными качествами... Во внешней политике будущий монарх должен «с иностранными державами сохранять доброе согласие, не заводить ссору из-за вздору и поддерживать всегда достоинство России в истинных ее пользах». Николай настаивает на отказе правительства от новых завоеваний, так как все правительственные устремления должны быть направлены «на устройство областей». И только по отношению к Польше политика злобы и мести должна быть продолжаема... Никаких уступок Польше, никакого ослабления в принятых мерах — завещает ослепленный ненавистью к полякам Николай... Ненависть к полякам не оставила Николая даже в тот великий час раздумья, когда приходилось испуганному самодержцу составлять свое завещание.

В. Пичета.

Получено 30-го іюля 1835 г. въ Александріи. Возвращено 30-го октября въ Царскомъ Селѣ, и получено обратно на сохраненіе 1-го ноября 1835 г. тамъ же.

Сыну моему государю императору Александру Николаевичу.

Извѣстно тебѣ, любезный Саша, что намѣреніе мое было взять тебя съ собою въ Калишъ, — обнять, можетъ быть, въ послѣдній разъ дѣда твоего, почтенного нашего короля. Но предосторожность необходимая лишила меня сего щастія, а къ утѣшенію вилѣлъ я, что ты охотно приносилъ жертву сію твоему долгу.

Сей же самый священный долгъ налагаетъ на меня обязанность, разставаясь съ тобой, помышлять и о будущемъ. Единому богу всемогущему извѣстно, что меня ожидаетъ, и хотя, возлагая на него одного всю мою надежду, не страшусь угрозъ моихъ враговъ, я долженъ, однако, думать и о возможности исполненія злыхъ умысловъ.

Ежели такова будетъ воля божія,— покорись ей безропотно, и не думай обо мнѣ, думай о Россіи, и въ попеченіяхъ объ ней ищи утоленія твоей скорби.

Повелѣваю тебѣ:

1) Когда ты извѣстишься, что ты отнынѣ императоръ, вели сейчасъ къ себѣ призвать митрополита, дядю твоего Михаила Павловича, графа Чернышева, князя Меньшикова и Н. Н. Новосильцева. Сообщи имъ извѣстіе, и прикажи исполнить свой долгъ каждому по своей обязанности.

2) Митрополитъ возвѣститъ суноду, г. Чернышевъ и к. Меньшиковъ — войску и флоту, Н. Н. Новосильцев — совѣту и сенату.

3) М. М. Сперанскому велишь сейчасъ изготовить манифестъ о возшествіи твоемъ на престолъ, съ повелѣніемъ принесенія тебѣ должной присяги, какъ императору Александру II.

4) Дядя твой долженъ созвать къ тебѣ всѣхъ генераловъ и командировъ гвардейскихъ войскъ, которымъ ты лично повѣстишь о всемъ, и вслѣдъ за тѣмъ они объявятъ о томъ войскамъ и приведутъ ихъ къ присягѣ.

5) Ежели-бъ, чего боже сохрани, случилось какое-либо движеніе или безпорядокъ, садись сейчасъ на коня, и смѣло явись тамъ, гдѣ нужно будетъ, призвавъ, ежели потребно, войско, и

усмиряй, буде можно, безъ пролитія крови. Но въ случаѣ упорства, мятежниковъ нещади, ибо, жертвуя нѣсколькими, спасаешь Россію.

6) Когда все приведено будетъ въ порядокъ, вели призвать къ себѣ совѣтъ, и объяви, что ты непремѣнно требуешь сохраненія *во всемъ* существующаго порядка дѣлъ, безъ малѣйшаго отступленія, и надѣешься, что каждый усугубитъ усилія оправдать мою и твою довѣренность и поможетъ тѣмъ тебѣ принятію на себя бремя правленія.

7) Съ начала, входя въ дѣла, спрашивай, какъ дѣлалось до тебя, и не измѣняй ни въ чемъ ни лицъ, ни порядка дѣлъ. Дай себѣ годъ или два сроку, хорошо ознакомься съ дѣлами и съ людьми — и тогда *царствуй*.

8) Будь къ войску милостивъ, довѣрчивъ и береги его; но не дозволяй попускать по службѣ того, что прежде не терпѣлось.

9) Соблюдай строго все, что нашей церковью предписывается.

10) Будь вообще кротокъ, обходителенъ и *справедливъ;* сіе послѣднее слово вмѣщаетъ и *снисходительность* и *строгость*, съ которыми оно неразлучно.

11) Ты молодъ, неопытенъ, и въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ страсти развиваются, — но помни всегда, что ты долженъ быть примѣромъ благочестія, и веди себя такъ, чтобы могъ служить живымъ образцомъ.

12) У тебя остается нѣжная мать,— утѣшать, беречь, чтить и слушать ея совѣтовъ — твоя священная обязанность. Да сохранитъ ее богъ, тебѣ въ подкрѣпленіе.

13) Три брата у тебя, которымъ отнынѣ ты служить долженъ отцомъ; будь для нихъ тѣмъ же, чемъ былъ для меня твой дядя Александръ Павловичъ. Современемъ они должны тебѣ служить вѣрой и правдой; смотри, чтобъ были *Русскіе*; это значитъ *все*, что долгъ ихъ составитъ.

14) Блюди о сестрахъ; люби ихъ нѣжно, старайся объ будущей ихъ участи, соблюдая елико можно щастіе ихъ съ пользами государства, котораго онѣ собственность.

15) Чти дядю твоего Михаила Павловича, онъ былъ мнѣ всегда вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ. Спрашивай его совѣтовъ во всемъ, что ему ввѣрено.

16) У тебя другъ въ принцѣ Петрѣ; обходись съ нимъ всегда, какъ съ братомъ.

17) Будь милостивъ и доступенъ ко всѣмъ нещастнымъ, но не расточай казны свыше ея способовъ.

18) Съ иностранными державами сохраняй доброе согласіе, защищай всегда правое дѣло, не заводи ссоръ изъ-за вздору; но поддерживай всегда достоинство Россіи въ истинныхъ ея пользахъ. Не въ новыхъ завоеваніяхъ, но въ устройствѣ ея областей, отнынѣ должна быть вся твоя забота.

19) Не давай никогда воли полякамъ; упрочь начатое и старайся довершить трудное дѣло *обрусенія* сего края, отнюдь не ослабѣвая въ принятыхъ мѣрахъ.

20) Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся *своей совѣсти*.

Вотъ, любезный Саша, въ короткихъ словахъ мое послѣднее тебѣ наставленіе. Да благословитъ тебя богъ всемилосердный, на него одного возлагай *всю* твою надежду. Онъ тебя не оставитъ, доколь ты къ нему обращаться будешь.

Ступай смѣло и великъ богъ русскій.

(подписано) *Николай*.

Александрія.
30-го іюля 1835 г.

III отделение и Крымская война.

В юбилейном отчете 1876 года по поводу исполнившегося пятидесятилетия деятельности III отделения собств. е. в. канцелярии шеф жандармов дважды подчеркнул, что, «исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели *преобладающее* значение, и результаты наблюдения повергало на высочайшее благовоззрение»[1]). Обычно эти «результаты наблюдений» шеф жандармов излагал в «Нравственно-полити-

[1]) «В. Евр.», 1917, кн. III, Богучарский. «III отд. собств. е. и. в. канцел. о себе самом», стр. 91, 94.

ческих обозрениях», прилагавшихся к ежегодным отчетам и внимательно читавшихся царем. В «обозрениях» шеф жандармов, от своего имени или от лица анонимных «благомыслящих людей», давал откровенные характеристики министров, оценки правительственных мероприятий и важнейших событий, волновавших общественное мнение. Для определения роли III отделения в направлениях царской внутренней и внешней политики ежегодные «отчеты» и «обозрения» дают богатый материал, бесспорно доказывая, что в таких, напр., вопросах, как крестьянский, польский, рабочий и т. п., на решения царя оказывала сильное давление информация III отделения, позволявшего себе нередко почтительнейше, но уверенно подсказывать верховной власти то или иное решение. Такую же роль осведомленного и доверенного советчика взяло на себя III отделение и в вопросе о ликвидации несчастливо заканчивавшейся Крымской войны. К всеподданнейшему отчету за 1855 год шеф жандармов кн. Орлов приложил вместо обычного «Нравственно-политического обозрения» печатаемый ниже краткий доклад, помеченный 9 января 1856 г. и прочитанный Александром II 14 января, т.-е. за месяц до начала парижских мирных переговоров. Вопрос о достойном для России выходе из войны был, действительно, «преобладающим», и потому шеф жандармов о нем только и говорит в своем докладе, заменяющем «Нравств.-пол. обозрение». Доклад этот заслуживает внимания как тем, что проговаривается об «опасениях приближенных лиц» за царя во время поездки его в разбитую армию, так и тем, что вскрывает отношение III отделения к ликвидации Крымской кампании, отношение, с которым Александр II, без сомнения, по обыкновению, не мог не считаться.

Его Величество изволил читать.
Генер.-лейт. Дубельт.

14 января 1856 г.

В 1855 году внезапная кончина императора Николая Павловича поразила всю Россию; скорбь была общая, непритворная, но известные качества августейшего преемника служили для всех некоторым утешением. Нет необходимости исчислять первых действий нового венценосца, которые ему в подробности известны по той неутомимой деятельности, с которою он лично вникает во все отрасли государственного управления; но нельзя пройти молчанием, с какою радостью было встречено его прибытие в армию и какую неисчислимую пользу принесло личное его обозрение оной. Государь почти скрывал свое намерение и, следуя влечению своего сердца, предпринял путешествие в Крым вопреки замечаний приближенных к нему лиц. Впоследствии те самые лица, которые не одобряли этого намерения, увидя, с каким восторгом был принят государь своею армией и как она оживилась его присутствием, согласились в преувеличении своих опасений.

Наблюдение за общим духом народным, во время настоящего тяжелого испытания, приводит к самому утешительному заключению, что вся собственно Россия готова принести наивеличайшие пожертвования и, в чувстве благоговейной преданности к отечеству и к своему государю, готова исполнить все, что мудрость его укажет.

Тем не менее нельзя умолчать, что война чрезвычайно тягостна для России: рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность, и хотя русские готовы переносить и дальнейшие бедствия, но если бы правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира на условиях честных, то это было бы общею радостью в империи.

Граф Орлов.

9-го генваря 1856 г.

Сообщил *А. А. Сергеев*.

К биографии крестьянина П. А. Мартьянова.

В прошлом русского общественного движения есть одна весьма колоритная фигура. Это — симбирский крестьянин П. А. Мартьянов, пославший в 1862 году императору Александру II известное письмо, оказавшееся роко-

вым для его автора [1]). Мартьянов верил в возможность в России «монархии народной, рука об руку союзной с земством, представляющей земство», и за эту веру заплатил своею гибелью на каторге.

Судьба Мартьянова до появления его в 1861 г. в Лондоне у Герцена остается мало известной и, вследствие этого, значительный интерес для ознакомления с личностью этого своеобразного и даровитого человека представляет дело секретного отделения канцелярии московского военного генерал-губернатора за 1854 г. № 116 «о помещенной в № 46 «Московских Ведомостей» статье и стихах крестьянина Петра Мартьянова». Это дело дает несколько любопытных черточек, освещающих личность Мартьянова.

С самого начала Крымской войны редакции русских газет и журналов были завалены произведениями русской патриотической музы. Редакция «Московских Ведомостей» получала десятки и сотни стихотворений на злободневные темы, собиравшихся со всех концов России и исходивших от людей, различных по своему общественному положению, но сходившихся друг с другом в выражении одушевлявших их чувств. Авторы этих стихотворений не жалели красок для изображения могущества России и бессилия ее врагов.

В апреле 1854 года в редакции «Московских Ведомостей» было получено письмо, которое мы приводим с соблюдением орфографии:

«1854 г. апрѣля 3-го.

Господинъ редакторъ.

Въ 36-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей»,— въ началѣ «Провинціальной Корреспонденціи», говорится о получаемыхъ со всѣхъ сторонъ патріотическихъ стихотвореніяхъ отъ разныхъ сословій, какъ-то: отъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и отставныхъ солдатъ; только нѣтъ видно отъ крестьянъ... А между тѣмъ классъ этотъ сильно,— сильно сочувствуетъ войнѣ, начинаемой нынѣ за вѣру православную. Въ настоящее время простой народъ смотритъ на царя нашего какъ на посланника божія, предназначеннаго вышнимъ «выгнать турокъ изъ св. града-Іерусалима, гдѣ гробъ Христа Спасителя»; часто слышишь въ селахъ и деревняхъ нашихъ: «Помоги ему, господи, пресвятая богородица, помоги ему!!»—«Эхъ, какъ бы воля, да воля, да не семья... ушелъ бы туда!» И это вѣрно, Милостивый Государь, это такъ же вѣрно, какъ побѣда креста въ борьбѣ съ полумѣсяцемъ!

И я крестьянинъ, и я русскій крестьянинъ, и часто повторяю я:

Зачѣмъ мимо ратнаго поля
Судьба меня грязью ведетъ?
Ахъ! есть ли бы воля да воля,
Нашелъ бы я вамъ исходъ!
Нашелъ бы я цѣль моей жизни,
И путь бы к безсмертью открылъ,
На жертвенникъ милой отчизны
Всю кровь бы по каплямъ излилъ!
И дорого продалъ бы жизнь молодую,
И кровью бы душу омылъ отъ грѣховъ
И въ битвѣ кровавой за вѣру святую
Я палъ бы на трупы безбожныхъ
враговъ!!

Да! я палъ бы, я палъ бы... но дорого продалъ бы жизнь я врагамъ! дорого!.. Но воля божія... На все есть воля божія, на все!..

Впрочемъ, я удалился отъ цѣли настоящаго письма; прочитавши тамъ извѣстіе о многихъ патріотическихъ стихахъ, присылаемыхъ къ вамъ отъ многихъ сословій и не найдя въ этихъ сословіяхъ одного, хотя низкаго, но зато коренного русскаго сословія, я рѣшился пополнить пробѣлъ этотъ и предложить вамъ стихи, написанные мною для напечатанія въ столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Можно— напечатайте, нельзя—оставьте; по крайней мѣрѣ, пробѣлъ пополненъ!

Вотъ мои стихи:

Послѣдній султанъ.

Абдулъ Меджидъ, султанъ несчастный,
Зачѣмъ ты поднялъ грозный рокъ?

[1]) О Мартьянове: М. К. Лемке: «Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». 2-е изд. Петерб. 1908 г., стр. 333—356; Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг., под ред. В. Богучарского, стр. 55—64; А. И. Герцен, П. А. Мартьянов и земский царь. «Колокол» 1864 г. № 176.

Но нѣтъ, не ты, совѣтъ пристрастный
Сгубилъ тебя и твой Востокъ...
И сгибнутъ съ нимъ Корана рѣчи,
И кровью взрощенный Исламъ
Изойдетъ кровью новой сѣчи
И долгъ отдастъ былымъ вѣкамъ!
И всѣ поклонники пророка
Падутъ во прахъ передъ крестомъ,
И вознесется крестъ Востока
Высоко, чудно надъ врагомъ!
Абдулъ Меджидъ, султанъ несчастный,
Твоихъ сыновъ, твоихъ друзей
Усилія всѣ теперь напрасны,
Пришла пора бѣды твоей!
Прошли назначенные вѣки
И, предводимые судьбой,
Возстали мстители реки
На кровопролитный смертный бой.
И грозно двинулась Россія,
И чада тьмы не устоятъ;
Врата растворятся златыя
И русскій царь взойдетъ въ Царьградъ.
И тамъ свершитъ судьбы господни,
Османовъ силу сокрушитъ,
Бе вѣрье принетъ въ пресподни
И знамя вѣры водрузитъ!
Но будетъ сму пая свобода...
И доблій мужъ, побѣды сынъ,
Услышитъ плачъ, мольбы народа,
И воцарится... Константинъ!

25 марта.

«Простите меня, господинъ редакторъ, если въ этомъ письмѣ есть что-нибудь лишнее и неумѣстное; въ 18 лѣтъ, безъ совѣта, безъ опыта и, тяжко сказать, безъ образованія, можно и ошибиться.

Симбирской губерніи, Корсунскаго уѣзда, его сіятельства графа Александра Дмитріевича Гурьева, села Бѣлаго Ключа крестьянинъ Петръ Алексѣевъ Мартьяновъ».

Это письмо и содержащіеся в нем стихотворения Мартьянова, как ни слабы они в литературном отношении, представляют значительный интерес для характеристики их автора. Крайне любопытны проникнутые искренней и глубокой скорбью сетования его на свою печальную долю, на неволю, на судьбу, которая ведет его «грязью» и на отсутствие образования. Интересны также надежды на то, что плач и мольбы народа будут услышаны «и воцарится... Константин». Нет ли в последних словах отзвука широко распространенного в то время убеждения, что действительное право на престол после смерти Николая I должно принадлежать не старшему сыну его Александру Николаевичу, родившемуся еще тогда, когда отец его был великим князем, а второму — Константину Николаевичу как родившемуся первым после восшествия его отца на престол? [1])

[1]) О том, каким распространением пользовались разные слухи, связанные с именем в. кн. Константина Николаевича, можно судить по двум происшествиям, послужившим поводом для административной переписки. В мае 1855 г. на одном из столбов решетки, ограждавшей р. Москву, была сделана надпись «В 1857 г. будет царствовать царь Константин». (Дело секр. отд. канц. моск. ген.-губ. 1855 г. № 172). В ноябре 1857 г. на стене одного из домов в Фурка овском переулке было обнаружено объявление, гласившее: «Мы объявляем всем жителям Москвы, что Александр второй отравил Николая I ядом и что он же подал своего брата старшего (?) в темницу, где он теперь находится» (дело того же отдел. 1857 г. № 173). Во можно, однако, иное объяснение надежд Мартьянова на «Константина». Декабрьские события 1825 г., известия о которых в извращенном виде проникали в народ, были причиною того, что имя в. кн. Константина Павловича стало излюбленным именем русских самозванцев XIX в. Если в XVII в. они предпочитали называть себя «царевичем Дмитрием», и в XVIII в. принимали преимущественно имя императора Петра III, то во 2-й четверти XIX ст. мы имеем ряд Лже-Константинов. Один из них действовал в 1826 г. в Саратовской губернии (о нем ст. Мордовцева «Один из Лже-Константинов». «Отечественные Записки», 1869 г. № 10), другой—в 1845 г. в Челябинском уезде (о нем ст. Середы в «Вестнике Европы» за 1868 г. № 8). В темной крестьянской массе, особенно на юго-востоке России, ходило много разговоров и слухов о таинственной личности, странствующей по различным местам и обнадеживающей крестьян близостью их освобождения от крепостного права. Такие слухи связывались обыкновенно с именем Константина и, по свидетельству Мордовцева, ходили вплоть до освобождения крестьян. (Назван. статья, стр. 428). Мало этого, еще в начале 70-х годов, когда Гл. Успенский сделал попытку вы-

Получив письмо Мартьянова, редакция «Московских Ведомостей» не решилась печатать его и представила на рассмотрение начальнику московской цензуры, попечителю учебного округа Назимову. Назимов, собственноручно заменив в первом стихотворении слова: «Ах, если бы воля да воля» словами: «Ах, если б иная мне доля», и вычеркнув последнее четверостишие в стихотворении «Последний султан», разрешил напечатать письмо Мартьянова «по исправлении ошибок в редакции».

Письмо Мартьянова было напечатано в № 46 «Московских Ведомостей» от 17 апреля 1854 года вместе с стихотворением «Голос патриота к штыку», присланным из Осташкова каким-то «русским солдатом Федором Шиловым».

Письмо Мартьянова редакция сопроводила следующим замечанием: «Такие излияния дороже всех других. Они доказывают, что истинная любовь к отечеству и вера, хотя бы и бессознательная, в его великое будущее даже в устах самого простого человека всегда найдет себе благородное выражение. Мало того, стихотворения крестьянина Мартьянова, особенно первое, обнаруживают самородный талант, и мы приглашаем наших читателей обратить на них особенное внимание».

Не знаем, последовали ли читатели этому призыву, но письмо Мартьянова обратило на себя внимание некоего Ивана Лужина, который, сообщая московскому генерал-губернатору гр. А. А. Закревскому, бывшему в то время в Петербурге, о различных московских новостях (о том, что погода стоит ясная, что кн. Щербатов написал кн. С. М. Голицыну письмо «довольно оригинальное своею мошенническою мыслью» и т. п.), писал: «Прилагаю также статью из «Московских Ведомостей» № 46. Это письмо поселянина; любопытно знать, кто такой этот поселянин, который жалуется так красноречиво на неволю и грязную жизнь»?

Закревский потребовал объяснений от Назимова о том, кто прислал это письмо и кто разрешил его печатать. Назимов, препровождая оригинал письма, сообщил: «Письмо это получено было редакцией по почте и, как весьма замечательное сочинение по своему патриотическому чувству, помощником редактора г. Коршем представлено было прямо мне на рассмотрение. Не найдя ничего противного правилам цензуры, я разрешил тогда же напечатать оное в «Московских Ведомостях» с некоторыми исправлениями».

Получив этот ответ, Закревский запросил симбирского губернатора, есть ли в имении гр. Гурьева крестьянин Петр Мартьянов и грамотен ли он? По справке оказалось, что у управляющего имением гр. Гурьева крестьянина Алексея Прокофьева Мартьянова есть сын, Петр Алексеев Мартьянов, 19 лет; он обучался читать и писать при вотчинной конторе, занимается хлебной торговлей и по торговым делам находится в Рыбинске. Получив эту справку, Закревский просил симбирского губернатора затребовать у крестьянина Петра Мартьянова сведения, кто сочинял ему стихи, присланные им в редакцию «Московских Ведомостей». По возвращении Мартьянова из Рыбинска у него был отобран отзыв следующего содержания:

«1854 г. декабря 6-го дня. Корсунскому исправнику крестьянин гр. Александра Дмитриевича Гурьева Петр Алексеев Мартьянов на спрашивание объяснил: «Стихи, присланные мною в редакцию «Московских Ведомостей» и помещенные в 46 № этого издания, есть собственного моего сочинения. Если же лица, встретившие сомнение, что я, как человек, не обучавшийся в учебных заведениях, не мог написать стихи, то я готов доказать это вновь на самом деле, имея в виду то, что усердие и старание все превозмогают в свете. К сему показанию Петр Алексеев Мартьянов руку приложил».

Убедившись, что автором стихотворений является действительно Мартьянов, Закревский 3 января 1855 года

ступить в Тульской губернии в качестве самозванца, он набрал для себя имя Константина. См. об этом в Воспоминаниях Иванчина-Писарева о Гл. Успенском в «Былом», 1907 г. № 10, стр. 56—58 и в «Заветах» за 1914 г. № 5, стр. 163—165.

обратился к симбирскому губернатору с просьбою «приказать обратить внимание на крестьянина гр. Гурьева Петра Алексеева Мартьянова, который в присланных в редакцию «Московских Ведомостей» стихах обнаружил вольный образ мыслей, так что некоторые строфы его стихотворения были не пропущены к печати цензором».

Б. Козьмин.

К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских.

Во всеподданнейшем отчете III отделения за 1862 год зафиксирован незначительный, казалось бы, по существу, но любопытный по оценке его как жандармами, так и Н. Г. Чернышевским случай с женой последнего Ольгой Сократовной на одном из летних гуляний в Павловске. Приводим описание этого случая в текстуальном извлечении:

«В Павловске, 10 июня, при выходе из вокзала, адъютант образцового кавалерийского эскадрона ротмистр лейб-гвардии уланского полка Любецкий, приняв по ошибке двух дам за женщин вольного обращения, оскорбил их. Бывшие при них 4 студента окружили Любецкого и, угрожая ему мщением, объявили, что одна из этих дам — жена литератора Чернышевского, а другая — сестра ее. Любецкий, чрез родственников их и полицеймейстера, просил извинения, но муж Чернышевской, желая воспользоваться этим случаем для сближения офицеров помянутого эскадрона со студентами, домогался отдать дело на суд общества офицеров. Сделанными ему в III отделении внушениями это домогательство отклонено, и Чернышевский отказался от всяких притязаний к Любецкому, а жену свою отправил в Саратов». (Отчет III отд. за 1862 г., стр. 289—290).

Заставив Николая Гавриловича в 1862 году отказаться от одного из его «притязаний», само III отделение, однако, в лице сменившего его департамента полиции,— как видно из излагаемой ниже переписки,— весьма долго не отказывалось от своих притязаний на опеку жертвы случая 10 июня 1862 года.

В начале января 1891 года Ольга Сократовна приехала из Петерб рга в Москву и поселилась в доме Измайлова, по Успенскому переулку. Пристав 1 уч. Сретен. части, в районе коего поселилась О. С., всполошился и немедленно (13 янв.) обратился в московское охранное отделение с секретным рапортом, в котором писал:

«Имея в виду, что циркуляром 12 мая 1872 года за № 1019 подлежит по отношению г. начальника московского губернского управления подчинению строгому надзору жена государственного преступника Ольга Сократовна Чернышевская, я покорнейше прошу оное отделение уведомить меня, не есть ли поселившаяся особа та самая, за которою следует сказанный надзор».

Получив сей рапорт, моск. охр. отделение установило личность опасной «особы» и отправило 19 января секретный запрос в департамент полиции, заканчивавшийся просьбой «уведомить, надлежит ли продолжать за названной Чернышевской сказанный надзор». Департамент полиции не замедлил информацией, сообщив московскому обер-полицеймейстеру 23 января следующее:

«Вследствие отношения от 19 сего января за № 135 департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что к продолжению за Ольгой Сократовной Чернышевской секретного надзора полиции надобности не встречается».

В результате переписки в «секретном прибавлении к приказу по москов. городской полиции» от 2 февр. 1891 г. за № 4 появилось успокоившее сретенского участкового пристава предложение:

«прекратить негласный надзор полиции за... упоминаемою в циркуляре от 12 мая 1872 г. за № 1019 Ольгою Сократовною Чернышевскою, вследствие сообщения департамента полиции от 23 янв. 1891 г. за № 404. Моск. обер-полицеймейстер Юрковский [1])»

Сообщил *А. А. Сергеев.*

[1]) III отделение Государственного Архива Р.С.Ф.С.Р. (б. Моск. Историко-Рев. Архив). Дело отд. по охр. общ. безоп. и порядка в Москве о состоявшей под секретным над-

К Каракозовскому процессу.

(Материалы из архива сарат. губ. жанд. управления).

Саратовская учащаяся молодежь в Каракозовском процессе занимала одно из первых мест, тем более, что сам герой Каракозов был сердобский дворянин, и в объяснительной записке о преступлениях членов революционного общества «Организация» [1]) была выделена в особую группу, названную в официальном документе «Саратовцы». Саратовские жандармы должны были проявить энергию на улавливание элементов, так или иначе причастных к выстрелу 4 апреля 1866 г. Все же энергия, как показывает сохранившееся в архиве саратов. жандарм. управления дело, не увенчалась большим успехом, несмотря на то, что были свободные доброжелатели-доносчики, и что жандармы при отыскании преступников захватили различные слои населения.

Кто же был привлечен к этому делу? Прежде всего привлечен был после обыска к допросу брат Каракозова, уездный врач «мелкопоместный дворянин», саратовский житель. Характерна депеша генерала Мезенцева, с которой начинается дело: «Есть ли в доме умалишенных в Саратове больной по фамилии Каракозов». На что последовал утвердительный ответ. Около «умалишенного» власти отыскивают нормальных преступников.

Постепенно количество привлекавшихся увеличивалось. Перед нами сын дьячка села Воскресенского, Дмитрий Воскресенский, слушатель Петровской академии. [2]) Отец его, дьячек, вполне естественно, на допросе старался доказать непричастность сына к выстрелу Каракозова. Между тем, брат Воскресенского, учитель с. Малой Сердобы, дал богатый материал для расширения дела, а главное, будто бы, открыл главных заговорщиков, намеревавшихся сделать более удачное покушение на жизнь Александра. Он показал, что ему известно было, что в ноябре 1865 г. в агрономической академии, в 7 верстах от Москвы четыре лица, *Каракозов*, *Воскресенский*, Дмитрий, студент агроном. академии (родной брат Алексея), Влад. Алекс. *Петровский*, студент академии и студент *Лапкин* кидали жребий. Каракозову достался жребий стрелять в государя, Воскресенскому — в государыню, а Лапкину — в наследника. Воскресенский передавал, хотя им 4 апреля не удалось убить, все же через 6 месяцев исполнят. Он назвал сообщников: Пострелювы, Николай, Владимир и Алексей, — сыновья священника г. Кузнецка, Свечины, Михаил и Василий (в Петербурге живут), Гусев. Последние дали будто бы 12 т. рублей Воскресенскому, Петровскому и Лапкину. Главный же заговорщик был «бакалавр Щапов, который во время бывшей в Казани панихиды об убитых произносил возмутительную речь, на которую отвечал Шашкин словами: «Хвала апостолу свободы и т. д.». Сообщники неприлично ругают государя и говорят, что все хорошее делается государем по совету в. князя Константина, который назначен, на случай смерти, правителем империи.

Встревоженные и заинтересованные этим показанием власти 12 ноября создают особую комиссию под ближайшим наблюдением губернатора. И в то же время усиленно арестовывают, обыскивают и привлекают многих лиц совершенно случайных. 10 мая из Петербурга телеграфируют в Саратов об аресте и высылке в Петербург Ореста Малинина. Требование исполнено. В этот же момент саратовские жандармы случайно узнают о том, что штабс-капитан Ляхович, живший в с. Большой Шестиевке Балашовского у., выразился у купца в лавке: «Я сочувствую преступнику, что он был не так меток». Только благоприятный отзыв начальства спас его от треволнений. Интересно высказанное в связи с этим мнение жандармского полковника: «Долгом считаю доложить, что вообще состав г.г. офицеров в полках 37 пехот. дивизиона весьма ненадежный, так как при формировании этих полков были назначены в эти полки офицеры большею частью польского происхождения».

зором полиции жене госуд. преступника О. С. Чернышевской. По описи № 50; начато 14 января 1891 года.

[1]) «Былое» 1906, IV.

[2]) См. цитиров. дело арх. сарат. жандар. управления.

Привлекают и чиновника города Вольска Пострелова, доктора г. Балашова Залесского с женою, аптекарского помощника г. Хвалынска Болеслава Овсянко, студента Анатолия Томашевского, в имении помещика Томашева, в 25 верстах от Саратова. Затем появляется донос дворянина Юрьева на крестьянина, владельца постоялого двора Зиминых, что он непочтительно отзывался о дворянах, говоря, что «дворяне хотели убить государя импер., что они хотели погубить их крестьян, и что дворян следует бить, подобное мнение о дворянах случалось ему слышать уже неоднократно от крестьян».

Привлечены по этому делу были еще студенты моск. унив. Александр Никольский и Владимир Карачаров, дворянин Полумордвинов, который в своих показаниях указал на бывшего ученика гимназии Сиверцова, давшего ему в 1862 г. прокламацию, где говорится о земле для крестьян и народном представительстве. Наконец, привлечен был приказчик г. Ростова Монархов и купец Хлебников, который нашел письмо, будто бы на пароходе «Самолет», следующего содержания:

С.-Петербург, 1866 г., 18 мая.

Ваше Высокоблагородие

Милостивый Государь

Александр Федорович.

Посылаю к вам нарочно вперед объяснить вам наш успех. Успех наш очень счастлив: 1 револьвер я получил, об этом скажете всем: Зуброву, Львову, Фикишову, Колоброу и прочим; за каким поехал, такой и достал. Двойной: в царя и стрельца — один выстрел. А я буду в Петербурге 8 или 10 июня, до 15-го непременно сделаем приступ. Надеюсь, что оставить царство, а потом начнем Комиссаришку. А Муравьев и так скоро околеет. Узнавайте, куда царь будет эти дни выезжать. Этот стрелец страдать не будет так, как Каракозов.

Кланяйся всем.

Доброжелателей навести,

Ваше благородие дайте моей жене 10 рублей до меня; известный Вам

Я. Алешка.

Прочитавши письмо изорвите [1]).

Хлебников пересылался в Москву, Петербург, Одессу, Ростов. Чем кончилось его привлечение — из дела не видно.

Все жандармы были обеспокоены. Саратовский жандармский полковник телеграфировал в Петербург: «Узнали, что, при указании сроков будущих покушений, Воскресенский говорил о юбилее в Москве и о Новгороде»...

Так жандармы развертывают дело, шумят, расширяют его, конечно, не брезгуя подложными письмами «Алешки» и доносом приказчика Монархова, в результате которого привлекается «благонамеренный» купец Хлебников [2]).

Центральная власть в лице министра внутренних дел, обеспокоенная, видимо, молвой, идущей в крестьянстве, что царя хотели убить дворяне, делает распоряжение: «принять меры к устранению толков, что преступник сын помещика и считать его нигилистом из учебных заведений». Между прочим, слухи эти в Саратове распространял дейст. стат. сов. Рихтер. Он приехал из Самары и открыто передавал знакомым, что преступник — сын саратовского помещика. Рихтер не предполагал, что это уже составляло «секрет» министерства внутренних дел. Известие это, по сообщению жандармского управления, «возбудило общие толки и жестоко поразило дворян Саратовской губ., что из среды их оказывается личность злодея» [3]). Дворянская реакция усилилась. Правительство, опираясь на крепостников, вводит террор. Но все же революционная волна не спала окончательно на взволнованном «эпохой реформ» 60-х годов

---

[1]) Арх. сар. губ. жанд. упр. Д. № 12/1866 г. «Об обнаружении лиц причастных к покушению на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г.».

[2]) См. в дит. деле депешу из Царицына: «купец имеет благое намерение».

[3]) См. Дело № 12.

российском море. В это время всколыхнулась мысль и саратовского пролетариата пропагандой коммунизма [1]).

К. Виноградов.

Судьба одной пародии Достоевского.

(По неизданным материалам).

В середине 1869 г. отпечатано было в Женеве отдельными листами посвященное «молодому другу Нечаеву» стихотворение Н. П. Огарева «Студент»:

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки,
В жизни с ала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

***

И гонимый местью царской
И боязнью боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное восстанье
Кликнуть клич ко всем крестьянам
От востока до заката:
Собирайтесь дружным станом,
Становитесь смело брат за брата,—
От того ль всему народу
Свою землю и свободу.

***

Жизнь он копил в этом мире—
В снежных каторгах Сибири,
Но до тла и ли сгорел—
Он бор бе остался верен,—
До последнего дыханья
Говорил ср ди и гнанья:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Как свидетельствует автограф этого получившего вскоре самое широкое распространение произведения, оно первоначально связано было с «памятью моего друга Сергея Астракова», но рукою М. А. Бакунина сделана была на оригинале отметка, согласно которой поэту пришлось в печати прежний заголовок изменить: «Великолепно, а лучше бы, полезнее для дела, было бы, если бы заместо памяти Астракова, ты посвятил это стихотворение «молодому другу Нечаеву» [1])

Этот вынужденный вариант посвящения, имея исключительной своей целью поднятие авторитета С. Г. Нечаева в революционных кругах, должен был быть немедленно использован не только как некоторая художественная аттестация, но и как прямое поощрение ответственными представителями старой эмиграции деятельности организатора «Народной Расправы» [2]).

Вызвав в свое время не мало толков и в России, и за границей, этот весьма характерный эпизод нечаевской эпопеи получил необычайно яркое отражение и в «Бесах» Достоевского. Во второй части романа, в главе шестой, Петр Верховенский, как известно, читает «Светлую Личность» — стихотворную прокламацию, «очевидно, заграничной печати». Огаревский текст дал здесь материал для тончайшей пародии, в которой все — от идеологических корней революционной реторики до деталей синтаксиса, ритмического строя и словаря должно было напоминать об утрируемом оригинале:

Светлая Личность.

Он не знатной был породы,
Он во рос среди народа,
Но гонимый м стью царской,

[1]) См. мою статью: «Одна из первых страниц ра простр. коммун. идей среди саратов. пролетариата». Изв. Рад. У. Ж. Д. декабрь 1918 г. № 18.

[1]) Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова, СПБ, 1907, стр. 372—373. Текст «студента» по цензурным условиям не мог войти в «Сти отворения» *Н. П. Огарева* под ред. М. О. Гершензона, М. 1907, и отмечен был только в указателе, приложенном ко второму тому (стр. 445). В работе Д. И. Ти омирова матер. для библиогр. указателя произведений Н. П. Огарева и литературы о нем есть ссылка на огаревский текст «Нечаева» ( ) в «Народной расправе», 1870, № 2 («Извест. II отдел. Акад. Наук», XII, 1907, кн. 4).

[2]) Ср. С. Г. Сва иков «Студенческое движение 1869 г.» («Наша Страна», 1907 г., стр. 225—226).

Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью,
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие краи,
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката,
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно
Чтоб итти беспрекословно:
Порешить в конец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство—
Мира старого злодейство!

Пояснения, которые считает нужным сделать после прочтения этих стихов Верховенский (они имеют в интриге романа и чисто техническое значение — элемента ускорения действия в вводных главах о Шатове), с чуть ли не документальной точностью воспроизводят известные нам условия распространения «Студента»: «А что эти вот стихи, так это будто покойный Герцен написал их Шатову, когда еще тот за границей скитался, будто бы на память встречи, в похвалу, в рекомендацию, ну, чорт... а Шатов и распространяет в молодежи. Самого, дескать, Герцена, обо мне мнение». Предательский характер этой якобы обмолвки Верховенского вскрывали вопросы самого Шатова в одной из последних сцен этой же главы: «А эта ваша подлая *Светлая Личность*, которую я не хотел здесь печатать, напечатана?»— «Напечатана».—«Гимназистов уверяете, что вам сам Герцен в альбом написал?» — «Сам Герцен».

Эти страницы шестой главы второй части «Бесов» не встретили в 1871 г. никаких затруднений в цензуре и из десятой книжки «Русского Вестника», в которой они впервые появились, беспрепятственно перешли через два года в отдельное издание романа. Однако, как свидетельствует обнаруженная нами в архиве главного управления по делам печати секретная переписка начальника III отделения с министром внутренних дел [1]), пародия Достоевского неожиданно оказалась использованной «пропагандистами» в качестве агитационного материала и не могла поэтому тотчас же к себе не привлечь пристальнейшего внимания охранительных органов.

5 декабря 1874 г. главный начальник III отделения обратился к министру внутренних дел с следующим отношением:

III-е отделение
собственной
его императорского величества канцелярии.
3 экспедиция.
С. Петербург.
5 декабря 1874 г.
№ 4515.

Господину министру внутренних дел.

В числе предосудительных бумаг и запрещенных книг, отобранных в последнее время у пропагандистов, оказались и прилагаемые у сего в копии стихи под заглавием «Светлая Личность».

Ныне оказывается, что стихи эти были напечатаны в журнале «Русский Вестник» (октябрь, 1871 г. стр. 557) и что своевременно против автора и издателя их не было принято ни одной из мер, установленных для применения к нарушителям законов о печати, а потому, несмотря на очевидную преступность содержания этих стихов, обращение их в публике не может считаться запрещенным, и лица, виновные в умышленном распространении их, остаются безнаказанными.

В видах устранения такого порядка вещей обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею

[1]) *Архив Цензуры и Печати* (I петерб. отдел. IV секции Гос. Арх. Фонда). Дело главного управления по делам печати о напечатании в журнале «Русский Вестник» стихов под названием «Светлая Личность». Нач. 8 декабря 1874 г. № 125.

просьбою, не изволите ли признать возможнымъ сдѣлать нынѣ тѣ распоряженія, которыя установлены закономъ для случаевъ подобныхъ настоящему и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Генералъ-адъютантъ *Потаповъ*.

По полученіи этого секретного предложенія, министром внутренних дел немедленно сделано было распоряжение о представлении из главного управления по делам печати справки, «было ли в свое время обращено внимание цензуры на упоминаемые стихи и почему напечатание их осталось безнаказанным». Краткие, но совершенно с формальной стороны исчерпывающие объяснения главного управления положены были 16 декабря в основание ответного отношения министра внутренних дел в III отделение:

16 декабря 1874 г. № 6291.

Господину главному начальнику III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Вслѣдствіе отношенія от 5 декабря за № 4515, о стихотвореніи «Свѣтлая Личность», напечатанномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871 года, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что на означенное стихотвореніе не было обращено цензурою особаго вниманія, и по поводу его напечатанія не было принято никакихъ карательныхъ мѣръ потому, что оно было напечатано в «Русскомъ Вѣстникѣ» не отдѣльно,—в каковомъ видѣ оно дѣйствительно не могло бы быть терпимо в русской печати, а помѣщено въ романѣ «Бѣсы», как документъ, характеризующій образъ мыслей и пріемы зловредныхъ пропагандистовъ. Въ романѣ этомъ изображается, съ обличительною, вполнѣ похвальною и полезною цѣлью, кружокъ революціонныхъ агитаторов въ одномъ губернском городѣ, распространявшихъ, между прочимъ, возмутительные листки, и приведенъ, какъ образчикъ, одинъ из такихъ листковъ, заграничного изданія, заключавшій означенное стихотвореніе.

Романъ «Бѣсы», соч. Ф. Достоевского, признавался произведеніемъ безусловно благонамѣреннымъ, и в минувшем 1873 г. перепечатанъ в С.-Петербургѣ отдельнымъ изданіемъ, в которомъ осталось вышеупомянутое стихотвореніе (ч. II, стр. 207) и которое вышло в свѣтъ беспрепятственно, равным образомъ не подавъ цензурѣ никакого повода усматривать в ономъ что-либо зловредное или противозаконное.

Министръ внутреннихъ дѣлъ
генералъ-адъютантъ Тимашевъ.
Скрѣпилъ правитель дѣлъ Богушевичъ.

Представляется чрезвычайно характерным, что в ошибочной оценке ядовитейшей пародии Достоевского, как якобы настоящего «листка» заграничного издания, «зловредные пропагандисты сошлись с высшими представителями имперских охранительных учреждений, и если первые все же смогли использовать «Светлую Личность», как революционную прокламацию, то вторым оставалось только признать совершенно официально, что вне «безусловно благонамеренного» романа означенное стихотворение «действительно не могло бы быть терпимо в русской печати».

Ю. Г. Оксман.

Бальзак в России.

(Архивная справка).

Женитьба Бальзака на киевской помещице Эвелине Ганской, путешествия его в Россию в конце сороковых годов—общеизвестны, но далеко не выяснена еще как и вся странная история его любви, так и все обстоятельства его пребывания в Киеве и Петербурге. До появления в печати переписки Бальзака с Ганской [1]), а также до напечатания ряда биографических раз'исканий Шпельберка де-Ловенжуля [2]),

[1]) В издание общей переписки Бальзака, 1876 года вошли только около 50 писем его к Ганской, но и они были напечатаны не с оригиналов, а с копий, переписанных и сокращенных вдовою романиста. Шпельберк де Ловенжуль начал печатание этой колоссальной переписки, длившейся 18 лет, в «Revue de Paris» 1894. Полностью переписка издана к столетию со дня рождения Бальзака: «Lettres à l'etrangère, 1833—1842» Paris 1899.

[2]) Vicomte Spoelberch de Lovenjoul—«Un roman d'amour», «Figaro» 1894 и отдельно. На

многое в этой романической истории оставалось неясным. Теперь с бо́льшей подробностью нам известна и вся психологическая основа этой любовной истории и некоторые обстоятельства ее развития; сравнительно мало освещенным является только вопрос о его путешествиях в Россию; историю его русских знакомств и встреч его обходят обычно и французские биографы романиста, сообщая лишь несколько эпизодов, имен и дат, не всегда достоверных[1]). Между тем, детали этого рассказа не должны быть забыты: популярность писателя слагается в результате сложных литературных воздействий и скрещиваний, но иной раз бывает усилена интересом к нему самому, к его личности и внешнему облику, к деталям его одежды и интимного быта; так было и с Бальзаком в России, интерес к которому в пору естественного роста его популярности, обусловленной общим уклоном литературных интересов и симпатий, вновь возбуждён был его личными приездами в Россию, знакомствами, здесь приобретенными, воспоминаниями о встречах с ним[2], которые странствовали в устном рассказе и закреплены были в литературной обработке. О нем ходили странные анекдоты: он интересовал экзальтированные головы своих провинциальных читательниц, его встретили здесь с радушием и гостеприимством, которое особенно было приятно ему, уставшему от огорчений и непризнаний на родине.

Россия оценила его глубже и восторженнее, чем Франция. Когда в августе 1831 года появилась «Шагреневая кожа», о Бальзаке писали много, но нигде не было такого единодушия похвал, как в России. В своей переписке этого времени Бальзак отмечал душевную пустоту и постоянно жаловался на непризнание. Вот почему маленький конверт с русской маркой, со штемпелем «Одесса, 28 февраля 1832 г.», полученный от незнакомки, скрывшей свое имя, сыграл такую большую роль в его жизни. Первое свидание Ганской с Бальзаком, тщательно ею подготовленное, состоялось в октябре 1833 г. в Нёшателе, где они провели вместе пять дней. В письме Бальзака к сестре, где рассказывается об этом свидании, он пишет, между прочим: «Как бы то ни было, я очаровал мужа, а потому, в будущем году постараюсь иметь в своем распоряжении три месяца. Я поеду взглянуть на Украину, и мы условились сделать вместе чудное путешествие в Крым. Но сколько труда до тех пор!» Поездка в Россию состоялась только через десять лет, в 1843 г. и была повторена в 1848 г. До конца дней Бальзак хранил воспоминание о России, об ее пейзажах и об укладе ее жизни; он вспоминал своих почитателей, прием, ему оказанный в столицах и в провинции; под влиянием своей переписки с Ганской он давно интересовался Россией: иногда, когда гигантские планы озаряли его фантастическую голову, он любил повторять друзьям, что он собирается заняться переправкой во Францию русских лесов и уже вычислял миллионы прибыли, которые можно было бы получить от этого предприятия[1]). Быть может, отзвуком этих планов были и мечты бедного Горио («Père Goriot», 1834), который перед смертью мечтает о поездке в Одессу: «Надо вам знать, меня следует вылечить потому, что им нужны деньги, а я знаю, как добыть денег. Я отправлюсь в Одессу делать крахмал. Я кое-что смекаю еще. Я заработаю миллионы»[2]).

русском языке конспектируют эту работу статьи *В. Горленко*: «Роман Бальзака и Киевской помещицы». «Отблески. Заметки по словесности и искусству» (5. а), стр. 27—36 и *Ек. Летковой*: «Любовь Бальзака». «Северн. Вестн.» 1894, № 4, стр. 119—131.

[1]) Ср. H. Bordeaux «Balsac et M-me Hanska», «La Renaissance latine» 1905, 15 octobre. Во французской литературе существует едва ли не единственный достоверный рассказ о происшествии с Бальзаком в одном из петербургских театров, когда русская молодежь устроила ему овации, узнав его характерный силуэт. Это рассказано Шамфлери со слов Д. В. Григоровича: Champfleury, «Balsac au Collège», «Musée Universel», 1873 I, p. 165.

[1]) A. le Breton, H. de Balsac., p. 38.

[2]) Изд. Пантелеева, т. I, СПБ. 1896, стр. 204, 208, 209.

Популярность его в России начинается с начала 30-х годов, как раз около того времени, когда Эвелина Ганская решается написать ему письмо из своей деревенской глуши. Пушкин («Мнение М. Л. Лобанова о духе французской словесности») ставит его в один ряд с Ж. Жаненом; А. Н. Вульф читает их обоих и отдает предпочтение Бальзаку. В 1833 году он записывает в свой дневник: «Прочел знаменитого Бальзака, которого до сих пор знал только по слуху. Небольшая повесть его «La Vendetta» передо мною оправдала его европейскую славу. Слог его истинно превосходный и мне показался выше всего, что я ни читал нынешних и прежних французских писателей»[1]). Около того же времени Н. Полевой посылает несколько романов Бальзака на Кавказ А. А. Бестужеву-Марлинскому, и он пишет в ответ: «Я люблю пытать себя Бальзаком... Какая глубина, какая истина мыслей, и каждая из них, как обвинитель-светоч озаряет углы и цепи светской инквизиции,—инквизиции с золочеными карнизами, в хрустале и блестках и румянах» [2]). С середины 30-х годов русские журналы наполняются переводами Бальзака, а в 1838 году Достоевский уже пользуется летними каникулами, чтобы «прочесть всего Бальзака», и вскоре сам переводит «Евгению Гранде». «Бальзак велик,—пишет он своему брату,—его характеры—произведения ума вселенной» [3]). В сфере воздействия его литературных идей, в конце 40-х годов создаются у нас и первые опыты народной повести, у Григоровича и Тургенева, которые столь же обязаны «Крестьянам» Бальзака, сколько и крестьянским романам Жорж-Занда, пишется и «Обыкновенная история» Гончарова, в которой так много общего с судьбою Бальзаковского Растиньяка; в конце XIX века еще Чехов вспоминает «русский эпизод» биографии Бальзака.

Не все ясно еще в истории русского увлечения Бальзаком: ненависть к нему и суровые оценки Белинского, приводившие в такое недоумение и возбуждение страстного почитателя Бальзака Д. В. Григоровича, глухая оппозиция Сенковского, которую пытались объяснить завистью и желанием замаскировать источник его личных вдохновений. «Знаю, что у нас в России нападают на Бальзака, как и в Париже, но совсем по другим причинам, — пишет современник. — У нас заимствуют из Бальзака, да потом его же и бранят, чтоб читатели не догадались, что Бальзак служит источником для наших романов, кормильцем для наших романистов. Излишним считаю защищать его против неосновательных нападок. Брань обращается ему же в похвалу, когда узнаешь настоящую ее причину» [1]). Приезды Бальзака в Россию сделали его центром столичного внимания. Бальзак прожил в 1843 г. в Петербурге три месяца и о нем не переставали твердить в периодической печати. [2]) В это время интерес к Бальзаку уже перерос пределы обыкновенного литературного увлечения: «Balsac intime» интересовал русское общество столько же, сколько и его романы. Владимир Строев, посетивший Париж в 1838—1839 годах, счел своим долгом посетить романиста и в описании своего путе-

[1]) Майков, Л. Н.—Пушкин, СПБ. 1899, стр. 203—204: «А. Н. Вульф и его дневник».

[2]) Письмо А. А. Бестужева к Н. Полевому от 26 января 1833.... «Русск. Вестн.» 1861, кн. 4, стр. 430.

[3]) «Биография, письма и заметки из зап. книжки Ф. М. Достоевского» СПБ. 1884 г., стр. 9, 26—27 и др.; Л. Гроссман. Библиотека Достоевского, Одесса 1919, стр. 31, Ср. его же: «Бальзак и Достоевский», «Русск. Мысль», 1914, I и «Гофман, Бальзак, Достоевский», София. 1914, V.

[1]) Париж в 1838 и 1839 годах. Путевые записки и заметки Владимира Строева, СПБ. 1842. Ч. I, стр. 183—184. Сводка мнений и оценок Бальзака в русской литературе сделана в краткой и не вполне точной статье: «Бальзак в России» (Историко-литературная справка) «Новый журн. Иностран. Литературы», 1899, № 6, стр. 220—226.

[2]) «Северн. Пчела», 1843, №№ 161, 172, 200, 214. Ко времени пребывания Бальзака в Петербурге относится его еще неизданное письмо к m-lle Смирновой, Pétersbourg, 13.7-bre 1843, оно находится в альбоме А. Н. Шиповой, б. Модзалевской. Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожд. гр. Комаровской. «Пушкин и его современники», вып. XI, стр. 92.

шествия сообщал интимнейшие подробности его жизни: «Я видел его в старом синем сюртуке и желтых нанковых панталонах. Шляпа его была измята, как будто на ней просидел кто-нибудь в продолжение целого дня. Он уже не носит той знаменитой, исторической трости, о которой написан целый роман (этот прекрасный роман переведен на русский язык покойным Н. И. Гречем), а заменил ее тоненькою тросточкой, которой играет без всякого уважения к проходящим. У себя дома он сибарит: у него высокие комнаты, великолепные ковры, мраморные камины, дорогие картины в золотых рамах. Письменный его стол похож на выставку изящных безделушек и может быть сравнен только с роскошным туалетом самой причудливой кокетки [1]). Провинция не отставала от столицы. В то время, как столичные журналы в изобилии сообщали читателям подробности о жизни Бальзака, об его костюмах, широком диване, халате из белой фланели, с золотыми кистями и малиновым бархатным капюшоном, о трех его замечательных тростях,—провинция жила ожиданием его посещений и рассказами о нем самом. Характерный образец подобных рассказов мы находим в статье «Бальзак в Херсонской губернии», подписанной псевдонимом Нечипор Кулеш и помещенной в «Современнике» за 1838 год [2]).

«Дамы Херсонской губернии сходят с ума по Бальзаке», читаем здесь. «Произнесите имя французского новеллиста—и вы увидите до какой степени может воспламениться херсонская аристократка. Вам расскажут по хронологическому порядку все его произведения, все действующие лица, все сильные места. Когда вам начнут напоминать сцены из частной жизни Евгении Гранде, Шагреневую кожу, тогда запрячьте ваше сердце дальше, как можно дальше,—вы влюбитесь, непременно влюбитесь в рассказчицу. При слове *Федора* вас с ног до головы обдадут вздохами и восклицаниями». Далее Нечипор Кулеш сообщает, что когда в газетах появилось известие, что Новороссийский край посетит маршал Мармон, тотчас же пронесся слух, что, «для составления живописного описания путешествия», маршала будет сопровождать Бальзак. Маршал действительно посетил Херсон и Одессу в сопровождении какого-то господина, которого и приняли за Бальзака. «Хотя блеск нашего просвещения сосредоточивается в Петербурге и Москве,—говорит воображаемому Бальзаку его провинциальная русская поклонница,—но я назову вам более ста дам нашей губернии, которые прочитали каждое прекрасное ваше произведение». После ряда забавного qui pro quo выясняется, что воображаемым Бальзаком является доктор Руго. Но автор этой корреспонденции утешает провинциальных читательниц: «Я слышал, что Бальзак очень завидовал Руго, когда он по возвращении в Париж, рассказал ему встречу на Буге. Желая быть признательным за приготовленный для него прием, он начал повесть, в которой главное действующее лицо— ерсонская помещица. Теперь он остановился за нравами и местностью, для изучения которых в настоящем или будущем году непременно явится в Новороссию».

Действительно, мысль посетить Новороссию не покидала Бальзака: уже в письме из Нешателя Бальзак писал сестре о своем намерении посетить Одессу и поездом в Крым. Та же идея, вероятно, пришла ему в голову в конце 1848 года. В ноябре этого года Бальзак был в Киеве проездом в Бердичев. В честь Бальзака киевским губернатором Фундуклеем был дан обед, на котором присутствовали представители русского и польского общества [1]). Но устраивая пышное торжество и чествуя французского писателя, Фундуклей не позабыл исполнить тайное приказание, полученное им из Петербурга. О нем мы узнаем из дела: «О надзоре за французским

[1]) В. Строев. Ib d., стр. 181—182.

[2]) «Современник», 1838, т. XII, стр. 22—23.

[1]) Об этом обеде вспоминает гр. Олизар: «Pam. d Olizara», стр. 217. Ср. А. Ф. Копылов, Мемуары гр. Олизара. «Русск. Вестн.», 1893, кн. IX, стр. 117, но, кажется, неверно относит его к зиме 1850 года в указании гр. Олизара, однако, не усомнился В. С. Иконников. Киев в 1854—1855 гг. Историч. очерк Киев 1904, стр. 328, 351.

литератором Бальзаком», сохранившемся в архиве б. одесского градоначальства [1]). В отношении за № 2597 от 4-го ноября 1848 г. начальник киевской губернии Фундуклей сообщал одесскому военному губернатору: «Государь император всемилостивейше соизволил французскому литератору Бальзаку, бывшему здесь в прошлом году, приехать обратно в Россию, но с строгим за ним надзором. Бальзак прибыл в Сквирский уезд и получил от меня вид на пребывание в Киевской и проезд в г. Одессу. Имею честь просить ваше превосходительство, если Бальзак прибудет в Одессу, приказать иметь за ним строгий надзор, о последствиях которого не оставьте уведомить меня». Во исполнение этого отношения одесский военный губернатор отношением за № 492 от ноября 1848 года предложил одесскому полицеймейстеру «по приезде вышеупомянутого лица в Одессу, немедленно учредить за ним бдительный полицейский надзор и о последствиях мне донести». За неприбытием Бальзака в Одессу, дело было прекращено. Эта маленькая справка характеризует и личные настроения Бальзака, и ту подозрительность, с которой его встречали в русских правительственных кругах: это было вызвано едва ли не той громадной популярностью, которой он пользовался в русской столице и провинции 30—40-х годов.

М. П. Алексеев.

Письма Гёте.

I.

Votre Excellence

Sera persuadée que l'envoi que je viens de recevoir, en me surprenant très agréablement m'a fait un plaisir infini, tant comme gage précieux de son souvenir, que comme pièce très interessante d'Histoire naturelle.

J'ose bien dire, que je ne connois entre les pierres composées aucune, qui me paroisse valoir celle la, qui jusqu'ici a manqué à ma collection.

Votre Excellence aura la bonté d'accepter avec les remerciements les plus sincères une Pièce que je fais partir par Chariot de Poste. C'est une Chalcedoine a plusieures couches, qui, taillée et gravée sous Votre Direction, donnera lieu, j'espère, à quelque Camée digne de Votre collection prétieuse.

Agréez en meme tems les assurances les plus respectueuses du parfait devouement de celui qui a l'honneur de se souscrire.

de Votre Excellence
le très humble et
très obéissant serviteur
W. de Goethe.

Weimar
ce 5 Febr. 1810.

Перевод.

Ваше Превосходительство.

Будьте уверены, что только что полученная мною посылка, чрезвычайно приятно изумив меня, доставила мне бесконечное удовольствие, и как драгоценный знак Вашей памяти, и как интересный предмет из области естествоведения.

Осмеливаюсь сказать, что среди камней мне неизвестен ни один, который казался бы мне стоящим этого, до сих пор отсутствовавшего в моей коллекции.

Ваше Превосходительство, будьте добры принять вместе с наиболее искреннею благодарностью вещицу, которую я отправил Вам с почтовой каретой. Это—халцедон с многими слоями, который, высеченный и вырезанный под Вашим руководством, обратится, надеюсь, в камею, достойную Вашей драгоценной коллекции.

Примите в то же время наиболее почтительные уверения в совершенной преданности того, кто имеет честь подписаться

Вашего Превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою
В. Гёте.

Веймар.
5 февр. 1810.

II.

Monsieur

Le nouvel an, Monsieur, n'aurait pu me saluer par un meilleur augure, que par celui de Votre envoi précieux. Je

[1]) «Дело секретного стола 1848, № 126».

me vois en même temps honoré de Votre souvenir amical, que je chéris comme je dois, et d'un beau travail de l'art moderne, qui me flatte personellement.

J'aurais souhaité, que Vous eussies été témoin du plaisir que j'ai exprimé à mes amis en leur faisant voir le bijou, que je tiens de Votre bonté.

Je ne cherche pas de peindre ce contentement par beaucoup de paroles, d'autant moins, que Vous n'auries pu, Monsieur, me donner une telle marque de Votre bienveillance, si Vous ne senties pas profondement, que j'en suis digne par un attachement inviolable, et par la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur de me souscrire.

de Votre Excellence
le très humble et
très obèissant serviteur
de Goethe.

Weimar
ce 10 Janv. 1812.

Перевод.

Милостивый Государь.

Новый год, Милостивый Государь, не мог меня приветствовать лучшим предзнаменованием, чем Вашей драгоценной посылкой. Я вижу себя одновременно почтенным и Вашим дружеским воспоминанием, которым я дорожу, как должно, и прекрасным произведением современного искусства, которое мне лично льстит.

Мне хотелось бы, чтобы Вы могли быть свидетелем той радости, которую я выражал моим друзьям, когда показывал им драгоценность, обладанием которой я обязан Вашей доброте.

Я не пытаюсь изобразить это удовольствие многими словами, тем более что Вы, Милостивый Государь, не могли бы оказать мне подобный знак Вашего благоволения, если бы глубоко не чувствовали меня достойным его за ту непоколебимую привязанность и высокое уважение, с которыми я имею честь подписаться

Вашего Превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою
Гёте.

Веймар
10 янв. 1812.

Находящиеся в архиве *Яковлевых-Головастовых*, хранящемся в 1-м отделении историко-культурной секции Е.Г.А.Ф. в Москве, два письма Гёте обращены к Льву Алексеевичу Яковлеву, тайному советнику, сенатору, камергеру и видному дипломату конца павловского и первой половины александровского царствования (1766—1839 г.). В русской литературе его имя известно в связи с Герценом, дядей которому он приходился и которым был ярко охарактеризован в 1-ой части «Былого и Дум»:

«Сенатор был по характеру человек добрый и любивший рассеяния, — пишет Герцен, — он провел всю жизнь в мире, освещаемом лампами, — в мире официально-дипломатическом и придворно-служебном, не догадываясь, что есть другой мир посерьезнее, несмотря даже на то, что все события с 1789 до 1815 не только прошли возле, но зацеплялись за него».

«Скучать ему было некогда, он всегда был занят, рассеян, он все ехал куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорах по миру оберток и переплетов».

«Зато он до семидесяти пяти лет был здоров, как молодой человек, являлся на всех больших балах и обедах, на всех торжественных событиях и годовых актах, — все равно каких: агрономических или медицинских, страхового от огня общества или общества естествоиспытателей... да, сверх того, зато же, может, сохранил до старости долю человеческого сердца и некоторую теплоту» [1]).

В период, к которому относятся письма Гёте, Л. А. Яковлев, судя по хранящемуся в том же архиве формулярному списку об его службе, состоял в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра сперва при Штутгартском (1809), а потом при Вестфальском (1810 г.) дворах. 10 июля 1812 г. он покинул Кассель, где жил последнее время и вернулся в Москву, чтобы в эпоху Венского конгресса вновь появиться на европейской дипломатической сцене.

Продолжительное пребывание в Германии (с 1800 г.), постоянное общение

[1]) Полн. собр. соч. Герцена под редакц. Лемке, т. XII., стр. 24—25.

с высшими придворными кругами, высокая образованность и интерес к искусству и наукам,—вот вероятные данные, послужившие его сближению с Гёте.

Первое письмо Гёте говорит о получении им в подарок от Яковлева какого-то интересного в минералогическом отношении камня. Давно и с увлечением занимаясь минералогией, Гёте был обрадован новым приобретением для своей коллекции и поспешил любезностью ответить на любезность: зная, очевидно, страсть Яковлева к различного рода камеям, он посылает ему слоистый халцедон (общее название для агата, яшмы и др. образований кварца), предназначавшийся для резьбы на нем камеи.

Сильное увлечение Яковлева этим родом искусства, чрезвычайно характерным для XVIII в., к которому он сам целиком принадлежал, может быть иллюстрировано приведением некоторых документов его архива. В 1839 г. в описи его вещей, составленной душеприказчиками, мы находим следы той «драгоценной коллекции», о которой упоминает Гёте: среди бриллиантов и золотых табакерок (одна из которых помечена, между прочим, как вынутая 20 марта для А. И. Герцена) в описи находится одних перстней с камеями 23, кроме отдельных камей, ониксов, сердоликов и т. под.

Сохранилась в архиве интересная переписка Яковлева с резчиком камей, итальянцем Николаем Морелли в Риме. Она дает ключ к пониманию второго письма Гёте, в котором говорится о прекрасном произведении современного искусства, лично польстившем великому писателю.

Заказывая Морелли 28 апр. 1811 года четыре камеи на античные сюжеты и довольно бесцеремонно торгуясь с ним из-за цены (при чем пущено было в ход указанче на «эпоху, когда повсеместно чувствуется недостаток в деньгах и редкость любителей, жертвующих значительные суммы на свои прихоти»), Яковлев, между прочим, пишет:

«Я Вам послал гипсовый слепок с портрета одного великого немецкого писателя, который мне хотелось бы видеть изображенным в виде камеи для кольца. Употребите для этого одну из частей верхнего слоя камня (о котором говорится в начале письма), благодаря чему голова будет белой на сардониковом фоне. Больше всего постарайтесь уловить сходство; так как этот писатель очень знаменит, то его портрет может Вам доставить другие заказы в том же роде. Начните его тотчас же и немедленно высылайте мне».

Получив письмо и портрет, Морелли немедленно отвечал Яковлеву и доказывал, что белый слой камня слишком тонок и негоден для резьбы. Чувствуя особую заинтересованность заказчика в этой камее, он предлагает свой камень, обещает приложить все старания и, не назначая цены, целиком полагается на щедрость Яковлева. Последний с нетерпением ожидает присылки камеи и заказывает еще дюжину слепков с нее, как бы для распространения рекламы таланту Морелли.

Наконец, 14 декабря 1811 г. Морелли известил Яковлева о высылке ему ящика с заказанной камеей и слепками с нее, а 1 января 1812 г. камея, очевидно, была преподнесена Гёте и вызвала его восторг.

Письмо Гёте, датированное 10 января 1812 года, заключает в себе благодарность за доставленное удовольствие, выраженную в изысканно-любезных выражениях и оборотах речи, одинаково достойных их автора—старого приворного Веймарского двора и блестящего дипломата — его корреспондента. *В. Нечаева.*

Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому.

Воспроизводимое здесь письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому из Остенде, от 10 августа 1847 г., является ответом на известное письмо В. Г. Белинского к автору «Выбранных мест из переписки с друзьями». То письмо В. Г. Белинского неоднократно перепечатывалось в России с разных списков [1]) ходивших в свое время по рукам,

[1]) См., напр., изд. «Громады» (Женева 1880 г., с предисловием М. Драгоманова или изд.

и появлялось даже и в отдельных изданиях (подлинник его до сих пор не найден).

В ответ на письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголь, как известно, написал было пространное письмо, но, передумав, изорвал его в клочки и вместо него отправил через несколько дней В. Г. Белинскому другое—то, именно, которое воспроизводится здесь [1]).

Данное письмо Н. В. Гоголя не является, по существу, новостью для историка литературы. Как и названное письмо В. Г. Белинского, оно несколько раз появлялось уже в печати. Впервые его напечатал А. И. Герцен в «Полярной Звезде» за 1855 г. (стр. 76—77.).«Сам Белинский мне читал свое письмо и письма Гоголя в Париже», писал А. И. Герцен в примечании. А по поводу текста он, в предисловии к указанной книжке «Полярной Звезды», заметил: «Аноним прислал «Переписку Белинского с Гоголем». Переписку эту мы знали прежде от самого Белинского, она наделала некоторый шум в 1847 г.» [2]).

В России оно впервые напечатано, кажется, В. И. Шенроком в июльской книжке «Русской Старины» за 1880 г. (стр. 47—48). Позже оно вошло в IV т. собрания писем Н. В. Гоголя под ред. того же В. И. Шенрока (стр. 44—46). Во всех отмеченных изданиях письмо Н. В. Гоголя, по примеру вызвавшего его письма В. Г. Белинского, воспроизводилось с непроверенных списков, в свое время привлекавших любопытство читающей России и во множестве ходивших по рукам. Естественно поэтому, что все известные тексты этого письма также грешат некоторыми разночтениями, приводить которые здесь нет надобности, и в них совершенно опущен post scriptum, который позволяет установить точно дату отправления письма.

Подлинник письма Н. В. Гоголя, по которому ныне публикуем его точный текст, хранится в Петербурге в I отд. VII секции Е. Г. А. Ф. (архиве бывш. III отд.), в папке, озаглавленной: «Ответы и объяснения разных лиц на взятые при обыске у титулярного советника Павлова письма и заграничные книги» [1]).

Не касаясь содержания письма по существу [2]), приведем лишь ответ Николая Филипповича Павлова, автора известных «Трех повестей» [3]), на вопрос, касающийся истории письма и поставленный ему допрашивавшими его гвардии полковником Аверкиевым, подполковником Бакуниным и майором московского жандармского дивизиона Воейковым. Ответ Н. Ф. Павлов дал в письменной форме 20 января 1853 г.

Допрос этот был учинен Н. Ф. Павлову вследствие особого секретного предписания московского военного генерал-губернатора, графа Закревского (от 19 января 1853 г. № 126) на имя названных лиц, состоявших при нем для особых поручений. Закревский

«Светоча» (Петр. 1906 г.) под ред. и с предисловием С. А. Венгерова. В последний раз оно перепечатано в III т. собрания писем В. Г. Белинского (П., 1914 г., с. 230—239). Редактор этого собрания, Е. А. Ляцкий, в соответствующем примечании (с. 377) указывает, что все опубликованные тексты имеют много разночтений, но весьма несущественных.

[1]) Клочки первого письма в свое время обнаружены в бумагах Н. В. Гоголя и восстановлены издателем его сочинений и писем, П. А. Кулишем. См. «Письма Н. В. Гоголя» под ред. В. И. Шенрока, т. IV (Петр. 1901 г. изд. Маркса. стр. 32—41).

[2]) См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VIII, стр. 172 и 206.

[1]) Папка эта является приложением к делу I эксп. III отделения, № 75 за 1853 г. о московском литераторе Н. Ф. Павлове. Само дело в архиве отсутствует. Оно, видимо, осталось либо в рукописном отделении Российской Академии Наук, либо в Пушкинском доме при той же академии, где целиком одно время находился архив III отделения.

[2]) Как и переписка между В. Г. Белинским и Н. В. Гоголем, наделавшая много шума во второй половине 40-ых годов, так и вообще вся история «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя вызвали обширную литературу и до сих пор привлекают внимание исследователей. Наиболее полный список литературы предмета см. у Н. К. Пиксанова. Два века русской литературы (М., изд. Госиздата, 1923 г., с. 97—99).

[3]) Одна из них, «Именины», недавно переиздана (П., 1922 г. изд. «Парфенон»).

Автограф Н. В. Гоголя.

См. стр. 311—312

9 Остенде 10 Августъ
10

Я не могъ отвѣчать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено, могу сказать что не осталось чувствительныхъ струнъ ~~на~~ которымъ не было бъ нанесено пораженій, еще прежде чѣмъ получилъ я ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть и въ вашихъ словахъ есть часть правды. Скажу вамъ только что я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги. ни одно изъ нихъ не похоже ~~одно~~ на другое, нѣтъ двухъ человѣкъ согласныхъ во мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ, что опровергаетъ одинъ, то утверждаетъ другой. И между тѣмъ на всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди. Покуда мнѣ показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе Россіи, что много измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ я въ ней не былъ, что мнѣ нужно почти съизнова узнавать все что ни есть въ ней теперь. А выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ что мнѣ не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только ~~представлять предъ глаза читателей~~ никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанья, по тѣхъ поръ покуда пріѣхавши въ Россію не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу что укорившіе меня въ незнаніи многихъ вещей и необразованіи многихъ сторонъ обнаружили передо мной собственное незнаніе многаго и собственное необразованіе многихъ сторонъ. Не всѣ вопли услышаны, не всѣ страданія взвѣшены. Мнѣ кажется даже что всякой изъ насъ понимаетъ нынѣшнее время, въ которомъ такъ явно
Чи проявляется духъ построенья полнѣйшаго нежели когда либо прежде: все входитъ теперь внутрь, всякая вещь проситъ и ее принять въ соображенье, старое и новое выходитъ на борьбу и чуть только на одной сторонѣ перевѣсъ и понадутъ въ преимущество, какъ въ отношеніи

тому переливают и на другой. Наступающий век есть век
разумного сознания, не горячась, он взвешивает все, приемля
все стороны на сведенье, без чего не узнать разумной середины
вещей. Он велит как обладатель ~~иными~~ многосторонней вседержительницы, а
не горячую прыткость рыцарей протекших времен. Мы ребенки
перед этим веком. Поверьте мне что и вы и я виновны
равномерно перед ним. И вы и я перешли в излишество.
Я по крайней мере сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы?
Точно таким же образом как я упустил из виду современ-
ные дела и множество вещей которые следовало ~~принять за~~ сообразить
точно таким же образом упустили и вы; Как я слишком
усредоточился в себя, так вы слишком разбросались. Как мне
нужно узнавать многое из того что знаете вы и чего я
не знаю, так и вам тоже следует узнать хотя часть
того что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете. —
~~Но прежде~~ А покамест, помыслите прежде всего о вашем
здоровье. Оставьте на время современные вопросы. Вы
потом возвратитесь к ним с большею зрелостью, сте-
пенью и с большею пользою как для себя так и для них.
Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного, первей-
шего блага, без которого нельзя действовать и поступать
разумно ни на каком поприще.

И Бог —

В одно время с письмом к вам отправил
я письмо и к Анненкову. Спросите у него получил
ли он его. Я адресовал в Poste Restante —

предписал им, между прочим, выяснить «откуда, каким образом и для чего дошел к Павлову в подлиннике ответ Гоголя на это письмо». Н. Ф. Павлов дал следующее объяснение: [1]).

«С Белинским ни в каких и никогда сношениях я не находился. Самое строгое исследование подтвердит мои слова. Много лет тому назад я видал его в Москве. Но по переезде в Петербург ни здесь, ни там даже я не встречался. Повторяю, он был мой литературный неприятель [2]) и даже некогда, заведывая отделом критики в «Отечественных Записках», отказался писать статью о моих повестях, ибо должен был хвалить, почему и писал ее сам редактор. Сказать, от кого я получил письмо к нему Гоголя я был бы очень рад, ибо ведь это не было бы преступлением ни со стороны того, кто его мне дал, ни с моей стороны, но истинно, положа руку на сердце — не помню. Вероятно, оно по смерти Белинского привезено было в Москву и случайно попало ко мне. Ведь это для меня не было каким-либо чрезвычайным событием, чтобы тщательно удержать его в памяти».

Этим отрывком исчерпывается все показание Н. Ф. Павлова в части, касающейся подлинника письма Н. В. Гоголя.

Судя по post scriptum'у, письмо отправлено не 10 августа 1847 г., а 12 августа, одновременно с письмом к П. В. Анненкову [1]).

Формат письма на одну треть больше против приложенного здесь фотографического снимка. Адрес написан на 4-ой стр.

Р. Кантор.

Текст письма Н. В. Гоголя [2]).

Остенде 10 Августа.

Я не могъ отвѣчать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясенно, могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ которымъ не было бы нанесено пораженія, еще прежде чемъ получилъ я ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать. Богъ вѣсть, можетъ быть и въ вашихъ словахъ есть часть правды. Скажу вамъ только что

---

[1]) Николай Филиппович Павлов (род. 7 сентября 1805 г. и умер 29 марта 1864 г. в Москве)—писатель и журналист. Его книга «Три повести» (М. 1835 г.) была сочувственно встречена критикой, в том числе и А. С. Пушкиным, но за высказанные в ней либеральные мысли подверглась конфискации. Он был женат на известной поэтессе Каролине Карловне Павловой, урожд. Яниш. В 1863 г. Павлов начал издавать газету «Русские Ведомости». Находился в живом и дружеском общении с виднейшими представителями московских литературных кругов, как-то с Грановским-Краевским и мн. др. Обстоятельства и причины его ареста в январе 1853 г., завершившегося ссылкой в Пермь, не совсем точно выяснены. Литературные источники в данном случае разноречивы и противоречивы. Большинство писавших о нем или о Каролине Павловой арест этот приписывают семейным неладам. Точно выяснить этот эпизод можно будет только по делу III отделения, как сказано, отсутствующему в архиве. О нем см. очерк С. И. Пономарева «Материалы для истории русской литературы. Николай Филиппович Павлов» (Пет. 1889 г. или сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, т. XLVI, № 3), заметку М. Мазаева в «Русском Биографическом Словаре» (т. Павел, преподобный—Петр, Илейка, с. 97—98). Там же и у А. В. Мезиера (Русская словесность», ч. II,) приведена библиография главнейшей литературы о нем.

[2]) На-ряду с подлинником письма Гоголя, при обыске у Н. Ф. Павлова найдена также копия с письма Белинского к Гоголю. Выясняя тогда же происхождение той копии, Павлов заявил: «Я был литературный неприятель Белинского и никаких его мыслей не разделяль». Кстати следует указать, что Н. Ф. Павлов напечатал в «Московских Ведомостях» на 1847 г. №№ 28, 38 и 46, три «Письма к Гоголю» (по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями»). Все три письма его перепечатаны в «Современнике» за 1847 г., т. III, № 5 и 6 и «Русском архиве», 1890 г., кн. 2.

[1]) См. IV т. «Писем» Н. В. Гоголя под ред. В. И. Шенрока (с. 46).

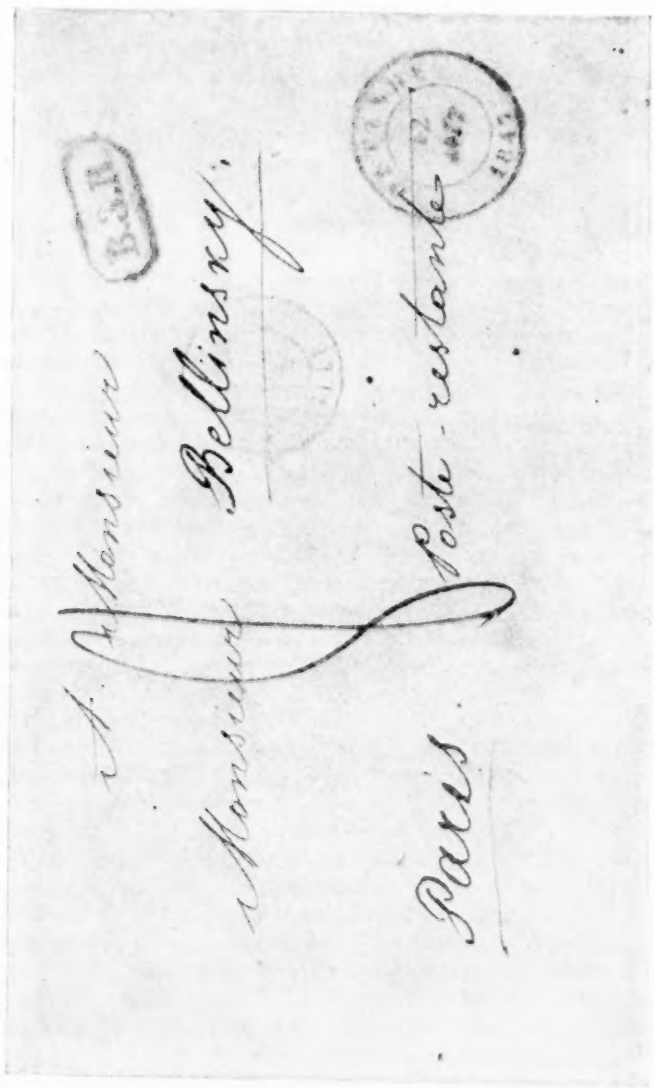
[2]) Здесь печатаем окончательную редакцию текста. Интересующихся небольшими изменениями, внесенными автором при составлении письма, отсылаем непосредственно к фотографическому снимку.

я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги: ни одно изъ нихъ не похоже на другое, нѣтъ двухъ человѣкъ согласныхъ во мнѣньяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ, что опровергаетъ одинъ, то утверждаетъ другой. И между тѣмъ на всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди. Покуда мнѣ показалось только то непреложной истиной, что я незнаю вовсе Россіи, что много измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ я въ ней небылъ, что мнѣ нужно почти съ изнова узнавать, все что ни есть въ ней теперь. А выводъ изо всего этого вывелъ я для себя тотъ что мнѣ неслѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ *живыхъ образовъ*, но даже и двухъ строкъ какого бы то нибыло писанья, до тѣхъ поръ покуда пріѣхавши въ Россію, неувижу многаго своими собственными глазами и непощупаю собственными руками. Вижу что укорившіе меня въ незнаніи многихъ вещей и несоображеніи многихъ сторонъ обнаружили передо мной собственное незнаніе многаго и собственное несображеніе многихъ сторонъ. Не всѣ вопли услышаны, не всѣ страданья взвѣшены. Мнѣ кажется даже что невсякой изъ насъ понимаетъ *нынѣшнее* время, въ которомъ такъ явно проявляется духъ *построенья полнѣйшаго* нежели когда либо прежде: какъ бы то нибыло, но все выходитъ теперь наружу; всякая вещь проситъ и ее принять въ соображенье; старое и новое выходитъ на борьбу, и чуть только на одной сторонѣ перельютъ и попадутъ въ излишество, какъ въ отпоръ тому переливаютъ и на другой. Наступающій вѣкъ есть вѣкъ разумнаго сознанія; не горячась, онъ взвѣшиваетъ все, пріемля всѣ стороны къ свѣденью, безъ чего неузнать разумной середины вещей. Онъ велитъ намъ (имѣть) оглядывать многостороннимъ (ній) взглядомъ старца, а не показывать горячую прытькость рыцаря протекшихъ временъ: мы ребенки передъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что и вы и я виновны равномѣрномъ передъ нимъ. И вы и я перешли въ излишество. Я по крайней мѣрѣ сознаюсь въ этомъ, но сознаетесь ли вы? Точно такимъ же образомъ какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которые слѣдовало сообразить, точно такимъ же образомъ упустили и вы; какъ я слишкомъ *усердоточился* въ себѣ, такъ вы слишкомъ *разбросались*. Какъ мнѣ нужно узнавать многое изъ того что знаете вы и чего я незнаю, такъ и вамъ тоже слѣдуетъ узнать хотя часть того что знаю я и чемъ вы напрасно пренебрегаете. А покамѣстъ помыслите прежде всего о вашемъ здоровьи. Оставте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь къ нимъ съ бо́льшею свѣжестью, стало быть и съ большею пользою какъ для себя такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія Душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ.

Н. Гоголь.

Въ одно время съ письмомъ къ вамъ отправилъ я письмо и къ Анненкову. Спросите у него получилъ ли онъ его. Я адресовалъ въ Poste Restante.

Снимок лицевой стороны конверта
с письма Гоголя.



Вместо библиографии.

Зарубежное издание писем б. имп. Александры Федоровны.

(Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. Т. I. 1922. К-ство «Слово». Берлин. Стр. 1+642).

В распоряжении берлинского книгоиздательства «Слово» оказались похищенные в одном из архивохранилищ Р. С. Ф. С. Р. копии переписки б. царя Николая II с супругой его Александрой Федоровной за интереснейший период, именно за 1914—1916 годы. Эти письма составляют два больших тома, в общем всего не менее 42—45 печатных листов. Составитель предисловия, искусно умолчавший о том, как эта переписка попала в распоряжение берлинского издательства, совершенно верно указывает, что это только часть переписки названных корреспондентов, но часть бо́льшая, вдвое превышающая количество писем, написанных за предыдущее время, составляющее более двадцати лет. Автор предисловия сделал это заключение на основании нумерации попавших в его распоряжение копий писем, начинающихся с 231 № (точнее, как это видно из подлинных писем, с № 232). О письмах Александры Федоровны за 1917 год, написанных ею мужу в тревожные февральские и мартовские дни, в предисловии не сказано ни слова. Очевидно, последним письмом, имеющимся в распоряжении берлинского издательства, является письмо с датой 17 декабря 1916 года. В первый же том вошли письма, начиная с 27 апреля 1914 года по 16 января 1916 года. Том распадается на две части—русский перевод и английский текст (Александра Федоровна писала мужу всегда по-английски).

Письма б. царицы представляют исключительный интерес, освещая в политике дворцовых сфер за роковые 1914—1917 г.г. такие стороны, которые, в обычных условиях, дождались бы раскрытия, вероятно, только через многие десятилетия, по истечении исторических сроков и только после усиленных разысканий специалистов-историков. А здесь перед нами первоисточник, обесценивающий уже и теперь «мемуары» и «записки» сановных деятелей недавнего прошлого, пытающихся приоткрыть завесу над «тайнами русского двора» и политики в последние годы царского режима. Читатель найдет в этих письмах раскрытие загадочной тайны влияния на царскую семью Распутина, повелевавшего, по мнению б. царицы, даже туманами на фронте, всю подоплеку знаменитой «министерской чехарды», картину интриг против б. вел. кн. Николая Николаевича, Госуд. Думы и т. д. и т. д. Оценка громадного исторического и политического значения этих писем должна составить, конечно, предмет особого исследования, но настоящая заметка имеет своей исключительной задачей оценку издания со стороны точности и достоверности текста. Удовлетворяет ли лежащее перед нами издание принятым требованиям печатания архивных документов? Примеров научных заблуждений, основанных на доверии к неточной копии, сколько угодно.

Уже с первых страниц бросается в глаза небрежность редактора I тома. Вот пример. Предисловие начинается следующими словами: «Содержащиеся в настоящем издании письма имп. Александры Федоровны к Николаю II, числом четыреста, обнимают период с *июля* 1914 года по 17 декабря 1916 года». Переворачиваете страницу и видите письмо № 1 от... 27 апреля 1914 г. Вторым идет письмо от 29 июня, третьим—от 19 сентября. *Июльских* писем за 1914 г. в книге со-

всем нет. Это понятно, потому что их и на самом деле не было. Зачем же говорить о них в предисловии?

Письмо, которым начинается первый том, помечено № 1. Думается, гораздо правильнее было бы оставить нумерацию Александры Федоровны, державшей в большом порядке свою корреспонденцию и не только нумеровавшей свои письма, но и ведшей им запись в особой книжке. Как видно из переписки, Александра Федоровна и Николай несколько раз извещают друг друга о получении письма № такой-то, указывают друг другу на ошибки в нумерации и т. п. Авторская нумерация имеет значение еще потому, что дает указание на пропажу некоторых писем. Нумерация же издания не имеет никакого смысла. Мы уже отметили выше, что письмо № 1 настоящего издания должно соответствовать письму № 232, а не 231, как указывается в предисловии.

В связи с нумерацией следует отметить, что в зарубежном издании с писем в переводе, начиная с января и до конца 1915 года, исчезли географические даты, имеющиеся, однако, почти везде в английском тексте. Вряд ли удобно заставлять читателя обращаться за справками в английский текст, тем более, что некоторых дат нет и там. Небрежность мелкая, но характерная: надо было поскорее выпустить ходкий товар на рынок, чтоб другие не опередили, а любознательный читатель пусть сам доискивается того, чего ему надо. И еще мелкое замечание. Александра Федоровна постоянно ставила крест рядом с своей подписью, а также после слова: «благословляю» и после некоторых фраз. Этот крест в настоящем издании везде опущен.

Но спешка и небрежность еще выразительнее сказались на качестве перевода, часто вызывающего в памяти чеховскую пародию: «Я ходил на улице и встречал господина своего знакомого и спросил его: куда вы устремляетесь? Видя лицо ваше такое бледное, это делает мне больно». Перевод писем, правда, в общем, грамотнее перевода чеховской француженки, но местами весьма его напоминает.

Вот несколько примеров наудачу:

«... Тоска по тебе наполняет сердце мое. *Мне* страшно недостает мой ангел» (№ 14).

«Ты мне будешь больно недоставать» (№ 2).

«У иконы чудесное лицо» (№ 22).

«Я лежала на диване и нанизывала образа» (№ 33).

«Для них мне все равно, пусть они несут свой грех» (№ 58).

«Его губернатор совсем к нему переменился (вернулся тебе)—он говорит» и т. д. (№ 104).

«После такого путешествия тебе, наверное, будет еще много разговоров с Алексеевым» (№ 104).

«Ты мне страшно недостаешь, и тем более, когда знаешь, как бесконечно одиноко ты себя должен чувствовать, и нет нежного поцелуя, чтобы согреть тебя, нет маленького голоса, чтобы тебя приободрить» (№ 178).

Такой стиль, вероятно, был бы понятен, если б мы имели дело с русскими письмами А. Ф., а не с русским переводом ее английских писем. Если правда, что «стиль—это человек», то по стилю настоящего перевода писем А. Ф. весьма затруднительно было бы судить о ней, потому что письма для скорости переводились, очевидно, разными лицами, не только не уловившими стиля оригинала, но и неудовлетворительно знавшими английский язык. А редактор не дал себе труда сгладить пестроту стиля своих сотрудников. Это ясно доказывается вышеприведенными цитатами и еще следующим примером. В письме № 38 есть следующая фраза: «Так *Пятеркин* остается». Но пусть читатель не ломает головы над этой фамилией: загадочный Пятеркин не что иное как уменьшительное имя Петра—Peterkins»,—Петюша. Точный перевод этой фразы следующий: «Так Петюша» «остается». Петюша—вел. князь Петр Николаевич. А переводчик превратил высоко поставленную особу в вульгарного «Пятеркина».

«Пятеркин», однако, далеко не единственный пример искажения имен, которое может для изучающего письма послужить источником крупных недоразумений и неправильных заключений о лицах, фигурирующих в переписке.

В письме принцессы Виктории Баттенбергской, цитируемом А. Ф., приводится мнение неизвестного «S» о возможности разрушения английскими аэропланами доков Кильского канала. В переводе «S» передано русским «С», а редакция сделала примечание, что это «вероятно, Churchill», сделав эту догадку на основании того, что фамилия Черчилля по-английски начинается с «С», и не потрудившись проверить английскую фамилию в английском тексте. В подлинном же письме мы находим не «S», а «G», начальную букву имени Georgie, принца Баттенбергского. В письме № 5 напечатано «*Кн. Орлова*» вместо «*Н. Гр. Орлова*». В письме № 49—«*Доктор Меншуткин*» вместо «*Матушкин*». Такие же искажения и в дальнейших письмах: «N. Willy» вместо «U. Willy», т.-е. Uncle Willy—убитый в 1913 г. греческий король Георг I, которого в царской семье называли «Дядя Вилли» (№ 50). 9 мая 1915 г. А. Ф. видела поезд, привезший новых раненых из (она пишет по-русски) «шестой пехотной дивизии, Муромцевские и Низовские»,—а в переводе—«из шестой пехотной дивизии, Муромцевские серьезные». В письме № 101—«Глебов» вместо «Злебов»; «Шведов» вм. «Шевич», В письме № 106—«Максимов» вместо «Максимович», «Аня спросила» вместо «Эристов спросил» (№ 112). Описывая борьбу Синода с еп. Варнавой, другом Распутина, А. Ф. перечисляет ненавистных ей епископов, членов Синода: Агафангела, Никона и... С. Филиппа (№ 116 в рус. и англ. тексте). «С. Филипп»—измышление переписчика,—должно быть: «Сергий Финляндский», известный в свое время архиепископ. В письме № 121 напечатано: «Джунковский... более не подчинен Алексееву по санитарным вопросам». Следует: не «Алексееву», а «Алеку»,—уменьшительное семейное имя принца ольденбургского Александра Петровича.

Подробное перечисление искаженных имен заняло бы много места. Отметим только в заключение, что камер-юнфера Александры Федоровны, Тюдельс (Тутельберг), по вине переводчика, превращена в своего рода «Елизавет Воробей»: везде переведено: «Тюдельс сказал», «Тюдельс заболел» и т. п.

Еще к большим недоразумениям могут повести неточности перевода. Перепечатка их заняла бы также слишком много места. Но для примера следует указать несколько неправильно переданных фраз и тирад.

Напечатано:	Следует:
«Посылаю тебе шесть маленьких предметов, чтобы кое-кому сделать подарки. Может быть, Иванову, Рузскому или кому ты захочешь. Их придумал Ломан. Эти блестящие мешки должны защищать от дождя и от грязи» (№ 4).	«Посылаю тебе 6 книжечек для раздачи Иванову, Рузскому или кому ты захочешь. Они составлены Ломаном. Эти солнечные дни должны избавить вас от дождя и грязи».
«Моя икона была ими получена тотчас же после тридцатого. Они—подполковник Сергеев—сожгли свое знамя. После того, как он был тогда ранен, нач. хоз. части, подполк. Сергеев принял полк и в течение 3 месяцев великолепно со всем справлялся» (№ 51).	«Моя икона дошла до них 30-го, тотчас же после того, как они сожгли свое знамя. Раненый нач. хоз. части, подполк. Сергеев принял в свои руки командование полком и великолепно справлялся со всем в течение 3-х месяцев».
«Эрни (брат императрицы, служивший в германской армии)... «меня нежно целует» (№ 69).	«Тебя нежно целует».
«Но что ты сделаешь для армии, чтобы не иметь Алексеева в качестве единственного ответственного?» (№ 122).	«Но что ты сделаешь, чтобы, когда ты будешь уезжать сюда или на фронт, Алексеев не оставался единственным ответственным лицом?»
«Операционная будет в комнате Эллы с тремя лампами, на которые ты обыкновенно смотрел» (№ 141).	«Операционная будет в комнате Эллы с тремя окнами, из которых ты обыкновенно глядел»...

Напечатано:	Следует:
«После твоего вчерашнего письма мы устроились послать (непонятное место), в Одессу с моим (непонятное место), а Андреева с тем, который предназначается для четвертого полка в Жмеринку или вообще туда, где они находятся» (№ 169).	«После твоего вчерашнего письма мы решили послать Попова в Одессу с моей церковью и Андреева с церковью в Жмеринку для 4-го полка».

К крупным дефектам издания надо отнести также многочисленные пропуски имен, фраз и даже довольно значительных частей писем в 15—20 строк. Пропуски встречаются чаще в переводе, но нередки и в английском тексте, который со стороны полноты не может быть признан исправным. Некоторые пропуски имен, конечно, не имеют существенного значения и не ущербляют смысла того, что сообщала Александра Федоровна, но они все же лишний раз подчеркивают небрежность издания столь важного исторического памятника. Вот примеры мелких пропусков.

Напечатано:	Следует:
«Привет Фредериксу» (№ 67).	«Привет Фредериксу и Н. П.».
«Федор стал таким худым, что я его сперва приняла за Андрюшу, и очень похудел» (№ 110).	«Федор стал таким худым, что я его сперва приняла за Андрюшу, и очень похудел. Он продолжает страдать желудком».
«На Елагине скороход наш и твоей мамаши (экс-моряк) носили меня наверх на руках» (№ 110).	«На Елагине скороход наш Вахтин» и т. д.
«Привет Мише» (№ 125).	«Привет Мише и Дмитрию».

Но другие пропуски носят более серьезный характер, значение которого увеличивается тем, что пропуску в переводе соответствует пропуск и в английском оригинале. Так, в конце письма № 139 от 10 окт. 1915 года отсутствуют следующие строки: «слишком поздно, чтоб итти в церковь. Посылаю тебе бумагу от нашего Друга [1]), которую дай, пожалуйста, прочесть Алексееву». В письме № 56 также большой пропуск, как в переводе, так и в английском оригинале: «Температура у меня опять поднимается выше 37, чувствую свое расширенное сердце. Кланяйся всем и передай «старику», который не хочет быть старым [2]), что я надеюсь, что он будет вести себя хорошо, иначе я явлюсь ему. Сидите меньше за столом, это утомительно, и воздух становится спертым, и смотри, чтоб он меньше курил и чтоб в его отсутствие лучше проветривали его купэ.—Я обещаю беречься, дорогой, так как серьезно чувствую себя слабой и нездоровой. Желаю тебе всего, чего может желать нежно любящее сердце. Привет».

Кроме того, при сравнении напечатанных в настоящем издании писем с их подлинными оригиналами, нами установлены пропуски слов и целых фраз в переводе и англ. тексте еще следующих писем: №№ 3, 18, 25, 27, 33, 39, 49, 53, 76, 77, 94, 99, 102, 107, 111, 112 (дважды), 114, 115, 122, 144, 146, 148, 166 и др.

В заключение следует остановиться на редакционных примечаниях к письмам, составленных, как объясняется в предисловии, на основании «показаний лиц, близких к царской семье, некоторых появившихся в печати книг (как-то воспоминаний б. гувернера наследника Жильяра, воспоминаний б. французского посла в Петербурге Палеолога и др.), а также тщательных газетных справок».

---

[1]) Григ. Распутина.

[2]) Фредерикс, мин. двора.

Столь авторитетное сотрудничество и усердие в газетных поисках не избавили однако, издание от ошибок и неточностей в расшифровании имен лиц, фигурирующих в письмах. Так, «Виктория», письмо которой А. Ф. цитирует в своем письме от 20 сент. 1914 г., не «английская королева», а принцесса Баттенбергская, урожд. герцогиня гессенская, сестра б. русской императрицы. «Ducky» (№ 7)—не вел. кн. Елена Владимировна, а Виктория Федоровна, принцесса саксен-кобург-готская, по первому мужу, в. герцогиня гессенская, жена вел. кн. Кирилла Владимировича. «Тетя Саша»—не вел. кн. Александра Иосифовна, умершая до войны, а статс-дама А. Н. Нарышкина, которую Николай Романов привык с юношеских лет называть «тетей Сашей». «Тетя Маруся» (№ 115)—не вел. кн. Мария Александровна, герц. эдинбургская, а Мария Максимилиановна, принцесса баденская, герцогиня лейхтенбергская, жена принца Вильгельма баденского. Кроме того, остался не расшифрованным целый ряд имен и названий, легко поддающихся раскрытию. В издании, рассчитанном на широкого читателя, это следовало бы сделать.

Вот вкратце замечания, которые во множестве возникают при изучении первого тома изданных «Словом» писем б. императрицы Александры Федоровны. Долг архивиста-историка отметить крайнюю неудовлетворительность зарубежного издания.

В таком виде письма А. Ф. представляют собой исторический источник весьма сомнительной достоверности.

Осторожный исследователь должен, между прочим, иметь в виду, что настоящая заметка дает только примеры, а не полное перечисление всех искажений и пропусков.

А. А. Сергеев.

Алфавитный указатель.

I

Примечания к статье:

«Доклады С. Д. Сазонова» *).

Абибулз—афганский эмир с 1901 года.

Альфонс XIII—испанский король. Провозглашен королем со дня рождения при регентстве своей матери. Вступил в управление государством в 1902 г.

Ассим бей—турецкий министр иностранных дел в 1912 г.

Бетман-Гольвег, фон,—германский имперский канцлер в 1912 г.

Биберштейн, барон, фон,—германский посол в Англии в 1912 г.

Бонар-Ло,—член английского парламента (консерватор).

Будберг, барон, **Федор Андреевич,**—русский посол в Мадриде с 1909 г.

Витали, граф,—один из главных французских предпринимателей по постройке Анатолийских ж. д.

Гвинер—директор Дейтше Банк.

Грей Эдвард, сэр,—английский статс-секретарь по иностранным делам с 11 декабря 1905 по ноябрь 1916 г.

Киамиль-паша—великий визирь, председатель совета министров в Турции в 1912 г.

Кидерлен-Вехтер, фон,—германский статс-секретарь по иностранным делам с 1910 г.

Коростовец, Иван Яковлевич,—российский чрезвычайный посланник в Пекине с 1908 по 1912 г.

Кру, лорд,—статс-секретарь по делам Индии в Англии с ноября 1910 г. по 1915 г.

Менсдорф, граф,—посол Австро-Венгрии в Лондоне с 1904 г.

Мухамед-Али—шах персидский, отрекся от престола в 1909 г.

Наср-У ь-Мульк—регент в Персии, избранный 25 сентября 1910 г.

Николай Николаевич, вел. князь (младший),—главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа в 1912 г.

Никольсон, Артур, сэр,—помощник статс-секретаря по иностранным делам в Англии с 1910 г.

Пуанкаре-Райчонд—французский министр-президент и министр иностранных дел с 14 января 1912 г. по 17 января 1913 г.

Пурталес,—граф, германский посол в С.-Петербурге с 1907 по 1914 г.

Ревельсток,—лорд, английский влиятельный банковый деятель, директор английского банка.

Саад-Уд-Довле—бывший министр иностранных дел Персии.

Тефвик-паша—турецкий посланник в Лондоне с 1909 по 1914 г.

Фальер—президент французской республики с 1906 по 1913 г.

Ферид-паша—председатель турецкого сената в 1912 г., глава партии младотурок.

---

*) Красный Архив, т. III, стр. 5—27.

Холден, лорд,—английский военный министр с 1910 по 1912 г.

Эренталь, граф,—министр иностранных дел и президент общего совета министров в Австро-Венгрии с 1906 по 1912 г.

II.

Примечания к статье: «*Дневник А. А. Половцева*» *).

Абаза, Александр Аггеевич, — государственный контролер, в 1880 г. назначен министром финансов, в 1881 г. вышел со своим единомышленником Лорис-Меликовым в отставку и был назначен председателем деп. гос. эк., умер в 1895 г.

Абаза, Алексей Михайлович,—контр.-адм., ген.-адъютант.

Абамелек-Лазарев, Семен Семенович,—кн., д. ст. с., шталмейстер.

Александра Федоровна—жена Николая I, дочь Фридриха-Вильгельма III, короля Пруссии.

Александра Федоровна—жена б. имп. Николая II, урожд. принцесса гессенская.

Александр Михайлович, в. кн.,—сын в. кн. Михаила Николаевича, председатель совета торгового мореплавания при министерстве финансов.

Александр I Павлович—император (1801—1825 г.г).

Алексеев, Евгений Иванович,—ген.-ад., вице.-адм., главный начальник Квантунской области.

Алексей Александрович, вел. кн.,—брат Александра III, главный начальник флота и морского ведомства.

Альвенслебен, граф,—германский посол.

Альтенбургский, принц Альберт, женат на Елене, герцогине Мекленбургской, дочери герцога Георга Мекленбургского и в. кн. Екатерины Михайловны.

Амфитеатров, Александр Валентинович,—писатель-беллетрист.

Анастасия Николаевна—четвертая дочь Николая Романова.

Арсеньев, Алексей Александрович, служил в мин. юст. и в сенате, был тульск. губ. предводит. дворянства; в 1905 г. назначен членом гос. сов.

Арсеньев, Дмитрий Сергеевич,—адм., ген.-ад., член адмиралт. совета, в 1901 г. назначен чл. гос. сов.

Балашев, Иван Петрович,—егермейстер, вице-председатель Общества поощрения художеств.

Балашев, Николай Петрович,—егермейстер, чл. сов. мин. вн. дел, чл. сельско-хоз. сов. м-ва земледелия.

Балашев, Степан Валерианович,—член «боевой организации» партии соц.-революционеров, убивший м. вн. д. С. Д. Сипягина.

Бартенева, Надежда Арсеньевна,—камер-фрейлина.

Белевский, Алексей Алексеевич,—шталмейстер.

Бердслей (Beardsley), **Обре Висент,**—художник конца XIX в.

Бобриков, Николай Иванович,—финляндский генерал-губернатор, убит в Финляндии в 1904 г.

Бобринская, Надежда Александровна,—гр., жена Алексея Александровича Бобринского, урожденная Половцева.

Бобринский, Александр Алексеевич,—обер-гофмейстер, чл. гос. сов., б. петербург. губ., генеалог.

Бобринская, Софья Андреевна, гр., урожд. Шувалова, — жена Александра Алексеевича Бобринского.

Бобринский, Алексей Александрович,—гр., гофмейстер, председ. имп. Археологической комиссии, женат на дочери Половцева, Надежде Александровне.

Богарнэ, Зинаида Дмитриевна,—графиня, урожд. Скобелева, жена Евгения Максимилиановича, кн. Романовского, герцога Лейхтенбергского.

*) Красный Архив, т. III, стр. 75 172.

Боголепов, Николай Павлович,—мин. нар. просв. убит в 1901 г. Карповичем.

Боткин, Михаил Петрович,—художник, академик художественной живописи.

Боткин, Сергей Сергеевич,—терапевт.

Бычков, Афанасий Федорович,—историк, директор публичн. библиотеки, ум. в 1899 г.

Валь, фон, **Виктор Вильгельмович**,—виленский губернатор.

Ванновский, Глеб Михайлович,—ген. штаба полковник.

Васильчиков, Сергей Илларионович,—кн., ген.-лейт., ген.-ад.

Вердер,—ген.-от инф., ген.-ад., военный уполномоченный Германии в Петербурге с 1869 по 1886 г.г. и германский посол в 1894 г.

Винстер, Давид Францискович,—ген.-лейт., состоящий при в. ки. Михаиле Николаевиче.

Витте, Сергей Юльевич, гр., ст.-секр., в 1892 г. был назначен мин. пут. сообщ., в том же году мин. фин. и член. гос. сов., в 1903 г. председатель комитета мин.

Виктория,—королева английская, умерла 22/I 1901 г.

Владимир Александрович, в. кн.,—брат Александра III, главнокоманд. войсками петерб. воен. округа, получил отставку в 1905 г.

Волконский, Сергей Михайлович,—кн., гофмейст., директор имп. театров в 1900—1901 г.г.

Воронцова-Дашкова, Елизавета Андреевна,—гр., кавалерственная дама, ст.-дама.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович,—ген.-ад., чл. гос. сов., в 1905 г. был назначен наместником на Кавказе.

Всеволожский, Иван Александрович,—директор имп. Эрмитажа, б. директор имп. театров.

Вышнеградский, Иван Александрович,—б. мин. финансов., ум. в 1895 г.

Вяземский, Леонид Дмитриевич, кн.,—ген. от-кав., чл. гос. сов.

Вяземский, Павел Петрович, кн.,—сын поэта П. А. В., сенатор, начальн. главн. упр. по делам печати, в 1877 г. основал О-во любителей древней письменности, умер. в 1888 г.

Гагарин, Матвей Петрович, кн.,—сибирский губернатор, казнен в 1721 г. за злоупотребления.

Галкин-Врасский, Михаил Николаевич,—чл. гос. сов., состоял начальником гл. тюремн. упр.

Гейден, Александр Федорович, гр.,—флиг.-ад., начальник канц. имп. главн. квартиры.

Гендрикова, София Петровна, гр., урожд. кн. Гагарина,—жена Вас. Ал. Гагарина.

Гендриков, Василий Александрович, гр.,—обер-церемониймейстер.

Георг—принц греческий, сын короля Георга I.

Георгий Михайлович, в. кн.,—директор музея Александра III.

Герард, Николай Николаевич, — сенатор, председ. департ. гражд. и духовн. дел гос. сов.

Герцен, Александр Иванович,—русск. писатель-публицист, ум. в 1870 г.

Грейг, Самуил Алексеевич,—с 1874 г. гос. контрол., в 1878 — 1880 г.г. был мин. финансов, чл. гос. сов, ум. в 1887 г.

Гессе, Петр Павлович,—ген.-лейт., дворцов. комендант.

Глебов, Александр Иванович,—генерал-крите-комиссар, устраненный от этой должности и преданный суду за злоупотребления и расхищение казны, ум. в 1790 г.

Гончаров, Сергей Сергеевич,—д. т. с., сенатор, чл. гос. сов.

Горемыкин, Иван Логгинович,—д. т. с., сенатор, б. мин. вн. дел, 1895—1899 г. г. чл. гос. сов., в апреле 1906 г. был назначен председат. сов. мин.

Грот, Константин Карлович,—д. т. с., ст.-сек., чл. гос. сов., умер в 1897 г.

Гойнинген-Гюне, Александр Федорович, — д. ст. с., государственный секретарь

Голицын, Сергей Михайлович, кн.,—шталмейстер.

Грот, Яков Карлович,—академик, филолог, ум. в 1893 г.

Гурко, Иосиф Владимирович, — ген.-фельдмаршал, чл. гос. сов., в 1883—1884 г. был варшавск. ген.-губ., ум. в 1901 г.

Дашков, Дмитрий Яковлевич, полковник, состоял при наследн., в. кн. Михаиле Александровиче.

Делянов, Иван Давыдович, гр.,—мин. народ. просвещ., ум. в 1897 г.

Дмитрий Александрович, в. кн.,—сын в. кн. Александра Михайловича, род. в 1901 г.

Дмитрий Константинович, в. кн.,—сын Константина Константиновича, управляющий государственным коннозаводством.

Долгорукая, Ольга Петровна, кн.,—урожд. гр. Шувалова, кавалерственная дама.

Долгорукий, Александр Сергеевич,—обер-гофмаршал.

Драгомиров, Михаил Иванович,—ген.-ад., ген.-губернатор киевский, подольский и волынский и командующий киевск. воен. округом.

Дубровин, Николай Федорович,—ген.-лейт., ординар. академик по истор., филологии.

Дурново, Иван Николаевич,—ст.-секр., д. т. с., чл. гос. сов., председатель комитета мин., в 1889—1895 г.г. мин. вн. дел., ум. в 1903 г.

Евреинов, Александр Александрович,—ген.-лейт., нач. 1-й гвардейской дивизии.

Екатерина Михайловна, в. кн.,—дочь в. кн. Михаила Павловича и в. кн. Елены Павловны, жена герцога Мекленбург-Стрелицк., ум. в 1894 г.

Екатерина Павловна, — дочь имп. Павла; вышла замуж за принца Георга Ольденбургского, затем вторично за Вильгельма, короля Вюртембергского, прабабушка принца Петра Ольденбургского.

Елена Павловна, в. кн.,—жена в. кн. Михаила Павловича., ум. в 1873 г.

Ермолов, Алексей Сергеевич,—д. т. с., ст.-секр., чл. гос. сов., мин. земледелия и госуд. имущ. до 1905 г.

Жорес, Жан,—французский социалист.

Зверев, Николай Андреевич, — сенатор, т. с., начальник главного управления по делам печати.

Зволянский, Сергей Эрастович,—д. с. с., директор департамента полиции.

Зенгер, Григорий Эдуардович,—в 1902 г. назначен министром.

Зиновьев, Александр Дмитриевич,—петерб. губернск. предвод. дворянства.

Зиновьев, Иван Алексеевич,—посол в Константинополе.

Зубатов, Сергей Васильевич, — начальник московского охранного отделения.

Иванов, Николай Александрович, —туркестанск. ген.-губернатор.

Игнатьев, Николай Павлович, гр.,—дипломат, мин. внутр. дел.

Игнатьев 2-й, Алексей Павлович, гр.,—ген.-лейт., чл. департамента законов гос. сов.

Икскуль-фон-Гильденбранд, Александр Александрович,—барон, сенатор, чл. департ. законов гос. сов.

Икскуль-фон-Гильденбранд, Юлий Александрович, барон,—ст.-секр., сенатор, в 1904 г. назначен государств. секретарем.

Имеретинский, Александр Константинович, светлейший кн., в 1896 г. назначен варшавским ген.-губ. и команд. войсками варш. округа.

Калачов, Виктор Васильевич,—сенатор, в 1902 г. назнач. чл. гос. совета.

Капнист, Петр Алексеевич, граф,—сенатор, посол в Вене.

Капнист, Надежда Алексеевна, гр.,—кавалерственная дама.

Катков, Михаил Никифорович,—публицист, редактор «Московских Ведомостей» и др. изданий реакц. направления.

Клейгельс, Николай Васильевич,—ген.-лейт., петербургский градоначальник.

Ковалевский, Владимир Иванович,—т. с., т. мин. финансов.

Ковалевский, Максим Максимович,—профессор истор. и социологии.

Константин Константинович, вел. кн.,—сын Константина Николаевича, президент академии наук, главный начальник управления военно-учебных заведений, поэт и переводчик.

Константин Николаевич, в. кн.,—брат Александра II, адм., был управл. морск. министерством, председ. гос. сов., наместник Царства Польского.

Корф, Модест Андреевич, бар., впосл. граф.,—деятель эпохи Николая I, правовед, кодификатор, автор нескольких работ, директор публичн. библиотеки, умер в 1876 г.

Котов, Григорий Иванович,—чл. особого отделения ученого комитета мин. нар. просв. по техническому и профессиональному образованию.

Кочубей, Виктор Павлович, — один из друзей Александра I, был мин. внутр. дел, при Ник. I предс. комит. министр., умер в 1834 г.

Кремер, Оскар Карлович,—адмирал, председатель Общ. Красного Креста.

Кривский, Павел Александрович,—саратовский губ. предв. дворянства.

Ксения Александровна, вел. кн.,—сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Куломзин, Анатолий Николаевич,—ст.-секр., чл. гос. сов.

Куракин, Анатолий Александрович, князь,—чл. совета мин. земледелия и госуд. имуществ.

Куракин Иван Анатольевич, кн.,—сын А. А. Куракина, женат на Софии Толстой.

Куракина, Елизавета Тихоновна, кн., урожд. княжна Волконская,—жена Анатолия Алекс, Куракина.

Куропаткин, Алексей Николаевич,—воен. министр, главнокомандующ. Манчжурской армией во время русско-японск. войны.

Кшесинская, Марианна Феликсовна,—балерина Мариинского театра.

Ламздорф, Владимир Николаевич, граф,—мин. иностр. дел.

Лейхтенбергский, герцог, кн. **Романовский, Георгий Максимилианович,** — сын герцога Максимилиана Лейхтенбергского и вел. кн. Марии Николаевны.

Ленц, Роберт Эмилиевич,—физик, профессор, член сов. мин. финансов.

Ливен, Александр Александрович,—св. кн., гофмейстер, управляющий государствен. дворянск. земельным банком.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, князь, был послом в Константинополе, Лондоне, Вене, с 1895 г.—мин. иностр. дел.

Лобко, Лев Львович, — ген.-от-инф., государствен. контролер, чл. гос. сов. Умер в 1905 г.

Лопухин, Алексей Александрович,—прокурор с.-петербургского окружного суда.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, гр., — министр внутр. дел при Александре II, ум. в 1888 г.

Лубэ (Loubet), **Эмиль,**—президент французской республики в 1899—1906 г.г.

Манухин, Сергей Сергеевич,—сенатор, до 1905 г. был тов. министра юстиции.

Мария Павловна—жена в. кн. Владимира Александровича, урожденная герцогиня Мекленбургская.

Мария Федоровна—жена Александра III.

Мейендорф, Феофил Егорович, бар.,—ген.-от-кав., ген.-адъютант.

Мещерский, Владимир Петрович, — публицист, редактор-издатель газеты «Гражданин», сотрудн. «Московск. Ведомостей», «Русск. Инвалида» и др. изданий реакционного направления.

Милица Николаевна,—дочь черногорского короля Николая I, жена в. к. Петра Николаевича.

Мильеран—французский социалист 90-х годов, вошедший в кабинет министр. в качестве министра торговли в 1899 г., что повлекло его исключение из партии.

Михаил Александрович, в. кн.,—брат Николая Романова.

Михаил Николаевич, в. кн.,—брат Александра II, председ. гос. сов.

Монтебелло-де (Montebello-de), маркиз,—французский посол в России в 1891—1902 г.г.

Марков, Павел Алексеевич,—сенатор, председатель общего собрания кассационных дел.

Мосолов, Александр Александрович,—свитский генерал.

Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, гр., — ген-губерн. восточн. Сибири, добившийся возвращения Китаем России реки Амура; ум. в 1881 г.

Муравьев, Михаил Николаевич, граф,—мин. иностр. дел в 1897—1900 г.г.

Муравьев, Николай Валерианович, — ст.-секр., министр юстиции с 1894 по 14 января 1905 г.

Мусин - Пушкин, Александр Иванович, гр.,—ген.-ад., командующ. войсками одесского воен. округа.

Мясоедов-Иванов, Виктор Андреевич,—товарищ мин. путей сообщения.

Нарышкина, Александра Николаевна, — урожд. Чичерина, жена Эм. Дм. Нарышкина.

Нарышкина, Мария Антоновна, — урожденная княжна Четвертинская, ум. в 1854 г.

Нарышкин, Эммануил Дмитриевич,—обер-шталмейстер.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, — урожд. кн. Куракина, жена Анатол. Дмит. Нарышкина.

Нечаев-Мальцев, Юрий Степанович,—гофмейстер высочайш. двора.

Николай Константинович, в. кн.,—сын в. кн. Константина Николаевича.

Николай Михайлович, в. кн.,—сын в. кн. Мих. Николаевича., председ. русского географ. О-ва.

Николай Николаевич, вел. кн.,—сын вел. кн. Ник. Ник., генерал - инспектор кавалерии.

Николай Павлович—имп. Николай I.

Николай I Петрович Негош—вел. кн. Черногории.

Нольде, Эммануил Юльевич, барон,—ст.-секр., т. с. до 1902 г. заведующ. собственной его величества канцелярией.

Оболенская, Анна Александровна, кн.,—урожд. Половцева, жена кн. Александра Дмитриевича Оболенского.

Оболенская, Дарья Петровна, кн.,—урожд. кн. Трубецкая, жена кн. Александра Дмитриевича Оболенского.

Оболенский, Алексей Дмитриевич, кн., — сенатор, в 1897 — 1901 г.г. т. мин. внутр. дел, в 1902 г. был назначен т. мин. финанс., в 1905 г. чл. гос. сов. и обер-прокурором святейш. синода.

Оленина, Александра Александровна, — фрейлина при имп. Александре Федоровне.

Ольга Александровна—сестра Николая Романова.

Ольга Константиновна—дочь в. кн. Константина Николаевича, жена Георга I, греческого короля.

Ольденбургская принцесса **Евгения Максимилиановна**—урожденная княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская.

Ольденбургский, принц, **Александр Петрович,** — ген. - от - инф., ген.-ад., чл. гос. совета.

Ольденбургский, принц, **Петр Александрович,** — сын Александра Петровича, принца Ольденбургского.

Орлов-Давыдов, Анатолий Владимирович, граф,—шталмейстер.

Остен-Сакен, фон-дер, **Николай Дмитриевич,** граф,—посол в Берлине.

Орлов, Владимир Николаевич, кн.,—начальник военно-походной канцелярии его величества.

Островский, Михаил Николаевич, — ст. - секр. министр государствен. имуществ в 1901 г.

Отто, Дмитрий Оскарович,—д. ст. с., лейб-акушер.

Павел Александрович, в. кн., — брат Александра III, ген.-лейт., ген.-ад., командир гвардейского корпуса.

Павлов, Алексей Степанович, — профессор московского университета по кафедре церковного права.

Павлов, Евгений Васильевич,—т. с., придворный лейб-хирург.

Пален, Елена Карловна, гр.,—статс-дама, жена Константина Ивановича Палена.

Пален, Константин Иванович. гр.,—б. министр юстиции.

Перовский, Василий Алексеевич, граф., — ген.-ад., ген.-от-кав., ум. в 1857 г.

Перовский, Лев Алексеевич, граф,—мин. внутр. дел, затем мин. удел., ум. в 1856 г.

Пестель, Павел Иванович, — декабрист, чл. «Союза Благоденствия», автор трактата «Русская Правда», глава южного о-ва декабристов. Казнен в 1826 г.

Петр Николаевич, в. кн.,—сын Николая Николаевича, полковник гвардии.

Петров, Григорий Спиридонович,—священник, публицист.

Петров, Николай Иванович, — ген.-от-инф., начальник гл. упр. почт. и тел., чл. гос. сов.

Петров, Николай Павлович, — инженер, ген., проф. Николаевского инж. академии., был т. мин. путей сообщ.

Пирлинг, Павел,—иезуит, историк.

Пистолькорс, фон, Эрик-Гергард Августович,— полковник л.-гв. уланского полка.

Пистолькорс, Ольга Валериановна, — жена полковника фон-Пистолькорса, вторично вышла замуж за вел. кн. Павла Александровича.

Плеве, фон, Вячеслав Константинович, — сенатор, мин. внутрен. дел, Убит в 1904 г. Сазоновым.

Платонов, Сергей Федорович,—профессор.

Платонов, Степан Федорович,—сенатор, в 1902 г. назначен чл. гос. сов.

Плеске, Эдуард Дмитриевич,—упр. гос. банком, в 1903 г. назначен мин. фин.

Победоносцев, Константин Петрович, — сенатор, обер-прокурор свят. синода, 19/X 1905 г. получил отставку.

Протасов-Бахметьев, Николай Александрович, — гр., ген.-от-кав., поч. оп., главноупр. канцеляр. по учрежден. имп. Марии.

Пыпин, Александр Николаевич,—историк русской литературы, академик.

Рибопьер, Александр Иванович, граф,—обер-камергер, чл. гос. сов., был послом в Константиноле, посланником в Берлине. Ум. в 1865 г.

Рихтер, Оттон Борисович,—ген.-от-инф., ген.-адъют.

Родзянко, Михаил Владимирович,—камергер, предс. губ. зем. упр. 1900—1906 г.г., в 1906 г. был избран чл. гос. сов.

Сабуров, Андрей Александрович,—ст. секр., сенатор, б. мин. нар. просв. (1880 1881 г.г.).

Сабуров, Андрей Иванович,—гофмаршал, директор импер. театров в 1859—62 г.г.

Салтыкова, Анна Сергеевна, свет. княг.,—жена Николая Ивановича Салтыкова.

Салтыков, Николай Иванович,—обер-шенк. Ум. в 1901 г.

Салтыков, Петр Семенович,—граф, ген.-фельдм. (1698—1772 г.г.).

Сахаров, Виктор Викторович,—ген.-лейт., нач. гл. штаба, председ. военно-уч. комитета, в 1904 г. назначен воен. министром.

Саблер, Владимир Карлович,—сенатор, обер-прокурор свят. синода.

Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич, кн., — ген.-лейт., тов. мин. вн. дел., командир отдельн. корпуса жандармов.

Семенов-Тянь-Шаньский, Петр Петрович,—сенатор, чл. гос. сов., географ, статистик, автор многих трудов, чл. рус. геогр. О-ва.

Сергеевич, Василий Иванович,—историк права.

Сергей Александрович, в. кн., — брат Александра III, ген.-губерн. Москвы, командующ. войсками моск. воен. окр.

Сергиев, Иоанн Ильич,—Иоанн Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора в Кронштадте.

Симановский, Николай Петрович,—лейб-отиатр.

Сипягин, Дмитрий Сергеевич,—шеф жандармов, мин. вн. дел. убит Бальмашевым.

Сольский, Дмитрий Мартынович, граф,—предс. департамента государств. экономии гос. совета (ум. в 1910 г.).

Сперанский, Михаил Михайлович, гр., — государственный деятель времен Александра I и Николая I; ум. в 1839 г.

Сталь, Егор Егорович,—д. т. с., быв. посол в Лондоне.

Стана, Анастасия Николаевна, — дочь черногор. кн. Николая I, жена герцога Георга Лейхтенбергского, с которым развелась в конце 1906 г., в 1907 г. вышла замуж за в. кн. Николая Николаевича.

Стевен, Александр Христианович, — гофмейстер, т. мин. земледелия и гос. имуществ.

Стишинский, Александр Семенович, — б. т. мин. внутр. дел., главноуправл. землеустройством и земледел.

Строганова, Анна Дмитриевна, графиня, — статс-дама, гофмейстерина имп. Марии Федоровны.

Строганов, Павел Сергеевич, граф,—обер-шенк.

Строганов, Сергей Григорьевич, граф, — чл. гос. сов., в 1835—1847 г.г. был попечит. моск. учебн. округ., состоял предс. О-ва истории и древностей российских, создал в Москве училище рисования, известное под именем Строгановского, ум. в 1882 г.

Таганцев, Николай Степанович, — сенатор, профессор училища Правоведения, в 1905 г. назначен чл. гос. совета.

Танеев, Сергей Александрович, — чл. гос. сов., управл. собств. е. и. в. канцелярией, ум. в 1889 г.

Татищев, Александр Александрович,—сенатор, чл. гос. сов., ум. в 1895 г.

Татищев, Александр Иванович,—гр., военный министр, ум. в 1883 г.

Теляковский, Владимир Аркадьевич,—директор имп. театров.

Тернер, Федор Густавович, — сенатор, чл. гос. сов., экономист, оставивший несколько работ по земельн. вопросу, ум. в 1906 г.

Тимирязев, Василий Иванович, — с 1902 г. был т. мин. фин. и заведывал отд. торговли и промышленности, в 1905 г. был назначен мин. вновь учрежденного м-ва торговли и промышленности.

Толстая, Софья Дмитриевна, княж.,—вышла замуж за Ивана Ан. Куракина.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф,—мин. нар. просв., ум. в 1889 г.

Толстой, Михаил Павлович, гр.,—ген.-м.

Трепов, Владимир Федорович, в 1899 — 1902 г.г. был вице-директором деп. общ. дел мин. внутр. дел, в 1902—1905 г.г. таврический губернатор.

Трепов, Дмитрий Федорович,—ген.-м., московский обер-полицеймейстер.

Трубецкой, Петр Николаевич, князь,—моск. губ. предвод. дворянства.

Трубецкой, Юрий Иванович,—ротмистр, фл.-адъютант.

Урусов, Сергей Николаевич, кн.,—чл. гос. сов., ум. в 1883 г.

Филиппов, Александр Никитич,—историк русского права.

Фредерикс, Владимир Борисович, барон,—мин. имп. двора и уделов.

Фридрих-Вильгельм,—германский наследный принц.

Фриш, Эдуард Васильевич,—ст.-секр., сенатор., предс. департ. гражданских и духовн. дел.

Фукс, Эдуард Яковлевич,—сенатор, чл. гос. сов.

Хвостов, Александр Алексеевич,—директор 1-го департ. мин. юстиции.

Череванский, Владимир Павлович,—чл. гос. сов.

Черевин, Петр Александрович,—ген.-лейт., тов. мин. внут. дел.; ум. в 1883 г.

Чернышев, Александр Иванович, светл. кн.,—председ. гос. сов., ум. в 1857 г.

Чертков, Михаил Иванович, в 1901 г. назнач. варшавским ген.-губ. и командующим войск. варшавск. округа.

Чечулин, Николай Дмитриевич, —историк.

Чихачев, Николай Матвеевич,—адмирал, б. упр. морским мин., председ. департ. промышлен., наук и торговли, чл. гос. сов.

Шамшин, Иван Иванович,—д. т. с., сенат., чл. гос. сов.

Шванебах, Петр Христианович, с 1903 г. был т. мин. землед. и госуд. имущ., в 1905 г. назнач. главноупр. земледел. и землеустройством.

Шереметев, Александр Дмитриевич, граф,—с 1902 г. флигель-адъютант.

Шереметев, Владимир Алексеевич,—командир конвоя е. в., умер. 17 февр. 1893 г.

Шереметев, Сергей Дмитриевич, гр.,—обер-егермейст., чл. гос. сов., председ. О-ва любителей древней письменности.

Шидловский, Николай Владимирович, — сенатор, чл. департ. госуд. экономии гос. сов.

Шидловский, Михаил Владимирович,—ст.-секр. гос. сов. чл. департ. промышленности и торговли.

Шильдер, Николай Карлович,—ген.-лейт.; директор публичн. библиотеки, историк. Умер в 1902 г.

Шипов, Иван Павлович,—директор общей канцелярии мин. финансов.

Штендман, Георгий Федорович,—чл. Археографич. комиссии.

Штиглиц, Александр Людвигович, бар., основал художественное училище в Петербурге.

Шувалова, Елена Ивановна, гр.,—вдова гр. Петра Андреевича Шувалова.

Шувалов, Петр Андреевич, гр.,—был шефом жандарм. и главн. нач. III отд. Кончил свою карьеру послом в Великобритании. Ум. в 1889 г.

Шумигорский, Евгений Севастьянович, кн.,—председатель Московского Общества сельского хозяйства.

Щербатов, Александр Григорьевич,—историк.

Яновский, Кирилл Петрович,—попечитель кавказ. учеб. округа, назначен в 1901 г. чл. гос. сов.

III.

Примечания к статье:

«Бакунин по отчетам III Отделения»[1]).

1) **Кельсиев, Вас. Ив.,** быв. воспитанник коммерч. училища, удалясь в 1858 г. за границу, вошел в сношения с русск. изгнанниками; служил агентом между ними и соумышленниками их в России, а кроме того занимался изданием в Лондоне сочинений в пользу раскола, и в 1862 г. двукратно приезжал в Москву и Петербург, по паспорту турецк. подданного Ив. Яни для переговоров с разными лицами о произведении возмущения в среде раскольников (отчет соб. е. в. канцелярии 1862 г., стр. 22—23)[2]).

2) **Ветошников, Пав. Александр.,** служил в торг. доме Фрум Грегори и К-о в Петерб., по делам дома был за границей и, гл. обр., в Лондоне на всемирной выставке, познакомился с В. И. Кельсиевым и чрез него с «лондонск. изгнанниками».

3) **Лугинин, Влад. Федор.,** — отст. пор. артил., в отчете соб. е. в. канц. отмечается, как выходец из России, исполнявший поручения Бакунина (также в полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, Госиздат., Петр. 1920 г., т. XV, стр. 347, 487—488 и № 1931).

4) **Бакст, Вл. Игнат.,**—русск. врач, как отмечает нрав.-политич. обозрение 1863 г., «отправившийся несколько лет тому назад в Гейдельберг для продолжения наук в тамошнем университете» (стр. 156; см. цитир. XV т. полн. собр. соч. Герцена. № 1931).

5) **Тургенев, Ив. Серг.**

6) **Цверцякевич,**—издатель в Варшаве подметного листка «Straznica» (нрав. полит. обозр. 1862 г., стр. 30).

7) **Анборский,**—«студент из Варшавы, якобинец и яростный враг России» (нрав.-политич. обозр. 1862 г., стр. 30. Полн. соб. соч. Герц. Петр. 1920, т. XV, стр. 560).

8) **Сохновский,** служил офицером в русск. армии (нрав.-полит. обозр. 1862 г., стр. 30).

9) **Мирославский, Людвиг,**—организатор польских революцион. планов в 1862 г. в европейском масштабе (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и пис., Госиздат, Пет. 1920, т. XV, № 1974).

10) **Набалдин** он же **Налбандян, Мих. Лазар.,**—армян., кандид. Спб. университета, «золотой человек», по словам Бакунина. Обвинялся в содействии к распространению в России запрещен. лондонских изданий и в насаждении между армянами противоправ. движения.

---

[1]) В тексте примечаний, составленных автором названной статьи почти исключительно по архивно-документальному материалу «отчетов» III-го отделения, сохранено специфическое изложение «отчетов». Иные же примечания являются прямыми текстуальными выдержками из тех же «отчетов».

[2]) См. «Красный Архив», т. III, стр. 200—206.

11) **Лялин, Пимен Петров,**—быв. член харьк. губ. комитета по крестьянск. делу, переписывался с Бакуниным и, получая от него книги, передавал их другим.

12) **Маркиз де Траверсе,** конч. в 1850 г. Александровск. лицей, великосветский почитатель М. А., изменивший Бакунину на суде.

13) **Серно-Соловьевич, Ник. Александр,.**—из дворян, конч. Александровск. лицей в 1853 г., поклонник гуманитарн. образования, занимался торгов. предприятиями и особ. книжным делом, более всего работал в области политич. переустройства России (полн. собр. соч. Герцена, Петр. Госизд.,, 1920, т. XV).

14) **Петровский, Никол.**—отст. шт.-кап., в приезд Кельсиева в Москву согласился распространять его издания и сближаться с раскольниками (отчет 1862 г., стр. 24).

15) **Браницкий, Ксаверий,** граф,—хороший знакомый лонд. изгнанников, член польской эмигрантской аристократической партии, в 1863 г. входил в состав парижского общего комитета содействия революции.

16) **Чарторисский, Конст.,** князь, участвовал, на ряду с польским восстанием 1863 г., одновременно в вызове восстания в Галиции (нрав.-политич. обозр. 1863 г., с. 80—81).

17) **Калинка,** в январе 1863 г. в преобразованном главн. парижском комитете был назначен министром контроля (нрав.-пол. обозр. 1863 г., стр. 59).

18) **Сольман,**—выдающийся член центр. комитета по польскому делу в Стокгольме, редактор либерального журнала «Aftonbladet» (нрав.-пол. обозр. 1863 г., стр. 34).

19) **Бюлоз,** первый поставил «Revue des deux Mondes» на высоту одного из самых крупных европ. изданий.

20) **Мечников, Лев Ильич** (1838—1888 г.г.),—даровитый географ и публицист-социолог; между прочим, в 1860 г. зачислился волонтером в знаменитую «тысячу» Гарибальди и был ранен в сражении.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственный редактор **Вяч. Полонский.**

ПЕЧАТАЕТСЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

под общей редакцией **В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче.**

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

В. В. Адоратский, М. П. Алексеев, В. П. Алексеев, С. А. Аннинский, С. К. Богоявленский, И. А. Блинов, Ю. М. Бочаров, Н. Л. Бродский, Н. Ф. Бельчиков, В. П. Викторов, М. С. Вишневский, И. И. Гливенко, Л. Г. Дейч, В. И. Дзюбинский, Д. Н. Егоров, Р. М. Кантор, Б. П. Козьмин, Н. Ф. Лавров, Ш. М. Левин, В. В. Максаков, А. М. Миловидов, В. Н. Нечаев, В. И. Невский, А. С. Николаев, Ю. Г. Оксман, А. С. Орлов, В. Ф. Переверзев, С. А. Переселенков, В. И. Пичета, С. А. Пионтковский, А. А. Покровский, В. П. Полонский, М. Н. Покровский, М. С. Потапов, И. В. Пузино, Б. С. Пушкин, М. И. Рафес, С. В. Рождественский, А. А. Сергеев, Н. М. Столов, В. М. Фриче, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский, А. А. Шилов, П. Е. Щеголев и др.

Содержание 4-го тома:

Поденная запись М. И. Д. с 3—20 июля 1914 г.— Дневник А. А. Половцева.—Семейная переписка Романовых.

Забастовка крепостных суконщиков.—Переписка участников процесса 193-х.— Отзвуки польского восстания 1863 г.— Толстой в Астапове.— Вокруг чествования памяти Л. Н. Толстого.— Из дневника Рачинского.— Письма Победоносцева.

Письма Достоевского к Каткову.— Тютчев.— Письма И. А. Гончарова к В. Н. Посьету.— Короленко в В.-Волоцкой тюрьме.— Достоевский в Твери.—Драматическая цензура.— Письмо Верещагина к Н. Романову и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Ваганьковский пер., д. 8. Тел. 1-75-86.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

ТРЕТЬЯ (апрель—май) КНИГА

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

под общей редакцией

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ:

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ: Н. Кашин. Смена классов в русском обществе по произведениям А. Н. Островского (к столетию со дня рождения). **НА ТОМ БЕРЕГУ. Г. Сандомирский.** Размышления у разбитого корыта. **М. Павлович.** Буржуазный пацифизм и конгресс мира в Гааге. **Валерий Брюсов.** Верхарн на Прокрустовом ложе. **Д. Благой.** Из прошлого русской литературы (Тургенев—редактор Фета). **М. Фабрикант.** Русские граверы. В. А. Фаворский. **ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Б. Арватов.** Эстетический фетишизм. **Валерий Брюсов.** Суд акмеиста. **М. Н. Покровский.** О пятом томе „Истории" Ключевского. **В. И. Невский.** Советская наука. **И. Звавич.** Книжное дело на Западе. **А. Пионтковский.** Обзор юридических журналов в 1922 году.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ: Г. Бройдо, С. Гоникмана, С. Членова, Н. Мещерякова, К. Скерского, Г. Даяна, М. Брагинского, И. Звавича, М. Зеликмана, А. Кона, А. Теснера, А. Бессера, В. Цигульского, И. Траубенберга, В. Обручева, С. Обручева, Ф. Капелюша, В. Яроцкого, В. Виленского (Сибирякова), А. Гастева, Ц. Фридлянда, В. Кнорина, С. Мицкевича, А. Шляпникова, Б. Козьмина, П. Преображенского, А. Неусыхина, Н. Лукина-Антонова, М. Рейснера, Н. Попова, Т. Анатольского, В. Юринца, В. Кряжина, А. Пионтковского, П. Стучки, В. Менжинской, Н. Бродского, Н. Чехова, А. Сергеева, М. Пистрака, Н. Здобнова, М. Слуховского, В. Адарюкова, В. Нечаевой, М. Щелкунова, А. Чернова, О. Куусинена, В. Брюсова, В. Переверзева, В. Фриче, М. Лирова, С. Боброва, Б. Арватова, И. Аксенова, Д. Горбова, В. Волькенштейна, Ю. Добранова, Н. Асеева, А. Барковой, К. Локса, А. Елизаровой, Е. Херсонской, Л. Сабанеева, И. Эйгеса, Н. Лебедева, Н. Щербакова, А. Сидорова, С. Милеева, М. Эйхенгольца, В. Ваганяна.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

35 иллюстраций в тексте.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Никитский бульвар, д. № 8 („Дом Печати").
Телефон 1-02-85.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА:
Ильинка, Богоявленский переулок, д. № 4.

Издание общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

РЕДАКЦИЯ и СКЛАД ИЗДАНИЯ. Москва, Петровка, 7. КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „МАЯК“. Телефон № 1-48-92.

„Каторга и ссылка“

Сборник № 1. Распродан.
Сборник № 2. 1921 г., 100 стр., 25 к. зол.
Сборник № 3. 1922 г., 208 стр., 50 к. зол.

СОДЕРЖАНИЕ: На Каре. *Ф. Кон.* — Нерчинская каторга. *Г. Крамаров.* — Памятные дни. *В. Пирогов.* — В Алгачах. *А. Станчинский.* — „Колесуха“. *Андрей Соболь.* — Побег с „Колесухи“. *И. Дубинский.* — Осколки первой революции в Бутырках. *Б. Горев.* — Киевское восстание 1907 г. *А. Трояновский.* — Грамота и книга на каторге. *П. Фабричный* и пр. **Лики отошедших:** Л. Годун, Н. Снегульский, О. Аникин, А. Быков (Бельский), А. Покотилов, В. Воробьев, Г. Лювшин.

„Каторга и ссылка“. Сборник № 4. 208 стр. Распродан.

СОДЕРЖАНИЕ: От Кары до Иркутска. *Ф. Кон.* — Очерки тюремного быта. *А. Станчинский.* — После первого боя. *С. Васильченко.* ССЫЛКА: Ст. ст. *Г. Крамарова, Я. Ямпона.* — **Александровский централ:** Военное дело на каторге. *А. Краковецкий.* — Вооруженный побег. *А. Фабричный.* — **Бутырки:** Накануне. *Д. Надельштейн.* — На волю. — **Лики отошедших:** В. Серов, Викт. Кранихфельд, П. Марков, С. Файнберг и др.

Совместно с Исторической Секцией „ДОМА ПЕЧАТИ“ издано:

„Историко-революционный бюллетень“

№ 1. Распродан.
№ 2—3. Март 1922 г., 100 стр., 25 к. зол.

СОДЕРЖАНИЕ: П. А. Кропоткин, как историк. *И. Бороздин.* — В. Г. Короленко. *В. Н. Фигнер.* — Первый Совет рабочих депутатов. *М. Подвойский.* — К характеристике Плеханова. *М. Чернавский.* — Рабочая группа О. Промышленного Комитета. *М. Новорусский.* — Материалы по истории революционного движения 60-х годов. *Б. Козьмин.* — **Материалы к словарю русских революционеров:** *В. Цетлин.* Батурский, А. Гинзбург, Кольцов, А. Трауберг. — **Хроника.** — **Библиография** и пр.

„Историко-революционный вестник“ № 1 (4). 112 стр. 35 к. зол.

СОДЕРЖАНИЕ: Основоположник русской революции. (Г. В. Плеханов). *Н. Иорданский.* — Из прошлого. *А. Якимова-Кобозева.* — Очерки революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае. *В. Бочкарев.* — Из галлереи провокаторов. *В. Левицкий.* — Из деятельности военной организации в Ченстохове. *В. Бобров.* — **Материалы к словарю русских революционеров:** О словаре русских революционных деятелей. *А. Шилов.* — Памяти И. Ф. Дубровинской, С. Неизвестного, И. Шифа, Л. Романова. — **Хроника.** — **Библиография.**

ВЫШЕЛ ПО НОВОЙ ПРОГРАММЕ ЖУРНАЛ

„Каторга и ссылка“.

Историко-революционный вестник. № 5. 1923 г., 260 стр.

СОДЕРЖАНИЕ: Роль политической каторги и ссылки в русской революции. *В. Виленский-Сибиряков.* — **ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ:** К истории „Южно-Российского Союза рабочих. (Одесса 1875 г.). Ст. ст. *М. Сквери. П. Владыченко.* — К характеристике Желябова, Заславского, Железняка. *А. Шехтер.* — Прокламация Южно-Русского Союза по поводу 1-го марта. *Р. Кантор.* — Из воспоминаний о 1 марта. *Е. Сидоренко.* — Очерки революционного движения в Ярославском крае. (Оконч.). *В. Бочкарев.* — Документы о Невинном Человеке. *Н. Осипович.* — **КАТОРГА, ТЮРЬМА и ССЫЛКА: Из воспоминаний о моей первой Сибирской ссылке.** *Л. Троцкий.* — Из быта ссылки. (Из архива *В. Н. Фигнер*). — В тюрьме и на каторге. *Я. Грунт.* — „На каторге“, драма. *Е. Коткина.* — „Крики“. (Из тюремной лирики). *А. Путилка.* — Справочка из истории Карийской тюрьмы. *Ивановская (Волошенко).* — Побег из Иркутской тюрьмы в 1880 году. *Р. Кантор.* — Ссылка в административном порядке в 80-е годы. *В. Колпенский.* — Истязания в Орловском централе. *Ф. Данцыгер.* — **ЛИКИ ОТОШЕДШИХ** (материалы к биографическому словарю): Д. Буцинский, А. Аньяьев, Я. Белый, Д. Мейнн. „Белорусская Цетка“ К. Пашкевич, Бурбнс. — **Библиография.** — **Хроника.**

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ под редакцией А. А. ШИЛОВА.

Биографический словарь русских революционных деятелей

(от декабристов и их предшественников до революции 1917 года).

Книжный склад и магазин „МАЯК“

ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Москва, Петровка, 7. Телефон № 1-48-92.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР КНИГ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ.

УЧЕБНИКИ. — ВСЕ НОВИНКИ.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕК.

РЕГУЛЯРНОЕ СНАБЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КНИЖНЫХ СКЛАДОВ, МАГАЗИНОВ, БИБЛИОТЕК и ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕМИ ВЫХОДЯЩИМИ НОВИНКАМИ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

(Москва, Арбат, Денежный пер., 11).

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВЫЕ ИЗДАНИЯ:

1. **Брухмюллер**. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. 143 стр. Перев. А. Таубе, под редакц. А. Бурова.
2. **Войнилович-Няньковский.** Учебник английского языка, со словарями. 385 стр.
3. **Зайончковский, А. М.** Стратегический очерк мировой войны 1914—1918 г.г. Часть II. 100 стр.
4. **Лукин-Антонов.** Из истории революционных армий. 365 стр.
5. **Людендорф.** Мои воспоминания о войне. Т. I. Перев. под ред. А. Свечина. 320 стр.
6. **Масленников.** Задачник для красноармейских школ. 65 стр.
7. **Мозер.** Краткий стратегический обзор войны 1914—1918 г.г. 180 стр.
8. **Невский, В.** Нормальный каталог полковой красноармейской библиотеки. 100 стр.
9. **Незнамов, А. А.** Современная война. Часть I. 255 стр.
10. **Положение** о перевозке войск по железным дорогам и водою, утвержденное РВСР и НКПС 15 марта 1923 г. 320 стр.
11. **Свечин, А. А.** История военного искусства. Часть III. Новейшее время (1814—1914 г.г.). 380 стр.
12. **Устинов и Бесядовский**. Современная Румыния. Части I и II. 145 стр. и 2 карты.
13. **Французский** пехотный устав. Часть I. Перевод под редакцией Н. П. Сапожникова. 160 стр.
14. **Шлиффен.** Канны. 240 стр.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **Бобинский, А.** Руководство по полевому телефонному делу. — Станционные телефонные устройства. *Одобрено В.-Техническим Советом Связи, как руководство для изучения полевого телефонного дела в войсках и военно-учебных заведениях.* 250 стр. 220 чертежей.
2. **Германский устав.** Вождение в бой соединенных родов войск. Перев. с немецкого, под редакцией А. Е. Снесарева.
3. **Кюльман.** Курс общей тактики по опыту великой войны. Т. I. Перев. со 2-го французск. издания, под редакцией А. Е. Снесарева. 300 стр., с чертежами.
4. **Троцкий, Л.** Военные статьи. Т. I. 1918 г.
5. **Унтилов, В. А.** Руководство по всем видам личного денежного довольствия РККА и Флота. Вып. III (на основании действующих законоположений, изданных по 15 апреля 1923 г.); под ред. Помглавиачснаба К. Е. Горецкого и Председателя Штатно-Тарифной Комиссии военного и морского ведомств Н. М. Фролова. 65 стр.
6. **Французский пехотный устав.** Ч. II.
7. **Шапошников, Б. М.** Конница. 2-е издание.

При покупке **не менее 10-ти экземпляров** скидка 20%.

При покупке **не менее 50-ти экземпляров** воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%.

Деньги и заказы адресовать в ВВРС: ***Москва, Арбат, Денежный п., 11.***

Книгопродавцам обычная скидка.